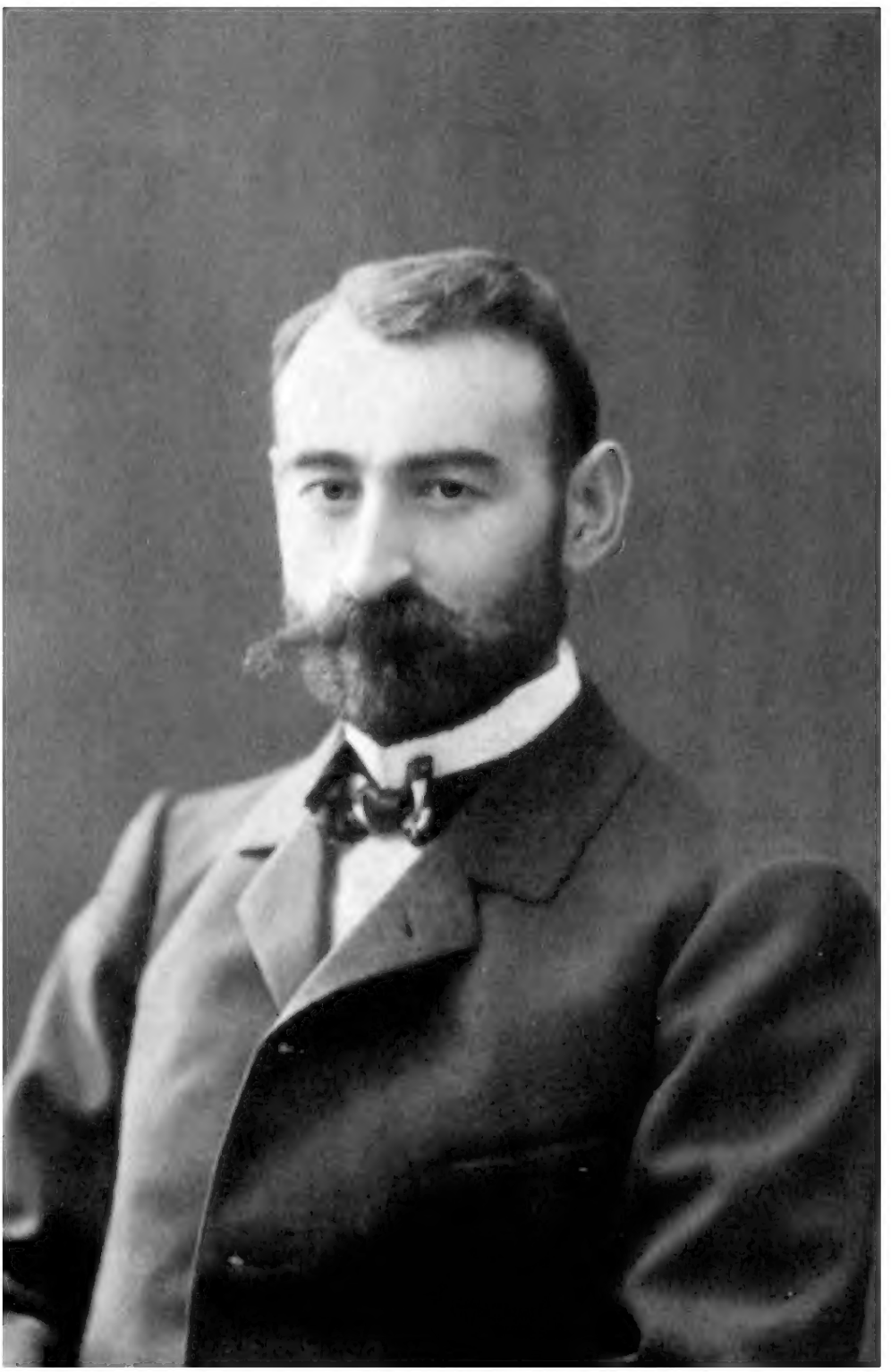
Б. К. Далгат

РОДОВОЙ БЫТ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Исследование и материалы 1892–1894 гг.



УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая

Б.К.Далгат

РОДОВОЙ БЫТ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Исследование и материалы 1892–1894 гг.

**Отсканировано
10 января 2013 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).**

**Скангонд æрцыд
2012 азы 10 январы
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.**

http://vk.com/barzafcag

Москва
ИМЛИ РАН
2008

ББК 83.3

Издание подготовлено при поддержке
Фонда фундаментальной исследовательской программы
Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие»

Издание осуществлено при содействии
благотворительного фонда «Читай»
и его президента А.А.Аслаханова

Издание подготовила
доктор филологических наук, профессор *У.Б.Далгат*

Редколлегия:
академик РАН *В.А.Тишков* **(ответственный редактор),**
академик РАН *А.Б.Куделин*, **член-корреспондент РАН** *В.М.Гацак*

Рецензенты:
доктор исторических наук *М.Д.Каракетов*
кандидат филологических наук *Т.М.Хаджиева*

Далгат Б.К.

РОДОВОЙ БЫТ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ. Исследование и материалы 1892–1894 гг. Подготовка издания и предисловие У.Б.Далгат. Послесловие Ю.Ю.Карпова. Отв. ред. В.А.Тишков.— М.: ИМЛИ РАН, 2008.— 382 с.

ISBN 978-5-9208-0307-8

Монография посвящена исследованию и систематическому описанию обычаев ингушей и чеченцев в связи с общим характером их родового быта и культуры в прошлом. В центре внимания автора — изучение вопросов народного быта, юридических понятий, духовной жизни, морально- этических комплексов народных воззрений, преданий обрядово-вербальной поэзии (свадебной и любовной лирики) и т. п. Композиционная структура данного труда определена двумя разделами: теоретическим исследованием и полевыми материалами, собранными автором в результате его двух экспедиций в Нагорную Ингушетию и Чечню в 1891 и 1892 гг.

Для исследователей — кавказоведов, этнологов, правоведов, фольклористов и всех интересующихся проблемами материальной и духовной культуры кавказских народов.

© У.Б.Далгат, предисловие, 2008
© Ю.Ю.Карпов, послесловие, 2008
© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2008

ISBN 978-5-9208-0307-8

Оглавление

Предисловие (*У.Б.Далгат*) 6
Введение 32

РАЗДЕЛ I

Глава I. Общественная и политическая жизнь чеченцев
до их присоединения к России 40
а) Историческая справка о чеченцах и ингушах
и о занимаемой ими территории 40
б) Предания чеченцев и ингушей об их происхождении,
расселении и их прошлой политической жизни 54
Глава II. Теория о родовом быте. Материнский (когнатический)
и патриархальный (агнатический) роды 78
Глава III. Возникновение, организация и распадение рода
у чеченцев и ингушей. Род у чеченцев и ингушей 85
Выводы 141

РАЗДЕЛ II. Материалы по обычному праву ингушей..... 145
Часть I. Ответы на 11 отделов «Программы для собирания
сведений об юридических обычаях» Императорского
общества Л.Е.А и Э.М. 1887 146
Часть II. Ответы на «Программу для собирания народных
юридических обычаев» Императорского Русского
Географического общества. С.-Петербург, 1889 г. 195
Примечания 215
Послесловие (*Ю.Ю.Карпов*)..... 234
Библиография 243
Аксиологические «заметки» Б.К.Далгата к книгам и т.п.
из его основной библиографической номенклатуры..... 251
Список сокращений. 254

ПРИЛОЖЕНИЕ: Программа юридических обычаев 1887 г.;
Отдельные страницы из рукописей Б.К.Далгата (автографы);
Протокол; Географические карты Чечни и Ингушетии
(1916 г.)..... 255

Пусть настоящий труд, рожденный любовью к горцам и к научной истине, послужит одним из камней фундамента стройного здания науки о прошлом и настоящем быте чеченцев и ингушей.

Б.Далгат

Предисловие*

Автор публикуемого ниже исследования «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» Б.К.Далгат (1870–1934) — известный ученый кавказовед, этнограф, этнолог, правовед и крупный юрист, общественный деятель, просветитель. Б.К.Далгат занимался изучением обычного права, родового строя, первобытной религии, фольклором народов Дагестана и Северного Кавказа.

Формирование ученого проходило под влиянием выдающихся представителей русской академической науки: В.Ф.Миллера, М.М.Ковалевского, Н.Н.Харузина, Э.Ю.Петри, Д.Н.Анучина и др.

Далгат — действительный член Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русского антропологического общества Санкт-Петербургского университета, Императорского Русского географического общества, Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. В этих Обществах он неоднократно представлял свои научные рефераты.

В собирательской работе и научных трудах («Обычное право даргинцев в прошлом» (рук.), «Первобытная религия чеченцев и ингушей», «Материалы по обычному праву ингушей», «Родовой быт у чеченцев и ингушей», «Обычное право и родовой быт народов Дагестана» (рук.) и др., помимо специальной литературы он ориентировался на различные Программы этнографических исследований. Так, например, в «Программе для собирания народных юридических обычаев» (Издание Комиссии при Отделении Этнографического Русского Общества ИРГО, СПб., 1889)

---

* Здесь: подстрочные «примечания» — У.Б.Далгат. Эксклюзивы — оговариваются.

заслуживают внимания не только соответствующие вопросы, касающиеся народного быта и юридических понятий, но и отношение к «духовной жизни», к морально-этическим комплексам, народным воззрениям, поверьям, преданиям, пословицам и поговоркам и т.д.

Монография Б.К.Далгата посвящена исследованию и систематическому описанию обычаев чеченцев и ингушей в связи с общим характером их родового быта и культуры в прошлом.

В разделе I подлежит рассмотрению общественная и политическая жизнь чеченцев и ингушей до их присоединения к России. Даются обстоятельные исторические справки о чеченцах и ингушах и о занимаемой ими территории, приводятся предания (в том числе — записанные и самим автором) об их происхождении, расселении и прошлой политической жизни. Однако в центре внимания исследователя остается проблема родового быта чеченцев и ингушей в прошлом. Общественно-историческое представление о роде как таковом у чеченцев и ингушей рассматривается в контексте общих теорий о родовом устройстве, известных в науке.

Раздел II монографии представляет «Материалы по обычному праву ингушей», записанные Б.К.Далгатом во время его экспедиций в нагорную Ингушетию в 1891–1892 гг. Точная фиксация обычаев, осуществленная ученым в основном по известным академическим программам (в виде ответов на вопросы «Программы для собирания сведений об юридических обычаях», изд. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1887 г. и «Программы для собирания народных юридических обычаев» Русского географического общества, изд. 1889 г. и др.), а также и по самостоятельным расспросам собирателя. Они представляют собой синтез исторических, юридических, этнографических и этнологических фактов из жизни ингушского народа за длительный период его существования. Они являются своеобразным древним кодексом их нравственных и гражданских правил.

Систематическое научно-достоверное установление юридических обычаев ингушей, осуществленное Б.К.Далгатом, до сих пор представляет важную историческую составляющую древней культуры вайнахского этнического массива. Раздел II тесно стыкуется с Разделом I, дополняя его по содержанию и документальности фактологического материала.

Подготовка исполнителем научного издания труда Б.К.Далгата «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей»,

кн. II*, выразилась в совокупности различных видов эдиционной работы в историческом, юридическом, этнологическом и филологическом направлениях. Указанная монография Б.К.Далгата (по рукописи 1893–1894 гг.) целиком никогда не издавалась. Отдельные ее части под названием «Родовой быт у чеченцев и ингушей» печатались в 1906 г. под рубрикой «Фельетон» в газете «Весь Кавказ» № 10, 18, 19, издававшейся в г. Владикавказе.

Б.К.Далгат в 1927–1929 гг. целиком подготовил свою монографию к печати. При этом он внес некоторые дополнения из трудов Маркса, Энгельса и «марксистских правоведов». В данном случае эти вставки имели отношение к исследуемой им проблеме о родовом строе. Одновременно были добавлены включения из трудов чеченских и ингушских историков и филологов 1930-х годов, так или иначе относившихся к разрабатываемой автором теме. Машинописный текст монографии был представлен Б.К.Далгатом в Северо-Кавказское издательство г. Ростова-на-Дону. Но этот труд не был тогда опубликован по техническим причинам. В 1932–1933 гг. Б.К.Далгат передал свою работу в Ингушское издательство «Serdalo», находившееся тогда в г. Орджоникидзе.

Труд Б.К.Далгата был опубликован в 1934 г. посмертно под названием «Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом» в «Известиях Ингушского научно-исследовательского института», т. IV, вып. 2. Он был издан на газетной бумаге в сокращенном виде со значительными ошибками. Была сокращена почти вся теоретическая часть, весьма важная в разработке рассматриваемой автором проблемы. Более того, была допущена без ведома автора переоценка так называемых «буржуазных» трудов крупных дореволюционных ученых в области обычного права, сочинения которых Б.К.Далгат активно использовал в своем исследовании.

Характерно, что в своем «Введении» к труду «Родовой быт чеченцев и ингушей» ученый подчеркивает мысль о необходимости «иметь в виду не одну, а все известные теории о первобытном праве». «Настоятельной необходимостью» в изучении родовой организации чеченцев и ингушей он считает анализ при описании «разнообразных оттенков обычного права». Он считает, что «труд

---

* Книгой первой (I) Б.К.Далгата в области изучения и исследования им культурно-исторического массива является: «Первобытная религия чеченцев и ингушей». М.: Наука, 2004.

должен быть проникнут духом науки, чего нельзя достигнуть только изложением примет, простым перечислением обычаев без системы и порядка, без отделения того, что важно и что имеет мало значения для науки»*.

Однако вопреки важным принципам его исследования Б.К.Далгат столкнулся с трудностями, когда впервые предоставил свою работу к напечатанию, начиная с 1930 по 1934 годы. Это обстоятельство осталось зафиксированным в соответствующих документах, которыми мы располагаем.

Так, в своем письме Б.К.Далгату от 2.X.–30 г. Х.Ошаев** помимо того, что признает «рукопись ... очень ценной и интересной работой», пишет: «Есть места, однако, с которыми марксистская социология не может согласиться. Но такие места, в процессе печатания можно опускать или изменять». В другом письме (от 27.X.–30 г.) Х.Ошаев сообщает Б.К.Далгату следующее:

«Уважаемый Башир! Рукопись Вашу передал для отзыва члену редколлегии издательства “Serdalo” т. Шадиеву (секретарю Ингушского Областного Исполкома)... После отзыва Шадиева передам на отзыв Директору НИИ Ингушского Института тов. З.Мальсагову»***. И далее в другом письме Х.Ошаева к Б.К.Далгату читаем и такие строки: «Я прошу у Вас (вместе с директором института З.Мальсаговым) разрешить нам сделать некоторые исправления в части политической выдержанности рукописи».

В весьма дружественном уважительном письме З.Мальсагова Б.К.Далгату от 23.I.–33 г. З.Мальсагов сообщает: «Редакция “Известий”, учитывая стесненное положение с бумагой, приняла решение опубликовать из Вашей статьи только ту ее часть, которая носит актуальный характер и дает новый фактический материал, а именно вторую главу, т.е. от 60–115 стр., а также библиографическое приложение. В принятой к печати части редакция внесет некоторые изменения...»****. В следующем письме З.Мальсагова Б.К.Далгату от 8.V.–33 г. директор Ингушского НИИ «подтверждает свое решение напечатать труд Б.К.Далгата “в Известиях» в сокращенном виде без общетеоретической части, и берет на себя

---

* Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Рукопись 1894 г. С. 9.

** Х.Ошаев в указанное время являлся директором горского педагогического института в г. Владикавказе.

*** Текст письма хранится в архиве У.Б.Далгат.

**** Оригинал письма (машинопись) хранится в архиве У.Б.Далгат.

оплату гонорара по указанной выше норме»*. В письме З.Мальсагову от 11.V.–33 г. Далгат пишет следующее: «Многоуважаемый Заурбек!.. с редакционными исправлениями и сокращениями, вызываемыми пользой дела, авторы должны, конечно, мириться. Но мне хотелось бы знать какие страницы моей работы выкинуты, что Вы разумеете под общетеоретической частью, ведь общетеоретические моменты имеются и в предисловии (с. 1–6) и в самом тексте, и если выкинуть эти части, то вся работа, как научный труд о родовом быте ингушей и чеченцев потеряет свою ценность, превратившись в научно-необработанный, сырой материал. Разумеется, что подобные сокращения не могут осуществляться без того, чтобы совершенно обесценить работу, с чем согласиться нельзя...»**.

Приведенные нами письма «издателей» в переписке с автором убеждают, к сожалению, в идеологической конъюнктурности, имевшей место в 1930–1940 гг. при издании научных трудов, в отсутствии и объективного осмысления и оценки исторического прошлого, в частности, жизни и быта российских народов.

В процессе подготовки названной монографии Б.К.Далгата перед исполнителем возник ряд проблем. В центре внимания было следующее:

Текстологическая работа по подготовке канонического текста монографии. Это обусловило необходимость: а) расшифровки и прочтения рукописи 1893–1894 гг.— как первой редакции труда с разного рода маргиналиями и вставками автора, что представляло известную трудность в графическом отношении; б) критический анализ машинописного текста — как второй редакции труда, включающей анализ, уточнение, сверку с источниками всех дополнений в первую редакцию, сделанных автором при подготовке текста в 1930-е годы; кроме того, проверялись и уточнялись все сноски, вкладки и примечания автора к тексту второй редакции; в) в процессе текстологической работы по определению канонического текста была сделана тщательная сверка первой и второй редакции рукописей Б.К.Далгата; г) были апробированы и многие фундаментальные работы, значительное количество статей в кав-

---

* Оригинал данного письма (машинопись) от 8.V.–33 г. хранится в архиве У.Б.Далгат.

** Автограф письма Б.К.Далгата З.Мальсагову от 11.V.–33 г. хранится в архиве У.Б.Далгат.

казской периодической печати в области теории и практики обычного права, вошедшие в научный обиход монографии Б.К.Далгата о родовом быте чеченцев и ингушей.

Следует отметить, что «Материалы по обычному праву ингушей» (раздела II труда Б.К.Далгата), были изданы в 1929 г. в «Известиях Ингушского НИИ Краеведения» в г. Владикавказе в объеме около 4-х печатных листов. Однако проведенная нами тщательная текстологическая сверка этой публикации с рукописью выявила значительное количество ошибок, неточностей и пропусков, что было полностью исправлено и восполнено нами.

Для апробации зафиксированных Б.К.Далгатом более ста лет тому назад текстов мы воспользовались вышеназванными академическими программами (библиографическая редкость). По этим программам, в основном, Б.К.Далгатом и осуществлялась запись в вопросно-ответной форме уникального материала по обычному праву ингушей. Скрупулезное сопоставление программных вопросов с ответами на них собирателя убедило нас в том, что Б.К.Далгат, используя программную алгоритмику, по-своему проецировал свой полевой фактический материал. При этом он учитывал его национальную сущностную специфику.

В публикуемой нами второй книге Б.К.Далгата (после изд. в «Науке» в 2004 г. его книги I — «Первобытная религия чеченцев и ингушей») «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» — автор остается приверженцем научно-теоретической концепции эволюционизма, т.е. идеи последовательного развития человечества и исторического развития общества, противоположной теории его разложения. Известно, что эволюционистское направление в этнографической науке второй половины XIX в. в значительной мере (если не непосредственно) соотносилось с позитивистской философией О.Конта. Основоположниками эволюционизма были Э.Тейлор, Г.Спенсер, Д.Лёббок, А.Бастиан, М.М.Ковалевский, с трудами которых Б.К.Далгат знакомился весьма обстоятельно. Для М.М.Ковалевского, кстати говоря, позитивная философия О.Конта и утверждаемый позитивистами сравнительно исторический метод были основными источниками его научной концепции. Б.К.Далгат, став приверженцем идеи последовательного развития общества, отдает предпочтение трудам М.М.Ковалевского, в особенности в области кавказоведения, признавая их «замечательными». В их числе он считает такие сочинения, как — «Первобытное право, родовой быт в настоящем, недавнем и отда-

ленном прошлом», «Краткий обзор экономической эволюции и ее подразделение на периоды», двухтомное издание «Социология» и другие. Известно, что современники М.М.Ковалевского считали, что он был «историк прежде всего, но историк с очень определенным направлением — социолог»*.

Из трудов М.М.Ковалевского Б.К.Далгат делает разного рода извлечения и довольно часто цитирует их. Более того, он экстраполирует в свои исследования такие, например, концептуальные определения ученого, как понятия: «эмбрион», «социальная эмбриология», «генетическая социология», именуемая им также «эмбриологией и палеонтологией общества» и некоторые другие его дефиниции. Б.К.Далгат, довольно часто обращаясь в данном своем сочинении к труду М.М.Ковалевского «Первобытное право» (в особенности к содержанию главы «Родовой быт в настоящем»), ищет ответа на вопрос, поставленный здесь и самим М.М.Ковалевским: «Какую общественную единицу признать тем эмбрионом, из которого путем последовательного дифференцирования возникли известные нам в истории формы общежития — род, семья или община». Б.К.Далгата привлекает в названном труде и то, о чем пишет М.М.Ковалевский относительно «эмбриологии права», ориентируясь главным образом на богатый материал в изучении общественного устройства тех народностей, которые,— как он формулирует свою мысль,— под напором соседей и новых пришельцев были оттеснены в горы... и там сохранили не только в большей или меньшей степени политическую независимость, но и особенность своей древней культуры»**.

В труде М.М.Ковалевского «Социология» для Б.К.Далгата концептуальную важность представляло то, что ученый сосредоточил свое внимание, помимо прочего, и на проблеме соотношения социологии с этнографией (гл. IV, с. 8 и др. указ. соч.).

При создании своего труда Б.К.Далгат не ограничился изучением литературы в области кавказоведения более чем за двухсотлетний период ее существования. Ученый располагал еще и ценнейшими полевыми материалами, собранными им во время экспедиций в Нагорную Ингушетию и Чечню в 1891–1892 гг. Этот фак-

---

* См.: Энциклопедический словарь Гранта. Изд. 7-е. Т. 29. С. 397; Медушевский А.Н. «История русской социологии». М., 1993; Павлова С.В. Политическая теория М.М.Ковалевского, автореф. канд. дис. М., 1993 г.

** Ковалевский М.М. Первобытное право. М., 1886. С. 1, 5.

тор имел огромное значение и непосредственно выразился в теоретико-аналитическом содержании, научной обстоятельности и достоверности исследования Б.К.Далгата в области проблемы родового устройства и т.п. чеченцев и ингушей в прошлом. В указанном соответствии, на наш взгляд, представляет интерес аттестационный документ, написанный и подписанный в 1895 году в Санкт-Петербурге известными учеными, корифеями в области общественных наук, профессорами С.-Петербургского университета И.Дювернуа и С.Бершадским относительно данной работы Б.К.Далгата.

Приведем полностью текст названного автографа*, который, помимо аттестационного назначения, отражает суть требований русской академической науки в конце XIX — начале XX века к ее последователям.

«Сочинение студента Б.К.Далгат, написанное на основании внимательного изучения различных научных трудов, касающихся вопроса о родовом быте, как основе различных юридических институтов, и в частности быта чеченцев, считаю весьма удовлетворительным, так как автор не ограничиваясь изучением, сравнением и критикой существующих материалов, а также конструкцией фактических данных, сверх того пополнил пробелы материалов своими личными наблюдениями. Поэтому считаю возможным оценить это сочинение, как труд, написанный на основании выдержанных научных приемов и показывающий в авторе не только живой интерес к исследованию, но и уменье к самостоятельному труду над источниками, полным баллом 5 (пять).

С.А.Бершадский[1]* марта 5, 1894 г. С.-Петербург.

Весьма удовлетворительно.

И.Дювернуа[2]*, 10 апр. 1895 г.».

Если вкратце назвать некоторые координаты, выделенные в данном труде Б.К.Далгата в качестве его достоинств, обратим внимание на следующее: «внимательное изучение различных сочинений», «умение к самостоятельному труду над источниками», «изучение, сравнение и критика существующих материалов», «конструкция фактических данных», «пополнение пробелов изученных материалов — своими личными наблюдениями».

---

* Автограф хранится в личном архиве У.Б.Далгат. Публикуется в «Приложении» данной книги (с. 367, 368).

Собственно говоря, Б.К.Далгатом были реализованы те принципы научного исследования, которые до сих пор являются актуальными и представляют целевое назначение подлинно научного труда.

Превосходные отзывы выдающихся ученых С.А.Бершадского и И.Дювернуа на работу Б.К.Далгата о родовом строе чеченцев и ингушей позволили ему представить этот труд в совокупности с другим — «Первобытная религия чеченцев и ингушей» в качестве дипломной работы в 1894–1895 гг. в Юридическую испытательную комиссию СПб. университета. Напомним, что вышеназванный труд Б.К.Далгата тоже был охарактеризован в свое время знаменитым русским антропологом, профессором СПб. университета Э.Ю.Петри. Относительно «Первобытной религии...» Э.Ю.Петри признал, что этот труд «отмечается выдающимися достижениями»*.

За эти два научных исследования Б.К.Далгат получил диплом высшей категории и звание кандидата прав**. Обратим внимание на то, что среди получивших совместно с Б.К.Далгатом высокую оценку и звание были не только В.И.Ульянов, П.К.Струве, но и И.С.Джабадари***.

Успех И.С.Джабадари в юриспруденции и правоведении в значительной мере был достигнут стараниями Б.К.Далгата, тогда еще бывшего студентом юридического факультета СПб. университета. Известно, что И.С.Джабадари являлся активным участником московской народовольческой организации, возглавляемой П.А.Алексеевым в 1875–1876 году****.

В эту организацию в так называемый «кружок кавказцев» был втянут студент медицинского факультета М.М.Далгат, который не являлся ее активистом. Провал организации начался с ареста 29 марта 1875 г. П.А.Алексеева, И.С.Джабадари, М.Н.Чекоидзе, сестер

---

* См.: Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 220.

** См.: ЦГИА СПб. Дело юридической испытательной комиссии СПБ университета № 09. 1895 г. Ф. 14, 18. Оп. 3906.

*** Там же.

**** См.: Джабадари И.С. «Процесс пятидесяти» // газ. «Былое» 1907. № 10. С. 198; Революционное народничество семидесятых годов XIX века в двух томах. М.: Наука, 1964. Т. I. 1870–1875 гг. под редакцией Б.С.Итенберга и др.

В.С.и О.С.Любатович и других. В «Процессе 50-ти» 51 человек были преданы суду, часть отправлены в ссылку. М.М.Далгат был выслан за границу и оказался в Цюрихе. После амнистии Императора Александра III из Сибири вернули И.С.Джабадари с женой О.С.Любатович. Вернулся из Германии и дядя Башира М.М.Далгат. Именно он обратился к своему племяннику с просьбой подготовить 48-летнего И.С.Джабадари к сдаче экстерном всего курса юридических наук, включенных в образовательную систему будущих юристов СПб. университета.

Б.К.Далгат добросовестно и серьезно отнесся к просьбе родного дяди и выполнил ее на высоком профессиональном уровне. В результате всего этого 48-летний грузинский помещик, бывший революционер-народник, благодаря своему недюжинному таланту, вместе с Б.К.Далгатом оказался в числе выдающихся государственных и общественных деятелей — В.И.Ульянова и П.К.Струве, когда всем четырем лицам Юридическая испытательная комиссия присудила дипломы высшей категории и звания «кандидатов прав».

От вышеупомянутых событий и началась дружба между Б.К.Далгатом и И.С.Джабадари. Не случайно И.С.Джабадари подарил Б.К.Далгату свою весьма интересную книгу, актуальную, пожалуй, и по сей день. Книга эта — «Смертная казнь в связи с правом наказания». И.С.Джабадари сопроводил свою книгу примечательным автографом: «Моему приятелю Баширу Керимовичу Далгату от старика автора». Тесные связи и дружба между Б.К.Далгатом и И.С.Джабадари длились многие годы и даже выражались в совместной юридической деятельности, когда был к этому повод. Тем более что И.С.Джабадари жил в Тифлисе и занимался адвокатской практикой. Не случайно, что после его смерти Б.К.Далгат взял на содержание его тяжелобольную жену, тоже бывшую революционерку-народницу Ольгу Любатович*.

Прежде чем касаться основных структурных и прочих сущностных характеристик родового строя и обычного права чеченцев и ингушей, обозначенных или рассматриваемых в труде Б.К.Далгата, напомним некоторые факты его творческой биографии**. Инте-

---

* Фотографии Джабадари и О.Любатович, лично подаренные Б.К.Далгату, письма И.С.Джабадари из Тифлиса, О.Любатович, присылаемые Б.К.Далгату хранятся в личном архиве Уздиат Башировны Далгат.

** Подробную творческую биографию Б.К.Далгата см. в его книге: Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004 г.

рес к родовому быту кавказских горцев у Б.К.Далгата не был случайным. Сам он писал о себе: «как горец... вырос я среди родовых порядков». Более того Башир Керимович Далгат родился 5 ноября 1870 года в селении Урахи Даргинского округа Дагестана. Отец Абдул Керим был свободным горцем «узденем», образование имел мусульманское. В те времена в Дагестане при многих мечетях существовали школы-медресе, в которых муталимы (ученики) содержались на общественный счет. Многие мечети пользовались доходами с угодий, пожертвованных им на вечные времена (вакф). В курс горского мусульманского образования входили: грамматика арабского языка, риторика, логика, стихосложение и мусульманское законоведение. Окончившим курс учения в медресе давалось право на ту или иную степень учености и звания. Например, суфиев, муллы, кадия. Высшей степенью учености обладали алимы, которые по своим познаниям могли получить эпитет «море подобного или хлебнувшего из семи морей»*. Исполнители шариата назывались улемами, муфтиями, муллами, кадиями**.

Отец Б.К.Далгата избирался кадием (судьей) и пользовался большим общественным уважением односельчан; дед по отцу Мала Магомед тоже был ученым-арабистом. Своей ученостью славился и дед по матери Сулейман. Он учился при мечетях в разных аулах Дагестана в том числе и в Кази-Кумухе. Сулейман владел не только арабским, но и древнефарсидским и турецким языками. Долгое время был кадием в Урахи, Сирахи и шариатским судьей. Сулейман кадиоглы был знатоком народной медицины, был знаком с арабским переводом труда Авиценны и пользовался им в лечении больных людей. Его называли даже хакимом (врачом). «Род отцовский,— по словам Б.К.Далгата,— играл в общественной жизни известную роль, имел нравственный вес».

Род Б.К.Далгата подвергся кровной мести, в результате чего четырехлетний Башир потерял своего отца — Абдул Керима. Чтобы спасти Башира от кровничества и дать мальчику хорошее образование, его взял на попечение родной дядя Магомет Магометович Далгат, который к тому времени уже был блестяще образованным медиком, дважды получив высшее образование в Швейцарии (в Цюрихе) и в Военно-медицинской академии С.-Петербурга.

---

* Об этом см: Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского Края. Тула, 1891. С. 173 и др.

** Военный сборник. 1859. № 9. Т. IX. СПб., 1859. С. 121–164.

Магомет Магометович Далгат,
дядя и попечитель Б.К.Далгата. 1895 г.

М.М.Далгат, как участник Русско-Турецкой войны 1878 г. и в других ответственных государственных кампаниях по борьбе с эпидемиями, имел почетные Российские Ордена. От Закатал и Дагестана он был Членом Государственной Думы III и IV созывов. М.М.Далгату был присвоен высокий чин Статского Советника. Доктор М.М.Далгат сыграл немалую роль в получении блестящего образования своего племянника Башира Далгата. Б.К.Далгат, еще будучи учеником старших классов классической Ставропольской гимназии, в 17 лет, написал свой первый научный труд. Он записал в своем родном селе Урахи у стариков (в том числе у своих родственников) — «Обычное право даргинцев». Рукопись эта была послана Б.К.Далгатом в Этнографический отдел Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В данном случае уместно процитировать существенное для Б.К.Далгата письмо председателя этнографического отдела В.Ф.Миллера, посланное ему в 1888 г. Оно непосредственно касается при-

сланной Б.К.Далгатом рукописи. Это письмо отправлено Б.К.Далгату из Москвы «5 дня 1888 г.» (оригинал письма хранится в архиве У.Б.Далгат, ксерокопия приведена в «Приложении», с. 371, 372):

«Милостивый государь! В последнем заседании была рассмотрена Этнографическим Отделом Импер. Общества Любителей Ест., Антр. и Этнографии Ваша работа по этнографии Кавказа, присланная в рукописи. Работа найдена весьма обстоятельною и интересною, вследствие чего Отдел просит Вас продолжать исследования, а для поощрения ваших трудов, посылаем Вам прилагаемые при сем тридцать пять рублей.

Председатель Этногр. Отдела.
Вице Президент Общества, профессор
Всв. Миллер (подпись)».

Рукопись Б.К.Далгата затем попала в руки знаменитого ученого-кавказоведа М.М.Ковалевского. Он не только заинтересовался сочинением Б.К.Далгата, но весьма продуктивно использовал его в своем двухтомном фундаментальном труде «Закон и обычай на Кавказе»*. В первом томе, в главе: «Семейное и наследственное право в Дагестане» М.М.Ковалевский весьма позитивно ссылается на работу Б.К.Далгата на десятках страниц. К примеру, у М.М.Ковалевского он представлен на страницах 62–68, 116, 171–174, 177, 179, 183, 185–187, 194–196, 202, 206, 208, 210.

Б.К.Далгат высоко отзывался о трудах М.М.Ковалевского. Незадолго до своей кончины** он писал в одной из своих работ следующее: «Ничего лучшего по кавказоведению мы не имеем и до настоящего времени»***. Вместе с тем, Б.К.Далгат и дискутировал с академиком М.М.Ковалевским по некоторым вопросам теоретико-концептуального и конкретно-аналитического характера. В последнем случае это проявилось в содержании ответов Б.К.Далгата на некоторые пункты уже названной нами интеррогативной «Программы для собирания сведений об юридических обычаях», которой пользовался Б.К.Далгат, фиксируя и записывая в 1887 г. обычное право даргинцев.

---

* Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I, II.

** Б.К.Далгат скончался 13.IV.34 г. на 64 году своей жизни от тяжелой болезни.

*** Рукопись неопубликованного труда Б.К.Далгата: «Обычное право и родовой быт народов Дагестана». 1934. С. 32. Оригинал хранится в архиве У.Б.Далгат.

Для ясности, краткости и наглядности интересующей нас информации, выявления полемической сущности М.М.Ковалевского в его реагировании на некоторые ответы собирателя прибегнем к таблице. Напомним, что М.М.Ковалевский в своем двухтомном труде 1890 г.— «Закон и обычай на Кавказе», между прочим, выделяет следующие программные пункты: 176, 177, 178, 180, 183, 193, 195. В прилагаемой нами таблице слева расположены вопросы к собирателю, справа — ответы на них Б.К.Далгата. Помимо того, нами приведены и соответствующие реплики М.М.Ковалевского по их существу.

Таблица

Программа	Ответы Б.К.Далгата	Реплики М.М.Ковалевского
п. 176. «В какой мере народ считает родство препятствием для вступления в брак и какие степени родства он считает таковыми».	Рук., стр. 17. «Начиная с двоюродных братьев и сестер по адату и по шариату дозволяется бракосочетание».	
п. 177. «Составляют ли понятия народа о запрещенности брака в близких степенях родства произведение его собственного ума, собственных убеждений или же он только считает необходимым подчиняться правилам Церкви и законам государства?»	Рук., стр. 18. «Понятие народа о запрещенности брака в ближайших степенях родства (до двоюродных братьев), составляют правила закона шариата, ставшего и адатом».	
п. 178. «Не распространены ли среди народа какие-нибудь легенды, сказки, рассказы о великих несчастьях, пришедших от заключения в браках в близких степенях родства, если такие леген-	Рук., стр. 18. «Народ составил следующее понятие о браке близких: “близкие родственники, заключившие брак, никогда не полюбят друг друга”, и лучше отдать за неродственника, ибо	

ды существуют, то записать подробно?»	там увеличивается число родственников, и кроме того, в случае раздора между мужем и женой приходится в 1-м случае поссориться с родителями жены, то есть со своими родственниками».	
п. 180. «Не считают ли наоборот хорошей приметой брак в близком родстве (напр. говоря в некоторых случаях: у молодых лучше овцы поплетутся?)»	Рук., стр. 18. «Брак в близком родстве не считается хорошей приметой, и даже в общем — дурной».	М.М.Ковалевский. «Закон и обычай на Кавказе». М., 1890. С. 173–174. Сноски: 1. Г-н Далгат упоминает о возможности женитьбы на родной племяннице и двоюродной сестре; такие браки даже приняты отчасти, говорит он (с. 32). 2. Г-н Далгат совершенно извращает факты, присваивая шариату доброжелательное, а адату враждебное отношение к бракам с родственницами и говорит: «до введения шариата не было обычая жениться на близких родственницах» (Рук. Эт. Отд., с. 30).
п. 183. «Бывают ли, и если бывают, то часто ли такого рода случаи в быту крестьянском, чтобы кто-либо домогался дозволения о вступлении в брак в более близких, против принятого, степенях родства?»	Рук., стр. 18. «Случаев, чтобы кто-либо домогался дозволения о вступлении в брак в более близких, против принятого, степенях родства, не встречается».	
п. 193. «Дозволен ли брак молочного брата с молочной сестрой?»	Рук., стр. 19. «Брак молочного брата с молочной сестрой запрещен по шариату».	
п. 195. «Не считается ли, например, дозволительною женитьба родного дяди на племяннице, на невестке или жене умершего брата и т.п. Обычаи эти должны быть подробно описаны и изображены».	Рук., стр. 19. [дозволительною...] «Не только на родного дяди племяннице или жене умершего, но даже на дочери родного дяди можно жениться». В рукописи Б.К.Далгата пункты 193–195 перечеркнуты черными чернилами.	

Так как в вопросах «программы» и соответствующих ответах на них Б.К.Далгатом в его рукописной работе («Обычное право даргинцев») имеет место упоминание шариата и его влияния на адат, мы в этой связи в русле рассматриваемой проблематики напомним суру 4 «Женщины» из Корана. Так в стихах (айатах) этой суры (26, 27) содержатся определенные предписания мусульманам. В стихе 26 записано следующее: «Не женитесь на тех женщинах, на которых были женаты ваши отцы, разве только это произошло раньше. Поистине, это — мерзость и отвращение и скверно как путь!». В стихе 27 читаем: «И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и ваши воспитанницы, которые под вашим покровительством от ваших жен, к которым вы уже вошли; а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас; и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел; и — объединять двух сестер, если это не было раньше. Поистине, Аллах прощающ, милосерд!»*

Некоторые теоретико-концептуальные расхождения М.М.Ковалевского и Б.К.Далгата, определяемые в книге академика «Закон и обычай на Кавказе», состоят в следующем. Уже в первом томе на с. 173 М.М.Ковалевский формирует свою позицию, когда пишет, ссылаясь на арабских летописцев, что «до распространения ислама, жители Дагестана были “езидами”, т.е. “последователями того религиозно-нравственного учения, выразителем которого является Авеста”». По Авесте «брак на родственнице не только не воспрещен, но наоборот, рекомендуется священной книгой Ирана». Поэтому, продолжает М.М.Ковалевский, «нет ничего удивительного... если мы встречаем его в среде жителей Дагестана». Между тем, М.М.Ковалевский признает за жителями Дагестана и то, что они настолько соблюдают требования шариата, что не распространяют правила о дозволенности браков с родственницами на браки с сестрами, дочерьми и тетками. «Но с двоюродными сестрами, как и с племянницами,— пишет М.М.Ковалевский,— брак по обычаю считается дозволенным, тогда как по шариату эти родственницы также входят в число запрещенных степеней родства»**. Более того, М.М.Ковалевский считает, что со времен Шамиля, бла-

---

* Коран. Перевод и комментарии И.Ю.Крачковского. Акад. наук СССР. Институт народов Азии. Изд-во восточной литературы. М., 1963. С. 72.

** Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 173–174.

гоприятствовавшего торжеству шариата над адатом, браки между родственниками сделались значительно реже*. В рассуждениях относительно дозволенности в Дагестане браков с двоюродными сестрами и племянницами, о чем сказано на стр. 32 труда Б.К.Далгата, М.М.Ковалевский высказывает свое полное несогласие с ним. Он высказывает это в достаточно резкой форме в своей сноске № 2, где пишет следующее: «Г-н Далгат совершенно извращает факты, присваивая шариату доброжелательное, а адату враждебное отношение к бракам с родственницами и говорит: "до введения шариата не было обычая жениться на близких родственницах" (Рукопись Этнографического Отдела, с. 30)»**.

Дискуссия между М.М.Ковалевским и Б.К.Далгатом сводится, по существу, к проблеме эндогамии и экзогамии на Кавказе и в Дагестане.

Между тем, Б.К.Далгат считает, что вопрос об эндогамии для дагестанских родов не имеет абсолютного категорического решения. М.М.Ковалевский склонен объяснять эндогамию в Дагестане иранским влиянием, т.к. последователи религии Авесты древние персы были эндогамными. Б.К.Далгат пишет по этому поводу следующее: «едва ли это предположение имеет под собой серьезное основание... Очевидно другие, чисто экономические условия в Дагестане вызвали переход от экзогамии к эндогамии»***.

Б.К.Далгат признает особенностью, отличающей дагестанские тухумы от других народов того же Кавказа, исчезновение в них обязательной экзогамии и наличие эндогамии. Причем он указывает «на допущение и даже предпочтение браков внутри тухума, хотя,— по его словам,— не было и безусловного воспрещения браков между разными тухумами». Как известно, на Кавказе эндогамия встречается еще у курдов, азербайджанских тюрков и карапитахов. Б.К.Далгат старается объяснить особенность в организации дагестанских тухумов тем (что доказали Энгельс с Морганом!), «что эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; племена не экзогамны, а эндогамны; лишь роды, составлявшие племя, были между собою экзогамными, так как они были кровнородственными по материнской линии группами. Впо-

---

* Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. II. С. 173.

** Там же. Сноска № 2.

*** Далгат Б.К. Обычное право и родовой быт народов Дагестана. Рукопись. 1934 г. С. 78–80 (архив У.Б.Далгат).

следствии, когда образовались роды агнатические, они продолжали придерживаться той же экзогамии.

Дагестанские тухумы, строго говоря, не являлись обязательно эндогамными, но не были и экзогамными наподобие родов у других горцев Кавказа. Браки разрешались и внутри рода и между разными родами, но поощрялись браки внутри рода. Строгой эндогамии, вопреки утверждению М.М.Ковалевского, у дагестанских горцев мы не наблюдаем, по крайней мере на нашей памяти. Трудно сказать, чем вызвана в Дагестане отмена строгой экзогамии. На этот счет можно лишь строить гипотезы»*.

Таким образом, историческая обусловленность родовых отношений в Дагестане, некоторая противоречивость и отсутствие строгих граничных условий между экзогамными и эндогамными общественно-родовыми формами не могли не проявиться в обычном и, в частности, в семейном праве. Тем более, что на него оказывали повсеместное влияние и адат, и шариат. В результате определенной совокупности исторических факторов сложилась та система брачных связей, которую в реалии и подлинности зафиксировал Б.К.Далгат в своем труде «Обычное право даргинцев».

Все упомянутые факторы легли в основу той дискуссии между М.М.Ковалевским и Б.К.Далгатом, которые в качестве камня преткновения проявлялись в вопросе о допускаемости, либо запрете вступления в брак родственников в зависимости от степеней родства брачующихся, или браков с чужеродцами.

М.М.Ковалевский, приверженец влияния в Дагестане древнеиранских законов Авесты, на наш взгляд, был слишком категоричен в дискуссии с Б.К.Далгатом. М.М.Ковалевский в вопросе о степенях родства в Дагестане и соответствующего их влияния на брачные отношения, недостаточно учитывал историческую совокупность тех общественно-родовых, отчасти противоречащих друг другу явлений, которые были присущи даргинскому обществу в 70-е годы XIX века, когда Б.К.Далгат в родной ему этнической и общественно-родовой среде, пользуясь еще и сведениями компетентных знатоков (стариков) обычаев даргинцев, зафиксировал их в своем труде с аутентичной точностью и достоверностью. Хочу отметить, что содержание дискуссии между академиком М.М.Ковалевским и Б.К.Далгатом, которой мы уделили внимание, представляло обще-кавказский интерес в контексте общей проблемы

---

* См.: рукопись указ. соч. Б.К.Далгата. С. 78–80.

родового быта и обычного права горцев Кавказа, что относится в частности и к публикуемому изданию труда Б.К.Далгата «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей». Наше внимание к «дискуссии», о которой шла речь, обусловлено тем, что она по своей сути так сказать «историческая», но еще и тем, что она является фактом творческой биографии Б.К.Далгата, ученого, этнографа и правоведа, одну из книг которого мы издаем.

Возвращаясь к анализу и резюмированию в «Предисловии» труда Б.К.Далгата «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей», обратим внимание и на некоторые особенности структуры со стороны его содержания и проблематики. Б.К.Далгат придает большое значение анализу и оценкам существовавших в XIX–XX вв. в науке различных теорий о первобытном обществе. С этой целью он, с одной стороны, обстоятельно изучает труды Мэна, Герша, Фюстель-де-Куланжа, Летурно, т.е. сторонников, считавших исходной формой общества строго патриархальный агнатический (отцовский) род, с развитым культом предков. Вместе с тем, Б.К.Далгат изучает и сочинения сторонников противоположного научного направления, т.е. Баховена, Мак-Леннона, Физона, Поста, Жиро, Тотона, Моргана, которые исходной общественной формой считали материнство.

Б.К.Далгат, оставляя в стороне вопрос о первоначальной форме быта «нахчуйцев» (т.е. вайнахов), сообразуется с данными и анализами хорошо известных ему родовых факторов общественного устройства и родового быта чеченцев и ингушей, которые при нем были еще вполне жизненными. Определяя сущностное понятие «рода» в общественной системе ингушей и чеченцев, Б.К.Далгат, прежде всего, обращается к таким авторитетам науки, как Г.Мэн и М.М.Ковалевский, которые как мы уже отмечали, придерживались противоположных взглядов: Мэн считал, что «род» — это развивающаяся семья, общество людей, происшедших от общего родоначальника и объединенных властью и защитою старейшего по летам... родственника мужского пола*.

М.М.Ковалевский, не разделяющий теорию Мэна, признает только «род» искусственного происхождения с характерным равенством всех родичей между собой**. По Ковалевскому, здесь нет никакой кровной связи, а родоначальником являлся не кто иной,

---

* Мэн Г. Древний закон и обычай... С. 148, 209.
** Ковалевский М.М. Род... С. 20–31, 33, 85.

как простой объединитель неродственных семей*. Б.К.Далгат критикует и Мэна и Ковалевского за то, что они упускают из вида экономический фактор. В своем толковании рода и ингушей и чеченцев он исходит из понятий «Моргано-Энгельской схемы»**. Тогда в основе всяких форм общественных отношений лежат формы хозяйства или формы взаимоотношений людей, имеющих целью производство материальных благ.

В итоге всего сказанного о родовом устройстве вообще Б.К.Далгат определяет род чеченцев и ингушей в известный исторический период их жизни следующим образом: Род «союз кровного, личного, экономического и религиозного, и союза самозащиты и круговой поруки». А сама «конструкция фактических данных в родовых подразделениях (род-тухум, вяр, нэк, тайпа (братство), семья и т.п.)» убеждает ученого в том, что «род у чеченцев и ингушей носит вполне республиканский характер, а не характер единодержавия, в нем все порядки держатся на нравственном начале, а не на власти, на кровном, а не на договорном, артельном или соседском». «Здесь,— пишет Б.К.Далгат,— нет места правам в строго юридическом смысле этого слова, а все делается по доброй воле родственников». В общей теории рода Б.К.Далгату принадлежит и новое слово о разложении агнатического рода у чеченцев и ингушей***. Ему удалось доказать на конкретном материале, что разложение чеченского и ингушского рода происходило под действием экономических и политических условий их жизни. В частности, и под влиянием ислама.

Весьма актуальным по своей дискуссионности и принципиальности в кавказоведении того времени был вопрос о родовых «старейшинах» или «родовых начальниках» у чеченцев и ингушей. И в данном случае ученый вновь подчеркивал то, что «род не держится на начале власти, принадлежащей главе его», что главари рода

---

* Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе... Т. I. С. 45–50.

** По выражению Е.И.Крупнова — Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 154.

*** Напомним, что Б.К.Далгат в 1894 г. выступал в Русском антропологическом обществе при С.-Петербургском университете, будучи его действительным членом, с рефератом на тему: «Происхождение, организация и разложение агнатического рода у чеченцев и ингушей». Его сообщение вызвало большой интерес и одобрение со стороны крупных авторитетов русской академической науки. Рукопись реферата сохранилась в архиве У.Б.Далгат (с. 370).

«являются всюду первыми между равных (primus inter pares)», что «они решают родовые дела совместно с родовым сходом».

Считаю важным добавить к сказанному, что Б.К.Далгат в своих научных изысканиях в области обычного права и родового устройства чеченцев и ингушей, убеждаясь в исторической сущности общей теории Моргана относительно родовой организации, признавал и теоретические обоснования ее в трудах Ф.Энгельса и К.Маркса. Вместе с тем, ученый не придерживался строгого марксистского классового подхода в характеристике и оценке родовой жизни и быта изучаемого им этноса. Однако Б.К.Далгат, будучи ученым историком и юристом, который прежде всего стремился даже в своем труде дать объективно полное и достоверное представление о фактах родовой конструкции вайнахов в прошлом (т.е. примерно с XVIII века), уделяет значительное внимание конкретной характеристике отдельных родов и фамилий в аспекте их общественной и социально-экономической жизни и быта. Оказывается, что, например, у ингушей в определенный исторический период уже обозначились «сильные», «почтеннейшие» тайпы и вяры и, одновременно с ними, существовали «слабые», бедные и зависимые от «сильных» роды и фамилии.

Б.К.Далгат пишет в связи с этим, что это обстоятельство является реальным свидетельством факта, что та или иная «сильная» фамилия обижала слабую. В чем, на наш взгляд, безусловно проявлялся фактор социально-экономического неравенства.

В рассматриваемом труде Б.К.Далгата несколько сложным представляется вопрос об этнических отношениях между северо-кавказскими народами в прошлом. Речь идет об исторических временах, конце XVII, XVIII и начала XIX веков. Прежде всего следует иметь в виду, что данный вопрос не подлежит рассмотрению со стороны автора на каком-либо правовом, ортодоксальном уровне. Он возникает на страницах его труда по двум причинам. Во-первых, в результате того, что ему рассказывали об отношениях с соседями те старики, которые являлись их свидетелями.

Во-вторых, собирателю нельзя было игнорировать вопросы этнического характера, которые ставились в тех или иных «программах». Б.К.Далгат, в частности, ориентировался на «Программу этнологических исследований»* Э.Ю.Петри, где имели место чет-

---

* Петри Э.Ю. Руководство к составлению естественно-научных коллекций. Типография Императорской Академии Наук. 1892 г.

кие формулировки по указанному поводу. В разделе третьем «Общественная жизнь» в пункте 3, с. 17 обозначен вопрос: «Сношения с соседями». В разделе четвертом (пункт 3, с. 18) — «Духовная жизнь» вопрошается: «Как относятся к соседним племенам? Названия и прозвища последних». Характерно, что Б.К.Далгат карандашом отметил эти вопросы большим крестом на полях указанной программы.

Непосредственный опрос стариков-сказителей в 1891–1892 гг. в Нагорной Ингушетии убедил Б.К.Далгата в том, что в прошлом отношения между соседними племенами и народами на Северном Кавказе и за его пределами были достаточно сложными и противоречивыми. Один из стариков-ингушей рассказывал ему «об угрожавшей опасности в жизни людей, существовавшей еще в начале нынешнего столетия»; тогда, по его словам, «нельзя было без конвоя удальцов проехать из гор к Назрани возле Владикавказа, так как шайки разбойников убивали людей, продавали в рабство».

О существовании у ингушей пленников-рабов Б.К.Далгат пишет и в связи с записанным им преданием «О Цикме», который продал в Тифлис своего брата Гуя. Примечательно в указанном смысле еще и «Сказание про Хидыр-Мирза (жителя селения Дашхаклой Галгаевского общества)», тоже записанное Б.К.Далгатом в 1891–1892 гг. Рассказы и сообщения опрашиваемых Б.К.Далгатом стариков-ингушей, бывших в 1891–1892 гг. свидетелями многих происходивших событий, касавшихся отношений с соседями, более того, сохранивших в своей памяти и то, о чем ведали им отцы и деды, Б.К.Далгат и отразил на страницах своего труда. Каковы же были эти этнические отношения на Северном Кавказе?

Судя по сообщениям стариков-сказителей и то, что собиратель записывал их в 1891–1892 гг., сведения относились к концу XVII, XVIII и началу XIX веков. Исходя из того, что Б.К.Далгат узнавал у населения «об отношении с соседями», например, об отношении ингушей с кабардинцами, осетинами и др. в те сравнительно отдаленные времена, эти отношения носили двойственный характер. При том, что существовали межплеменные стычки за землю, совершались набеги, угон скота и т.д. Характерно и то, что пишет Б.К.Далгат в примечании к своей публикации предания, названного собирателем «Сказание про Хидыр-Мирза» — «Это сказание интересно для характеристики быта прошлого чеченцев, когда по

преданию все жили набегами и грабежами»*. Чах Ахриев тоже пишет о нападениях, набегах, о том, что они «в первые времена существования ингушских обществ были весьма часты»**. О столкновениях между племенами и народами в прошлом на Кавказе пишет и Е.И.Крупнов в своей книге «Средневековая Ингушетия»***. В ней автор часто обращается к трудам Б.К.Далгата. Крупнов по данным историко-этнографических экспедиций сообщает, что «у ингушей в прошлом существовали военные дружины, называемые “гаьар”. Они состояли из хорошо вооруженных удальцов и организовывались для набегов на соседние районы Осетии, Кабарды и Грузии». Относительно связи ингушей со своими соседями Е.Крупнов отмечает еще и то, что они «становились уже органической частью исторического процесса, некогда протекавшего у ингушей»****.

Вместе с такого рода негативными «историческими» данными, в народе бытовало и другое мнение о «соседских отношениях». О кабардинцах, например, утвердилось суждение, что они отличались от всех других особым гостеприимством, о чем пишет в своем труде и Б.К.Далгат. Он же узнавал от стариков-ингушей и о том, что в Кабарду отдавали своих детей разные жители Кавказских гор на воспитание. Аталычество же само по себе тоже являлось признанием за кабардинским народом определенных превосходных качеств в формировании у горцев достойных личностей. От стариков-ингушей Б.К.Далгат узнавал о факте участившихся браков между ингушами и осетинами, о том, что ингуши признавали доблесть и смелость осетинских алдаров, также куртатинцев, тагауров и других представителей осетинского народа.

Двойственен по своей исторической сути и сценарий, который составляет основу упоминаемого нами «Сказания про Хидыр-Мирза». Здесь главный герой Хидыр-Мирза, бывший прославленный предводитель набегов. В наступившие для него тяжелые времена он обращается за помощью к своему «присяжному брату». А по преданию таковым является осетин из знатной осетинской фамилии Дударовых. Осетин же проявляет к немощному ингушу такую заботу, что тот полностью восстанавливает свои жизненные силы. Остается бесспорным исторический факт того, что у северо-

---

* Далгат Б.К. Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса // Э.О. Москва. 1901. № 1. С. 64.

** Ахриев Ч. Ингуши // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. С. 3.

*** Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.

**** Там же. С. 167.

кавказских племен и народов (чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, калмыков и дагестанцев-кумыков) на протяжении, по крайней мере, трехсотлетнего исторического периода их жизни слагались двойственные этнические отношения. Они выражались не только и не столько во враждебных отношениях, но и дружественных контактах между «соседями». Что же касается исторического противоборства северокавказских этносов в прошлом, в значительной мере оно было следствием суровой жизни горцев, где борьба за землю, неблагополучные экономические факторы их жизни порождали межплеменные и межродовые конфликты, чреватые разбоями, набегами и т.п. Однако все это было не только следствием причин местного характера. Оно являлось органической составляющей того исторического процесса, который повсеместно переживали многие народы мира.

Вследствие всего сказанного важно подчеркнуть, что некоторые соображения Б.К.Далгата, выраженные нами вкратце, в его труде по поводу взаимоотношений в прошлом между различными по национальному признаку и происхождению кавказскими горцами, представляют вполне реальную историческую картину. Тем более, что нет каких-либо сомнений в компетенции источников, из которых собирал необходимые сведения Б.К.Далгат. А для него важными носителями информации в 1891–1892 гг. были старики, эти, как он их называл, «хранители старины».

Мы уверены в том, что некоторые страницы книги Б.К.Далгата, посвященные этническим вопросам на Северном Кавказе в прошлом, не дают каких-либо оснований для конъюнктурных ретроспекций в нашу современность.

В своей книге Б.К.Далгат проявляет большое внимание к устной народной словесности чеченцев и ингушей. Преданиям выделено даже самостоятельное место в самом корпусе книги. Многие предания, записанные самим Б.К.Далгатом, содержат элементы исторического прошлого из жизни изучаемого им народа, например, о переселении чеченцев и ингушей на плоскость* или заселе-

---

* В «Толковом словаре» Вл.Даля слово «плоскость» объясняется как «плоская земля, место, равнина, ровная поверхность» (Т. 3. С. 322). Номинативное лексическое значение слова «плоскость» в кавказоведении издавна используется в несколько ином контексте. Здесь оно осмыслено с фактором историко-географического переселения в XVI, XVIII вв. «нагорных» чеченцев и ингушей с гор на равнинные, плоскостные земли. И в кавказоведческой литературе, и вокабуляриях, официальных документах

нии ингушами гор и предгорий и их переселении на другие земли и т.д. Но главным образом предания рассматриваются ученым в системе архаических первобытных представлений, так или иначе касающихся родового устройства чеченцев и ингушей. В указанном смысле весьма интересны предания о родоначальниках, так называемых эпонимах. Хотя подобные предания Б.К.Далгат и признавал «не более чем мифом и плодом народной фантазии», в них он усматривал верования народа в единство происхождения, фактор внутренней родовой солидарности между членами рода и другие феномены родового быта и его общественного устройства.

Относительно иных фольклорных жанров, которым тоже уделяется немалое внимание в «Материалах по обычному праву ингушей», нельзя не обратить внимания на запись Б.К.Далгатом свадебного обряда ингушей. Свадебный обряд, зафиксированный ученым в 1891–1892 г., воспроизведен им во всей совокупности его этнографических и народно-поэтических сторон с присущей ему атрибутикой. Б.К.Далгат как опытный собиратель народного быта и словесной поэзии в своей записи фиксирует все: поведение «персонажей», их обрядово мотивированные поступки и другую сакраментальную атрибутику свадебной процедуры. При этом Б.К.Далгатом записаны свадебные и любовные песни ингушей, бытовавшие в народе более ста лет тому назад.

Нельзя не сказать о принципах и характере фиксации полевого материала, которых строго придерживался собиратель. В первую очередь это точность, полнота и достоверность в манифестации обрядового действа и его вербального сопровождения. Это достаточно очевидно на примере записей не только любовной свадебной лирики и т.д., но и образцов так называемых песен-перебранок между сторонами жениха и невесты, которые Б.К.Далгат тоже записал в 1892 г. в Нагорной Ингушетии. Как атрибут обрядово-вербальной поэзии многих народов мира подобные песни составляют особый лексический пласт, обычно выраженный в стиле физиологического реализма. Мы поместили некоторые песенные образцы более чем столетней давности в русском переводе с ингушского языка в данной книге.

В результате всего сказанного, чего можно было коснуться в «Предисловии» к труду Б.К.Далгата «Родовой быт и обычное пра-

---

и т.п. понятие «плоскость» определилось в качестве исторически-обусловленной географической константы.

во чеченцев и ингушей», мы убедились в его базовой ценности не только в области изучения духовной и материальной культуры вайнахского этнического массива. Труд этот представляет значительный интерес и с точки зрения его экстраполяции в академическую науку в области народоведения вообще, обычного права, этнографии и фольклористики.

У.Б.Далгат

Введение

Нет более драгоценного приобретения для научной археологии, как всякое новое дополнение к тем средствам, которыми мы уже располагаем для изучения доселе еще погруженных в варварское состояние обществ арийского происхождения.

Сэр Генри Мэн[3*]

Изучение родовых порядков кавказских горцев призвано оказать неоценимую услугу зачинающейся только науке общественной эмбриологии, так как дается ей возможность проникнуть в мельчайшие подробности того миросозерцания, из которого вытекло и в котором нашло свое оправдание родовое устройство.

Максим Ковалевский[4*]

Прежде чем приступить к изложению предмета моего исследования я считаю полезным коснуться вопроса о значении монографических исследований общественного строя кавказских горцев для науки и жизни.

Особая наука, называемая «генетической социологией»[5*] или «историей развития общественных форм», изучает общественные формы (хозяйства, семьи, брака, государства и проч.) в их взаимосвязи развития, в их настоящем и прошлом, по эпохам, выясняя их происхождение, причины их развития или распада и устанавливая законы общественного развития.

Изучение форм общественных отношений в прошлом человечества дает опору для решения выдвинутых жизнью задач о наилучших формах отношений в настоящем и будущем.

Для научного освещения прошлых форм общественных отношений наука социология изучает жизнь всего человечества в прошлом и настоящем; ей в этом на помощь идут археология и этнология с этнографией.

Социология более, чем все остальные науки, интернациональна, она оперирует по преимуществу сравнительно-историческим методом исследования. Вот почему для социологии изучение всякой, даже самой незначительной народности земного шара, имеет равное значение. И ею установлен тот исторический закон, что все человечество прошло через определенные, одинаковые для всех народов, формы общественных отношений.

Первобытная эпоха с ее примитивностью техники, слабыми общественными связями, жизнью бродячими ордами, низким уровнем развития производительных сил и неустойчивым существованием человека, пережитая всем человечеством, сменяется повсюду эпохой родовой, где уже более развитый уровень производительных сил обеспечивает более устойчивое существование людей, дающее возможности образовываться значительным группам — родовым союзам, связанным кровным родством.

Многие народы земного шара до сих пор сохранили в своем быту пережитки родовой эпохи,— такие явления, как кровная месть, многоженство, похищение женщин, солидарность членов родственного союза и т.д. Со многими из этих явлений современному обществу приходится вести упорную борьбу мерами судебно-административного и культурного характера. Таким образом изучение родового быта населяющих Россию народностей имеет не только обще-научное, но и практическое значение.

Но для научных обобщений и практических целей удовлетворения запросов жизни необходимо предварительное и детальное изучение каждого племени в отдельности. С составлением о них монографий. Материалы же монографических исследований отдельных народностей дадут сводный материал для анализа, сравнений и объяснений фактов народной жизни и построения исторической науки (социологии), и вместе с тем будут найдены пути правильного разрешения выдвинутых жизнью вопросов и правильного подхода к выработке мер борьбы с отрицательными пережитками прошлого в жизни этих народов.— В частности изучение родовых порядков кавказских горцев дает возможность социологии (и ее отрасли — общественной эмбриологии с эмбриологией права) проникнуть в мельчайшие подробности родовой эпохи человечества вообще вследствие того, что горцы Кавказа, будучи оттеснены напором новых пришельцев в горы и замкнутые в них, сохранили в большей или меньшей неприкосновенности особенности древнейшей культуры. На границах Азии и Европы в

стране, которая еще со времен Геродота слывет под названием «горы языков», иначе говоря, на Кавказе — все горские народности дают неисчерпаемый бытовой материал для изучения этого второго по древности периода истории человечества — родовой эпохи. На пути изучения родового строя кавказских горцев очень много было сделано М.М.Ковалевским в его исследованиях: «Закон и обычай на Кавказе», «Современный обычай и древний Закон», «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом». Опыт в области сравнительной этнографии и истории права «Первобытное право». Но материалом для своих работ из кавказских горцев М.М.Ковалевский избрал, главным образом, осетин; детального же описания, или монографии о родовом быте других горских народностей, и, в частности, чеченцев и ингушей до сих пор не имелось.

Цель настоящего исследования — систематическое описание юридических обычаев чеченцев и ингушей в связи с общим характером их культуры. Та же задача блестяще выполнена М.М.Ковалевским по отношению к другим горцам Кавказа, исключая чеченцев. А в своей капитальной монографии об осетинах он преследует еще более широкую задачу — разыскание источников происхождения отдельных норм адатного (обычного) права, общих начал горского адата и тех разнообразных влияний, под которыми он сложился; причем им отводится в исследовании видное место историко-сравнительному методу. Я был далек от последней мысли и желал бы только нарисовать картину обычного права чеченцев в ее недавнем прошлом и настоящем виде, не касаясь принципиальных вопросов происхождения и значения тех или других адатов. Я решился поступить так не только потому, что выполнение другой, более сложной задачи представляло огромные трудности, но и потому, главным образом, что исследование быта известного народа на месте, в местных условиях, должно предшествовать теоретическим обобщениям и сравнениям.

Сравнение, объяснение, истолкование и вообще анализ фактов народной жизни составляет конечную задачу социологии и с успехом может быть выполнена лишь ученым, оперирующим над монографическими исследованиями различных народов, и конечно, монографии должны предшествовать подобным широким обобщениям. В монографиях же описательный элемент должен преобладать, анализу и истолкованию может быть отведено лишь ограниченное место[6]. Выступая из указанных рамок при систематичес-

ком описании обычного права данного народа, мы рискуем перенести свои теоретические тенденции на это право и таким образом впасть в неизбежные ошибки и односторонне осветить материал; при этом необходимо иметь в виду не одну, а все известные теории о первобытном праве, нужно знать, что в данную эпоху больше всего нужно для науки права; какие вопросы в ней нуждаются в пояснениях, дополнениях, и сообразно с этим нужно группировать имеющийся материал. Такое описание, не лишенное в то же время анализа и истолкования, имеет, с одной стороны, характер сырого материала, годного для последующих сравнений и обобщений, а с другой,— имея в виду потребности науки в данное время и тесно примыкая к ней, лишено хаотичности и проникнуто духом науки, если можно так выразиться; без известной доли анализа при описании разнообразных оттенков обычного права у нас не будет руководящей нити, и изложение примет характер простого перечисления обычаев без системы и порядка, без отделения всего того, что важно и что имеет мало значения для науки.

Все сказанное выше нужно иметь в виду при систематическом описании обычаев чеченцев и ингушей. Однако, прежде выполнения последней задачи, для самого уяснения отдельных сторон обычного права чеченцев и ингушей, как то: вещного обязательственного, семейного и наследственного, уголовного права и судопроизводства, а также публичного права, является настоятельная необходимость в детальном изучении родовой организации чеченцев и ингушей. В ней лежит действительный источник всех особенностей их обычного права, в изучении родовой организации, выражаясь словами проф. Ковалевского, лежит ключ к уразумению генезиса отдельных институтов одинаково гражданского, уголовного и публичного права[7].

В подтверждение этих слов достаточно сослаться на то, что родовая организация, как верно определяет Ковалевский, самим фактом своего существования вызывает к жизни либо санкционирует целый ряд обычаев и обрядов, как то: обычай кровной мести и родового возмездия, сопричажничества родственников на суде, серьезные ограничения права разделов и отчуждения, исключение женщин от наследования или меньшее против мужчин участие их в нем и т.п.

Научное углубленное исследование родовой организации чеченцев и ингушей, предпринятое мной в цельном, законченном труде, может иметь самостоятельное значение и для истории права

в ее древнейшей стадии развития, а вместе с тем, конечно,— и для истории культуры вообще, поскольку право составляет ее необходимую составную часть. Оно имеет значение и для политики права, так как родовой строй в жизни чеченцев и ингушей не утратил значения и в настоящее время.

Я еще со студенческой скамьи, с начала 90-х годов XIX столетия, собирал этнографический материал об ингушах и чеченцах, который частью был издан в виде моего очерка «Первобытная религия чеченцев и ингушей» в пространной статье: «Страничка из Северо-Казказского эпоса» в «Материалах по обычному праву ингушей». Вниманию же читателя предлагается исследование о родовом быте чеченцев и ингушей в прошлом. Остановился на этих горских племенах не случайно, а потому, что родовые распорядки у них сохранились до сего времени в наиболее полном и чистом, не разрушенном временем, виде. Этого, например, нельзя сказать о горцах Дагестана, где под влиянием ислама и арабско-персидско-тюркского влияния и других экономико-политических условий, род «тохум», можно сказать, почти разложился, хотя остались вредные его пережитки, вроде кровной мести.

Пусть настоящий труд, рожденный любовью к горцам и к научной истине, послужит одним из камней фундамента стройного здания науки о прошлом и настоящем быте чеченцев и ингушей.

Все более или менее серьезные данные по обычному праву чеченцев и ингушей и о родовом быте их не восходят далее 1845 года, когда был составлен сборник адатов плоскостных чеченцев. До этого времени шариат или мусульманское право успело многое изменить в народном праве чеченцев; в Надтеречных аулах, куда не простиралась власть Шамиля (Новый и Старый Юрт и Брагуны), и в чеченских деревнях, расположенных в земле кумыков, адатное право подверглось влиянию русских законов[8]. Само предание гласит, что плоскостные чеченцы обратились однажды к горцам с просьбою указать им прежний порядок жизни и последние сделали компромисс между адатом и шариатом (обычаем и законом), отнесши на долю шариата дела по наследству, духовному завещанию и опеку[9]. Но, помимо указания самого народа, влияние шариата на адат заметно для всякого даже при поверхностном знакомстве с народным правом чеченцев.

Нечего и говорить о сборниках адатов, составленных еще позднее указанного. В них влияние шариата и русского закона на обычай констатируется официально — со времени учреждения гор-

ских словесных судов, т.е. с 1858 г., а в Грозном даже с 1852 г. Таков «Сборник адатов 1861 г. для Нагорного или Ичкеринского округа», составленный под руководством окружного начальника. Таков и «Сборник адатов Ингушского округа», составленный в 1860 годах также окружным начальником. Сверх указанных имеется еще «Сборник адатов горцев Владикавказского округа Норденштрема», составленный в 1849 году; после сборника Фрейтага он — один из лучших; однако достоинство его значительно умаляется тем, что автор, придерживаясь отчасти несправедливого мнения, что адаты всех горцев одинаковы, смешал обычаи осетин и ингушей и изложил их вместе. Имеется еще «Сборник адатов надтеречных и надсунженских деревень», составленный путем расспросов почетных стариков в 1849 г., к сожалению, весьма краткий (с 121 до 125 стр.). Не лучше последнего и «Сборник адатов», составленный комиссиею для разбора народных дел во Владикавказском округе в 1849 г. (116–120 стр.).

Все эти сборники адатов помещены во II томе «Адатов» Леонтовича на 78–183 стр.

Из прочих, более важных, литературных источников для изучения обычного права чеченцев следует отметить сочинение А.Берже «Чечня и чеченцы», которое, впрочем, заимствуя сведения у Фрейтага, дает мало нового.— Что касается наиболее популярных книг о Кавказе — сочинение Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе», в котором Чечне посвящены в главе I, ч. 1, с. 336–496, а также сочинение Потто о кавказской войне, то авторы их лишь повторяют слова Берже и др., слагая на них ответственность за достоверность сведений. Много ценных сведений мы находим в «Сборнике сведений о Терской области» Благовещенского, а также в историко-статистическом очерке «Ингуши» Вертепова, напечатанном во II вып. «Терского сборника» за 1892 г., и в очерке — «Чеченцы» Евг.Максимова, напечатанном в «Терском сборнике» за 1893 г. вып. III.— Из журнальных статей лучшими нужно признать статью Лаудаева, природного чеченца, в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. VI, 1872 г.; Грабовского, в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. III, 1871 г. и вып. IX, 1876 г.— Очень много дельного и нового дает статья Н.Н.Харузина «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», помещенная в III вып. «Сборника материалов по этнографии», издаваемого при Дашковском музее.— На многие стороны быта чеченцев и ингушей обратил внимание и дал им объясне-

ние между прочим и М.М.Ковалевский при сравнительном исследовании обычаев кавказских горцев. Собственно говоря, о быте чеченцев и ингушей писалось очень много в разных периодических изданиях и путешествиях, но все эти описания касаются или религиозных верований или общественно-политической жизни чеченцев и истории войны с ними. Социальный же строй и правовой быт в них едва лишь затронут. Прекрасным исключением является лишь книжка профессора Н.Ф.Яковлева «Ингуши», где дано научное освещение родового быта ингушей и, в особенности, кровной мести. В конце моего исследования приведен список всех авторов, которые мною были использованы для моей работы.

Трудно разобраться во всем обширном и отрывочном подчас литературном материале и выделить из него правовые нормы чеченцев. Еще труднее выделить из них наслоения шариата и русского закона и получить чисто народное право чеченцев, имея в виду, опять-таки, чистоту не абсолютную, а относительную, так как отделить чужеземные наслоения из чеченского адата нет никакой возможности, пока национальность чеченцев остается еще не разгаданной. Пока нет не только истории, но и этнографии этого народа[10], нет никакой возможности говорить о древнейших влияниях на чеченский обычай. Влияние соседних народностей (кумыков, грузин, лезгин, осетин, кабардинцев и др.), влияние живших на Северном Кавказе кочевников, иранское влияние и много других влияний, указанных В.Миллером и М.Ковалевским в быте осетин и других горцев, несомненно не чужды были и быту чеченцев; но я должен был отказаться от этой темной области филологии и сравнительной этнографии и истории, за исключением некоторых достоверных заимствований чеченцами обычаев их соседей и шариатских и правительственных воздействий на их адат. Для своей работы я помимо вышеуказанных печатных источников буду пользоваться довольно обширными бытовыми и специально-юридическими обычаями, собранными мною на месте у ингушей.

Летом 1891 г. я собрал в селении Байни Мецхальского общества, 3-го участка Терской области Сунженского отдела со слов стариков и старшины селения Местоева Эски ответы на одиннадцать отделов «Программы для собирания сведений об юридических обычаях»[11*]. Во вторую поездку летом 1892 г. получил командировку от Отделения этнографии Общества любителей естествознания, я успел записать со слов столетнего старика-ингуша Казбыка Буржаева[12*] и другого старика Ганыжа Фелханова и др. отве-

ты на вопросы по юридической программе Императорского географического Общества[13]* по гражданскому праву и судопроизводству, данные об религиозных верованиях, преступлениях и наказаниях ингушей, по программе Московского Общества любителей естествознания, изданной в 1891 году, и самостоятельных расспросов, вместе с тем я записал довольно много преданий ингушей, частью изданных мною в Этнографическом обозрении за 1901 год, под названием «Страничка из Северо-Казказского богатырского эпоса»[14]. Синтез фактов из жизни чеченцев и ингушей, использованный в моей работе «Родовой быт чеченцев и ингушей», пополнялся мною из литературных источников. В Императорской публичной библиотеке С.-Петербурга* мною была просмотрена вся литература о чеченцах и ингушах XVIII и XIX столетий с последующими дополнениями печатных источников. Надо сказать, что главным основанием для моих исследований о юридическом быте собственно чеченцев**, преимущественно, служили печатные источники, а об ингушах они существенно дополнились моими собственными наблюдениями и исследованиями.

---

* Ныне Российская национальная библиотека.

** В работе Л.П.Загурского по его «Этнологической классификации Кавказских народов» (См.: Кавказский календарь на 1888 г. /високосный/ XLIII. Тифлис, 1887. С. 1) отмечается, что «Чеченцы и сродные с ними по происхождению и языку, так называемые кистины живут в Терской области». Одно из подразделений чеченцев — собственно чеченцы, живут в Грозненском округе, а горные чеченцы в Аргунском и т.д.

РАЗДЕЛ I

Глава I. Общественная и политическая жизнь чеченцев до их присоединения к России

а) Историческая справка о чеченцах и ингушах и о занимаемой ими территории

Под именем чеченцев этнографически следует разуметь все чеченское племя, жившее в бывшей Терской области, ныне* в Чеченской и Ингушской Автономной областях, считая в том числе и ту часть чеченцев, которая живет в бывшем Сунженском Отделе, позднее в Ингушском или Назрановском округе, а ныне в Ингушской Автономной Социалистической Советской Области под именем ингушей. Но для большей точности обозначения я буду в своем изложении, говоря о чеченцах, иметь в виду обитателей Восточной Чечни**, т.е. собственно чеченцев, исключая из числа их ингушей. Этнографическое же название чеченцев вообще, как единого племени, относится и к чеченцам в тесном смысле, и к ингушам. Однако, если мы теперь без затруднения можем употреблять это название для всего племени, то не так было прежде. Писателями XVIII и первой половины XIX в. известны были названия: ингушей и чеченцев, кистов, карабулаков, мизджегов и др., употребляемые ими для обозначения отдельных частей и иногда целого племени чеченцев.

Слово «чеченец» известно с начала XVIII столетия и, по всей вероятности, есть название известного аула Большой Чечень в плоскостной Чечне, на берегу Аргуна в бывшем Чеченском округе. Этим именем русские стали называть одно чеченское общество

---

* Данная информация относится к 30-м годам XX века.

** Пространство между реками Фортангою и Аргуном — называется Малой Чечней. Остальная часть, к востоку от Аргуна — Большая Чечня. Малая и Большая Чечня составляют как бы бассейн реки Сунжи и только восточная часть этого пространства известна под названиями Ичкерия и Ауха (примечание составителя).

с селением Чечень, а в XIX ст[олетии]. и все чеченское племя, исключая ингушей. До сих пор ни администрация, ни писатели, исключая немногих исследователей, не решались распространить название «чеченцев» и на ингушей, хотя они составляют одно племя с прочими чеченцами и было бы поэтому вполне естественно и даже необходимо во всех отношениях дать им общее племенное название. Пшавы, хевсуры и грузины называют всех чеченцев одним общим именем «Кису» или «Кисты». Это название произошло от названия жителей Кистинского общества (переименованного затем в Мецхальское), расположенного сейчас к востоку от Военно-грузинской дороги по течению реки Кистинки (по-ингушски — Арм-Хи, по-осетински — Макал-дон). Хотя, таким образом, это название в сущности касается только одного маленького общества, но уже академик Гюльденштедт[1] в XVIII столетии распространяет его на все чеченское племя; позднее в 1810 г. к нему присоединяется компетентный знаток Кавказа того времени — Броневский[2], хотя сам же говорит, что кистами в собственном смысле следует признавать лишь жителей одного общества, по течению реки Кистинки — Платон Зубов в 1835 г. и Поли в 1862 году употребляют название «Кистов» на место чеченцев, и наоборот. Клапрот[3] восстает против такого искусственного расширения слова «Кисты» и предлагает сам взамен того называть всех чеченцев «мизджеги», согласно мнению графа Потоцкого[4], путешественника конца XVIII столетия. Это название произошло, как полагают писатели, от названия реки Мичик притока р. Аксая, возле которого поселились первые выходцы из гор; правильнее называть — «мичикиш»; что значит по-татарски — житель Мичика, мичиковец; так именуют чеченцев и все дагестанцы и кабардинцы. Однако, это название, хотя и относится ко всем чеченцам, почти не знакомо европейцам, не употребляется вовсе русскими и самими чеченцами, а потому должно быть оставлено. Против слова «мизджеги» мы в «Кавказе» за 1855 год, № 70, находим целую полемику И.Бартоломея; он настаивает на необходимости признания названия «чеченцы» за общее и единственное племенное название. Берже и последующие писатели вместе с русскою администрациею установили раз навсегда это название, для обозначения части чеченцев, за исключением ингушей.

Последнее слово «ингуши», как объясняют писатели, произошло от долины Ангушт (ныне Тарская), куда стали выселяться первые ингуши из гор в половине XVIII столетия и которая с 1860 г.

была отобрана у последних и заселена казаками и возвращена ингушам лишь в 1918 г. революцией. В XVIII в. это название употреблялось русскими для обозначения одних лишь плоскостных ингушей; прочие же назывались джераховцами, кистами, карабулаками и галгаевцами. Но теперь для обозначения всех чеченцев, живущих в прежнем Сунженском отделе, позднее в округе Назрановском, а ныне в Ингушской Автономной Области, употребляется лишь название ингушей. Карабулаками (по-чеченски Арштхой) называли часть чеченского племени, обитавшую на Сунже, на плоскости и в верховьях Ассы; большая часть их вынуждена была выселиться в Турцию при царизме, а оставшиеся причислены были к ингушам.

Теперь и кабардинцы (шашан), и осетины (цацан), и русские, и сами чеченцы в сношениях с другими народами употребляют название «чеченцы»[5*]. Но сам народ именует себя с переселения на плоскость «нахчой», каковое название, по толкованию чеченцев, образовалось от слова «сыр» и значит сырники. Предание гласит, что родоначальник нахчоев, по имени Нахчо, родился с куском сыра в ладони, и потому и племя называлось таким именем. Но мне представляется более правильным толкование Н.Семенова (Туземцы, с. 209). Нахчу происходит от слов: нах — люди, народ и чу — внутри, тут место,— и значит место, обитаемое народом; а слово Нахчой означает самый народ. Это название очень часто применяют к себе и сами ингуши и охотно может быть употребляемо как общее племенное название этого народа наряду со словом «чеченцы».

Ингуши сами себя называют «галгай» или «ламур» (горцы); в горах было даже Галгаевское общество, переименованное позднее в Хамхинское. Кумыки и чеченцы также называют ингушей галгайями, а осетины дают им название «макалдон» (от речки Макалдон). Теперь, таким образом, преобладают над прочими русские названия — чеченцы и ингуши, и народные — нахчой и галгай.

Все чеченское племя заняло горную полосу Северного Кавказа от самых снежных гор Передового хребта до равнины и часть плоскости между р. Тереком и Сулаком, гранича с севера с осетинами, казаками, кабардинцами и кумыками; с юга — с грузинскими племенами (пшавы, хевсуры, тушины); с востока с лезгинскими племенами, и с запада — с осетинами и казаками. С покорением Чечни в 1859 году она получила следующее административное деление: 1) округ Ичкеринский, заключавший общества: Ичкерию,

Гумбет, Андию и Технуцал; 2) округ Аргунский, заключавший общества: Акинское, Шатоевское, Чантийское (с включением Шаро, Шикаро и другие мелкие общества в верховьях Аргуна), Чаберлоевское и Чамалальское. Участок Ауховский потом присоединен к Кумыцкому округу; 3) округ Чеченский — ингуши вошли в состав Владикавказского округа.

С 1-го января 1871 года в Терской области введено было гражданское управление, причем область была разделена на семь полицейских округов: 1) Владикавказский, 2) Пятигорский, 3) Грозненский, 4) Аргунский, 5) Введенский, 6) Хасавюртовский и 7) Кизлярский.— Чеченцы жили в округах: Грозненском, Аргунском, Веденском и частью Хасавюртовском, причем Веденский округ составлен из двух прежних округов — Ауховского и Ичкеринского, а прежний Чеченский округ переименован в Грозненский[6].

В 1888 году Терская область вновь преобразована и разделена на 3 отдела: 1) Пятигорский, 2) Сунженский и 3) Кизлярский, и на 5 округов: 4) Нальчикский, 5) Владикавказский, 6) Грозненский, 7) Хасавюртовский и 8) Приставство Караногайское. Наконец, в 1905 г. из Сунженского отдела выделен Назрановский округ, а из Грозненского округа — Веденский. Со времени этого последнего преобразования области географические границы Чечни совпадают в значительной мере с административными (до восстания чеченцев в 1840 году географические границы были значительно шире административных, простираясь до правого берега Терека и левого — Сунжи, 5/6 занимаемого Чечнею пространства заключалось к концу царизма в районе Грозненского и Веденского округов, бывший Аргунский округ присоединен к Грозненскому, а северная часть прежнего Грозненского округа отошла к Кизлярскому отделу. По спискам населенных мест Грозненского округа 1889 г. должно быть отнесено к чеченцам 164 тысячи, т.е. около 8/9 части. К Чечне должны быть еще отнесены: 1) вся южная часть Хасавюртовского округа с населением более 14 тысяч человек, к 1891 г.— 15 282 человека, примерно до линии, проведенной от Герзель аула на аул Эндрей и отсюда на аул Чир-Юрт и 2) вся восточная часть бывшего Сунженского отдела между реками Ассой и Фортангой, где из так называемого вайнахского «этнического массива», живут преимущественно ингуши, около 50 тысяч[7]. В 1891 г. население этого округа достигло 181 546 душ, из коих чеченцев — 169 435; в 1903 г. чеченцев по Терскому календарю было 202 558

человек, а в 1905 — чеченцев 208 180 и ингушей — 50 971 человек. В 1915 г., а по переписи 1917 г. чеченцев — 271 151, а ингушей — 59 571.

Согласно данным М.Л.Тусикова (в его книге «Ингушетия» 1926 г.) — в 1926 г. количество ингушей составляет 69 722 человека, живущих в 154 населенных пунктах и составляющих 14 002 хозяйства. Территория Ингушетии и Чечни после Октябрьской революции значительно расширилась за счет земель выселенных казачьих станиц, поселенных при царизме во времена Кавказской войны на землях Чечни и Ингушетии. По данным Вильямса (с. 106) это увеличение территории Ингушетии составляет 58,4%, и в настоящее время Ингушетия обнимает 292.259,11 десятин земли.

В административном же отношении Ингушская автономная область ныне делится на 4 района (округа): 1. Пседахинский, 2. Назрановский, 3. Пригородный и 4. Галашкинский*.

Площадь Чеченской автономной области ныне составляет 10 000 кв. километров, а население — 313 000 человек. Но следует иметь в виду, что часть чеченцев проживает в Хасавюртовском округе ДАССР, и кроме того там же живет чеченская народность (по языку ближе к ингушам) ауховцев, общей численностью более 20 000 человек; таким образом, общая численность чеченцев и ингушей превышает 400 000 человек.

Таким образом, все чеченское племя в настоящее время заключает около 400 тысяч душ обоего пола, и распадается на две обособленные части: собственно чеченцев (около 330 тысяч) и ингушей (около 80 тысяч).

Укажем в отдельности географические границы тех и других по административному делению бывшей Терской области[8]. Назрановский округ образуют общества 1) Джераховское, находящееся на юго-восток от укр[епления] Джераховского (на Военно-грузинской дороге) по ущелью реки Арм-Хи, впадающей в Терек. За Джераховским обществом находится 2) Мецхальское, бывшее Кистинское общество, по ущелью р. Арм-Хи.— Бывшее Галгаевское общество распалось недавно на два общества: 3) Цоринское, в верховьях реки Ассы, за гребнем Кодрор-Догушты, немного восточнее Мецхальского общества; 4) Хам-Хинское, выше Цоринско-

---

* Указанные данные относятся к 20–30-м гг. XX века и не соответствуют современному (т.е. к XXI веку) административно-политическому районированию (примечание составителя).

го в верховьях же реки Ассы и по берегам р. Тобачоч; еще ближе к плоскости, по верховью реки Ассы, за Цоринским обществом, расположилось 5) общество Галашевцев, живущих хуторами на месте бывшей Галашевской станицы; 6) наконец, самое большое и лучшее пространство, плоскость и холмистые предгорья, между реками Сунжей и Камбилеевкой, начиная от Черных гор главной цепи и до самых Кабардинских или Карадагских гор, занято обществом Назрановцев.

Дальние кистины, жившие в верховьях Аргуна, акинцы и мереджинцы, причисленные к ингушам, еще в 1866 г. отнесены к группе чеченцев.

Таким образом, ингуши занимают центральную и южную, примыкающую к Главному хребту, часть бывшего Сунженского отдела, образовавшую Назрановский округ, а ныне Ингушскую автономную область, примыкая на востоке к чеченцам, а на западе — к осетинам, на севере — к кабардинцам, на юге — к тушинам, хевсурам и грузинам.

Границею между собственно Чечнею и землею ингушей, следуя А.Берже и позднейшему административному делению, нужно считать (на западе) р. Фортангу, правый приток реки Сунжи. В пределах между Фортангою на западе, Сулаком, Ярык-су и Акаем на востоке, Тереком на севере и хребтом гор от истоков р. Гехи до истоков Ярык-су на юге, Чечню образуют 1) пространство земли, лежащее между Тереком, Сунжею и Малой Кабардою, 2) пространство Засунженское, разделенное рекою на две части: по правую сторону Большая Чечня, по левую — Малая Чечня. Большую Чечню образуют общества: а) Мичиковцев, живущих по обоим сторонам р. Мичик; б) Качкалыковцев; так назывались до 1840 г. чеченцы, обитавшие по северо-западному склону Качкалыковского хребта; но они впоследствии смешались с Мичиковцами и Ичкеринцами; в) ичкеринцев — между верховьями рек Акташа и Хулхулау и Андийским хребтом в обширной лесистой возвышенности и г) ауховцев — в верховьях рек Ярык-су, Яман-су, Акташа и др.— Горную Чечню, в верховьях рек Гехи, Мартана, Гойты, Аргуна, Джалки, Хулхулау, Мичика — притоков Сунжи, Аксая, Ярык-су, Яман-су, Акташа и др. от Дарьяла до Андийского хребта — образуют множество мелких обществ, как то: акинцев, мереджинцев, нашхойцев, чаберлойцев, галанчоджцев и др.; всех отдельных независимых обществ, то растянувшихся в обширных лесных и равнинных пространствах, то стеснившихся по горным

ущельям рек, в Чечне считалось прежде 20; впоследствии царская администрация, конечно, значительно изменила число и состав этих обществ. Но прежде эти общества образовались сами собою, в силу исторических и географических условий, и каждое из них, ведя совершенно самостоятельную жизнь, часто враждовало с соседним обществом. Занятия чеченцев ограничивались, главным образом, земледелием и скотоводством, видоизменяясь в зависимости от разнообразных географических условий их родины.

Несмотря, однако, на такую обособленность и даже рознь между отдельными обществами, чеченцы, включая сюда и ингушей, образуют единое, цельное по языку и происхождению племя.

О единстве чеченского племени говорят и все писатели: Гюльденштедт, Клапрот, Потоцкий, Броневский, Шегрен, Лаудаев, Ахриев, Фрейтаг, Дубровин, Берже и др. Последнее авторитетнейшее слово по этому вопросу сказано ныне покойным знатоком Кавказа Загурским в этнологической классификации кавказских народов[9]. Он относит ингушей к чеченскому племени, входящему в восточно-горскую группу собственно кавказских народов. Но, несомненно, это слово могло быть сказано не ранее того, как знаменитый исследователь кавказских языков П.К.Услар установил научное отношение чеченского языка к другим кавказским языкам и, в частности, к ингушскому наречию. Приведем подлинные слова этого ученого: «Предлагаемая азбука составлена для языка народа, который сам себя назвал “нахчуй” или “нахчий” (в единственном числе — “нахчуо”), а у нас называемо чеченцами или кистинами (последнее название грузинское). Язык нахчуй дробится на множество наречий, которые возникли частью по уединенному положению некоторых обществ, частью под влиянием языков соседних народов, осетин, и в особенности, кумыков[10]. Но несмотря на то, чеченский язык представляет замечательное характерное единство; уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием. Различие наречий обозначается употреблением тех или других гласных, а также полных или усеченных форм»[11].

Новейшие научные изыскания лингвистов привели к следующим интересным выводам:

По научной классификации академика Н.Я.Марра — чеченцы, ингуши и кисты по языку отнесены к чечено-дагестанской группе яфетидов.

По Ф.Брауну — чечено-ингушская и цово-тушинская группа языков отнесена к спирантной ветви яфетической семьи языков.

По Н.Трубецкому все северо-кавказские языки делятся на две семьи: 1. чечено-лезгинские или восточно-кавказские и 2. абхазо-черкесские или западно-кавказские языки.

В пределах 1-й семьи различаются 8 групп и в числе их — чеченская группа с тремя ветвями: a) собственно чеченской, b) ингушской, c) тушинской или бацбийской.

По Эркерту и Финку — чеченский (с тушинским и ингушским) язык отнесен к северо-восточной группе северо-кавказских языков (вместе с лезгинскими языками).

А.Тромбетти делит все кавказские языки на 7 групп и языки чеченский, ингушский и тушинский относит к III группе[12].

Прибавлю ко всему сказанному выше, что сами чеченцы и ингуши, хотя и враждовали между собой, называют друг друга братьями, считая себя одного происхождения, одним народом. «Как искра сыпется от булата, так мы все посыпались от богатыря Нахчуо»,— говорит чеченская народная песня[13]. Было бы поэтому наиболее правильным, оставив название чеченцев и ингушей для отдельных частей этого племени, назвать всех их нахчуйцами.

Все авторы, посвятившие свой досуг изучению нахчуйцев или чеченцев, единогласно свидетельствуют, что о происхождении и времени водворения их в горах Кавказа и даже на плоскости никаких исторических данных не имеется.

Г.К.Мартиросиан на стр. 32–34 очерка «Нагорная Ингушетия» говорит, что начало истории Ингушетии теряется в глубине веков. Так, еще в труде армянского историка V в. Моисея Хоренского «География» упоминается об ингушах — «кусты» (кисты); у греческого географа Птоломея также упоминаются «кисты», жившие на Кавказе. Так что ингуши относятся к одному из древнейших народов Кавказа и колыбелью их оседлой жизни являются горы.

На страницах нашей отечественной истории, говорит Берже, наименование «чеченцы» впервые встречается в 1708 году, в договоре калмыцкого Хана Аюки, заключенном на реке Ахтабе с ближним министром, Казанским и Астраханским губернатором, Петром Апраксиным. Хан принимает подданство России и обязуется преследовать чеченцев и ногайцев[14]. Впрочем, по Карамзину[15], Попко[16] и Буткову — в 1594 г. против «Шавкала» из Астрахани был отправлен отряд войска под начальством Хворостина, но в низовьях Озени он потерпел поражение; в 1605 г. была отправ-

лена против владельца Аксайского и посланника шамхала Абдул-Гирея, шавкала Султана Магмута* новая экспедиция во главе с Плещеевым и Бутурлиным, которая была разбита наголову и потеряла 7 000 человек; в битве этой участвовали кумыки, дагестанцы и чеченцы.

Но еще раньше этого договора с Ханом Аюком чеченцы сталкивались с русскими. Так, известно, что чеченцы вместе с кумыками и ногайцами осадили Терский город в 1707 году. Это было первое серьезное столкновение русских с народом, с которым так много пришлось бороться в течение почти 150 лет, вплоть до взятия Шамиля и окончательного покорения Чечни князем Барятинским. Терский город был основан еще в 1567 г., во времена Иоанна IV Грозного,— при впадении р. Сунжи в Терек и, приблизительно, с 1582 года[17] стали на Сунже и Тереке селиться и казаки, названные гребенскими. Но уже в 1711 году чеченцы были настолько опасными врагами русских, что казаки принуждены были покинуть Сунжу и поселиться на левом берегу Терека.

При Петре Великом донцы совершили ряд экспедиций к чеченцам, жившим у Качкалыковского хребта, с целью наказать их. Таковы походы русских в Ичкеринские предгорья — 1718, 1722 и 1725 годов.

В 1721 году Эндерийские владетели Айдемир и Мусал Чапаловы, которые владели частью чеченцев, причинили большой вред окрестностям города Терка. На них пошел с войском Ветерани; те его встретили стрелами и пулями, но полковник Наумов разогнал их и взял Эндери, и эндерийцы дали присягу на верноподданство[18].

Известно также, что гуноевцы, чеченцы Ичкерии, платили дань гребенским казакам, которые прибыли на Кавказ, как нам известно, в ½ XVI столетия. Нынешние ауховцы, поселившиеся в долинах рек Ярык-су и Акташа, по преданиям их, выселились из горного общества Акки-лам, т.е. из Ингушетии, и с тех пор сменилось 14 поколений[19]. Считая этот промежуток времени минимумом в 400 лет, мы приходим к заключению, что выселение чеченцев на плоскость началось во всяком случае не позже начала XVI столетия, а в предгорья, конечно,— еще раньше этого времени. Е.Максимов также приурочивает выселение чеченцев в Ичкерию к ½ XVI века[20].

---

* Он же: Султанмуд.

Выселение это не закончилось даже и теперь еще, но ко времени вытеснения казаков чеченцами за Терек в 1711 году можно отнести период окончательного утверждения чеченцев на плоскости.

Дубровин, Потто и др. [вслед] за Бартоломеем и Берже говорят, что чеченцы выселились на плоскость около 200 лет тому назад. Но я утверждаю, что 200 лет нужно считать время окончательного утверждения чеченцев на плоскости; начало же выселений хуторами было несравненно ранее этого времени. Лаудаев[21] и за ним М.М.Ковалевский[22] ошибочно полагают, что чеченцы начали выселяться на плоскость лишь с ½ XVIII столетия.

Путешественник XVIII столетия Гюльденштедт говорит, что одно из чеченских племен — карабулаки, жившие по течению реки Мартана, платили дань аксайским князьям еще в 1770 году[23].

В 1772 году от них взяты аманаты (заложники) в Кизляр. Тогда же русские формально приняли их в русское подданство и разрешили им выселяться из гор на плоскость, при впадении реки Ассы и Фортанги в Сунжу. Они в 1763 г. еще жили в Черных горах в верховьях Ассы и были данниками Эндерийских владетелей и кабардинцев, еще будучи в горах[24]. В 1784 г. Шамхал Тарковский Муртазалий просил русское правительство оставить в подчинении его ингушей, его данников[25].

В 1773 г. ингуши, теснимые кабардинцами, считавшими их своими, просили у полковника Медема защиты как подданные России и христиане; но двор предпочел оставить их в зависимости у кабардинцев, чтобы не раздразнить последних и не вооружить против себя. Хотя еще в 1769 г. по просьбе их ингуши были приняты в подданство России, с условием их избавления от зависимости аксайских кумыков и кабардинцев; причем кизлярский комендант определил тогда к ним одного кизлярского служилого дворянина и 10 человек казаков под видом обращения в христианство из язычества[26].

После восстания и усмирения в 1771 г. кабардинцев, зависимость от них ингушей ослаблена. Лишь в 1810 году 22 августа русские окончательно освободили ингушей от дани кабардинцам[27], приняв ингушей в подданство на особых условиях по договору, заключенному генералом Дельпоццо, комендантом Владикавказской крепости, с ингушами. Договор Дельпоццо с представителями ингушских фамилий — чрезвычайно интересный документ, по нему ингуши вступают добровольно в подданство и обязываются выставлять для русских 1000 человек войска; обязы-

ваются не пускать к себе мулл для проповеди ислама; не платить податей кабардинцам, чеченцам и прочим магометанского закона народам; выдают 6 человек коми, и получают право на добычу военную. 8 января 1811 г. кистины приняли русское подданство, в числе 13 деревень, 299 дворов; генерал Дельпоццо привел их к присяге и взял от них аманатов (заложников) в г. Владикавказ[28].

Впрочем, сами ингуши не признавали себя ничьими подданными, и, уступая иногда силе кабардинцев, при первой возможности отказывались от уплаты им дани; при возникновении в XVIII в. на плоскости больших ингушских аулов, они уже не боятся вовсе кабардинцев. Русское правительство обратило внимание на ингушей еще в 1744 г. Подданство России ингуши начали принимать еще в 1747 году, когда на них и осетин правительство обратило внимание с целью восстановления среди них христианства[29]. С этого времени, вплоть до конца первой четверти XIX столетия делались неудачные попытки восстановить среди них христианство, некогда распространенное грузинами, а потом ослабевшее; была даже назначена особая Осетинская комиссия в Моздоке; назначены были и священники для ингушей; много вновь крещено[30]. В 1784 году при Потемкине, высочайше назначенном на должность генерал-губернатора саратовского и кавказского, основывается г. Владикавказ при ингушской деревне Заур[31]. В самом начале XIX в. генерал Дельпоццо закладывает и крепость близ ингушской деревни Назрань. Ясно, что ингуши, начав выселяться на плоскость гораздо раньше знакомства с ними русских, утвердились окончательно на плоскости около половины XVIII столетия.

В 1771 г. путешественник Гюльденштедт находит у предгорьев на реке Камбилеевке целые общества ингушей — Ангушт и Шалка, возникшие, как говорит Клапрот[32], около середины XVIII столетия. Еще в 1807 г. во время путешествия Клапрота ингуши часто меняли места поселений, переходя из одной долины в другую, ведя полукочевой образ жизни. Головинский и Вертепов ошибочно относят время выселения ингушей на плоскость к 1810–1817 гг., а основание Назрани — к 1830 г., т.к. в 1784 г. на месте г. Владикавказа была ингушская деревня Заур; а редут Назрань заложен Дельпоццо ранее 1810 г., в командование Ртищева, на месте ингушской деревни; кстати, уместно пояснить, что Ангуч — по-ингушски означает — видящие плоскость, т.е. живущие у предгорьев. С этого времени усиливается вражда между чеченцами-магометанами и ингушами язычниками — христианами. В 1783 г.

ингуши и чеченцы сразились (по одной тысяче человек с каждой стороны), подстрекаемые русскими, и чеченцы одержали победу[33]. Принятие мусульманства чеченцами от дагестанцев еще до XVIII столетия послужило значительным толчком к усилению вражды их к русским и посеяло рознь между ними и единоплеменными ингушами[34].

Чеченцами (ближайшими к кумыкам) еще в начале XVIII столетия владеют князья, призванные ими для водворения порядка. Таковыми были Турловы из Гумбета (из Аварии); другие становились ими потому, что чеченцы поселялись на земле владетельных князей; каковы Айдемировы, Черпаловы (из Эндери), Касбулатовы (из Аксая), Бековичи-Черкасские — из Большой Кабарды. Во власти этих князей находились селения: Большой Чечень, Малый Чечень, Большая Атага, Горячеводск, Исти-су, Топли и др., образующие бывший Чеченский округ, на плоскости в низовьях Аргуна и на Сунмже, около нынешнего Грозного[35]. В 1757 г. чеченцы вышли из должного повиновения своим владетелям и в 1760 г. окончательно изгнали всех князей; походы русских (с 1758 г.) во главе с Кизлярским комендантом Фрауендорфом, полковником Медемо и других на время усмирили чеченцев. Но в 1769 г. чеченцы опять восстали[36]. Столкновения русских и чеченцев с этих пор все более и более учащаются; русские посылают к ним в предгорья отряды, чтобы наказать их за набеги, сжигают аулы, угоняют стада; но чеченцы скрываются в лесах, легко возобновляют старые аулы или строят на новом месте и продолжают беспокоить линию. В 1779 г. чеченцы, кабардинцы и др. горцы в числе 15 000 человек напали на Марьинскую крепость, но Якоби разбил их. В 1781 году чеченцы опять присягают на верноподданство Кизлярскому коменданту Куроедову; они обязуются почитать поставленных русскими князей (кумыцких), быть в мире и согласии с подданными России кумыками, кабардинцами и осетинами; обещают разбирать дела (суд) «по древним кумыцким обычаям» (платить за убитого 100 руб., а за раненого 50 руб.); пленных выдать за выкупную плату; беглых русских не принимать. Эти присягавшие жители аулов Большой Чечень и Аджи-аула дали аманатов (заложников) за поручительством чеченского владельца Арсланбека Айдемирова[37].

В 1783 г. Потемкин наказал чеченцев и они все (плоскостные) признали подданство. Изгнанные князья вновь возвращены по воле русских, но держались недолго; в конце концов все они поки-

нули Чечню и ушли на левый берег Сунжи и между Сунжею и Тереком основали аулы Верхний и Нижний Наур и др.; за ними добровольно последовали и несколько сот чеченцев, получивших название мирных[38].

У Авторханова цитируется описание борьбы чеченцев во главе с Шейхом Мансуром Ушурма[39*] с русскими из очерка З.Шерипова «Мансур» в сборнике «Абреки»[40]. Отряд в составе Астраханского полка, одного батальона Кабардинского полка, двух рот Томского полка и сотни Терского войска под командованием полковника Пиери, направленный на Алды для ликвидации движения Шейха Мансура в 1785 г., был почти полностью уничтожен. После этой победы Шейх Мансур осаждал крепости Приогриполис, Кизляр и Моздок. В октябре 1785 г. Мансур несколько раз атаковал и отбросил к Моздоку посланный против него князем Потемкиным еще более значительный отряд полковника Нагеля (в составе 2-го Московского полка, гренадерского батальона, двух рот Кабардинского и Селленгинского полков, двух эскадронов Астраханского драгунского полка, Моздокского казачьего полка и 300 человек донских и гребенских казаков).

Вот некоторые из исторических событий XVII и отчасти предыдущих веков, проливающие некоторый свет на темное прошлое чеченцев и ингушей.

Приводя эти исторические справки, я не имел цели восстановить здесь политическую историю чеченцев; они необходимы были для того, чтобы найти кое-какие точки опоры для того, чтобы разобраться в массе противоречивых преданий чеченцев и ингушей о выселении из гор, призвании князей и об их изгнании; из них же мы можем судить о степени и времени влияния соседей на жизнь чеченцев, об отношениях к ним кумыков, дагестанцев, русских, осетин, кабардинцев и др. События из исторической жизни чеченцев и ингушей в XIX столетии довольно хорошо известны, и я не считаю нужным здесь останавливаться на них. Скажу только, что и в XIX столетии до окончательного покорения Чечни и Дагестана в 1859 году рознь между чеченцами и ингушами продолжает усиливаться. Поэтому, почти все движения в Чечне, каково поголовное восстание Чечни во главе с Бей-Булатом Таймиевым[41*] в 1825 г. И усиленная пропаганда мюридизма с 1830 года, со времени появления Кази-Муллы[42*] и т.п. почти совершенно не отразилась на ингушах. Они вели себя мирно, нашедши в лице русских защиту от чеченцев и кабардинцев. Последняя вспышка ингушей

вместе с осетинами, носившая несерьезный характер незначительной вспышки, была окончательно подавлена в 1850 году генералом Абхазовым.

Следует, однако, оговориться, что окончательному усмирению ингушей предшествовали восстания их против русских и разорение многих селений в 1813 г., когда ингуши вместе с хевсурами были втянуты беглым грузинским Царевичем Александром в восстание Кахетии (1812 г.). В 1832 г. было восстание галгаевцев, и начальник Кавказского корпуса генерал барон Розен в экспедиции истребил их жилища, скот и посевы, в особенности в селении Цори; 23–VII–1832 г. было истреблено 8 деревень; а 24–VII — из селения Таргим — истреблено 9 деревень. Оставались спокойными челихойцы, кистины и джераховцы[43].

В 1830 г. были усмирены племена горцев: куртатинцы, тагаурцы (осетины), джераховцы, кистинцы и галгаевцы. Для управления ими граф Паскевич назначил одного пристава и 4-х помощников, разделенных по ущельям (Мартиросиан, с. 48).

В 1840 году разрушен центр плоскостной Чечни — аул Чечень, и плоскость усмирена. В этом же году ингуши отразили нападение на Назрань Шамилевского войска, за что получили знамя и привилегии. Что касается распространения магометанства среди ингушей, я об этом подробнее останавливался в своем труде «Первобытная религия чеченцев и ингушей». Здесь лишь повторю, что все чеченцы некогда были номинально христианами, а в сущности язычниками, и лишь с XVI–XVII столетия стал проникать к ним ислам из Дагестана от кумыков, причем они некоторое время платили дань Шамхалу Тарковскому[44*]. Ингуши были язычниками и лишь с ½ XVIII столетия вновь обращаются в христианство. Последней из чеченцев приняла магометанство одна фамилия в с. Гуни в середине XVIII столетия[45].

Ингуши же только начинают принимать мусульманство в конце XVIII в. и весьма медленно; еще в первых годах XIX столетия (1810 г.) они обязуются генералу Дельпоццо и клянутся кумиром Гальерд изгнать от себя всех мулл и не строить мечетей; окончательно же ислам утвердился среди ингушей ко времени покорения Кавказа, т.е. в 1860-х годах. Граф Потоцкий, путешествовавший по Кавказу в 1797 году, говорит, что лишь немногие из ингушей втайне считались магометанами, а прочие — язычники. Они изгнали из своей среды (в Чечню) двух ингушей, попавших в рабство к туркам и, вернувшись на родину мусульманами, начавших

проповедовать новую религию среди земляков своих. Последние сказали им: «Vous nous enseignez une loi que vous avez apprise pendant que vous etiez esclaves. Nous n'en voulons point. Sortez de notre pays, et n'y revenez jamais»[46].

Предания чеченцев и археологические изыскания экспедиции во главе с профессором Миллером указывают на то, что христианство между горными чеченцами было распространено главным образом в царствование грузинской царицы Тамары и после, т.е. в XI–XII веках[47]. С ½ XVIII в. между ингушами начинается проповедь христианства русскими и лишь в 1830 году, когда ингуши сожгли русских и осетинских миссионеров в одной башне бывшего Кистинского (ныне Мецхальского) общества, проповедь окончательно прекратилась, и с этих пор мусульманство и влияние шариата берут перевес в жизни ингушей над прочими влияниями.

б) Предания чеченцев и ингушей об их происхождении, расселении и их прошлой политической жизни

Предания самих чеченцев говорят, что предки их происходят от племени бацоев, т.е. тушин, часть которых до сих пор живет в верховьях Шаро-Аргуна в Тионетском уезде Тифлисской губернии (ныне ГССР) и говорит на языке, в котором больше слов чеченских, нежели грузинских. По словам И.Бартоломея[48], эта часть тушин, образующая два округа — Цовский и Перекетельский, недавно выселилась из Чечни. Поэтому на приведенное только что предание о происхождении всех чеченцев от тушин следует, конечно, смотреть как на миф, указывающий на родство между этими двумя народами. Из бацоев,— гласит далее предание,— три фамилии: Галгай, Ако и Шото, пробрались со своими родичами на места, занимаемые ныне горными чеченцами[49], из них образовались три общества: Галгай, Ако и Шото, первое — в верховьях Ассы, второе — в верховьях Гехи, третье — в верховьях Чанти-Аргуна и Шаро-Аргуна, притоков Сунжи. От этих трех обществ путем размножения от естественного роста и присоединения новых пришельцев из разных стран образовались все остальные общества чеченцев, расселившихся на восток, север и запад.

Древнейшими местами поселения чеченцев все же, по всем преданиям, считаются общества Маасты и плоскогорье Нашах, в верховьях Чанти-Аргуна, Мартана, Гехи, Фортанги, Ассы и др.

Все эти названия — Шато, Ако, Га (Галгай) — были, по преданиям, именами предводителей, родоначальников пришельцев; свое имя они переносят и на занятую территорию и на все племена и род свой[50].

Относительно образования других чеченских обществ нет единства в указаниях преданий. Например, по преданию, записанному Лаудаевым, новое чеченское племя (общество) Шотой — значит горцы, от «шу» — высота, холм, образовавшееся в верховьях Чанти и Шаро-Аргуна, по соседству с тушинами, стало размножаться; к ним стали присоединяться многочисленные выходцы из Грузии, Аварии (Андии), Хевсуретии, Тушетии, греки и даже персияне — остаток войск Надир-Шаха, разбитого в горах аварцами (лезгинами)*. Как могли все эти странники-выходцы попасть в горы — вопрос, конечно, темный, как темна самая эпоха великого переселения народов, оставивших жалкие остатки свои в равнинах и теснинах многоязычного Кавказа.

Так или иначе, этих пришельцев накопилось в верховьях Аргуна много. Всякий новый пришелец** с своей дружиной выбирал укрепленное самою природой место, занимал, сколько им нужно, землю и отстаивал ее мечом от себе подобных.

Но, не говоря о постоянной борьбе соседей друг с другом из-за клочка земли, горы могут вообще вместить лишь ограниченное число жителей, и пришельцам вскоре волей-неволей пришлось раздвинуться на восток и запад, образуя новые общества, новые фамилии, смешанные с коренными обитателями-туземцами. Древние туземные фамилии: Шарой, Чантой, Аккой, Хильдихерой, Чаберлой и др., смешавшись с ними, пришельцы образовали общества: Галгай, Галашевское, Акинское, Чаберлоевское и др. Всех фамилий (тайп) до переселения чеченцев из гор в Ичкеринские предгорья было 59; теперь же их более 100. При выселении из гор они не могли сразу поселиться на плоскости, потому, что там в то время жил сильный народ; Лаудаев думает, что это были русские; но надо полагать — на плоскости в то время (лет 400–500 тому назад) жили кумыки, ногайцы и др. кочевники; и лишь с XVI–XVII столетия появляются и русские. Приходилось выбирать места, защищенные дремучими лесами и горами, каковы Аух и Ичкерия. Фа-

---

* Персияне, говорят, образовали фамилии: Туркой, Хурхой, Хой, Парсеной и др.

** Новые, пришлые фамилии были: Михалой, Паматой, Варандой и др.

милии враждовали друг с другом, сильный обижал слабого, и вот половина Аккинской фамилии (тайпы), которая более других терпела в горах от соседей, одна из первых покидает насиженное гнездо и поселяется в Аух по рекам Ярык-су и Акташу, в предгорьях, под покровительством Аварского хана.

Раздоры, теснота от малоземелья и подчинение Грузии заставили половину из 59 фамилий также покинуть горы и поселиться в свободной, девственной лесистой Ичкерии, платя аварскому хану как ее обладателю ясак (подать). Земли было сколько угодно, и пришельцы приобретали нужное количество ее первобытным способом заимки. Однако новый приток фамилий в Ичкерию вызвал столкновения между фамилиями; пошли раздоры из-за земли, и Аварский хан принужден был вмешаться в их жизнь и указать каждой фамилии раз навсегда определенный участок земли. Предание гласит, что земля делилась в присутствии целого народа как свидетелей, причем соблюдали такой обряд. На конце границы владения резали быков и баранов, варили мясо в огромных котлах и потчевали свидетелей в знак утверждения границ; затем котлы скатывали до другого конца границы, где также повторяли пир и угощенье в знак владения. Это размежевание остается неприкосновенным и до настоящего времени*. Плата хану составляла 3% от овец и 1% от крупного рогатого скота; впрочем размер ясака менялся, и со временем сильные фамилии и вовсе отказываются платить этот сбор, а за ними перестали платить и все ичкеринцы.

Ичкерия получила название «Нахчуй-мокх», т.е.— страны (родины) чеченцев; плоскостные чеченцы, поселившиеся там позже, выйдя из Ичкерии, называли ее — «Де-мокх», т.е. праотеческой землей, хотя точнее было бы этим именем назвать прародину чеченцев — Нашах, в верховьях притока Аргуна Мартана. Ичкеринцы, ауховцы и др. переселенцы, селившиеся сперва хуторами, образовали множество аулов и давали им наименования своих прежних аулов, или своих фамилий. Например, аулы Черми, Харачи, Цонтари и проч.

Общего племенного названия чеченские фамилии не имели не только в горах, но даже и в Ичкерии**, где отчужденность родов

---

* Например, Чермой-мохк, т.е. Чермоевская земля; Харачой-лам, т.е. гора Харачоевской фамилии и т.п.

** Самое слово Ичкерия — кумыцкое, от: ичи — срединная и ери — место, и значит — срединная земля (горная котловина, плато).

ослабела и возникла общественная, общенародная жизнь, где народ размножился и сплотился, приобретши силу вовне и организовавшись несколько внутри (народный суд, возникновение аулов более значительных и т.п.). Все-таки общего племенного названия еще нет, пока с уходом русских за Терек в начале XVIII столетия чеченцы не заселили самую плоскость Чечни; с тех пор частые столкновения с чуждыми народами еще более сплотили чеченцев и они стали называть себя «нахчой» (сырники, или, иначе говоря, скотоводы). Это название мало-помалу распространилось и на горных обитателей Чечни, и даже шатоевцы и назрановцы стали говорить друг другу: «мы общие братья, мы одинаковые нахчой».

С русскими чеченцы поступили точно так же, как и с аварцами; сперва русские (казаки) грабили их на плоскости, когда они жили еще хуторами, не успев образовать большие аулы и сплотиться; за разрешение селиться хуторами они платили дань казакам. В начале они выполняли это условие, но, усилившись, они наотрез отказались от всякой дани казакам, и своими грабежами принудили последних покинуть занятую ими плоскость и переселиться на левый берег Терека. Не будучи в силах справиться с опасными соседями, русские в начале XVIII столетия направляют на чеченцев калмыков, ногайцев, кумыков и кабардинцев. Кумыки завладевают Качкалыком и частью Большой Чечни; кабардинцы — левым берегом Сунжи и частью Малой Чечни*. Тогда чеченцы начинают селиться на землях кабардинских и кумыцких князей как их подданные; но, усилившись, и им перестают платить ясак и завладевают всей Малой и Большой Чечней до р. Сунжи, изгнав из этих пределов всех князей (в 1757 г.).

Став непобедимыми и полными хозяевами Чечни, тогда чеченцы перешли от полукочевого образа жизни к оседлому, построили большие аулы и селились в них по несколько фамилий вместе, чего в горах почти не бывало, за исключением разве родов, заключивших союз обороны.

Постепенно возникли такие прославившиеся исторические, памятные русским аулы, как Чечень-аул, Герменчик, Майр-Туп, Гехи и др. Этим смешанным аулам уже не даются фамильные названия, нет более патронимических названий, а их заменяют названия, заимствованные от рек, гор или названия местностей; так, жители Большой Чечни называются Аргуналь-дихаре-нах, т.е. за-

---

* Горы в Малой Чечне до сих пор еще называются Черкесскими.

аргунский народ; жители Малой Чечни называются Гехи-Хой, т.е. жители при р. Гехи; земля Чечень-аула называется Нана-Чечень, т.е. Мать-Чечень. Изгнав кумыков из Качкалыка, чеченцы оставили за ним прежнее название Качкалык-Хой, т.е. место убежища. Шали-Хой назвали жители аула Шали, Мартан-Хой — жители Мартана, Гойтер-Хой — жители по р. Гойте и др.— Самым большим аулом на плоскости Чечни в начале XIX столетия был аул Алды, состоявший из 40 фамилий, из среды которых выходили опаснейшие вожаки (бяччи) в борьбе с русскими. На плоскости же земледелие (сеяли пшеницу, просо, ячмень, а кукурузы (маис) — теперешний главный земледельческий продукт — в XVIII столетии чеченцы еще не знали) начинает для чеченцев становиться главным источником существования, тогда как в горах вся надежда их была на скотоводство; вскоре соха заменяется у них плугом (от русских), народ окреп и политически, улучшилось и его материальное благосостояние. Соседи почувствовали к чеченцам полное уважение, не смея тревожить их; только от одних русских они получали отпор. Горные чеченцы называют плоскостных «настоящими нахчай», себя же только иногда называют этим именем, а чаще всего — «ламорой», т.е. горцами, что стало равносильно в глазах плоскостных чеченцев слову бедняк; на горцев чеченцы смотрели свысока, в особенности после истребления отряда жителей верховьев Аргуна и Хулхулау, спустившихся было в середине XVIII столетия в Ханхальское ущелье по р. Аргуну пограбить сытых братьев; с тех пор, чтобы выразить понятие о каком-нибудь большом количестве ничтожных предметов, они говорят: «Это дешевле, чем тавлинские (горские) папахи на Аргуне».

Все общественные движения начинались в Большой и Малой Чечне; горцы же только следовали за ними. Исключая назрановцев (наср-хой) — язычников-христиан, весь остальной чеченский народ, объединенный единством языка, религии, общим племенным названием и убеждением о происхождении от общего родоначальника, а также общностью политических интересов, с половины XVIII столетия становится постоянным, упорным защитником самобытности и непокорным, беспокойным соседом русских, пока сто с лишним лет спустя не был окончательно сломлен царскими полчищами. Такова картина заселения горцами нынешней Чечни по преданиям, записанным Лаудаевым, Берже и др.

Почти то же говорят о расселении чеченцев из Ичкерии по равнине и Попов[52], и Дубровин[53] (т. 1, с. 369–373). Попов передает,

что фамилия Зумсой — от грузин; Келой — от тушин; Ахшпатой — от фиренгов (европейцев); Варандиской — от выходцев из Хевсуретии; есть и греческие, и русские выходцы. Г.П.Головинский[54] несколько иначе рисует картину заселения Чечни. От фамилии Шатой образовалось еще 10 обществ, живущих ныне по р.р. Чанты-Аргуну, Шаро-Аргуну и притокам Аргуна, каковы: Шарой, Чантой, Нахилой, Мухлой и др. Вторую группу составляют 6 обществ, образовавшихся от главного общества Аккой и поселившихся у речек Галанчодж, Теори-Ахк в верховьях Гехи, каковы: Нашхой, Пешхой и др.— Третью группу составляют общества, происшедшие от общества Галгай — и в числе пяти живущих у речек Кистинки (Арм-хи), Цорой-хи и верховьев Ассы, каковы: малхисты, мецхальцы, цоринцы, джерахи, галаши и мереджой. Из выходцев этих трех главных групп обществ образовались и общества низовых чеченцев, каковы: 1) Ауховское, 2) Ичкеринское, 3) собственно Чеченское, 4) Арштхоевское или Карабулакское и 5) Ингушское или Назрановское.

Об образовании собственно Чеченского общества предание гласит следующее. Выходец из Шама (Сирии)[55] Али-араб поселился в Галгае. От брака Али с галгаевской девушкой родился сын Нахчуо; в руке младенца нашли при рождении кусочек сыру (нахчо), отчего и дали ему это имя.

От ханши, похищенной Нахчуо у Бештау, и от него родился сын Нашахо; ее рабыня также принесла ему двух сыновей, и эти три сына Нахчуо и положили основание обществу чеченцев, которое, принимая к себе переселенцев и постепенно размножаясь, заняло пространство от р. Гехи до Аргуна и далее до Мичика[56]. В книге Н.Семенова «Туземцы Северо-восточного Кавказа» имеется перевод арабской рукописи, имеющейся у чеченцев, о происхождении их. В ней также предание считает основателем народа Нахчуо потомка выходца из Сирии Сеида-Али-Шам-Хана, который поселился в Нашахе в 828 г. по р. Хр. На плоскости тогда хозяйничали калмыки, потом персы. Ислам явился у Нахчуо из Карахайдака, в Дагестане.

Максимов[57] полагает, что Шам — это Шамхальство Тарковское, что весьма возможно, так как есть предания о выходцах из этого государства в Чечню. Но Максимов тщетно строит догадки по этим преданиям о времени прихода чеченцев в горы (он относит это время к XV в.); предания ничего не могут дать для определения этого периода, тем более, что чеченцы, как и сам он гово-

рит, произошли из смеси различных выходцев из Дагестана, Грузии, Осетии и из остатков от великого переселения народов. Можно лишь с достоверностью утверждать, что если не считать исчезнувших и слившихся с чеченцами мифических аборигенов гор — тиндов, мидов, джай, вамполож и т.п., то чеченцы — один из наиболее ранних обитателей гор, и вместо XV в. легко можно назвать время их прихода — в V в.

Ичкеринское общество основал выходец из Нашаха* Молкх**, из рода Нахчуо; он дал обществу свое имя — Нохчи-Молкх, устроил его, первый ввел меру локтем.

Ауховское общество основали несколько фамилий из Аккинского общества (слово Аух — происходит от Акко и переделано кумыками) у гор Салатавии на р. Акташ.

Акинец Арштхо поселился на плоскости у реки, впадающей в р. Мартан приток Сунжи, и дал свое имя обществу, как и основатели прочих обществ; кумыки назвали их карабулаками***, они до 1860 и в 1865–1866 году выселились в Турцию в числе 2500 семейств (около 25 000 человек). Ингушское общество образовалось из выходцев из Галгаевского общества; это были семь фамилий: Бековы, Мальсаговы, Арчаковы, Костоевы, Плиевы, Сульдигиатовы и Гириатовы; они поселились на р. Ангиш или Ингиш (Ангуш), впадающей в Камбилеевку в Тарской долине, а позже переселились к р. Назрань, впадающей в Сунжу, и стали называться — Насрхой. В 1810 г. договор о подданстве России подписали «ингушский вольный и ни от кого независимый народ, считающийся в родах шести фамилий: Торгемова, Цецме-Бохова, Агиева, Колтугова, Яулурьева и Хамхоева».

Приведенные предания ход заселения Чечни в общем рисуют согласно приведенным мною раньше сведениям, но здесь мы встречаемся с попыткой возвести Нахчо в родоначальники всего чеченского племени, чего раньше мы не видели. Очевидно, что эти предания относятся к позднейшей эпохе усиления плоскостной Чечни, покрывшей своей славой и всех остальных чеченцев и сообщивший всему племени общее название Нахчай (Нахчуй). Здесь и фантастическому элементу отведено более видное место; нечего и говорить, что олицетворение племенного названия в лице отдельного

---

* Это общество находится в верховьях Чанты-Аргуна.
** Молкх значит — светлый, от молкх — солнце.
*** Кара — черный, булак — источник.

человека — родоначальника Нахчо, есть чистейший миф, свойственный всем народам младенческой культуры. Но важно здесь то, что так или иначе все чеченское племя, считая себя единым, хочет произвести свое начало от общего родоначальника, какового они пытаются поднять как можно выше над смертными. Чем ближе и непосредственнее родство фамилий с этим основателем народа — Нахчуо, тем эти фамилии больше гордятся. Так, коренными чеченцами считаются те из аулов, которым различные отрасли фамилии Нахчуо дали свои имена: как то Харачи, Цуонтари, Белготи, Сесени, Гуни, Черми, Эрсени и др., каковые сохранились и поныне, как названия аулов с прибавкой слова юрт или аул[58].

Сказанным я исчерпал почти все известное в печати о заселении Чечни, притом по преданиям собственно чеченцев.

Обращаясь к преданиям той части чеченского племени, которая условиями природы и политическими судьбами была отрезана от остальных «братьев» и с ½ XVIII столетия стала даже во враждебные к ним отношения,— я говорю о племени ингушей, мы должны вспомнить, что по чеченским преданиям часть ингушей произошла от Аккой (кисты, цоринцы, галаши и др.), а собственно ингуши или назрановцы — от галгай. Акки и Га были братьями Шато, от которого произошла остальная половина чеченцев. В ингушских преданиях, записанных мною со слов стариков, видна одна и та же идея единства происхождения всех чеченцев, не исключая и ингушей. Я подробно остановлюсь на них ввиду большого интереса, представляемого ими вообще; из них многое можно почерпнуть и для характеристики родовой организации чеченцев; из них рельефно выступают и мотивы выселения народа из гор, и отношения к соседям. Пожаловаться на скудость этих преданий у ингушей никак нельзя, как утверждает это по отношению к чеченцам Лаудаев. Каждая фамилия ингушей, кичась одна пред другой своею древностью и геройством, твердо хранит фамильные предания, и богатая фантазия ингуша к ним прибавляет много фантастического, легендарного, родоначальника же возводит в орел святости, а себя часто производит прямо от богов и нартов (богатырей).

Еще Ахриев[59] на это указывал и приводил в пример предание о происхождении кистин, джераховцев и ингушей, живших в Тарской долине и Черных горах. Ингуши, населявшие Тарскую долину, произошли от брака одного кабардинца с девушкой из народа вамполож (двуротые), живших в ингушских горах, после джелтов (греков). Джелты выстроили все замки и башни, были народом

умным и трудолюбивым. Сменившие их вамполож вели войны с кабардинцами, но бог всех их погубил за буйство. Родоначальником кистин был Кист, сын одного сирийского владельца из дома Камен. Бежав во время первых крестовых походов из своей родины, он пришел в Грузию, но вследствие постоянных нападений на последнюю арабов и турок принужден был удалиться в неприступные горы и поселиться недалеко от верховьев р. Терека. Здесь он основал аул Арзи (орел) и, по примеру своих предков, избрал себе герб с изображением орла и с надписью куфическими буквами имени владетеля герба-ястреба, выданного ему Сирией в половине IV в. хиджры, т.е. в XI столетии. Этот герб, по словам Ахриева, хранится в одном из правительственных учреждений.

У Киста был сын Чард и внук тоже Чард. Последний построил в Арзи (Мецхальского общества) 16 башен и замков, существующих и поныне. От этого Чарда произошли братья Эдип и Эльбиоз, братья Мануил и Анд; сын Эдипа Даур-бек, поссорившись с дядей Андом, переселился в соседнее Джераховское общество. Потомок Киста Тач был принят грузинским царем Ираклием с почестями, подобающими владетельным лицам.

Родоначальником Джераховского общества был Джарахмат, который поселился на берегу р. Арм-хи с незапамятных времен. Он прибыл из Персии со ста человеками подчиненных; до его прихода это ущелье было необитаемо, а после него стали там селиться и другие.

Пограничные грузинские владения часто терпели от набегов потомков Джарахмата (Борсин-Бека и др). Грузинские цари ласкали и одаривали предводителей кистин и джераховцев.

На земле джераховцев жили и дружественные осетины. Они вместе брали плату за проезд чрез Дарьял и сохраняли дорогу в исправности. Эта близость с осетинами и постоянные сношения с Грузией несомненно были причиною заимствования ингушами многих обычаев и культуры грузин и осетин.

О Галгае Ахриеву не было известно ни одного предания, а нарановцы и карабулаки как общества смешанного происхождения, по его словам, не имеют преданий и вовсе. Но Ахриев в этом случае ошибается; такие предания существуют и у названных обществ.

В исследовании Г.К.Мартиросиана «Нагорная Ингушетия», стр. 35 и след. приведено много интересных преданий об образовании отдельных ингушских обществ, частью заимствованных у

Ч.Ахриева (Сборник сведений о Кавказских горцах, вып. VIII, 1875 г.), а частью записанных самим автором на месте.

По этим преданиям, предка галгаевцев звали «Га»; у него было двое сыновей — Галгай и Габертэ (Кабардинец). Галгай (Га) вышел из ущелья Геши Аргунского округа и, поселившись в Галгаевском ущелье, основал Галгаевское общество, а Габертэ переселился в Кабарде и основал кабардинское общество.

По другому варианту, в Галгаевском ущелье сначала был основан аул Аэйги-Калла тремя братьями — Аэйги, Хамхи и Таргим; затем 2-й и 3-й из них отделились и основали аулы Хамхи и Таргим; а их потомки основали аулы Барким, Кост и Барах.

Когда в горах стало тесно, галгаевцы стали выселяться на Тарскую долину, где построили 60 башен, обороняясь от чеченцев, осетин и кабардинцев. Затем ко времени прихода русских они переселились дальше на плоскость и основали Назрань.

Родоначальником Кистинского общества был Кист, выходец из Сирии. Внук его Чард выстроил в ауле Арзи 16 осадных башен и замков.

Джераховское общество основал выходец из Персии Джарахмат. Другое предание основателем Джераха считает галгаевца Левана.

Почти каждый горный аул имеет предание о своем возникновении. По преданию, записанному Мартиросианом, в Джерахе первым поселился Охр, выходец из Джераховского общества. Основателем же аула Фуртоуг был Джарахмат, предок нынешних обитателей в 12-м колене. Мецхальское общество основано Мецхалом, во времена еще до грузинской царицы Тамары. Аул Салги основан выходцем из Аравии — Мого. До ингушей в Джерахе и Мецхале жил другой народ, вероятно, тюркского племени.

Существует предание об основании селений Таргим, Эгакала и Хамхи. У жившего некогда в горах воинственного человека Эльберта было 3 сына: Эги, Хамхи и Таргим; это было во времена царицы Тамары.

Они основали аулы, носящие их имена. Род Таргима разросся и дал ряд ветвей-фамилий: Мальсаговых, Бековых, Чопановых, Плиевых и др.

По другой легенде, основание селения Эгакал приписывается фамилии Забиевых, которые поселились там некогда ввиду удобства для занятия овцеводством.

Аул Барах основан выходцами из селения Эгакал.

Характерно, что джераховцы, ингуши, с соседями осетинами

совместно поддерживали в исправности дорогу чрез Джераховское ущелье (нынешнюю Военно-грузинскую) и брали плату за проезд.

Столетний ингуш Казбык Казиевич Хабиев-Буржаев, житель селения Арзи, Мецхальского общества, Сунженского отдела и другой старик, 60 лет Ганыж Абиевич Келигов-Фельханов, житель селения Фельхан, того же Мецхальского общества, рассказывали мне следующее о давнишней жизни их предков.

Галгайцы были первыми поселенцами гор. Размножившись, вследствие недостатка земли они переселись частью в Акки; им вскоре и там стало тесно, и часть их выселилась в Чечню на плоскость; там они присоединились к настоящим чеченцам, но последние их выделяют и теперь, считая их хуже себя и называя их не нахчой, а аккой.

Галгайцев прежде называли «Галгай-хой», что по-татарски значит — башенники, так как в их земле очень много башен и могильников.

По словам Казбыка, все выходцы, заселившие горы, шли с востока, из Бухары, Дагестана; сказание про выходца из Сирии Али-Араба (приведенное выше) или Турпала (богатыря) весьма распространено в Чечне. Он был потомком Магомета из фамилии Курейши; придя чрез Турцию на Кавказ, он поселился сперва на плоскости в местности Татар-тупе в Малой-Кабарде, но потом, теснимый врагами, он ушел в горы Галгай; потомки его расселились по всей Чечне и образовали чеченский народ. Шамхал (Шаухул) Тарковский тоже происходит от арабов-курейшитов (от Шах-Таймаз-Хана); чеченцы одной с ними крови, потому что и они происходят от курейшитов.

Некоторые из фельханцев и арзинцев до сих пор именуют себя Шаухуловыми и считают себя потомками шамхала, пришедшими из Дагестана.

Происходя от ханской, благородной крови, все чеченцы и ингуши — благородны и равны между собою, все они уздени, никого не знают выше себя. Холопы приводились к ним из чужих стран, покупались и продавались, но из среды самих ингушей вовсе не было рабов. Родственники жестоко мстили за продажу в рабство их родичей, почему и не было у них этого скверного обычая. Однако, по словам Ганыжа, сильные фамилии воровали детей у слабых и продавали их в непокорные общества Оршт-хой (карабулаков) и в Чечню, и это повторялось почти до времени окончательного поко-

рения Кавказа. Граф Потоцкий, приводя бывший в его время случай продажи сироты-ингушки ингушом в ауле Эндрее, этом некогда гнезде торговли рабами, и говоря, что эта ингушка повесилась на дереве, прибавляет, что за немногими исключениями ингуша, действительно, вообще трудно обратить в рабство, так как, сделав возможное, чтобы избавиться от позора, он в крайнем случае накладывает на себя руки; свободолюбивая натура ингуша не мирится с рабскою жизнью. Однако все ингуши, не исключая горцев, долгое время находились в вассальной зависимости от шамхала и кабардинцев, были их данниками; это, конечно, не стесняло их свободы в остальном; внутренняя жизнь их и свобода не подвергалась опасности.

От выходцев из Датиха, Галгаевского (ныне Хамхинского) общества, произошли все цоринцы. Первоначально они даже платили дань галгайцам; но потом отказались от этого; тогда галгайцы убили брата известного цоринца Бехо Алиева; последний отомстил галгайцам; и с тех пор цоринцы и галгайцы стали враждебны друг другу, и первые уже больше не платили дани последним. Вообще галгайцы были самым сильным из ингушских обществ; все нарты (богатыри), по преданиям, жили в Галгае, все крупнейшие события из доисторической жизни ингушей происходили там же. Еще на памяти старика Казбыка, лет 100 тому назад галгайцы из селения Озык, из фамилии Баркинхой, приводили из Дагестана вооруженные отряды лезгин и брали дань с осетин, хевсуров, тушин и грузин; за отказ платить дань галгайцы не давали покоя этим соседям, грабили их, брали в плен и продавали в рабство; а за уплату дани они ограждали их от нападений других ингушей, заступались за них.

Осетинская фамилия Дударовых[60] происходит, по преданию, от ингушей; она только недавно сравнительно выселилась из Мецхальского общества, и мне показывали даже родовую башню Дударовых в ущелье р. Арм-хи. Вообще в Осетию выселилось много ингушей. Грузинская фамилия Казбеков тоже, говорят, ингушского происхождения.

Вообще переселения в горах из одного общества в другие и смешение народов шли непрерывно. Об одном из последних переселений в Цори из Галгая Казбык рассказывал мне следующее. В селении Тумги, Галгаевского общества (ныне Хамхинского) находятся два каменных столба; это — памятники, поставленные жителями предкам их — Гуи и брату его Цикма. Гуй, говорят, был двуротый — один спереди, а другой сзади; мясо ел он передним

ртом, а суп — задним; в передний рот он брал мясо с костями, а в задний выбрасывал кости; зараз он съедал целого быка; когда он кричал, то его слышали из Хамхинского общества в Джераховском, через горы и леса; роста был огромного, богатырского (могила его имеет 5–6 сажень длины).

Тугминцы себя называют «гуйнбух», что значит потомки Гуя.

Брат его Цикма поссорился с ним и переселился в Цори; цоринцы (Цхорой) и сейчас выделяют от себя потомков его и называют их «Цхоро-галгай», т.е. цоринцами из Галгая.

Самое переселение Цикмы в Цори произошло по следующей причине. Однажды Цикма, рассердившись на брата Гуя, повез его в Тифлис и там передал его в руки ханов, которые заковали его в цепи. Но Гуй одним движением разорвал цепи и возвратился домой. На пути к родине, верст за 20 от Галгая из Мецхальского общества, он крикнул на брата: «Смотри, берегись, брат, я иду, не попадайся мне на глаза!». Цикма, услышав грозный голос Гуя, бежал в Цори. Гуй остался жить в Тумги один; его потомки и посейчас живут в Тумги; многие из них выселились на плоскость в Назрановское общество. Это предание указывает нам, что причинами выселений из гор на плоскость были, с одной стороны, малоземелье[61], с другой — раздоры между разными родами и даже между однофамильцами.

По словам другого старика, Ганыжа, жреца народной религии ингушей и лучшего современного знатока устной народной словесности, некогда жили три брата: Га, Орштхо (Арштхо) и Нахчо. От Га произошли все галгайцы, от Арштхо — Арштхойцы, а от Нахчо — все Нохчи, или чеченцы. В этом чисто-ингушском предании, хотя и разнящемся от известного нам чеченского предания о трех братьях (Ако, Шато и Га), сказывается воззрение ингушей на общность происхождения всего чеченского племени от одного общего родоначальника[62], имя которого неизвестно, но известны имена его трех сыновей. Недаром все чеченцы говорят в одной чеченской старинной песне: «Неохотно приближаемся к старости, неохотно удаляемся от молодости. Не хотите ли, добрые молодцы, храбрые потомки Турпала, Нахчоо, я вам спою нашу родную песню. Как от удара шашки о кремень сыплются искры, так и мы явились от Турпало Нахчоо.

Родились мы в ту ночь, когда щенилась волчица; имена нам даны были в то утро, когда голодный барс ревом своим будил уснувшие окрестности. Вот мы кто — потомки Турпала Нахчоо»[63].

Я уже имел случай говорить, что предание о происхождении чеченцев от Нахчоо, по всей вероятности, возникло позже, на плоскости, и его в других преданиях горцев заменяют Ако и Шато — для чеченцев в тесном смысле, Арштхои Га — для карабулаков и ингушей. А.Берже полагает, что Нахчоо был историческим лицом, но с этим нельзя согласиться, и в легенде о нем нужно видеть свойственное всем народам желание найти своего родоначальника, с какою целью народное творчество приписывает созданной им личности племенное название.

Обращаясь к подробностям ингушского предания, я прибавлю, что указанные три брата прибыли в горы с востока; в то время на земле ингушей жил Шейх-Темир (иначе — Астха-Темир, т.е. Хромой Темир, или Тамерлан). Все три брата сперва поселились вместе в Галгае. Отсюда уже они расселились по всей земле чеченской и ингушской. Арштхой поселился в Датихском ущелье Галгаевского общества по течению реки Ассы, возле Квири-лам (Сокол-гора). Га остался жить в Галгае и дал стране свое имя. Нахчоо отправился в Нахчи, т.е. в Чечню.

Как расселялись потомки Нахчоо, ингуши не знают, по причине обособленности чеченцев от них. В ауле Датих первыми из потомков Арштхо поселились Дзаг Гардагаевич Арштхоев и двоюродный брат его Чопа сын Борога*. Однажды Дзаг и Чопа поссорились между собою и стали стрелять со своих башен друг в друга (у них были луки и ружья). В это время жена Дзага пошла с кувшином за водой и возвращалась домой. Чопа увидел ее и говорит своей жене: «скажи, что мне делать — убить саму женщину или насквозь прострелить кувшин с водой?». Жена ответила: «Если ты убьешь женщину, то через тебя будет стыдно (позор) и потомкам твоим, и ты прославишься, как убийца снохи».

Тогда Чопа прострелил кувшин. Жена Дзага с плачем пришла к мужу. К вечеру того же дня вышла жена Чопа с маленьким сосудом подоить корову. Дзаг увидел ее и спросил жену свою: «Прострелить корову, женщину или ведерко?». Та ответила «Чопа стреляет не хуже тебя, и если бы захотел убить меня, то легко бы мог это сделать; а потому ты не стреляй в корову и женщину, а прострели ведерко». Дзаг так и сделал. Оба брата, видя, что друг у друга они ничего не возьмут, так как оба одинаковы по силе, храбрости и ловкости, примирились и стали жить в ладу. Арштхои ста-

---

* Чопа Бороган считается у ингушей героем и даже святым.

ли расселяться по ущелью реки Ассы и образовали много селений по ее течению до самого Аки-юрта, на плоскости, где их стали называть русские и кумыки карабулаками.

Галгаи тоже стали множиться и расселяться. Первые выселились нынешние жители сел. Терш Хамхинского общества (на границе с Мецхальским). У поселившегося там галгайца было двое сыновей; один из них поселился в Фельхане, где до него жил Кази Шаухулов (по одним преданиям, и последний — выходец из Галгая, по другим — из Шамхальства Тарковского). Этот основатель Фельхана считается у ингушей святым; он лежит в могиле на медной кровати, кругом же находятся доски, образуя род ящика. Во всяком случае, новые пришельцы дали Фельхану свое имя, и с тех пор сменилось семь поколений. Фельхан славится хорошими участками земли, и сюда впоследствии переселились и многие другие выходцы. Один из древнейших аулов нынешнего Мецхальского общества, Арзи, тоже образовался из галгайских выходцев, которые сначала поселились в Кербишты, а потом спустились в Арзи.

Джераховцы большею частью состоят из переселенцев из Осетии и частью из ингушей; они говорят на осетинском и ингушском языках; они начали селиться там раньше выхода фельханцев из Галгая.

Я уже приводил легенду о родоначальнике их Джерахмате.

Три аула — Арзи, Фельхан и Обын считаются древнейшими в Мецхальском обществе; прочие аулы этого общества образовались позднее из населения названных трех аулов*.

В Арзи жили,— рассказывал мне Казбык,— две фамилии: Гили-Вачи и Хила-кой. После страшного голода, постигшего их в одно время, одна из этих фамилий — Гили-Вачи решила переселиться в Бацой (Тушетию), к христианскому народу, живущему за хевсурами в Грузии. Говорят, когда эта фамилия тронулась и стала подыматься в горы, покинув насиженное гнездо свое, то одна девушка закружилась и произнесла: «Дялой, ва Дялой!» (боже, о боже!), и тотчас после ее слов все окружающее пространство покрылось непроницаемым густым туманом, затруднявшим путь. Когда уже туман рассеялся, то на голой, выжженной солнцем земле показалась густая, сочная трава. После такого чуда половина фамилии Гили-Вачи вернулась обратно в Арзи, а другая половина ушла в Бацой. До сих пор еще в Арзи живет часть этой фамилии в числе

---

* О них упоминает и Гюльденштедт в XVIII столетии.

трех дворов под именем Ораковых: их было много, да все остальные повымерли.

Вторая арзинская фамилия — Хила-кой ушла из Арзи в Осетию (горную) и там расселилась по многим селениям. Эти осетины до сих пор называют своей родиной аул Хела-кой, место первого поселения их в Осетии, по выходе из Арзи.

Все приведенные предания касались заселения ингушами гор и предгорьев и переселений их на земли осетин, тушин и т.п. Обратимся теперь к преданиям, говорящим о заселении ингушами плоскости.

Старик Казбык утверждает, что ингуши начали выселяться на плоскость лет 200 тому назад, т.е. приблизительно с начала XVIII столетия, что вполне согласуется с приведенными выше историческими справками. Сначала выходцы поселились в Тарском ущелье, у реки Ангушт, впадающей в реку Камбилеевку при выходе ее из гор. С тех пор они стали называться русскими ингушами; слово Ангуч по-ингушски означает плоскость видящие, т.е. живущие у предгорьев, где начинается плоскость. Селились сперва малыми хуторами по фамилиям или дворам в предгорьях; но во второй половине XVIII столетия они уже занимают довольно значительными аулами все почти пространство между нынешним Владикавказом, Назранью и Джерахом. При ингушской деревне Зауре[64] возникает в 1784 г. и г. Владикавказ. Необходимость селиться крупными аулами на плоскости была вызвана грабежами кабардинских, чеченских и других шаек удальцов. В 1771 году путешественник Гюльденштедт находит у предгорьев на Камбилеевке целые общества ингушей — Ангушт и Шалка, названные русскими малым Ангуштом и возникшие, как говорит Клапрот[65], около середины XVIII столетия. Еще в 1807 году, во время путешествия Клапрота, ингуши часто меняли места поселений, переходя из одной долины в другую, ведя полукочевой образ жизни. Головинский ошибочно относит время выселения ингушей на плоскость к 1810 году, а основание Назрани к 1830 году. Ошибка его повторяется и другими авторами; так и Вертепов почему-то начало выселения ингушей на плоскость относит к 1817 г., когда, якобы, Ермолов выстроил Назрановский редут[66]. Между тем, в период от 1810 по 1830 год только продолжалось усиленное выселение, начатое еще в начале XVIII в., и редут Назрань заложен Дельпоццо на месте существовавшей ранее того ингушской деревни — ранее 1810 года, еще в командование Ртищева. А название ингушей известно русским

еще в 1744 году, если не ранее, когда на них обратили внимание с целью восстановления среди них христианства[67], а в 1747 г. велено принимать их в подданство. На плоскости до предгорьев, до выселения ингушей, обитали сперва ногайцы; их вытеснили и сменили кабардинцы, занявшие пространство до р. Фортанги, т.е. Большой Чечни, и бравшие дань с ингушей и осетин. По мере усиления ингушей и осетин и возникновения их поселений на предгорьях с начала XVIII столетия кабардинцы стали отступать все дальше от гор в степи на север, покинув места, занимаемые ныне Владикавказом, Назранью, Ачалуком и т.д. Это время совпадает и с удалением кабардинцев и из Малой Чечни, по мере завладения со стороны чеченцев берегами Терека и Сунжи с их притоками. Чеченцы во второй половине XVIII столетия уже заходят в местности, занимаемые нынешними ингушами. Выходец из Большой Чечни Кети Арсамаков с горстью своих домочадцев основывает приблизительно в 1780–1785 гг. селение Сурхохи в 35 верстах от Владикавказа; к этому смельчаку постепенно прибывали выходцы из Тарской долины, и аул рос, приобретая все более характер сельско-общинного строя, в противоположность родовой и хуторской организации горских аулов. А вот одно из наиболее свеже-сохранившихся преданий о выселении ингушей на плоскость, сопровождаемое интересными подробностями, рассказанное мне стариком Казбыком.

Основателем Назрани, нынешнего главного центра ингушского народа, был выдающийся из ингушей Карцхал Орцхалов,— иначе Мальсагов, происходящий из выселившейся в предгорья большой ингушской фамилии (тайпы) Таргимхоевых. Назрань в то время представляла из себя пустошь и была спорным местом между кабардинцами и чеченцами. Карцхал Орцхалов жил сперва в местности Ангушт. Он взял с собою своих однофамильцев; к ним присоединились многие ингуши и из других фамилий, и они отправились к месту, занимаемому ныне Назранью. В то время по реке Сунже и около Назрани находился большой лес (теперь не существующий,— частью истребленный населением, а главным образом — вырубленный русскими войсками). Пришельцы поселились в шалашах, но потом вырубили деревья и выстроили деревянные избы.

Орцхалов выстроил для себя высокую деревянную башню и назвал ее «башней на ногах» (на четырех столбах); в ней могло поместиться для обороны несколько сот человек. Чеченцы, проведав, что какой-то смельчак завладел оспариваемым ими от кабардинцев местом, пошли на него войною. Ингуши не испугались че-

ченцев и, забравшись в башню, стали защищаться, отстреливаться; убитых они клали туда, где окна были побольше, и загораживали себя трупами.

От их огня чеченцы, наконец, не выдержали и обратились в бегство; ингуши пустились в погоню за ними с обнаженными шашками в руках и рубили их до самой р. Нитты-хой-хи; все это пространство было усеяно трупами чеченцев. Олхузор Ахушкович Хулухоев тогда же сочинил песню, воодушевившую ингушей в битве их с чеченцами: «Наездники, основавшие во главе Карцхал Орцхоева Назрань, улучшающие с Гайты-Байтыровым* Назрань!

Сегодня берут ее чеченские наездники. Поэтому, кто только мужчина, должен обороняться и гнаться за чеченцами, держа обнаженную шашку в руках!»

Воодушевленные словами песни, ингуши одержали победу. (После этого чеченцы не осмеливались более беспокоить ингушей**.) После этого события Назрань получила почетное название «взятая шашкой». Ингуши вообще веруют, что взять Назрань нет никакой возможности, так как основатель ее Орцхалов был человеком святым, и при самом основании аула совершилось чудо: когда ингуши только что прибыли в Назрань, там целую ночь шел красный дождь. Время тогда было очень беспокойное; чеченские абреки рыскали повсюду и не давали покою ингушам, угоняли стада, уводили у них людей и продавали в рабство в Эндери и Дагестан. Главою всех чеченских шаек абреков в то время был пузатый Бейбулат Теймиев. Отец старика Казбыка, ингуш Кази обязался тогда доставлять (провожать) людей из Ангушта в Назрань и защищать их от чеченских абреков. Из ингушских абреков позже особенно прославился Темирко Кастоев, который совершал набеги на Кабарду и Чечню. Отец его, Дзозд Кастемирович Кастоев, был из влиятельнейшей фамилии и весьма умный человек. Народ назначил его общенародным судьей, и все адаты ингушские установлены им, и они с позднейшими изменениями действуют до сих пор среди ингушей.

Приведенное предание может служить живой иллюстрацией ко всем вообще переселениям чеченцев и ингушей на плоскость. Какой-нибудь отважный наездник, прославившийся своими подвигами и умом, собирает кучку добровольцев из разных фамилий и

---

* Эти оба лица относятся к фамилии Мальсаговых, а последняя сама входит в более обширную фамилию Таргимхоевых.

** Это исторически неверно, потому что известны походы чеченцев к ингушам не только в XVIII, но и в XIX столетии.

занимает облюбованное местечко, укрепляет его и защищает от нападений. Так опасно было жить в этой необитаемой равнине, по которой разгуливали отчаянные шайки разбойников, что о поселении отдельными хуторами, дворами и даже фамилиями нечего было и думать. Селились вместе несколько фамилий; благодаря этому и поселения уже не носят названий какой-либо одной фамилии, как это было в горах; напротив, аулам даются названия местностей, гор, речек и т.п., как это было и в Чечне. Назрань произошла от речки Назранки, Ангушт — от речки того же имени и т.д. Вместе с тем, сама собою возникает солидарность между различными родами; общность интересов вызывает некоторую общественную организацию, создаются адаты, появляются народные судьи, и вообще народ ингушский, как и чеченский, объединяется, и русские в XIX столетии имеют дело уже с более или менее сплоченными массами горцев, а не только с шайками абреков.

Такова картина прошлой жизни чеченцев и ингушей по их преданиям. Будь у меня в руках больше преданий (а их у чеченцев и ингушей, народов с богатою устною словесностью, вопреки утверждениям Потто, Дубровина, Семенова и др.,— весьма много), можно было бы, конечно, нарисовать и детали этой картины. Но и сказанное в общих чертах дает достаточно ясное представление о заселении нахчоями гор и равнин Чечни. Мы выносим и из сказанного весьма много данных, проливающих свет на весь правовой строй чеченцев; влияние соседей на выработку их права, бывшее сперва догадкой, теперь стало для нас несомненным фактом. Это дает нам возможность говорить о заимствованиях в Чеченском адате у соседних народов — в особенности у осетин, грузинских горцев, кабардинцев, кумыков и лезгин (т.е. из иранской, грузинской и монголо-тюркской культуры). Благодаря полученным данным мы с большей осторожностью отнесемся, говоря о чисто-чеченских правовых нормах. С этой точки зрения, в заключение настоящей главы, считаю весьма полезным привести еще рассказы и мнения спрошенных мною стариков-ингушей об отношениях ингушей к их соседям, в прошлом на их памяти, с конца XVIII столетия и в начале XIX, когда ингуши заселяли не только горы, но и плоскость, и отчасти в более ранний период. Оговариваюсь, что в настоящее время отношения эти, по их же словам, изменились к лучшему. По словам Казбыка с осетинами (по-ингушски «heri») ингуши жили прежде не совсем дружно; постоянно обижали их, грабили и относились к ним с предубеждением, считая их по доблести ниже себя.

Что касается осетин, то они не осмеливались вступать для грабежа на территорию ингушей; ингуши к названию осетин прибавляли унизительный эпитет, говоря — картабыт-ирон (в переводе с ингушского — бьющие челом). Но бывали и взаимные браки между ингушами и осетинами, бывали и переселения одних к другим, бывали даже единичные случаи дружбы между ними. Старик Ганыж тоже пристрастного мнения об осетинах. Как и ингуши, так и осетины прежде были керестан (христиане). Из осетин, по его словам, только одни куртатинцы и тагаурцы были благородной (княжеской) крови. Все же остальные осетины стояли ниже ингушей. Осетины,— говорит он,— вообще племя, так себе.— Это — народ, по его мнению, хитрый, но все же более гостеприимный, нежели кабардинцы. Что их унижает — это отсутствие всякого самолюбия; никто не считает их храбрыми. Не было случая, чтобы осетинские наездники увезли что-нибудь из Назрани; ингуши же у них постоянно увозили жен, девиц и угоняли скот.

Между ингушами и осетинами в старину не было никогда мира и солидарности; они вечно питали друг к другу взаимную неприязнь; редкий осетин мог просто приехать к ингушам; только хорошие осетинские алдары и то при хороших кунаках из ингушей могли приезжать к ним; они тоже ездили только к алдарам. Что ингуши успевали перевезти или перегнать через Терек (осетин и ингушей разделял Терек), то всегда оставалось в их руках; осетины дальше не преследовали их, боясь вступить на территорию ингушей. По рассказу Ганыжа, лет 200–250 тому назад, когда ингушей постигло большое несчастье — «большая холера», как говорят ингуши («доку»), и они ослабели, только тогда осетины, у которых не было этой болезни, совершали набеги на ингушей и угоняли у них скот. В настоящее время все же с осетинами у ингушей больше общения и отношения сносные, хотя они по-прежнему не любят друг друга и воруют скот*. При всем своем отрицательном отношении к осетинам, Ганыж все же справедлив и воздает должное осетинским алдарам, хвалит их за мужество, благородство, и приводит такой пример из прошлой жизни. Дударовы были весьма храбрые алдары. Жили они в ауле Чми**.

Одно время русские даже предлагали по рублю за каждого солдата Дударовым, чтобы только последние пропустили их мимо

---

* Далгат Б.К. Рукопись указанного труда 1893 г. С. 147.

** Чми находится на Военно-грузинской дороге, между Балтою и Ларсом.

Чми. Но Дударовы отказывались принять деньги и не пропускали русских. Тогда русские сделали обход и завладели аулом. Это было на памяти отца шестидесятилетнего Ганыжа, лет 130–140 тому назад. Видя, что приходится погибать, осетины бежали в лес; но русские объявили им, что они ищут мира с ними и не тронут их. Дударовы поверили честному слову русских и возвратились в Чми. Русские спросили их: «Как бьют змею — в голову или в хвост?» Те ответили, что удар в голову скорее убивает змею. Тогда русские велели перевязать одних Дударовых, не тронув остальных жителей. Когда были связаны Берса Дударов с семью сыновьями, офицер закричал семейству Берса «Выходите!» Жена Берса схватила ружье мужа, висевшее на столбе, и убила офицера наповал. Ее посадили в закрытый экипаж с небольшим отверстием и повезли к царю; и все 8 человек Дударовых были сосланы, а прочих осетин выселили из Чми, разрушив этот аул, мешавший движению русских войск.

Прибавлю от себя, что вышеприведенная характеристика осетин пристрастна: в ней сказывается вековая рознь, бывшая между этими двумя народами. Спросите вы осетина, какого он мнения об ингушах, так он всегда скажет, что ингуши — воры, собаки... не добрые люди*.

Кабардинцев ингуши называют «черси» (черкесы) — населяющих Малую Кабарду, и — «габыртой» — населяющих Большую дальнюю Кабарду; от них ингуши научились приличию, этикету, и для этой цели они часто посылали детей своих на воспитание в Кабарду. Кабардинцы часто беспокоили ингушей, делали набеги на их земли; но они всегда получали отпор от ингушей и, в конце концов, оставили последних в покое**. Кабардинцы — народ хотя и не гостеприимный, но работящий. У них много холопов, которые и несут почти все хозяйственные работы. Они прежде занимали всю плоскость от Тарского ущелья и до Кабардинских гор, называемых Малгабек, и находящихся под Моздоком; но впоследствии постепенно были оттеснены ингушами в Малую Кабарду. Кабардинцев ингуши считают не храбрым народом, за исключением князей и узденей; сами ингуши считались наравне с

---

* Далгат Б.К. Рукопись (автограф 1893 г.) указанного труда. С. 152.

** Национальная гордость и чрезвычайная щепетильность, самолюбие ингушей не позволяют им сознаться, что своим избавлением от более многочисленного и сильного кабардинского племени они обязаны русским (Там же. С. 152).

кабардинскими узденями, а князей у себя не имели вовсе. Акинцы, Малхинцы и народ Пхей (Хевсуры?) часто вели войны с ингушами Галгаевского общества. Акинцы (прибавлю от себя — самый воинственный, непокорный народ) вечно беспокоили прочих ингушей и были в непримиримой вражде с ними[68]. С казаками ингуши сперва жили вообще мирно, войн с ними не вели; всего один раз была между ними стычка; но в душе, конечно, они их как завоевателей недолюбливали всегда. С течением времени, после окончательного покорения Кавказа, благодаря отобранию ингушских земель и передаче их казакам и благодаря деятельности казачьей администрации, между ингушами и казаками установились враждебные отношения.

Чеченцев ингуши называют «нахчи». Они люди хорошие, гостеприимные. Это — народ мужественный; настоящему чеченцу всегда можно доверяться. Но между ними есть и не настоящие; таковы акинцы, малхинцы и другие пришельцы, которые, живя среди чеченцев, тоже выдают себя за таковых; на них никак нельзя положиться, так как от них всегда можно ожидать обмана, подвоха, коварства, измены*. Увеселений между чеченцами теперь бывает больше, чем среди ингушей; они часто устраивают танцы, вечеринки; таких песнопевцев, как чеченцы, нигде не найти**.

Это народ трудолюбивый; но есть между ними и такие, которые живут воровством, сбывая ворованный скот плоскостным ингушам, акинцам — горцам и в Дагестан. Между чеченцами и ингушами в прежнее время существовала вражда; но теперь (с принятием ингушами мусульманства) эта рознь все более и более сглаживается. Прежде же чеченцы нападали на ингушей, называя их неверными, так как чеченцы раньше ингушей приняли ислам от кумыков и дагестанцев. С другими народами, кроме перечисленных, ингуши не имели никакого дела, и вопрос об отношениях их к соседям исчерпывается изложенным.

Об отношениях собственно чеченцев к окружающим их народам, как то: кумыкам (кумук), лезгинам (сёли), кабардинцам, тушинам и др. ингуши мало знают. Но нам уже известно из сказанного о расселении чеченцев, что они, будучи сначала слабым народом, подчинялись кумыцким князьям, платили ясак аварскому

---

* Далгат Б.К. Указанная рукопись 1893 г. С. 155.

** Я лично могу подтвердить, что увеселения между ингушами развиты слабо; а поющих мужчин за две поездки я нигде не встречал у них. Указанная рукопись. С. 155.

хану, боялись казаков, часто совершавших на них нападения и угонявших стада; но впоследствии, усилившись и основавшись большими аулами на плоскости, они далеко отбросили своих соседей во все стороны, сделались полными хозяевами края от Сунжи до Акташа и, став угрозою соседей, восклицали: «Боже! есть ли на свете кто-либо, кроме нас!?»

Как относились к чеченцам соседи за их беспокойный характер и постоянные нападения на них шаек чеченских абреков в XVII–XVIII вв., можно судить и по следующей характеристике их ногайцами, живущими за Тереком и Кумою: «Чечень-вор, злой человек»,— раздраженно говорили ногайцы при воспоминании о чеченцах[69]. В те времена и кумык старался не отдавать свою дочь замуж за чеченца. Горцы (лезгины и горцы-чеченцы) также не очень долюбливали чеченцев за их надменность, неуважение к чужестранцам, грабежи и набеги. В настоящее время нохчи (чеченцы и ингуши), в числе 400 000 человек обоего пола, за немногими исключениями, перестали смотреть на разбои и воровство как на удальство и похвальное дело и занимаются мирным трудом.

Способность к культуре чеченцев и ингушей, их необыкновенную восприимчивость ко всему, находчивость, энергию одинаково признают все исследователи их быта[70]. Можно лишь пожалеть, что для его просвещения делалось слишком мало. Только после падения царизма этот могучий орлиный народ расправил свои крылья.

На плоскости — благоустроенные аулы с опрятными улицами, нередко с каменными зданиями и обширными базарами; непосредственные торговые сношения с Москвою и Нижним Новгородом, цветущее земледелие, за немногими исключениями (в горах), ирригационные каналы, обилие продуктов, привозимых на базары ближайших городов,— все это говорит в пользу чеченцев как народа способного и восприимчивого к усвоению плодов культуры[71]. К сожалению, вопиющее малоземелье в Чечне (в горах Чечни на душу мужского пола приходится — всего 0,05 дес. земли или на двор — 3,43 дес., тогда как казак имеет душевой надел от 11 до 73,7 дес., или в среднем — 21,3 дес., кабардинцы имеют на душу — 8,37 дес.; плоскостные осетины 5,3 дес., на плоскости средний надел ингуша — 4,3 дес. на душу, а чеченца — 4,11 — менее всех)[72], постоянные строгости начальства и ограничения прав туземцев и привилегированное положение казаков, которым

переданы и лучшие земли чеченцев, порождают недовольство в народе и бедность, что в свою очередь приводит к грабежам[73*]. Революция изменила положение чеченцев, предоставив им плоскостные земли многих казачьих станиц.

Заканчивая главу о прошлой общественной и политической жизни чеченцев и ингушей, я прибавлю только следующее. Читая вышеизложенное, нельзя было не заметить отсутствие в нем какого бы то ни было намека на организацию родов, на экономический и правовой строй чеченского народа. Это я сделал с целью, чтобы, выделивши элементы родового быта в особую цельную главу, оттенить тем самым картину родового быта — возникновение, организацию, состав и расчленение родов на более мелкие группы. Что касается собственно-земельных отношений, способа заимки земли и распределения ее между родичами, то и это также составит в общих чертах содержание главы о родовом быте чеченцев. Подробности же о земельных отношениях родичей и вообще о правовых порядках, существующих среди этого народа, могут быть рассмотрены лишь особо в специальных исследованиях быта чеченцев.

Общая характеристика родового быта чеченцев должна предшествовать такому детальному изложению обычного права этого народа, и выполнить последнюю задачу без первой почти невозможно.

Такова картина прошлой жизни чеченцев и ингушей по их преданиям. Будь у меня в руках больше преданий (а их у чеченцев и ингушей, народов с богатою устною словесностью, вопреки утверждениям Потто, Дубровина, Семенова и др.,— весьма много),— можно было бы, конечно, нарисовать и детали этой картины. Но и сказанное в общих чертах дает достаточно ясное представление о заселении нахчоями гор и равнин Чечни. Мы выносим и из сказанного весьма много данных, проливающих свет на весь правовой строй чеченцев; влияние соседей на выработку их права, бывшее сперва догадкой, теперь стало для нас несомненным фактом. Это дает нам возможность говорить о заимствованиях в чеченском адате у соседних народов — в особенности у осетин, грузинских горцев, кабардинцев, кумыков и лезгин (т.е. из иранской, грузинской и монголо-тюркской культуры). Благодаря полученным данным мы с большей осторожностью отнесемся, говоря о чисто-чеченских правовых нормах[74*].

Глава II. Теория о родовом быте. Материнский (когнатический) и патриархальный (агнатический) роды

Приступая к выяснению элементов родового быта нахчуйцев, мы встречаем немалые затруднения; нам невозможно обойтись без руководящих точек зрения на родовой быт, а между тем в этом отношении в науке еще нет полного единства взглядов. Параллельно с еще сильной школой, признающей за исходную форму общества строго-патриархальный, агнатический род с развитым культом предков, представителями которой считаются Мэн, Герн, Фюстель де-Куланж, Летурно и др.,— выступила новая школа во главе с Бахофеном, Мак-Леннаном, Морганом, Физоном, Поста, Жиро-Телона, М.Ковалевским и др., число приверженцев которой с каждым днем все более и более растет и которая за исходную форму общественности признает материнство; эта теория в настоящее время является господствующей в науке социологии.

Некоторые факты переживаний дали проф. М.М.Ковалевскому возможность считать у всех обитателей Кавказа, не исключая и нахчуйцев, материнский (когнатический) род за исходную форму их быта, предшествовавшую нынешнему отеческому или агнатическому, отцовскому роду. Это, конечно, согласуется с выводами генетической социологии вообще, которые говорят о том, что отцовскому роду у всех народов предшествовал материнский род. Но я оставляю в стороне вопрос о первоначальной форме жизни нахчуйцев и остановлюсь на детальном выяснении господствовавшей недавно и не исчезнувшей и до сих пор формы быта, каковой несомненно является агнатический (отцовский), патриархальный род. В Чечне мы теперь имеем дело и с чистыми и смешанными агнатическими родами, то с семейными общинами, или большими семьями, то, наконец, с сельскими общинами и малыми семьями как с последнею степенью разложения родового быта. Но что такое родовой союз вообще и патриархальный или агнатический род в частности?

В характеристике агнатических и, как мы увидим ниже, экзогамических, родов у чеченцев и ингушей первое место принадлежит вопросу о происхождении рода. Старая школа в лице Мэна учит, что патриархальная теория есть теория происхождения общества из отдельных семей, объединенных властью и защитою

старейшего по летам восходящего родственника мужского пола[1]. Эта школа признает как общее явление господство чистого рода, который есть род нисходящий, живущих обыкновенно вместе в одной местности и имеющих подлинную родословную[2].

Власть и кровное начало, происхождение от фактического родоначальника и присоединяющийся к этому культ предков, освещающий власть и укрепляющий ее,— вот те элементы, которые составляют, по Мэну, родовую организацию; род здесь является построенным на монархическом начале и есть разветвление семьи.

Роды же смешанные, по Мэну, создаются посредством соединения многих частей разложившихся почему-либо чистых родов под главенством временного предводителя, становящегося затем родоначальником и главою нового рода; они организуются непременно по типу чистых родов, т.е. по принципу родственного союза.

«Не то, чтобы все общества образовались путем происхождения от одного родоначальника, но все те, которые отличались известною жизненностью или устойчивостью, или действительно произошли таким путем, или приписывали себе такое происхождение»[3].

М.Ковалевский, отрицая учение о роде как разветвлении семьи, возводит в общий принцип республиканский характер родов и искусственное их происхождение. Остановимся на его взглядах на происхождение и организацию рода, семейной и сельской общин, как результаты разложения родового быта.

Обозначая термином «род» совокупность родственных друг другу семейств однофамильцев, мы, говорит Ковалевский, последовательно назовем «родовым начальником» общего старейшину рода и «родовым советом» собрание дворовых старшин; обозначим кровную месть, участниками которой являются все родственники-однофамильцы, наименованием «родовой»; помощь, взаимно оказываемую ими друг другу на суде,— «родовою защитою», право их на предпочтительную покупку фамильной земли — «родовой преэмцией», право на выкуп ее у чужеродца — «родовым выкупом». Совокупность всех только что перечисленных признаков, говорит проф. Ковалевский, составит то, что мы назовем родовым бытом, в котором взаимные отношения как отдельных лиц, так и семейств, определяются не фактом принадлежности их к одному политическому организму, не соседством и общностью экономических интересов, а кровным родством, единством происхождения от общего действительного или легендарного родоначальника[4].

Это то, что у южных славян называется «братством»; его образуют совокупность нескольких меньших групп «задруг» или больших семей.

«Племя» уже есть нечто большее, чем род; это — разветвившийся род, это — братство, распавшееся на колена. Братство — это союз личный, члены которого называются «братственники»; но потом оно приобрело и значение территориального союза, с правом предпочтительной покупки отчуждаемого кем-либо из них участка. Подобно родовым союзам Раджпутов и Джатов Индии, «братства» южных славян являются союзами экзогамическими.

В настоящее время у большинства южных славян уцелела только семейная община, или «задруга», с своим «домачином» и «домачицей», нераздельною поземельною собственностью, семейным советом, правом семейной преэмпции[5].

В Великороссии южно-славянской задруге соответствует «большая семья», существующая рядом с сельской соседской общиной и основанная, как доказал Пахман, на начале кровного родства, а не начале трудовом, как полагает госпожа Ефименко[6]. Семейная община существует и во Франции (парсонерия), и в Швейцарии и в Австрийской Галиции и т.д.

В определении семейной общины Мэн и Ковалевский согласны между собой. Оба они признают, что это — разросшаяся семья, соединение нескольких семей, живущих вместе в общем жилище или в группе общих жилищ, ведущих совместно одинаковые занятия и управляемых общим начальником[7].

Отправляясь от Индии и оканчивая западным берегом Атлантического океана, мы на протяжении многих тысяч верст, на которые раскинулось Арийское племя, всюду находим то еще вполне жизненные, то вымирающие следы общественного устройства, ни в чем не похожего на современное. Кровное начало — происхождение от общего родоначальника мужского пола, действительного или легендарного, всюду составляет его основу. То же кровное начало связывает отдельных его членов и в земледельческую общину и в круг круговой помощи и защиты, обусловливая собою одинаково как особенности их гражданского и уголовного права, так и их уголовного и гражданского процесса. Совокупность тех признаков, в которых сказывается влияние, оказываемое единством крови, и на характер общественных отношений, обнимается обыкновенно понятием родового быта.

Употребляя этот термин, мы вправе сказать, что арийские на-

роды представляют в своем современном общественном складе много переживаний родового быта.

Так заканчивает главу «о родовом быте в настоящем» М.М.Ковалевский[8].

Во II главе, «о родовом быте в прошедшем», Ковалевский обращается к данным истории арийских народов (индусов, иранцев, греков, римлян, ирландцев, германцев и славян) и приходит к следующему заключению.— Факты действительности и факты прошлого одинаково указывают на то, что в известный период их жизни народы одной с нами крови были организованы в общественные группы, в которых связывающим цементом было представление о происхождении от общего родоначальника — мужчины и культ этого родоначальника[9]. Но на самом деле у всех арийских народов роль основателя целого рода приписывается лицу, выделившемуся своими заслугами; он не был физическим лицом, давшим начало разветвившемуся от него роду; он был простым объединителем неродственных семей на начале общности преследуемых ими целей, к которым впоследствии присоединяется новое скрепляющее единство — начало общего религиозного культа этому же удачнику.

После сказанного ясно, прибавляет М.Ковалевский далее, что мы не можем более смотреть на род как на разросшуюся семью и что вопрос об источнике его зарождения остается пока открытым вопросом[10].

В другом месте Ковалевский развивает больше свои взгляды на происхождение рода.

Изучение различных кавказских народов дает ему право сказать: «нет основания говорить о кавказском роде как о продукте естественного размножения семьи»[11]. Причем культу предков он приписывает первенствующее значение в деле возникновения родов. Культ общих предков является тем связующим началом, благодаря которому случайно сошедшаяся группа лиц перешла в постоянный союз круговой поруки, известный под названием родового союза, и каковое начало большинство исследователей родовых отношений тщетно искали в факте происхождения от одного общего родоначальника[12].

Здесь проф. Ковалевский, по-видимому, придает меньшее значение в деле возникновения рода принципу экономическому, выставленному им в сочинении «Род».

Таковая роль им здесь всецело отводится культу предков;

кровное же начало к нему присоединяется лишь позже и является второстепенным. Вместе с тем, им исключается всякая мысль о естественном происхождении родов от разветвившейся семьи, хотя бы даже в виде исключения; отрицаются, следовательно, вовсе признаваемые Мэном за нормальные — чистые роды. На мысль об искусственном происхождении родов у всех народов, высказанную еще историком Нибуром, навело Ковалевского знакомство с Роджспутскими родовыми союзами и с Шотландскими кланами, и то, что Мэн признавал как исключение, он признает за общее явление; в частности, и чеченским родам он приписывает искусственное происхождение (от шайки, столпившейся вокруг предводителя). Насколько это справедливо, мы увидим в своем месте. Что касается процесса образования семейных общин, то об этом мы можем, говорит Ковалевский, высказываться гораздо определеннее. Она не более, как последнее из разветвлений рода, или вернее предпоследнее, если считать завершением процесса образование малых семей путем разделов.

Фактическая кровная связь, экономическое начало, выражающееся не только в общности владения, но и в общности труда; религиозное начало, выражающееся в культе этого общего предка, сосредоточивающемся вокруг общего очага, служащего не только общей кухней, но и общим алтарем; тесное сожительство членов и вытекающее из всего этого начало солидарности — все это характеризует семейную общину и сказывается в ней с гораздо большею интенсивностью, нежели в роде[13].

Задруга, или большая семья, по Ефименко,— это маленькое общество, состоящее из нескольких семей, тесно связанных между собой родством; это — маленькая коммуна, возглавляемая старшиной, и обнимающая не только общее производство и общее пользование орудиями труда, но и общность потребления.

Сельская община — преемница родовой, не устраняющая собою необходимости дальнейшего существования семейной. Она унаследовала много характерных черт родовой общины. Общинное владение, право предпочтительной покупки у соседей и соседского выкупа, право наследования соседей в выморочном имуществе, круговая порука, сельский сход, сельский староста — все это сложилось по типу соответствующих им элементов родовой общины и были преемниками последних[14].

Отличие родовых союзов от сельских сводится, по мнению Ковалевского, лишь к тому, что первые суть экзогамические, религи-

озные и экономические (а не группа лиц, имеющих общего родоначальника и отличающихся единством происхождения), а вторые — эндогамические и экономические союзы (т.е. связанные фактом совладения).

Оба исследователя родового строя, Мэн и М.Ковалевский, говоря о причинах и основах возникновения родовых союзов и связующих их начал, упускают из виду, что в основе всяких форм общественных отношений, по единственно правильной научной теории К.Маркса, лежат формы хозяйства или формы взаимоотношений людей, имеющих целью производство материальных благ, т.е. экономическая структура общества — реальный базис, на котором уже возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют и определенные формы общественного сознания (религия и проч.). Такой надстройкой, несомненно, является и родовой союз[15*]. Поэтому прав Кушнер, который определяет род (отцовский, патриархальный) как группу «социально связанных между собой людей, считающих себя происходящими от общих предков»[16].

Социальная связь сородичей была не везде одинакова и зависела, главным образом, от формы того основного промысла, которым занимались сородичи. В другом месте Кушнер определяет родовую общину, как объединение семейных общин или больших семей (род имел до 700–800 чел., а семейная община до 30–40 чел.).

По К.Марксу «там, где имеются первичные семейные и родовые сообщества, там вполне возможно и право.— Каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения.— Право есть результат хозяйственных, а в частности производственных отношений»[17]. По Гроссе* форма хозяйства имеет решающее влияние на форму и могущество семьи и целого рода; род — результат определенной хозяйственной формы; он является первоначальной ячейкой правовой защиты. Род во внешних отношениях — замкнутая среда, объединенная взаимною порукой кровной мести. Внутри род — замиренная среда (по М.Ковалевскому[18]). С хозяйственной стороны в роде «первобытный коммунизм»[19]. Как род, так и семья наибольшую свою прочность и силу сохраняют путем хозяйственных интересов. Род достигает вершины своего могущества, слагаясь в одну хозяйственную и владель-

---

* Гроссе У. Форма семьи и форма хозяйства. М., 1898. С. 32–33, 48–49 и др. См.: Рейснер М. Право... М.; Л., 1925. С. 61, 62 и след.

ческую общину. Он слабее в охотничий период, более развит у народов пастушеских, кочевых скотоводов. Но особенного развития он достигает у так называемых «низших земледельцев». Здесь он образует территориальную хозяйственную, общественную и политическую единицу. Корни этой родовой мощи заключаются в землевладении, в свойствах господствующего производства. При господстве высшего земледелия, когда земледельческий народ становится промышленным, родовой быт уже разлагается[20]. По Рейснеру (с. 250) — только наличностью родового права можно объяснить и последующее право земельной общины с ее первобытным коммунизмом. Маркс и Энгельс неоднократно указывают на преемственность родовых порядков именно в различных видах семейной и земельной общин, как они сохранились до последнего времени в ряде европейских стран, начиная с французской общины в Нивернэ и кончая югославской задругой и русским миром, и как они сложились в Индии или в первобытном обществе.

Ф.Энгельс дал[21] в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» блестящую характеристику* родового строя человечества.

«Даже трудно представить себе,— говорит он,— как глубоко в сельском населении живут воззрения родового периода (во Франции, Германии, Англии, Ирландии); родовой быт налагает резкий отпечаток на весь духовный склад гиляка, на его характер, нравы, учреждения». Далее Энгельс указывает на ту положительную роль, какую сыграл родовой строй, вернее осколки его, в жизни германцев, ирландцев и других европейских народов в борьбе угнетенного класса крестьян в Средние века с угнетателями феодалами, так как сельская община (марка) дала крестьянам территориальную сплоченность и средства сопротивления (с. 64, 78, 84, 103). По Энгельсу в родовом быту существовала только одна объективная форма права — правовой обычай. Внутри рода не существует никакого различия между правами и обязанностями; в сношениях же между родами ими осуществляются известные права. Каждому из таких прав принадлежит и право кровной мести, цивилизованной формой которой является наша смертная казнь. Это было право не отдельного сородича, но весь род убитого обязывался кровной местью.

---

* По выражению Б.Далгата. Его же и текстовая фиксация приводимого материала.

Разложение родового общества и возникновение классового общества и государства произошло в силу причин, представляющихся нам,— говорит Энгельс,— упадком, грехопадением с простой моральной высоты старого родового строя. Родовое устройство отжило, оно было разрушено разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Его заменило государство, которое освятило разложение родового строя и классовое общество.

Эту поправку к теории Г.Мэна и М.Ковалевского необходимо иметь в виду и при исследовании родового быта чеченцев и ингушей.

Глава III. Возникновение, организация и распадение рода у чеченцев и ингушей. Род у чеченцев и ингушей

Обращаясь теперь непосредственно к родовой организации чеченцев и ингушей, я должен сказать, что о существовании родов у ингушей, карабулаков и вообще у кистов (чеченцев) говорят еще авторы сочинений XVIII ст. Гюльденштедт[1] и Георги. Граф Потоцкий[2] упоминает о фамилиях у ингушей, связанных единым культом умерших предков. Клапрот также говорит, что во главе обществ на плоскости стоят старейшины (anciens), наиболее выдающиеся по своим личным качествам или многочисленностью фамилии; причем такого преобладания одной фамилии над другими не было в горах, вследствие общей бедности населения и сравнительного равенства родов[3]. Он же отмечает как общее явление среди ингушей характерные черты родового быта — общность всего имущества, даже случайно приобретенного одним из членов рода[4]. Броневский также упоминает о старшинских родах, из которых по преимуществу выбирались обществами, состоящими из нескольких родов, старшины и судьи.

Он указывает на старшинский род Воко у карабулаков (Арште), давший и населенному им аулу собственное фамильное название. И.Бартоломей говорит, что все чеченцы считаются равными, свободными и делятся на роды или тохумы, носящие без исключения название аулов[5], из которых вышли их родоначальники во время переселения чеченцев из гор на равнины; аулы эти находятся почти все в Ичкерии, Аухе и по ущельям рек Аргуна, Мартанки, Ва-

лерика и других притоков Сунжи, и немногие в горах Чамберлоевских[6]. Наконец, С.Поли[7], В.Сокольский, М.Ковалевский и др. прямо указывают на существование у чеченцев патриархального, агнатического рода.

Происхождение и организация рода

Как же называется род у чеченцев, каковы его происхождение и организация?

Говоря о чеченских фамилиях, различные авторы упоминают слова «тайпа», «тухум», «гаар» и «нека». Слово тухум лучше было бы устранить вовсе как перешедшее к чеченцам от кумыков и неизвестное ингушам, и вообще горным чеченцам, тем более, что оно обнимает собою вообще однофамильцев, родственников, а не определенную группу лиц, составляющих в совокупности один род. Названия же «тайпа» и «гаар» или «нека» не означают вообще родственников, а соответствуют известным организациям и являются чисто чеченскими словами. Причем эти понятия не суть однозначащие, содержание их различно: понятие «гаар» (или «гар») входит в «тайпу» как часть, как понятие видовое; иначе говоря, тайпа состоит из неопределенного числа подразделений или ветвей, называемых гаарами или неками.

Тайпа и гаары

Но что же такое тайпа и каковы признаки гаара? Тайпа[8], говорят нам источники, обнимает всех без исключения однофамильцев; все, кто вне тайпы — чужие, неродственники для тех лиц, которые входят в состав тайпы. Между двумя тайпами нет ничего общего, связующего, кроме разве общности языка, соседских отношений и племенной связи, что впрочем не создает никаких обязательных отношений между ними.

Мы видели в I главе, что чеченцы считают себя потомками трех братьев, а по другому преданию — даже одного Нахчуо; но, имея в виду вышесказанное о заселении гор выходцами из разных стран и народов, и по другим соображениям, следует видеть в этом предании о происхождении всего чеченского народа от одного человека не более как миф, продукт народной фантазии, не имеющий под собой реального факта и представляющий собою обычную попытку всех народов объяснить факт племенного един-

ства, общности языка, нравов и т.п. На деле потомки трех братьев Ако, Шато и Га, а также родственного им Нахчуо, с самого начала являются чуждыми друг другу, враждебными и отделенными друг от друга и даже в своей среде стеной экзогамии.

Тайпы возникли в горах; хотя и на плоскости возникали новые тайпы из выходцев из гор, но мне неизвестны случаи, чтобы эти новые тайпы окончательно забыли, что они — члены одной общей тайпы, жившей некогда в горах неразрывно, вместе.

Возникшие вновь фамилии чаще даже зовутся по новому имени, а не по названию их прежней тайпы; но когда спросите любого чеченца, к какой тайпе принадлежит он и его фамилия, то всякий из них назовет вам свою тайпу. Впрочем, в плоскостной Чечне воспоминания о прежних тайпах весьма туманны: часто несколько фамилий говорят, что они принадлежат к одной тайпе, но не имеют понятия, что это такое тайпа, родственный ли это союз или территориальный; нечего и говорить о том, что члены тайпы далеко не знают лично друг друга; бывали случаи встреч двух членов тайпы, не знавших друг друга и готовых вступить в бой между собою; когда же они узнавали, что они принадлежат к одной и той же тайпе, то кидались в объятия друг другу и рады были встретиться. У ингушей, выселившихся на плоскость попозже остальных чеченцев, связь с их первоначальными тайпами сохранилась прочнее. О чеченцах достоверно известно лишь то, что однофамильцы, нередко одни образующие обширные аулы, разросшиеся из одной семьи, или чаще группы семей, отделившейся от живущей в горах тайпы и некогда поселившейся где-либо в пустоши, составляют теперь тохумы; таких тохумов в Чечне очень много и некоторые из них заключают в себе несколько сот дворов[9], владеющих сообща нераздельным общим недвижимым имуществом, переделяемым ежегодно или в другой срок по числу домов в тухуме. Аулы эти, населенные однофамильцами, чаще всего носят и фамильные названия[10].

Впрочем, расчленение тайп на множество фамилий, подразделявшихся в свою очередь на новые и новые фамилии, случалось не только при выселении на плоскость, но и еще в горах; я уже упоминал в I главе, что чеченских фамилий до выселения из Ичкерии было уже 59; а впоследствии число их удвоилось и утроилось.

Сначала на родине, говорится в одном чеченском предании, людей так было немного, что каждый род (тайпа) имел общий большой котел. Раз в год, именно в весенний праздник, в общем котле варили мясо от скота, жертвуемого фамильною артелью, и трапеза

была общая; все были сыты. Пиво также варили в общем фамильном котле. На родовых котлах этих были намечены знаки всех фамилий, принадлежавших к котлу. В этих же котлах готовилось угощение при свадьбах и поминках. Но то было прежде; а теперь не только роды, но и фамилии, входящие в состав рода, считают себя тысячами душ. Они рассеялись и, кажется, забыли уже про свои котлы,— по крайней мере давно уже не посылают к котлам присягать по тяжебным делам и спрашивать о коренных правилах обычая при разборе важных дел. Роды Нахчи ели тогда свинину и были христиане (лам-кристы)[11]. Таково предание ауховцев, записанное в 1870 г.

Из сказанного очевидно, что несколько фамилий в горах группировались около одного котла, символа родового культа, и составляли одно целое, один род. Как назывался этот род — тайпа или гаар, неизвестно; неизвестно из этого предания также и то, сколько таких родов было под общим именем Акинцев. Слова — акинцы, шатойцы, галгаевцы и проч. сами не означают названий тайп, а названия племенные, и в состав каждого из этих племен или обществ могло входить неопределенное число экзогамических родов различного происхождения, хотя и считающих себя потомками одной легендарной личности (Ако, Га, Шато и т.п.).

Ичкеринцы также утверждают, что у предков их нашхойцев в горах (в верховьях Аргуна) была устроена община (родовая), что выражалось общим родовым котлом громадной величины, в котором приготовлялась пища. Котел тот служил символом дружбы людей, решившихся разделить одну участь[12].

Деление на котлы или очаги в старину у чеченцев было всюду господствующим явлением. Чем больше котлов или семей было в известной фамилии, тем она считалась сильнее и почетнее; невесту обводили вокруг очага, где висел котел[13]. Здесь, очевидно, разумеются не фамильные общие котлы, упомянутые выше, употребляемые для варки пищи и пива в торжественных случаях (при свадьбах и поминках), а котлы семейные, дворовые. Выражение — в такой-то фамилии столько-то котлов — соответствовало указанию силы и почета этой фамилии[14]; таким образом, понятие семьи, двора, заменялось синонимом его — понятием котла. Такое значение, приписываемое котлам, объясняется исключительно тою выдающеюся ролью, какая принадлежала в жизни чеченцев семейному очагу, связанному с культом предков; известно, что не только сам очаг, но и все принадлежности его — цепь надочажная, котел, сажа, зола и т.п.— все считалось у них священным[15*]. Только имея в

виду религиозное значение котлов, можно понять упомянутый выше обычай выселившихся чеченцев ходить в горы к своим родовым котлам для принятия присяги. Уже из сказанного можно заключить, что культу предков принадлежала в организации родов у чеченцев выдающаяся роль; очаг и родовой котел являются одним из связующих начал родового строя; род представляет собою соединение множества дворов на началах семейного культа. Конечно, культ не был единственным связующим началом и ему, как мы увидим далее, предшествуют начала экономическое и самообороны.

Дубровин Н.Ф. подтверждает мнение других авторов, что все сословия чеченского народа делились в старину на тайпы — отдельные общества, и гары или тухумы* — роды. До Шамиля в Чечне не было общего управления, господствовали родовые порядки; каждый тухум управлялся отдельно и не вмешивался в дела соседей.

Старший в роде был посредником и, вместе, судьею в ссорах и тяжбах, происходивших между родственниками его тухума[16].

Здесь под названием тайп разумеются отдельные общества, а как понимать эти общества — неизвестно ничего. Ясно лишь то, что тухумы или гары, названные здесь родами, составляют меньшие единицы, нежели тайпы; по-видимому, каждая тайпа содержит в себе несколько гаров, родов. Вертепов, подтверждая сказанное Дубровиным, делает существенную поправку, что чеченцы составляли не несколько, а одно сословие узденей, подразделявшееся на тайпы и гары[17].

Ипполитов А.П.[18] отождествляет понятие — племя, фамилию и тайпу без точного определения их. Но он верно указывает на то, что члены каждой из этих групп считают себя различного происхождения: одна фамилия — от европейцев, другая — от хевсур, третья — от грузин и т.д.

Автор «Заметок о Чечне», капитан Самойлов[19], имевший возможность за четырехлетнее пребывание свое на месте изучить быт чеченцев и изъездивший, как он выражается, всю плоскостную Чечню еще до окончательного покорения чеченцев, дает со слов самих чеченцев более полную характеристику чеченских тохумов. Чеченский народ, говорит он, не представляет собою нечто единое; он делится на множество племен, каждое с особым наименованием.

Племена в свою очередь делятся на общества, а последние — на роды.

---

* Тухум, тохум — род, в различной этнической огласовке.

Между племенами нет никакой гражданской связи, кроме общности языка; они отделяют себя друг от друга и даже враждуют между собою, но и между обществами[20]. Гражданская связь проявляется лишь в минуту опасности, а в обыкновенное время они живут совершенно обособленно. Общества эти, как говорят, первоначально состояли из отдельных семейств одного происхождения. Но когда семейства, размножаясь, и сами стали обращаться в роды, забывалось прежнее родство, а столкновение интересов влекло за собою вражду с бывшими родичами, и таким образом происходило окончательное отделение родов; эти роды расчленялись на новые роды и т.д. Эти малые роды, составляющие каждый в отдельности нечто целое, называются тохумами и имеют каждый свое отдельное название[21]. Если общества, упоминаемые Самойловым, мы назовем тайпами, заключающими в себе множество гаров или меньших групп, фамилий, тохумов; а под племенем будем разуметь совокупность нескольких тайп, связанных между собою не общностью происхождения, а лишь общностью интересов, то картина расчленения родового союза на новые роды получается следующая — покажем это на примере акинцев. Племя акинцев состояло из множества чуждых друг другу фамилий, тайп; будучи еще в горах, каждая тайпа при благоприятных условиях успевает настолько размножиться искусственно и естественным путем, что из сравнительно незначительного рода превращается в союз нескольких отделившихся от нее, но считающих себя родственными, родов, или гаров, имеющих один общий котел с фамильными значками. При дальнейшем росте тайпы в горах не оказывается возможным совместное существование всех ее членов, и вот часть ее, иногда один двор, выселяется на предгорья или плоскость и кладет основание и новому роду, и новому аулу, как напр., фамилия Беной, основавшая на плоскости аул Беной; до поры до времени выселившийся род еще помнит о своей связи с живущей в горах тайпой, но много времени спустя при размножении той и другой половины и при новых подразделениях нередко забывается и первоначальная связь с коренной тайпою. По А.Авторханову каждый род в Чечне, живущий теперь на плоскости, носит название одного из горных аулов, а аул, где этот род составляет большинство населения, сохраняет даже и название горного, родственного аула, разбиваясь только на гары (например, Беной, Курчалой). Род — тайпа разбивается на «гары», «неки», «ца» (tajpa, neghie, cha)[22]. Обращаясь далее к наиболее компетентному авто-

ру — чеченцу Лаудаеву[23], мы узнаем, что сперва в горах тайпы были незначительны, а потом, нося одно название, не подразделялись на части и составляли как бы одну семью.

С умножением числа однофамильцев, они, не теряя общего — фамильного имени, разделялись на более мелкие группы — гаары или неки, т.е. ветви или линии (здесь не говорится ничего о том, носили ли гаары еще отдельные названия или нет). Принужденные вследствие малоземелья расселиться в разные стороны, члены вновь образовавшихся фамилий становились чуждыми своей прежней фамилии; но как только узнавали случайно свое фамильное родство с кем-либо, они с радостью восстанавливали забытую связь с родичами. Ветвь или гаара, переселившаяся на плоскость, нередко получала от своей тайпы, оставшейся в горах, за пользование покинутым ею в горах земельным участком «бер», т.е. подарок, подать. Так, фамилия Чермоевых еще в 1860 году из родины Ичкерии, покинутой ею давно (во главе Ногай-Мирзы), получала ежегодно за пользование ее землей по две овцы; 1–2 сарьяна (кожи) и 15 аршин бязи. Не составляя в сущности большого дохода, бер, тем не менее, способствовал сохранению связи гаара с тайпою. Ингуши, выселяясь на плоскость, отдавали свои земли на откуп или дарили в вечное владение (investiture, fief) бедным родам, чтобы тем заслужить их любовь и содействие в случае нужды[24].

Чеченские общества, состоя сами из различных тайп или фамилий, образующих (каждая) неродственные враждебные друг другу группы, и сами всегда были чужды единодушия, как это я старался показать в I главе. Таким образом, назрановцы были непримиримыми врагами чеченцев; галгаевцы — акинцев; шатоевцы нападали на надтеречных чеченцев, уводили у них в плен и продавали в рабство людей; ауховцы больше близки с кумыками, нежели к остальным чеченцам, а назрановцы — с осетинами и кабардинцами.

Зато каждая тайпа (или тайпан) или род была тесно сплочена, как одно целое мстила за своего сородича, гордилась перед другой; принадлежностью к той или другой тайпе определялось и самое достоинство человека (говорили: такой-то «гирий-тайпа» — осетинской фамилии; такой-то донской-тайпа — донской фамилии*). Все члены тайпы назывались братьями — «вежерей» или «воша», а целая связь называлась «вошалла», или «братством». В случае

---

* Нужно заметить, что и много русских беглых и пленных смешалось с чеченцами; понятно, что в Чечне могла быть и донская тайпа.

убийства членом одной тайпы кого-либо из другой тайпы, если между ними не состоялось примирения, то первая тайпа обыкновенно покидала прежнее место жительства и уходила куда-нибудь подальше от кровников. Кровь переходила из рода в род и первоначально распространялась на всю тайпу; с увеличением тайпы кровь распространялась лишь на гаару, а в позднейшее время часто даже на одно только семейство или двор.

При такой враждебности отношений между разными фамилиями вполне обычным было явление, что сильная фамилия обижала слабую. Слабой фамилии в таком случае оставалось одно спасение — или образовать союз сообща с другими слабыми фамилиями или примкнуть самой к сильной фамилии в качестве младшего сочлена. Связь фамилий, говорит Лаудаев, составляла в отдаленные времена своего рода управление страною. Замечательно то, что, по словам Лаудаева, солидарность однофамильцев теперь с упадком родового строя в Чечне, когда русское влияние и другие условия во многом изменили внутреннюю жизнь чеченцев, эта связь родичей вместо того, чтобы ослабевать, все более и более усиливается; очевидно, здесь родовая солидарность нашла новые условия для своего существования и развития.

Благодаря этому явлению сохраняется равенство, демократический дух среди чеченцев, так как вследствие взаимного соревнования фамилий нет почвы для господства отдельных родов или кулаков над остальными; это соревнование между фамилиями, перенесенное на почву экономическую и интеллектуальную, могло бы дать благие результаты, способствуя прогрессу вообще*.

После сказанного очевидно, что тайпа может быть и небольшая; тогда она не более, как большая семья или род; но она может перейти и за род, включать в себя несколько родов, называемых в таком случае гаарами или неками, и составляющих в совокупности «вошалла» или «братства». Слово тайпа чаще употребляется в последнем смысле. Отметим здесь и ту черту, что, по представлению чеченского народа, как семья, гаары, так и тайпы носят одно фамильное название, по имени общего родоначальника, и что вообще тайпы, эти чеченские братства, чужды всякой артельной, договорной, искусственной организации и основываются на признаваемом всеми кровном единстве всех их членов.

Но в то же время из слов Лаудаева мы видим некоторый намек

---

* Б.К.Далгат. Рукопись указ. соч. С. 201.

на соединение слабых родов в одно целое с целью совместной обороны от сильных родов или присоединение слабого рода к сильному как к патрону. Здесь можно видеть уже зачатки искусственных, договорных родовых союзов. Но мы еще не знаем характера этого соединения; неизвестно и то, сохраняли ли соединившиеся роды свои прежние фамильные названия или нет; оставался ли такой союз до конца искусственным или впоследствии превращался в одну тайпу с признанным началом кровной связи ее членов.

То, что Лаудаев говорит по отношению к собственно чеченцам*, Г.Грабовский подтверждает и по отношению к ингушам. Он указывает на то, что ингуши, как и вообще чеченцы, прежде жили родами или фамилиями, находившимися между собой во враждебных отношениях, так сказать, международных; они не составляли одного сплоченного общества, как мы понимаем его теперь, подчиненного одной власти и руководящегося в своей жизни одними законами; но они образовывали общественные союзы с целью внешней обороны; солидарность родов, входивших в эти союзы, ограничивалась одною защитою от внешних врагов и не проявлялась в гражданской жизни.

В ежедневной жизни ингуши знали лишь одни интересы фамильных групп, и если сильная фамилия обижала слабую, то общество не вмешивалось в их распри по праву, а лишь в качестве посредника уговаривало обе стороны помириться. Такое неравенство фамилий** вело к угнетению слабых сильными, и первые для самозащиты принуждены были образовать особый союз некровный — фамильное братство. Фамильные братья, по словам Грабовского, не связаны узами кровного родства, но, соединившись некогда для защиты своих общих интересов, они продлили этот союз до настоящего времени. Слабые по количеству члены примыкали к сильным и, увеличивая собою численность последних, пользовались их покровительством[25]. Хотя фамильное братство ингушей при настоящем их положении, прибавляет Грабовский, и утратило свой первоначальный смысл — совокупную защиту ин-

---

* По этнологической классификации кавказских народов (извлечение из рукоп. труда Л.П.Загурского) относительно всех чеченцев, живущих в Терской области, они в 1888 г. подразделялись на собственно-чеченцев (проживающих в Грозненском округе), горных чеченцев (в Аргунском), аухавцев (в Хасав-Юртовском) и ичкеринцев (в Веденском округе). См.: Кавказский Календарь на 1888 г. ... Тифлис, 1887. Ст. 1–12.

** Далгат Б.К. Рукопись (с. 204) указ. соч.

тересов от врагов, тем не менее это братство продолжает пользоваться еще большим уважением между ингушами и в значительной степени удерживает порывистую натуру ингуша от опасных посягательств на жизнь или имущество членов сильного братства: в противном случае его ждет жестокая и неизбежная кара, месть со стороны однофамильцев потерпевшего, а также и братственников его. И так, существование искусственных союзов родов во всей Чечне стало для нас несомненным фактом. Не ясны лишь детали этой организации. К сожалению, цитированные авторы не говорят также ничего о том, назывались ли эти искусственные фамильные братства тайпами или нет.

Следует отметить, что и М.М.Ковалевский, говоря о чеченских тайпах, под ними разумеет экзогамические группы, связанные единством происхождения,— братства, представляющие каждое — соединение нескольких родов. Такие кровные союзы, или братства, одинаково встречаются и у адыгских народностей (тлеух, состоящий из нескольких родов или ачихов), у чеченцев, американских и австралийских племен, шапсугов, пшавов, тушин и хевсуров[26].

Немного далее, на стр. 61, Ковалевский, цитируя слова Лаудаева, вместе с последним отождествляет тайпу с родом. Я уже выяснил выше, что тайпа иногда (первоначально) могла состоять лишь из одного рода, но что она впоследствии получила по преимуществу значение братства или совокупности, союза нескольких родов. Ниже, при выяснении подробностей организации тайп и родов мы увидим, что между ними существует, в позднейшем их виде, громадная разница, что это деление на тайпы, гаары или неки освящено самим народом и, очевидно, между ними сам народ признает различие, и во всяком случае связь между членами тайпы менее интенсивна, нежели между членами ее подразделений, линий братства.

Один чеченец Грозненского округа случайно сообщил мне, что в настоящее время тайпы в Чечне состоят из нескольких тохумов, т.е. родов, носят одно общее имя и нередко, если живут в одном ауле, образуют особый квартал; в важных случаях роды, входящие в состав тайпы, заступаются друг за друга (кровная месть, порука и т.п.), помогают друг другу, но большею частью кровное родство забывается и связь остается чисто внешняя, неопределенная; каждый чеченец скажет, что его тайпа такая-то, но не всякий уже знает, что же это такое тайпа и почему он связан с ней. Если же тоху-

мы, входящие в одну тайпу, рассеялись по разным аулам, то вскоре даже внешняя связь с тайпою совершенно утрачивается фактически и забывается и самое воспоминание о былом братстве. Такова разрушительная сила времени и новых экономических условий жизни, разрушающих прежний строй жизни чеченцев.

В номере 8 «Революция и горец» за 1930 г. с. 58 помещена интересная статья Ч.Ошаева «Малхиста», характеризующая пережитки родового быта заброшенных в самом труднодоступном ущелье горной Чечни в верховьях Аргуна (притока его Мишихи) чеченцев, живущих в 14 хуторах, в числе 122 дворов — 750 душ обоего пола, образующих один тейп*. Название «Малхиста» (от слова Малх — солнце) осталось, по словам автора, как родовое название, от очень древнего времени, когда малхестинцы поклонялись еще солнцу. Автор наблюдал там наличие еще крепких родовых устоев. Все малхестинцы — члены одного тейпа — малхий; но внутри себя они делятся на ряд более мелких делений — тейпы: гар и некий. В столкновениях с другими тейпами малхистинцы всегда выступают единодушно, забыв свои распри, хотя внутри тейпа все живут друг с другом в страшной вражде на почве, главным образом кровничества. Я должен заметить здесь, что кровная месть и вражда между членами одной тейпы (рода) явление не нормальное для родового быта, и наличие их свидетельствует о разложении тейпы или большого рода на более мелкие родовые группы (гар и некий) и о крайнем ослаблении родственной и прочих связей между членами тейпы. Родовые пережитки, по словам автора, еще сильно затушевывают классовую борьбу в Малхиста. Редакция журнала к этим словам добавляет, что в этом отношении Малхиста не исключение — многие аулы горной Чечни еще до сих пор сохранили, в той или иной мере, пережитки родового строя. Кровная месть наблюдается в Малхиста в страшных формах, она — господствующий во всей жизни фактор. Там почти нет стариков, так как до старческого возраста мужчины не доживают, кончая жизнь от кинжала или пули. У них даже есть поговорка: когда какую-нибудь фамилию хотят унизить, то говорят: «Ну, кто они такие? Кого они убили? Кто у них убит?»

Боевые башни в Малхисте, замковый тип жилых построек, святыня «Chajn poceda — поселение огня», город мертвых, родовых

---

* «тейп» вместо «тайп» — огласовка автором одного и того же названия.

склепов, полных сотнями человеческих останков — все весьма характерно для родового быта чеченцев.

В № 4 журнала «Революция и горцы» за 1931 г. напечатана еще очень интересная статья А.Авторханова (с. 24–30) «К вопросу изучения тайп, тухумов и классовой борьбы в чеченской деревне»[27]. Отмечу здесь вкратце те моменты из этой статьи, которые освещают вопрос о тайпе (роде). Автор (по Моргану и Энгельсу) определяет чеченский род — тайпу как группу людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений, члены которой связаны между собой родством кровных отношений по отеческой линии, социально между собою неравны, вследствие экономической дифференциации внутри каждой тайпы со второй половины XIX ст. (покорения Чечни Россией) подвергаются уже родовому разложению, и в нее проникают классовые моменты.

Таким образом, в тайпе сейчас уже объединяет людей не единство экономических интересов, а только единство кровных связей по отцовской линии. Как признаки (основные принципы) тайпы автор правильно указывает следующие:

1. Единство и незыблемость родовых отношений для каждого сородича-тайповца;

2. Кровная месть всей тайпой за убийство члена тайпы;

3. Ослабевшее в последнее время начало экзогамии (запрещение браков среди членов тайпы);

4. Помощь тайпы членам ее в особых случаях (бедствие, смерть, женитьба);

5. Подчинение членов тайпы решениям совета тайпы или ее главы;

6. Траур всей тайпы в случае смерти члена ее;

7. Неучастие женщин в решениях правовых вопросов тайпы;

8. Тайповое гостеприимство.

Далее автор характеризует чеченские родовые ячейки как объединения с их «демократическими» связями и устоями, реакционными правовыми нормами и средневековыми местными адатами, глубочайшей хозяйственной замкнутостью и светской рутиной и совершенной изолированностью от внешнего мира.

Далее автор указывает, согласно Энгельсу, причины разложения рода: разделение труда, классовая борьба и проникновение извне капитализма (завоевание Кавказа Россией, захват земель колонистами).

Автор цитирует и классическую характеристику, данную В.И.Лениным «Развитие капитализма в России» (с. 484), того, как развитие русского капитализма повлияло на исторические судьбы горских народов: «русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, создавая себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода и заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы, табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического и национального костюма в костюм европейского лакея»[28].

Общий процесс социально-экономического развития до Октября в Чечне автору представляется в следующем виде:

1. Быстрое расслоение чеченской деревни и резкая социальная дифференциация внутри ее (на кулаков и полупролетариев);

2. Быстрый рост влияния и удельного веса духовенства, как экономически, так и политически, чему способствовали фанатизм масс и наличие сильных родовых отношений;

3. Рост торгового капитала;

4. Зачатки и развитие промышленного капитала и буржуазии.

Автор тайпой называет род, а тухумом называет братство, фратрию или объединение нескольких тайп или родов; объединение же тухумов (фратрий), составляющих чеченское племя; сами тайпы распадаются на более мелкие единицы — гары, неки и проч.

Автор насчитывает в Чечне всего 125 тайп, из коих около 12 пришлые извне, инородные, очеченившиеся впоследствии. А тухумов — 6. Инородные тайпы следующие: Таркоевская из Дагестана, Черкесская, Гуржинская, Базоевская (из Цов-Тушин), Купчинская (из Лакии), Галгаевская (из Ингушии), Чермоевская (из Крыма), Галатхой и Мелардоевская (из Дагестана), тоже и Джаевская (из Аварии).

Автор дает и перечень многих основных тайп, как то: Беноевская, Зандакская, Бильтоевская, Аллероевская, Аккоевская, Центароевская, Дышнинская и т.д. Всего их 113. Тухумы же (всего 6) следующие: Малхоевский, Галаевский, Нахчимахчоевский (Ичкеринский), Чантоевский, Шатоевский и Чаберловский.

Я лично полагаю, что под этими «тухумами» следует разуметь не родовые братства, фратрии, а племенные подразделения на об-

щества. Это — территориальное подразделение чеченского племени, а не родовые союзы.

Понятие «тайпа» и «тухум», по-моему, синонимы, и последнее название рода — не чеченского происхождения, а кумыцкое слово. Это слово употребляется и во всем Дагестане для обозначения рода и родственников вообще.

Этот мой вывод отчасти подкрепляется и самим автором, который говорит, что основными отличительными чертами тухума являются территориально-географическая общность и различие диалекта с другими тухумами.

В VI главе своей статьи автор предостерегает как от переоценки, так и недооценки родовых моментов в классовой борьбе в чеченской деревне. Всякое проявление родовой борьбы сегодняшней чеченской деревни подчиняется классовой борьбе. Классовая борьба доминирует над родовой и родовая борьба сплошь и рядом имеет под собой классовую подоплеку, но (по мнению А.Авторханова) было бы большой ошибкой считать, что в Чечне нет сильных пережитков родовых отношений (особенно в Нагорной Чечне), что не существуют пережитки родовой борьбы.

Исчерпав почти все, известное мне в печати, об организации и возникновении чеченских родов, я теперь обращусь непосредственно к материалу, собранному мною лично на месте.

Я не раз уже говорил, что большая часть селений в горах носит название их основателей, потомки коих часто одни населяют целый аул и носят фамилию основателя. О существовании аулов, населенных одною фамилиею в Чечне, говорят почти все писатели, начиная с XVIII ст.

В 1873 году такие аулы встречал в горах Чечни и Станишевский[29]. Только в самое последнее время в горах стали селиться по несколько фамилий в одном ауле; на плоскости, наоборот, аулы — по преимуществу смешанного состава. Однако, интересно отметить, что и на плоскости отдельные роды, выселившиеся из гор, поселялись в отдельных кварталах, за малыми исключениями, и устраивали родовые, фамильные кладбища.

Родовые башни. Понятно, почему в горах часто аул состоит из одной башни, в которой приютились 2–5 семейств однофамильцев числом в 10–25 душ обоего пола.

Подобные башни, прилепленные к скале, мне приходилось видеть и в Мецхальском обществе.

По описанию других очевидцев они те же и в других горских

обществах. О них писали и Ахриев[30], и Грабовский[31], и Г.Вертепов[32], и В.Миллер[33]. Подробные описания боевых и жилых башен и замков ингушей, с чертежами и планами, читатель найдет в статье И.П.Щеблыкина «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры»[34].

В горах Чечни встречаются башни двоякого рода: одни пирамидальные, высокие, от 10–15 сажень, выстроенные неизвестно когда и, судя по занимаемым ими недоступным, возвышенным местам и по множеству амбразур и куче камней наверху (снарядов), они служили для военных целей обороны; в них никто не живет в обыкновенное время; в них чеченцы и ингуши не раз оборонялись и от русских войск; все башни акинцев были разрушены русскими по окончании войны как опасные крепости, наделавшие им немало хлопот; в них же, по преданиям, постоянно одна фамилия оборонялась от другой во время междоусобиц и кровных столкновений. Судя по крестам, высеченным на камнях, вделанных в башни, В.Миллер приходит к тому заключению, что искусство сооружения башен было внесено в горную Чечню грузинами, оказавшими некогда несомненное культурное влияние на чеченский народ, который в период могущества Грузии (XI и XII вв.), надо полагать, признавал даже ее верховенство над собою; недаром и предание чеченцев относит постройку их, как и церквей в их земле, ко временам царицы Тамары (1184–1212 гг.). Впоследствии, конечно, сами уже чеченцы строили эти башни. Так, в Галгаевском (хамхинском) обществе существует замечательная башня Хайбах, выстроенная лет 180–200 тому назад предком нынешнего аульного старшины. По-чеченски эти стратегические башни называются бав: (Буav), а по-ингушски «вау» (vyav), такую башню имел каждый род; у целой тайпы, состоящей из нескольких родов, общей башни, по словам опрошенных мною стариков, не было. Род жил в особых жилых башнях, сгруппированных вокруг стратегической башни, царившей над всем аулом. Эти жилые башни строятся самими ингушами; еще на памяти старика Ганыжа были выстроены трехэтажные жилые башни в сел. Байни (лет 80–100 тому назад).

В отличие от вау они носят название «гала», часто они имеют три этажа; но два этажа бывают во всех башнях непременно. В нижнем этаже помещается скот; а в верхнем этаже, куда плетневая лестница приводит в широкую дверь и общий коридор с жилыми комнатами по сторонам, для каждой семьи отдельно, живут члены рода.

Комнаты, отделенные друг от друга каменной стеной, довольно большие; и непременную их принадлежность составляет очаг посредине комнаты, в котором постоянно, зимой и летом, днем и ночью, горит огонь, и над которым висит котел на священной цепи.

Обыкновенно одна башня заключает в одном этаже четыре комнаты, и в них живут четыре семьи, образующие один двор или семейную общину и состоящие по большей части из братьев и внуков. Иной раз одна такая башня заключает в себе весь род; но более или менее значительный род всегда имеет несколько таких башен, сгруппированных вокруг военной башни и образующих своего рода крепость, населенную однофамильцами-родственниками. Если член двора женится, и для него в башне не оказывается отдельной комнаты, то родичи строят для него новую башню или пристройку-саклю к старой башне; но во всяком случае женатый член семьи обязательно имеет и отдельную комнату для себя, так как общинный дух, проникающий собою семейную общину и род, не простирается у ингушей и чеченцев вообще до общности жен, а напротив в их среде господствует индивидуальный брак, чаще моногамический (единобрачие), иногда и полигамический (многоженство). При выселении на плоскость ингуши и чеченцы селились хуторами, подворно, стараясь жить поближе к родственным дворам и даже к чужеродцам. Необходимость заставила их также соединяться в искусственные союзы родов или братства, состоящие из чуждых друг другу родов, сплотившихся вокруг сильного рода с целью взаимной защиты не только от обижавших их сильных родов, но и от соседних племен (кабардинцев и проч.); от этих братств нетрудно было перейти и к большим аулам (чему немало содействовали русские), растянутым на большие пространства и состоящим из нескольких таких братств, расположившихся каждое в особом квартале. Характер построек и поселений на плоскости, конечно, был иной, нежели в горах; если в горах строились каменные башни и если в каждом ущелье могло поселиться лишь ограниченное число семей, то на плоскости с одной стороны простор, а с другой обилие леса позволили чеченцам жить в одной местности целыми фамилиями и даже братствами. Этих однофамильцев, составляющих тесно сплоченный род, ингуши называют не «тайпа», а «вяр»; по всей вероятности, это слово соответствует чеченскому гаару или неке.

Большинство нынешних аулов в горной Чечне, заключая в себе от 2-х до 40 семей и от 1 до 40 башен жилых, отстоят друг от друга

всего на расстоянии 5–10 минут верховой езды; и все почти аулы, входящие в состав одного общества, очень часто населены членами одной тайпы. Так, например, все почти Мецхальское общество, состоявшее в 1892 г. из 21 селения, образовало 252 двора с населением в 1874 души обоего пола (мужчин 1001, женщин 873) и все это общество образовалось из жителей старинных аулов Фелхана и Арзи; население последних росло главным образом путем естественного размножения, и давало выселки, которые и составили этот 21 аул.

По сведениям, сообщенным Грабовским, то же общество в 1865 г. имело 1708 чел.,— сост. 320 семей (884 муж. и 824 жен.)[35].

Понятно, что все жители данного общества считают друг друга более или менее родственными; но все же там живет не одна тайпа, а несколько, и браки совершаются в пределах одного общества; если бы все жители считались родственниками, то при существующей среди чеченцев и ингушей строгой экзогамии в пределах рода и братства немыслимы были бы и подобные браки. Общее число ингушей по посемейным спискам 1889 года доходило до 39392 душ обоего пола, они составляли 146 населенных мест, заключающих 7973 двора.

Из этого числа на плоскостных ингушей приходится населенных мест 20, и дворов — 6875, остальные — горцы. Приведу сопоставление тех и других, сделанное Вертеповым[36].

	Насел. мест	Дворов	Жител.	Дворов на 1 нас. место	Жител. на 1 нас. место	Жителей на 1 двор
Горных ингушей	101	962	6374	9,5	63,1	6,6
Плос-костн. ингуш.	20	6875	32318	343,7	1615,9	4,7
На хуторах	25	136	700	5,4	28	

Достаточно взглянуть на эту таблицу, чтобы убедиться, что в горах селений больше, нежели на плоскости, но число жителей и число дворов несравненно меньше, чем в плоскостных аулах. Замечательно и то, что число жителей на один двор, равное в горах 6,6, на плоскости падает до 4,7; это — признак разложения родо-

вой сплоченности на плоскости. Меньшее количество семейных переделов и большее сохранение родовых форм общины отмечено в горной Чечне, сравнительно с плоскостной, и Максимовым[37].

В 1915–1917 гг. численность ингушей определялась около 60000 человек. Все население ингушей состоит из нескольких крупных тайп, распавшихся на множество вяров или родов; вне этих главных тайп существует немного родов и семей, составляя во всяком случае значительное меньшинство населения.

Благодаря своей сплоченности и многочисленности одни и те же тайпы, или фамилии, существуют целые века; войны, эпидемии и голод, принуждающий однофамильцев расселяться в разные страны и даже выселяться из Чечни,— были причиною неустойчивости одних и тех же фамилий; некогда могущественные, сильные фамилии зачастую теперь влачат жалкое существование, составляя всего каких-нибудь 2–3 семьи.

После вступления ингушей в русское подданство и установления мирной жизни для них, условия для существования и увеличения тайп стали особенно благоприятными.

В 1810 году «лучшими, сильнейшими и почтеннейшими» фамилиями среди ингушей были[38]: Таргемовы (Таргимхоевы), Цекме-Быховы, Агиевы (Эгиевы), Картуговы, Яулурьевы и Хамхоевы. Из них некоторые фамилии сохранили свое первенство и в наше время. В знакомстве с этими 3–4 крупными тайпами ингушей мы узнаем все детали организации тайп и родов, их расчленений, а потому мы и остановимся на них подробно.

В Галгаевском (Хамхинском) обществе существуют селения Таргим, Эги и Хамхи, носящие названия живущих в них фамилий.

По имени основателей их — главарей трех больших тайп, сыновей богатыря Галгая — Эги, Хамхи и Таргилима (см. предание о них — у Пожидаева, стр. 13, и Яковлева, стр. 98) три огромных тайпы: Таргимхоевы, Эгиевы и Хамхиевы (из последней выделилась еще 4-я тайпа Кастоевых, хоть связь еще сохранилась) — называются у ингушей «Кокелай-Хой», т.е. «три фамилии». Все эти три тайпы выселились на плоскость, и по словам стариков, из них исключительно состояла лучшая половина ингушей, они были первыми (лучшими) узденями. По своей силе и по своему благородству они были выше остальных ингушей, называвшихся «Хи-ди-Хилнах», т.е. «заречными людьми». Так как все же все ингуши считались одинаково равными и свободными, т.е. узденями, то кровная плата между этими тайпами и другими ингушами была

одна и та же. Превосходство этих трех тайп над прочими ингушами было несословное, а фактическое, количественное и качественное. Они считали себя настолько выше других, что, представляя каждая строго экзогамическую группу, братство, брали себе жен только из среды одной из этих трех тайп, не считая другие тайпы достойными того, чтобы обмениваться с ними женщинами. Каждое из названных братств, нося одно общее имя, подразделяется в то же время на несколько линий или родов, по числу сыновей родоначальника тайпы. Эти подразделения или линии называются вярами (в Чечне — гаарами или неками[39]) и каждая линия кроме общей фамилии носит еще свою особую фамилию по имени основателя, родоначальника линии (обыкновенно имя одного из сыновей или внуков главы тайпы). Так, тайпа Кастоевых состоит из следующих вяров: 1) Гастемировы, 2) Газгериевы, 3) Марзагаловы, 4) Машировы, 5) Успаевы и 6) Дудуровы. Повторяю, что главы этих шести линий, родов, входящих в состав одной тайпы, были родными братьями. Будучи в горах, все эти роды, входящие в состав братства Кастоевых, жили вместе, в одном селении, еще не успев по малочисленности образовать особые линии и выделиться, составляя скорее один род. На плоскости же все эти вяры живут отдельно, в разных селениях; часть их живет даже в горах Осетии, а часть остается еще в горах Галгаевского общества, в Датихском ущелье. В настоящее время тайпа Кастоевых, состоявшая в горах из 10–15 дворов, считает у себя до 200 дворов; некоторые вяры ее уже имеют до 50 дворов. Считая в среднем, на каждый двор по 5 человек, мы получим на всю тайпу Кастоевых до 1000 человек.

Несмотря на такую численность тайпы, удивительно ревниво у членов ее сберегается общее фамильное имя, и существует тесная солидарность между всеми однофамильцами, выражающаяся, например, в круговой поруке, в кровных делах и при женитьбе кого-либо из них (помощь со стороны родственников при уплате кровной платы, калыма и т.п.). Такая сплоченность членов тайп давно исчезла в плоскостной Чечне, чему немало способствовал и ислам, разрешающий браки между родственниками боковых линий, начиная с двоюродных братьев и сестер, вопреки строгой экзогамии родового быта, а также внесший много перемен в семейное наследственное право и в самое понятие родства — деление родственников на дальних и близких, мало развитое в нетронутой, чистой родовой организации; такое же разрушающее на единство тайпы влияние должно было иметь и сравнительно раннее рассе-

ление чеченцев на плоскости и неизбежное с этим — раздробление тайпы и забвение друг другом разбросанных по разным концам обширной равнины родственников. Чем больше была группа членов тайпы, тем труднее ей было существовать на принадлежавшей ей земле, и в поисках новых участков земли тайпа расселяется и делится на более мелкие группы, вяры, роды и семьи. Это явление — всеобщее у всех народов.

Самая большая тайпа среди ингушей — Таргимхоевых, вышедшая из аула Таргим[40], Хамхинского общества и расселившаяся по плоскости, составляя в настоящее время массу почти в 2000 дворов; если эта цифра не преувеличена спрошенными мною ингушами, то названная тайпа составляет почти 1/3 всех плоскостных и 1/4 всех ингушей. В нее входит множество вяров (родов), имеющих каждый свое особое фамильное имя и в то же время сохраняющих и общее название тайпы. Эти вяры суть: Мальсаговы, Бековы, Плиевы, Чопаловы, Оскаловы, Озиевы, Медовы, Улбужевы, Гойговы, Дудуровы, Хукориловы, Угурчиевы, Арчаковы и т.д. Это, в сущности,— целое племя почти в 10000 человек, а не род. Еще недавно вся эта тайпа Таргимхоевых была вполне экзогамическим союзом. Но в самое последнее время, отчасти и под влиянием ислама, но главным образом от того, что вяры, входящие в эту тайпу, сами размножались и, став тайпами, дали от себя новые вяры, экзогамические запреты очень часто нарушаются и, например, Мальгасовы берут себе в жены девушек из родственного вяра Плиевых и т.д.

Все-таки воспоминание о единстве всей тайпы настолько сильно, что на подобные браки ингуши решаются не легко и во всяком случае не поощряют их. На примере названной тайпы мы видим интересное явление происхождения нового рода из одного уже существующего рода под влиянием увеличения численности последнего; здесь же мы наблюдаем явление перехода экзогамических групп, если не в эндогамические до известной степени, то в безразличные в этом отношении группы. Впрочем, если принять во внимание, что эти вяры тайпы Таргимхоевых как бы сами стали тайпами, то нарушение брачных запретов между ними не покажется столь большим отступлением от строгой экзогамии ингушских тайп.

Столь же почти многочисленна, как Таргимхоевы, и тайпа Эгиевых, вышедшая из селения Эги, Галгаевского общества. Ее вяры

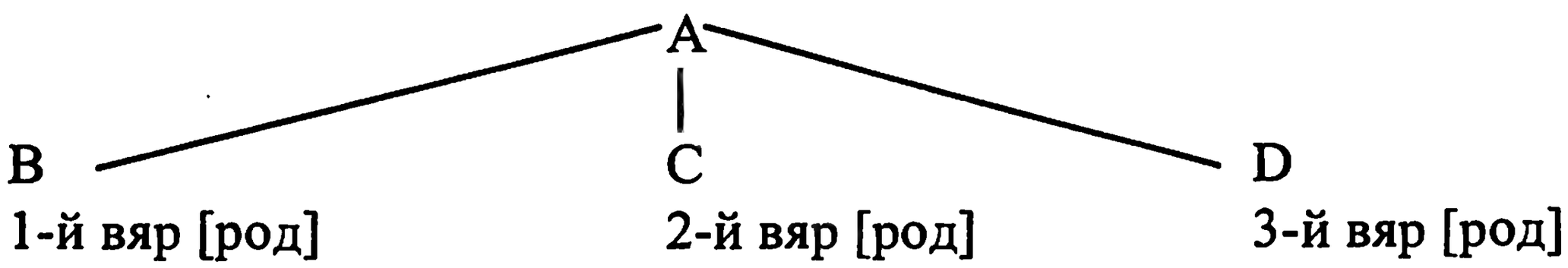
также успели подразделиться на новые вяры, и браки между членами прежних вяров разрешаются практикой, хотя другие тайпы и подсмеиваются над ними, говоря, что «Эгиевы мешают свою кровь».

Тайпа Баркинхой происходит из селения Барким, Галгаевского общества и состоит из 4-х вяров: Котиевых, Точиевых, Канчиговых и Гадобориговых.

Как давно существуют эти тайпы можно судить по тому же, что фамилия Мальсаговых, вяр Таргимхоевской тайпы, была сильна и многочисленна уже в середине XVIII ст., известно, что сын главы этого вяра Мальсага — Дзавг (Дзауг) основал на плоскости ингушский аул, на месте которого в 1784 году возник г. Владикавказ, называемый и доселе ингушами и осетинами по его имени — Дзауг-кау; русские же назвали этот поселок по имени сына основателя — Темирко-юртом. Этот вяр впоследствии выселился к Назрани, покинув Владикавказ.

Назрань основана выселенцем из гор Кэрцхалом, потомком одного из 3-х братьев, Тергима, лет 150 тому назад (по Яковлеву). Из того, что столетний старик Казбык Казиевич Хабиев-Буржаев с изумительной точностью и легко перечислял мне фамилии совершенно чуждых для него тайп и их подразделений, нельзя не прийти к заключению, что и в настоящее время, когда разрушительные влияния весьма сильны, все-таки родовая организация ингушей весьма устойчива. Сам старик принадлежит к тайпе Буржой, вяр его — Хабиевы; в Кази — имя отца, Казбык — имя его самого. В имени и фамилии другого старика Ганыжа Абиевича Келигова-Фелханова (Фелхалой) также последовательно указаны его имя, отчество, название вяра и, наконец, тайпы (Фелхалой).

Для проверки сведений, полученных мною от Казбыка, я задавал те же самые вопросы особо и старику Ганыжу и другим ингушам, и все они подтвердили все вышеизложенное относительно тайп и вяров. Приведу для ясности чертеж правильного развития из одной семьи — тайпы и вяров, как образец чистого, кровного рода. Обозначим при этом через A родоначальника тайпы; B, C и D — его сыновей, давших каждый начало отдельному вяру.



Вся тайпа носит фамилию по имени А; но в то же время и каждый вяр носит особую фамилию по имени их родоначальников (B, C или D).— Конечно, не всякий сын главы тайпы может оставить по себе потомство настолько многочисленное, чтобы оно могло составить отдельный вяр; может случиться, что особенно плодовитым окажется не сын, а внук или правнук главы тайпы, и тогда основателем вяра считается последний, он же сообщает вяру и свое имя; вообще, тот только становится основателем нового вяра (рода), который оставляет после себя многочисленное потомство. Выделение такого вяра из тайпы, связанное с принятием новой фамилии по имени наиболее плодовитого члена тайпы, происходит нередко еще при жизни виновника существования такого большого потомства, т.е. при жизни родоначальника вновь образующегося рода. Причина принятия отделившимися родственниками особой фамилии заключается, по словам ингушей, в том, что вследствие многочисленности потомства одного из членов тайпы их бывает весьма трудно отличить от их однофамильцев дальних родственников и еще труднее отличить от однофамильцев неродственников, каковых в прежнее время у ингушей было вообще множество; причина же выделения заключается в неудобстве совместной жизни размножившихся родичей и необходимости преследовать интересы в более тесной группе родственников; переселения немало тому содействуют. Потомство одного лица ведет более солидарную, тесную жизнь, чем вся тайпа, часто совершенно обособленно живет и имеет множество точек соприкосновения в экономическо-гражданском обороте с другими родами; практическая потребность заставляет их выделиться от тайпы, для чего и дается им особая фамилия; конечно, эта новая фамилия не исключает фамилии всей тайпы, которая имеет практическое значение в делах, касающихся целой тайпы (брачные запреты в пределах тайпы, кровная месть и т.п.); в подобных случаях расчленение тайпы на вяры с их особыми названиями не принимается в расчет, и дело касается целой тайпы как одного братства, фамилии, группы родственников.

Все существующие ныне фамилии ингушей не возводят своего родоначальника-предка, давшего название тайпы, далее 15-го колена; с другой стороны, ингуши не знают ни одной фамилии, которая бы считала в себе менее 4-х колен с возникновения; за последние 50 лет не было примера выделения вяра из тайп.

Таково, в общих чертах, естественное выделение новых родов из существующих прежде их возникновения родов; таковы и естественные причины их выделения — практическое удобство в соединении с ослаблением связей родственных и экономических интересов между размножившимися линиями тайпы, принужденной к тому же естественными условиями страны жить разбросанно, в разных аулах; при таких условиях нечего говорить, что солидарность этих обособившихся линий тайпы обращается во многих отношениях в фикцию; и сами они, и другие чуждые роды привыкают смотреть на каждый вяр как на нечто обособленное от тайпы, как на самостоятельную группу лиц, которая потому и должна носить особое наименование, фамилию. Но кроме тесноты, малоземелья, не позволявшего размножившейся тайпе жить в родовых башнях и принуждавшего ее то расселяться в горах, то выселяться на плоскость, причиною отделения двора или семьи от тайпы могли быть и ссоры между родичами. Этому последнему обстоятельству принадлежит видная роль в образовании новых вяров и вообще в распадении родов; десятки и сотни лиц одного рода не всегда уживаются, а когда к тому же, как теперь, роды потеряли прежнее политическое значение, разрушительное действие ссор на родовой быт стало сказываться с особенной силой.

Семья, выделившаяся от рода, старалась все-таки строиться как можно ближе к родичам, и, в собственных интересах, не порывала связи с ними, продолжала по-прежнему признавать авторитет главы рода, участвовала в делах рода и т.п.

Таким образом, обычная картина жизни горских ингушей такова: тайпа, или братство, чаще всего живет разбросанно по нескольким обществам; членов ее связывает представление об общности происхождения от одного родоначальника (кровное родство); если братство достаточно велико и состоит из нескольких линий (вяров), то главы общего у всех линий, т.е. главы братства не бывает; напротив каждая из линий или вяров, имеет особого главу, старейшину, или родового начальника, который признается всеми дворами, входящими в вяр; общие дела всей тайпы решаются советом старейшин отдельных линий; кровная месть, круговая порука с родовой приэмпцией[41] и родовым выкупом, помощь в брачных и иных обязательственных делах, соприсяжничества на суде друг за друга, брачные запреты в пределах всей тайпы (полная экзогамия) или во всяком случае в пределах вяра (в позднейшее время),— все это доселе характеризует ингушские тайпы. Н.Харузин

про современное состояние семейного права чеченцев и ингушей говорит, что брачные запреты по шариату или адату простираются до 3-го, 4-го, 7-го, 8-го или даже 12-го колена[42]. Но, конечно, чистый родовой быт, чуждый влияния ислама, не знал дозволенных браков и в указанных пределах родства, так как брачные запреты распространялись на всех однофамильцев.

Кровная месть обязательна для всех членов потерпевшей тайпы, и благодаря этому тянется нередко 100–150 лет, и с обеих сторон за такой период насчитывают десятки жертв мести.

Родовой выкуп за убитого чужеродца ложится на весь род и равен в Чечне 630 р.; а у ингушей — 310 р., 3 лошади в полной верховой упряжи и мелкого скота, или 300 р. и 12 «похоронных» коров, или 130 коров за мужчину и 120 за женщину. В ауле Хайрах, у горных ингушей, по словам Н.Харузина, если родственники хотят откупиться от преследования со стороны родственников убитого,— они должны дать следующий выкуп, по степеням родства: родственники убийцы в 1-м колене, кроме родных братьев, которые должны заплатить 12 коров, платят 11 коров; родственники во 2-м колене — 10 коров; родственники в 3-м — 9 коров и т.д.; наконец, родственники в 12-м колене должны заплатить только козленка.

Конечно, нечего говорить о том, что за убийство своего родственника убийца не должен был подвергаться кровной мести и даже не должен был платить выкупа. Исключение составляет убийство жены мужем, за что муж обязан примириться с ее родственниками, устроив им пир[43].

Мстить должны прежде всего родные братья убитого, дяди и племянники с мужской стороны; но принципиально право и обязанность кровной мести распространяется на всю тайпу. Вопрос о том, на чем покоится кровная месть, вопрос об источнике этого института, не может быть решен на основании только быта чеченского племени; он относится к одному из сложнейших различно разрешаемых разными учеными вопросов. Но несомненно, что институт кровной мести является одним из главных способов самообороны, самосохранения родов в период до возникновения государственной власти. Здесь следует также отметить, что в период господства у чеченцев и ингушей культа предков, последний немало способствовал поддержанию института кровной мести: тень покойника, этого бога родичей, обязывала последних искупить пролитую кровь; но месть уцелела у чеченцев (и не у одних чечен-

цев) и по забвении культа предков и по разложении родов и также сильно держится и поныне: очевидно, кроме культа предков и родового строя жизни она нашла для своего существования и иную почву[44]. Почва эта — тяжелые условия бесправия, малоземелья; это — одна из форм борьбы за существование между отдельными семьями, когда взамен распадающегося старого быта в Ингушетии никакого нового устойчивого бытового порядка не создалось[45].

Научное объяснение института кровной мести (см. у Кныше-ва) — сводится к тому, что родовая, или семейная, община дорожила всеми членами своей хозяйственной единицы как целого. Защита интересов семьи как хозяйственного целого требовала защиты интересов отдельного человека: личность поглощалась большой семьей или родом. Обида, нанесенная личности, вызывала отклик со стороны большой группы родственников не потому, что оскорбляла человека вообще, а потому, что каждое нарушение интересов отдельного человека отражалось на интересах всей группы родственников, так что защищая отдельного члена своего, род тем самым оберегал интересы целой группы своей. Кровная месть существовала у всех народов мира и доселе сохранилась не только у малокультурных народов, но и у некоторых народов Европы — на Балканском полуострове, в Сицилии, Корсике, Сардинии и т.д. Кровная месть — неизбежная принадлежность родового строя.

Одни репрессии сами по себе не смогут уничтожить кровную месть; изоляция кровника путем высылки его и примирение кровников, не говоря об общих мерах поднятия культурного уровня населения, горцев Кавказа,— вот наиболее верные способы борьбы с кровной местью. Н.Яковлев в книге «Ингуши» констатировал[46] в 1919 г. общее число случаев кровной мести по всей Ингушетии — 150; прежняя русская власть пробовала, говорит он, бороться с кровной местью судами и ссылками в каторгу; однако из этого ничего не вышло, кроме взаимного ожесточения враждующих кровников. Лишь Комиссии по примирению кровников в 1920 г. удалось ликвидировать прежнюю кровную вражду фамилий. Интересующихся подробностями о кровной мести я отсылаю к упомянутому прекрасному очерку Н.Ф.Яковлева. Н.Яковлев совершенно правильно указывает, что сильнее всего в настоящее время проявляет себя пережиток прежней родовой жизни — кровная месть.

Общую собственность тайпы (братства) составляют только выгон для пастьбы скота и лес, которые как выражаются сами ингуши, связывают членов тайпы в братство. Эти же участки остаются

достоянием и целого аула, населенного не одним, а несколькими родами, неродственными друг другу. Общей башни целое братство также не имеет обыкновенно; нет у него и общего котла.

В том случае, когда тайпа живет, рассеявшись в нескольких обществах, связь между ее членами — еще слабее. Круговая порука и солидарность постепенно ослабевают и исчезают.

Существовавшие прежде брачные запреты теперь фактически мало соблюдаются; время самоуправства в жизни чеченцев и ингушей теперь прошло и не является потребностью членов тайпы, как прежде, крепко держаться друг за друга, жить по возможности ближе друг к другу и сообща отстаивать свои интересы от врагов; теперь многие функции тайп перешли к государственной власти. Окончательное распадение тайп в близком будущем можно уже теперь предсказать.

Гораздо более тесную группу, нежели тайпы, образуют вяры.

Не только в прежнее время, но даже и теперь большею частью вяры живут вместе (особенно в горах); это и суть настоящие роды с старшим во главе, тесною солидарностью членов их между собою, с круговою порукою в делах кровных, брачных, судебных и т.д.; они же до самых последних дней следуют экзогамическим запретам. Живут они или в одной родовой башне, или, если их много,— в нескольких башнях, скученных друг возле друга; у них имеется и общая родовая башня — «вау»; у них и общий родовой котел, в котором можно сразу сварить двух–трех быков и в котором варят пиво в торжественных случаях; они же образуют и более тесный религиозный союз. Относительно поземельной собственности у вяра, нужно сказать, что пахотные и покосные земли навсегда поделены между отдельными дворами, входящими в него; это явление вызвано условиями местности в горах, где земля разбросана клочками в разных местностях на склонах гор и где каждый такой клочок приобретен семьей с затратой нечеловеческих усилий, буквально оторван у дикой природы посредством очистки склонов от камней, насыпки земли и удобрения.

Такие природные условия, где земля дается не готовая, а является результатом личной энергии и труда отдельных дворов, семей, тут, в горах, конечно, немыслимо и какое бы то ни было пользование землей на общинных началах, и частная собственность на землю, надо полагать, в горах была с самого возникновения там поселений. На плоскости условия иные, и там мы встречаемся с общинной землей. Сперва, конечно, община и на плоскости

была родовая; родовая земельная община возникла там с момента выселения чеченцев из гор на свободные места; род по праву первого завладения занимал известное пространство, расчищал от леса, и оно становилось общим достоянием рода и время от времени переделялось между дворами, было делимым (куп); если отдельная семья одна расчищала известный участок из-под леса — то он становился наследственной собственностью ее (ляцен-мохк)[47]. О подворном владении в горах говорит и Вертепов[48]. Только Вертепов ошибочно полагает, что подворная собственность явилась в горах как результат разложения родовой общины; на самом деле так было с самого начала поселений в горах, где редко весь род имел нераздельными пахотные и покосные участки. Конечно, общинный дух не мог не проявиться при благоприятных условиях, и по выселении на плоскость у ингушей также возникла настоящая сельская община[49]. Евг.Максимов предпочитает не высказываться вовсе о землевладении в горах, чем судить о нем превратно по скудным данным, имеющимся в печати[50].

Здесь мы имеем пример, подтверждающий теорию, высказанную впервые Маурером в начале XIX ст., что та или другая форма землевладения зависит от характера местности, занятой племенем; это же подтвердил М.Ковалевский при рассмотрении землевладения у всех вообще горцев Кавказа[51]. Пастбища и леса, конечно,— общие у целого рода, неделимые (цухкуру медтихк).

Дух общности, господствующий в родах, проявляется и в земельной собственности при условиях, благоприятных для ее существования; этим объясняется то замечательное явление, что когда весь род выселяется на плоскость, то поделенная на мелкие участки между дворами земля, покинутая в горах, вновь становится общим достоянием целого рода; живя на плоскости, род сохраняет на нее право собственности, отдает в аренду (чаще всего родственному роду, входящему с ним в одну тайпу) и полученную плату делит между дворами поровну.

В Мецхальском обществе, где, как я говорил выше, живут во всех почти 24-х аулах родственники, многие аулы населяют по одному вяру. Так, селение Койрах состоит из одного вяра Эсмурзиевых в числе 9 дворов (более 50 душ); в сел. Мору живет 6 дворов одних Ярыжевых; в сел. Хамышк — 10 дворов Патиевых и т.д. На плоскости прежде также нередко один вяр населял целый аул; так в сел. Бурсуковском жило нераздельно 40 человек Местоевых, составлявших один вяр (отец Муса с пятью сыновьями и внуками).

Что же касается подразделений вяров на дворы или большие семьи, то здесь мы имеем перед собой настоящие семейные общины. В состав одного двора в сел. Койрах (правильнее Койрхе) Мецхальского общества входят, по словам Н.Харузина, 27 родственников мужчин, но чаще бывает их человек 10. По словам Старика Казбыка в этом селении еще в начале 90-х годов XIX столетия он знал 20 человек Тенкиевых, живших в одном дворе; женщины под надзором старшей в общей кухне и в общем котле готовили пищу для всего двора сразу. Неженатые мужчины жили особо, женщины — особо, семейные имели особое помещение. Нераздельно в одном дворе обыкновенно живут отец, дети его и внуки, и лишь очень редко и правнуки, как в Осетии и в Балкарии. Этот двор вследствие размножения образовал особый вяр Тенкиевых в тайпе Койрхоевых, по имени его главы Тенка; после него старшим вяра был сын его Парча; а после Парча — его второй брат Темрко; а старшей среди женщин была жена старшего. Здесь мы имеем случай незаметного, естественного, превращения двора в особый вяр; иногда вяр даже может совпасть с двором, но эти случаи редки, как мы видели на примере вяра Тенкиевых.

Связь членов двора между собой — самая тесная; эту группу объединяет кровное начало чаще всего в лице отца семейства; экономическое начало сказывается здесь не только в общности владения, но и в общности труда; имея, за редкими исключениями, общую, нераздельную земельную собственность, члены двора делят между собою даже все заработанное ими в стороне; индивидуальная собственность не простирается далее движимости, как то: одежда, оружие и т.п.; право индивидуального распоряжения землей в дворовой общине, в основе которой рядом с кровным началом лежит и начало трудовое,— совершенно отсутствует; право родовой преэмпции имеет любой член рода по отношению к другому родичу; но здесь, в дворовой общине мы находим нечто большее, чем преэмпция: здесь каждый член двора, сверх того, имеет право вето при продаже общей собственности; без его согласия никакого отчуждения не может быть совершено ни старшим, ни другими членами дворовой общины. На всякую попытку главы двора (ценда) бесконтрольно распорядиться общим имуществом, всякий 15-летний член семьи имеет право ответить требованием выдела его доли; поэтому глава принужден при всяком отчуждении имущества непременно совещаться со всеми членами семьи[52]. Недаром Клапрот говорит, что ингуши, имея общее иму-

щество, делят между собой даже все случайно приобретенное; равноправность членов большой семьи у ингушей — полная. Двор, сверх того, является ближайшим центром домашнего культа; у всех семей, живущих в одной дворовой башне,— общий очаг, над которым висит общая священная цепь и в котором они ежедневно разделяют трапезу с своими ближайшими покойниками, приносят им жертву, совершают молитву, в очаге же горит их священный огонь, через который покойники воспринимают пищу.

Круговая порука также проявляется сильнее, резче в дворовой общине: члены ее ближайшие мстители, заступники, участники в уплате кровной платы или калыма, соприсяжники на суде и т.д. Словом, двор у ингушей является настоящей семейной общиной, большой семьей, славянской задругой.

Мы знаем уже, что двор живет в одной башне, разделенной на несколько комнат каменными стенами: иногда эти комнаты делятся еще плетневыми загородками на меньшие комнатки, предназначенные каждая для женатого члена семьи; холостые живут обыкновенно все вместе в третьем этаже башни, откуда при надобности и отстреливаются от врагов. Выделение семьи из двора бывает, как было уже упомянуто выше, или вследствие тесноты помещения, или вследствие малоземелья, приводящего к переселениям и выселениям из гор, или же, наконец, вследствие раздоров в доме. Если совместно живущие родственники не ладят между собою, то соседи их, даже неродственники, всегда стараются ускорить раздел их, чтобы тем предупредить неизбежные при горячем темпераменте ингушей ссоры, нередко кончающиеся убийствами родственников; только недоброжелатели, говорят ингуши, удерживают от дележа родственников, между которыми установились натянутые, неродственные отношения. Отделившаяся семья старается все-таки жить невдалеке от сородичей, так как она вне пределов рода не может найти себе защиты от врагов; по ее желанию доля ее имущества отделяется от дворовой общей собственности, что всегда почти следует за отделением семей; самая связь ее с двором и родом слабеет; от главы двора и рода она менее зависима; ослабление начала круговой ответственности выражается в том, что за долги отделившейся семьи двор не отвечает. В наше время, когда значение рода как общины самообороны и религиозной сильно уменьшилось, эти разделы и выселение на плоскость повторяются все чаще и чаще. Поселок Длинная Долина, против станции Балты по Военно-Грузинской дороге, весь возник из та-

ких выселившихся недавно отдельных семей ингушей. Наш рассказчик Ганыж Фелханов также выселился в Длинную Долину в 1887 г. из гор по недостатку земли; урожаи в горах были плохи, а на плоскости ему жилось сравнительно лучше; «арба прямо подъезжает ко двору», а в горах были невозможные подъемы. До взятия Шамиля, говорит Ганыж, нельзя было так легко решиться на выселение из гор, потому что сильные фамилии обижали слабых на плоскости еще больше, воровали детей и продавали в непокорные общества карабулаков (Арштхой) и др.; теперь же этого нет, жить стало безопаснее.

На плоскости, где нет башен, дворы, составляющие вяры, живут в нескольких деревянных избах по соседству друг с другом; а двор образуют избы, огороженные обширным забором, с огромным двором, При возникновении значительных аулов на плоскости самое землевладение приняло общинно-сельскую форму с наследственным подворным владением, что в свою очередь является немалым поводом к дележам в большой семье для получения самостоятельного надела.

К сказанному выше о родовых участках земли следует прибавить еще, что как родовые, так и дворовые участки — неотчуждаемые у ингушей без того, чтобы на то было изъявлено согласие всех членов, образующих данную единицу в лице ее представителей — старейшин, а также и всех совершеннолетних; при изъявлении желания другими родичами оставить продаваемый родовой участок за собою, они по праву преэмпции получают его за ту же плату, какую предлагают за него чужеродцы — покупатели. Выгон и лес, всегда общие у целого братства и, по выражению ингушей, «связывающие членов его в братство» (вошил-цы Хайита) — также неотчуждаемы.

Старики ингуши утверждают, что они не знают в настоящее время примера, чтобы целый род имел в нераздельном общем владении пахотные и покосные участки, но что прежде это бывало; я уже говорил выше, что эта форма землевладения не могла развиться в горах по природным условиям, и, очевидно, могла существовать лишь в виде редких исключений.

Оглядываясь назад к сказанному о чеченских родах, мы можем сказать, что у чеченцев и ингушей до последнего времени несомненно существовали чистые, кровные, агнатические, экзогамические союзы родственников, происшедшие от разветвления одной семьи, и являющиеся в то же время союзами экономическими и

религиозными. Конечно, не исключена возможность и приема в состав рода и посторонних родов, но в общем в основе родового союза лежало связующее всех его членов кровное начало, единство происхождения от общего предка; в особенности это относится к вярам, если не всегда к тайпам.

Постепенно ослабевало, с упадком культа предков, начало религиозное и теперь почти исчезло совершенно; экономическое начало (связь) также значительно ослабело с переходом чеченцев и ингушей от общинно-родовой и общинно-семейной собственности к общинно-сельской; оно еще сильно в составных единицах родов — больших семьях, которые нашли почву для своего существования и в сельской общине; экзогамический характер родов также в самое последнее время нарушается влиянием шариата, дозволяющего браки родственников; таким образом, остаются кровное начало и начало круговой поруки, проявляющейся в мести кровной и кровной плате (побратская плата — «вошил»), пережившие все прочие основы родовой организации, и сильные вплоть до наших дней; фамильное название, предполагающее общность происхождений от общего родоначальника и потому и саму кровную связь всех однофамильцев, нередко остается единственным связующим началом давно уже разложившегося и расселившегося по всей Чечне некогда сильного, славного рода. Кровное начало играет первенствующую, связующую роль не у одних чеченцев, но и у лезгин[53], осетин, сванетов[54], пшавов[55], хевсур и черкесов.— Сильнее всего этот кровный принцип удержался у сванетов, у которых неизвестен вовсе институт усыновления чужеродца (усыновление родственника встречается, но редко),— институт, свидетельствующий о переходе родового союза в экономический и замене кровного начала трудовым[56].

Пшавский род не отличается таким единством крови, хотя продолжает почитать мифического родоначальника; принятие чужеродца в свою среду — обычное явление у пшавов, и род сделался давно конгломератом разноплеменнейших семей[57].

То же должно сказать и про черкесские и дагестанские роды (тухумы)[58], последние принимают в свою среду чужеродцев, иногда целыми семьями с особой готовностью и, наоборот, неохотно позволяют добровольно переходить членам своего рода в другой, за исключением того случая, когда род разрушается вследствие вымирания его членов или член рода исключается. Приемыши пользуются одинаковыми правами с родичами, как в имуществен-

ном отношении, так и в особенности в круговой поруке, выражающейся в кровной мести, договорном поручительстве и судебном соприсяжничестве[59].

Наличность кровной связи родичей не отрицает и М.Ковалевский при изучении кавказских родов. Но это кровное начало, признаваемое и самыми родичами и пережившее все другие связующие начала рода, по Ковалевскому, является всегда фиктивным.

К такому выводу, как мы видели еще в начале настоящей главы, профессора Ковалевского привело, с одной стороны, воззрение его на происхождение агнатических экзогамических родов из подобных же экзогамических материнских родов путем случайной группировки вокруг одного лица неродственных друг другу семей, связанных единством интересов, и образующих союз обороны; а с другой стороны,— явление искусственного расширения рода путем присоединения слабых родов к сильным и путем усыновления чужеродцев. Если же мы отбросим последний факт как не свойственный чистым родовым союзам, как утверждает сам Ковалевский, то останется один факт соединения родов и искусственное их происхождение. Высказывая свой взгляд на кавказский род как на союз искусственного происхождения, М.Ковалевский опирается на различные предания о нартах и основателях осетинских и ингушских обществ (вроде Джерахмата, Киста и др.), пришедших, как нам известно из I главы, на Кавказ и основавших, по преданию, нынешние общества ингушей. Эти герои собирали шайки добровольцев из среды материнских родов, которые из союза нападающих превращались в союзы самообороны, а по смерти начальника — в религиозные и затем в кровные. Весьма возможно, что в этой теории первоначального возникновения агнатических родов есть большая доля правды; но для всякого ясно также и то, что эта теория мало обоснована, мы имеем дело с одними в высшей степени остроумными догадками и предположениями,— не более. Поэтому, из такого шаткого основания делать выводы, что все роды произошли таким искусственным путем и что нет у кавказских горцев ни одного чистого, кровного рода, не только фиктивно, но на самом деле, не кажется возможным для меня. Даже факт позднейшего происхождения — соединение нескольких родов в один не дает права на безусловное проведение этого взгляда, так как на Кавказе существовали и отдельные роды, не принявшие в себя никого из чужеродцев.

В предшествующем изложении мы видели, как происходили

роды не в легендарную эпоху, а в эпоху еще памятную ингушам, посредством выделения какой-либо размножившейся семьи от данного рода, и нет основания не предполагать такого же пути в возникновении родов и в более ранний период жизни чеченского народа.

Самый факт организации искусственных родовых союзов у Раджпутов ли или у тех же ингушей по аналогии, по образцу с чистыми родами, т.е. по началу кровного единства и происхождения от общего родоначальника, с культом этого родоначальника,— не говорит ли в пользу того мнения Мэна, что рядом с искусственными родами и в более распространенном виде, нежели последние, существовали и чистые роды?

Изучение родового быта чеченцев и ингушей это подтверждает вполне. Поэтому, как нельзя обобщать явление искусственного происхождения чеченских родов, так нельзя утверждать, что существование рода непременно связано с фактом происхождения всех его членов от общего родоначальника, так как в числе родичей могут оказаться (но не всегда бывают) и принятые в род чужеродцы; таким образом, о происхождении рода от разветвления одной семьи нельзя говорить как об общем явлении, и рядом с этим нужно признать и искусственное происхождение родов.

По Кнышеву[60] — замена материнского рода отцовским (патриархатом) произошла вследствие перехода от примитивных форм земледелия и занятия охотой к скотоводству и плужному земледелию, где мужские промыслы получили преобладающее значение, и единая хозяйственная организация создала иную форму родства по отцу людей, работающих совместно; мужчина, стоявший во главе хозяйства, начал претендовать на то, чтобы родство считалось не по женщине, а по мужчине.

Естественное размножение родственников и расселение их и обычай принимать в состав рода посторонних людей (напр., у башкиров, калмыков, индейцев Сев. Америки) приводят Кнышева к выводу о том, что род нельзя обязательно представлять себе в виде группы родственников, живущих совместно и связанных кровно между собою. Таким образом правильнее было бы род определить, по его словам, как группу социально связанных между собою людей, считающих себя происходящими от общих предков.

Ингушский род проф. Яковлев[61] характеризует как круг людей, происходящих по преданию от одного предка в 8–10-м поколении; все эти потомки — фамильные братья и сестры «йиши — воши».

Обратимся теперь к интересным деталям явления происхождения искусственных родовых союзов среди ингушей. В общих чертах об этом говорено было уже выше.

Все случаи установления искусственного, не кровного родства у исследуемого племени собраны у Н.Харузина[62].

Родственниками у ингушей считаются:

1) женщина, принимающая ребенка и перерезывающая ему пуповину; в селении Байни мне говорили, что это, собственно говоря, не есть родство, а близкие отношения, подобные родственным, выражающиеся не во взаимных правах и обязанностях бабки и приемыша, а лишь в уважении к ней;

2) кормилица, если мать сама не может кормить своего ребенка, считается одной из самых близких родственниц; ее следует любить и почитать, как родную мать; мне и относительно кормилицы говорили, что и здесь нет настоящего родства; между прочим, по словам стариков, прежде обычаем были дозволены браки между молочными братьями и сестрами, и лишь впоследствии воспрещены шариатом; не могу сказать, насколько это справедливо; весьма возможно, что с постепенным упадком родового быта и экзогамических запретов, адат и стал допускать подобные браки; но чистому родовому быту чужды браки между молочными братьями и сестрами. Так было и у чеченцев, и у осетин[63], и у ирландцев, и у южных славян, и вообще у всех народов в период родового быта;

3) дающий имя ребенку;

4) приятель жениха, который перед выходом невесты из родительской сакли, обводит ее вокруг стен или домашнего очага;

5) молочное и присяжное родство, устанавливаемое — первое прикосновением губами к груди женщины из чужого рода, а второе — посредством обряда питья из одной рюмки водки с серебряной монетой двумя чужеродцами;

6) побратимство и посестрие; первое устанавливается, как присяжное родство, посредством питья из одного сосуда, в котором лежат деньги, и обмена подарков; а второе — посредством обмена платья и подарков;

7) посредством приобщения к семейному очагу, которое совершается путем прикосновения к цепи, на которой висит семейный котел — символ домашнего культа.

Ко всему перечисленному еще я добавлю 8) установление родства посредством принятия чужого рода в свой род. К сожалению,

ни Леонтович, ни Н.Харузин не говорят точно, есть ли разница между родственниками кровными и некровными и какова она. Говоря, что брачные узы между некровными родственниками воспрещены только иногда в тех же степенях, как и между кровными, Н.Харузин косвенно указывает на некоторую разницу, существующую несомненно между тем и другим родством.

Как в Дагестане, Чечне, так и в земле ингушей слабые роды часто приходили под защиту сильных. Самый обряд присоединения у ингушей происходил следующим образом.

Отдельное лицо или целый род приходил к башне сильного рода, который он избирал своим патроном, и резал быка в присутствии всего народа, прося такой-то род принять его в свою среду, под свое покровительство. Происходило угощение присутствующих, и слабый род с этих пор принимал новую фамилию приютившего его и покровительствующего ему рода и пользовался его защитой от покушений со стороны как член нового рода. Принятие одним родом другого под свое покровительство не сопровождалось никаким формальным договором; по обычаю род, вступающий в другой, получал право пользования только общественной землей — выгоном и лесом; а пахотная и покосная земля и прочая частная, дворовая или семейная собственность никаким образом не могла перейти к нему от рода — патрона, потому что сам этот род не имел таковых в общем владении; у каждой семьи были наследственные участки земли, неприкосновенные ни для кого; понятно, поэтому, что присоединившийся род на новом месте не получал земли и должен был обработать свою родовую землю. Зато таким присоединением к сильному роду слабый достигал высших целей или задач, преследуемых членами родовых союзов, на что он имел по обычаю право, а именно — поддержки в тех случаях, когда жизнь или имущество новых родичей подвергались опасности, и нужна была защита или месть за попранные права; эта защита с течением времени обнимает собою и сферу судебную (судебное соприсяжничество).

Я приводил выше указания Лаудаева и Грабовского на то, что слабые роды, обижаемые сильными, для совместного отпора соединялись между собою или присоединялись к другому сильному роду. Но у них не говорится ничего об обряде присоединения рода и об его последствиях, еще менее — о характере такого союза: из их слов не видно, образует ли такой союз новый сильный род или остается внешним, временным договорным союзом, способным

распадаться при исчезновении соединившей его опасности извне; Грабовский[64], по-видимому, даже признает последний характер союза; он не связан не только действительными, но даже фиктивными кровными узами.

Мы знаем уже, что в прежнее время все ингуши делились на множество слабых и несколько сильных фамилий; причем сильная фамилия сама легко могла стать слабейшей от потери родичей на войне, убитыми кровными врагами, или от голода, эпидемии, болезни вообще. Хотя сословного деления у ингушей и не было вовсе, но сильные фамилии считали себя лучше, выше слабых, обижали последних; а браки заключали исключительно с равными себе по силе и значению родами. Будучи в положении далеко не безопасном не только со стороны внешних нашествий врагов, но и со стороны своих же ингушей, сильных фамилий, слабые принуждены были поневоле искать защиты у последних, становились как бы клиентами многочисленных gens: они считали себя ниже последних и носили даже особое наименование — «неха карта йихи беха нах», т.е.— «живущие около плетня сильных» (фамилий). Весьма любопытен для характеристики отношений между сильными и слабыми родами обычай стариков из сильных фамилий, ставших неспособными к супружескому сожительству, брать вторую или третью жену из девушек слабой фамилии, «чтобы она его укладывала спать», как выражаются ингуши. Но взять первую жену из слабого рода считалось унизительным для сильной фамилии. Этих несчастных девушек, напротив, сильные роды воровали и продавали в рабство. Таким образом, несмотря на отсутствие сословности среди ингушей, как всюду вообще, не было в их жизни полного равенства; жилось хорошо только сильным, да богатым. За патронат (покровительство) слабые роды добровольно несли сильным натуральные повинности. Это, впрочем, выходило не как обязанность, вытекавшая из договора, а как услуга, оказываемая благодарными клиентами патронам, и происходило не постоянно, по требованию патронов и т.п., а иногда, когда их патроны приглясят, угостят и предложат помочь в работе.

Интересный пример такого сожительства слабых под защитою и покровительством сильных представлял, по рассказам старика Казбыка, двор Гайти Мальсагова. К этому покровителю проведены были из дворов покровительствуемых им слабых родов, расположившихся «у его плетня», веревки, и когда у последних происходило воровство или нападение, то они тянули за эти веревки,

давая тем знать своему роду-патрону об угрожающей им опасности и прося у него помощи. Клиенты работали на Мальсаговых безвозмездно; но в те беспокойные времена — это было в начале выселения ингушей на плоскость,— когда ежечасно можно было подвергнуться нападениям хищных шаек соседей (кабардинцев, чеченцев и др.)* и когда не только имущество, но и жизнь нисколько не была обеспечена. Защита и покровительство такой могущественной фамилии, как Мальсаговых, была для них дороже всего; эта фамилия, прославившаяся своими храбрыми джигитами, отбивала обратно похищенное шайками абреков у их клиентов — имущество, пленных, скот, и делала существование последних более сносным, зная, что их защищают Мальсаговы, их боялись трогать.

Слабые роды, пользуясь долгое время покровительством сильных, если и не всегда вначале, то с течением времени роднились с последними, носили одну с ними фамилию и их родоначальника признавали своим, словом образовывали с ними одну тайпу или вяр. Так происходило искусственное расширение родов, и в подобных случаях мысль о действительном, а не фиктивном только, родстве членов всех родов, образующих тайпу, должна быть оставлена.

А так как невозможно отделить чистые тайпы от смешанных, то многие тайпы, считающиеся чистыми, могут заключать в себе и некогда присоединившихся к ним чужеродцев.

Судя по тому, что фамилия, присоединившаяся к другой, принимала фамилию последней, надо думать, что браки между ними, если не вначале, то впоследствии были воспрещены, так как по адату браки между однофамильцами были воспрещены; тому препятствует и общность культа у соединившихся родов. Брачные запреты между соединившимися родами особенно строги в Дагестане[65]. Ослабление этих запретов у ингушей, замечаемое в самое последнее время, очевидно, есть явление позднейшего разложения родового быта вообще, когда самая экзогамия, эта основа агнатических родов, пошатнулась. Неудивительно поэтому, если теперь принятые в род чужеродцы, считающиеся все-таки родственника-

---

* Напомним, что Б.К.Далгат не раз говорит (применительно к XVII, XVIII вв.) о постоянной борьбе соседей друг с другом из-за клочка земли и, что горы могут вообще вместить лишь ограниченное число жителей (с. 87 рукописи 1883 г.).

ми, вступают в брачные связи с принявшими их патронами, при нежелании не участвуют в платежах (свадебных, кровных, судебных и т.п.) патронов; и без того не успевшая окрепнуть связь принятых в род чужеродцев теперь, понятно, при ухудшении условий для усиления этой связи, постепенно ослабевает. Н.Харузин говорит, что брачные узы между кровными и некровными родственниками запрещены до 3, 4, 7, 8 и даже до 12-го колена. Под понятие некровных родственников подводятся все восемь категорий перечисленных выше родственников. Старик Казбык говорил мне, что у них молочное, присяжное и прочее некровное родство препятствует браку до 3-го колена, и в этом смысле браки должны были быть воспрещены и между слившимися родами, если только они успевали действительно слиться. Понятно, нужно много времени, чтобы род мог считать приемышей одинаковыми с прочими своими родичами родственниками. Свойственники также считаются родственниками, но не в одинаковой степени с родственниками по крови; так, они не несут родовой ответственности друг за друга (месть, уплаты), и браки между свойственниками до известной степени адатом допускаются; это допущение не простирается на ближайших родных жены (братьев, сестер) и мужа; жениться на сестре жены (золовке) можно только по смерти жены; братья мужа и жены не могут брать себе жен из семей их родителей. Браки родных братьев на родных сестрах также не допускаются адатом. М.Ковалевский говорит, что брачные запреты между свойственниками прежде у осетин не существовали и явились под влиянием духовенства[66]. По всей вероятности, этот обычай у ингушей появился недавно. На отсутствие близкого родства между свойственниками у чеченцев указывает также обычай примирения мужа с родом жены в случае убийства им последней. Присяжное братство также налагает на братьев факультативную ответственность; при нежелании они не мстят друг за друга и не участвуют в платежах и издержках каждого из них; правда, что хорошие присяжные братья не отличаются ничем от кровных и иногда даже ближе последних, но все-таки эти отношения добровольные, а не обязательные. Прибавлю к этому, что присяжное родство, устанавливаемое посредством добровольного побратимства, и родство, возникшее после примирения пострадавшего и вора, простираются у ингушей не далее семей, к которым эти лица принадлежат; а молочное родство и в особенности возникшее после примирения кровников (тоже нередко молочное) касается целой фамилии: обе фамилии

становятся родственными друг другу, и родство простирается и на старых, и на молодых, и на мужчин, и на женщин.

Побратимство или посестрие не переходят наследственно, а являются только родством между установившими их лицами. Родство же, установившееся после примирения кровников, переходит, как настоящее кровное родство, из поколения в поколение. Родство по женской линии считается кровным, но оно слабее родства по мужской линии, и во всяком случае такие родственники не принадлежат к родственным агнатическим, экзогамическим родовым союзам.

Подобно сванетам, где М.М.Ковалевский констатировал наиболее чистый кровный род на Кавказе, и чеченцам, и ингушам также неизвестно усыновление чужеродца путем добровольного принятия его в семью в качестве сына; это указывает нам на чистоту и устойчивость родовой организации у этого народа, тогда как, напротив того, усыновление чужеродца в Дагестане, Пшавии и в других местностях Кавказа является даже весьма и весьма обычным и желательным для родов делом. У чеченцев и ингушей можно усыновить только своих собственных детей, рожденных вне брака, путем заключения последующего брака с их матерью (per subsequens matrimonium).

Аталычество, или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от родины, столь часто практиковавшееся у выселившегося в Турцию после окончания Кавказской войны полумиллионного черкесского племени (бжедухи, абадзехи, убыхи, шапсуги и др.), у кабардинцев, пограничных с ними осетин и кумыков, также совершенно чуждо настоящим горным обитателям Чечни; за то плоскостные ингуши и чеченцы заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам и кумыкам как к более приобщенным к цивилизованной культуре народам на воспитание.

Убийца, прикоснувшийся губами к груди матери убитого им, считается усыновленным, но не в смысле отпадения его от своих родителей и рода и вхождения в усыновивший род: здесь не происходило удаления его из собственного рода, не менялась его прежняя фамилия, и он продолжал оставаться жить в своем роде, а только этим актом устанавливалось фиктивное родство двух родов; браки в подобном случае запрещены были, как и при обыкновенном молочном родстве, между ближайшими родственниками усыновляемого и усыновителей; но усыновленный не получал

права наследования в роде, его усыновившем. То же явление мы встречаем и у осетин, которым также неизвестен другой способ усыновления, кроме как только что описанный[67], зато у осетин, при отсутствии сыновей, отец вправе усыновить сына своего зятя, живущего с ним в одном дворе. Не могу ничего сказать относительно существования подобного обычая у чеченцев или ингушей; мне достоверно известно, что сын, прижитый вдовой с кем-либо из мужчин, родственных умершему мужу ее, ни в коем случае у них не считается сыном покойного мужа ее. Обычай левирата существует у них, но он выражается в форме перехода вдовы брата к оставшемуся в живых брату, и дети, рожденные от него, считаются его детьми, а не брата.

Как неизвестно обычному праву чеченцев и ингушей усыновление чужеродца, так чуждо ему и изгнание, исключение родственника из рода. Можно удалить, выгнать сына из двора, но ни в каком случае его не могут лишить права на долю имущества и права на защиту от кровников, т.е. можно лишь выделить его из дворовой общины, но не исключать из рода. Самое большое — родители проклинают детей, но отречение от детей и лишение их права покровительства рода, распространенное в Дагестане, вовсе неизвестно чеченскому народу. Согласно с этим, сын всегда может и сам потребовать выдела, и ему не могут отказать ни отец, ни двор, ни весь род: римская безграничная отцовская власть неизвестна на Кавказе.

Итак, в результате всего вышеизложенного, мы приходим к тому выводу, что чеченский род на самом деле не всегда является чистым кровным союзом, развившимся из одной семьи, но считает себя таковым, и это кровное начало проводится настолько строго, что ему неизвестно усыновление чужеродца с дарованием ему всех прав родичей; неизвестно также и исключение из рода. Следовательно, мы застаем род у чеченцев в первоначальном, чистом виде, как союз экономический, экзогамический, религиозный и кровный. Искусственное соединение различных родов при благоприятных обстоятельствах, после смены нескольких поколений, давал один родовой союз (тайпу), считавший себя кровным; но при худших обстоятельствах такое соединение могло остаться и чисто внешним союзом, и входившие в него роды опять разделялись и жили отдельно. Наличность чистых кровных родов у исследуемого народа также не подлежит никакому сомнению.

Нам предстоит теперь выяснить сложный и трудный вопрос о положении родового старейшины или начальника у чеченцев и

ингушей. Вместе с тем, мы укажем и права и обязанности прочих членов рода, скажем также о родовых собраниях.

Сравнительная этнология установила как несомненный вывод, что род всюду имел «родового начальника», или родового старейшину.— Между прочим, такой глава существовал и у осетин, и у дагестанских горцев, и у других народов, находящихся в периоде господства родовых порядков.

Родового начальника не следует смешивать с дворовыми старейшинами; родовой начальник у целого рода — один, а дворовых — столько, сколько больших семей в роде. Ни шотландцы, ни южные славяне, ни древние германцы уже не знают родового начальника; история их застает в период окончательного расчленения рода на дворы, или семейные общины. Славянские домачин и домачиха, великорусские большак и большуха — являются главарями не целого рода, а — большой семьи, или двора, причем они имеют ту особенность, что выбираются семейным советом, тогда как у тех народов, где еще крепко держится родовой строй, выборных старейшин мы еще почти не встречаем.

Рядом с дворовыми старейшинами, образующими в совокупности «родовой совет», или «нихас», у осетин существует еще родовой старейшина; им обыкновенно бывает старший по возрасту[68], то же мы наблюдаем еще недавно у балкарцев, черкесов, сванетов и т.д.

После обстоятельного изучения юридического быта всех почти горских племен Кавказа проф. Ковалевский приходит к следующему выводу: «В тех местностях, в которых физические условия не являлись препятствием к поселению бок о бок отдельных разветвлений одного и того же рода, наряду с старейшинами отдельных дворов мы встречаем и родовых старшин. Нельзя связывать с этим понятием представления о какой-то избирательной или наследственной должности с раз навсегда установленными обязанностями и правами. Старейшинами в роде считались все те, которые своим возрастом, своею воинскою доблестью и смелыми набегами, своей мудростью и справедливостью успевали снискать себе доверие своих собратий»[69]. Вопреки строго патриархальной теории, защищаемой Мэном, род не держится на начале власти, принадлежащей главе его, родовому начальнику или старейшине. Главари рода являются всюду первыми между равными (primus inter pares) и не могут ничего приказывать родичам без согласия на то старейшин дворовых, образующих родовой сход, и вообще всех

родичей. Они решают родовые дела совместно с родовыми сходами; решения их носят не обязательный, юридический характер, а скорее добровольный, нравственный характер и касаются только лиц, входящих в состав одного рода; начало единовластия и строгого и безусловного подчинения всех родственников единому наследственному главе, каковое все привыкли видеть в семейной (но не родовой) организации древнего Рима, совершенно чуждо родовому быту кавказских горцев. Римский род (gens) также имеет республиканскую организацию; сами члены рода (gentiles) участвуют в выработке известных постановлений и оказывают друг другу помощь и содействие. Родовой старейшина (princeps gentis) в историческую эпоху не встречается и у римлян. Республиканский характер род носит и у других народов, между прочим — и у кавказских горцев, где, впрочем, у немногих племен глава — выборный[70]. Каков же, спрашивается, родовой старейшина у чеченского племени?

Все почти авторы, писавшие о чеченцах, говорят нам о родовых старейшинах, которыми управлялся недавно чеченский народ; но тщетно мы бы искали у этих авторов разъяснения роли, прав и обязанностей старейшин. Один из наиболее ранних путешественников по Кавказу (XVIII столетия), академик Гюльденштедт[71] говорит, что кисты (чеченцы) «выбирают в старшины» из богатейших и особенно имеющих большое родство фамилий, «но им однако столько повинуются, сколько им угодно». Далее он говорит, что ингуши не имеют дворян, но выбирают из среды несколько исстари знаменитых родов (их у ингушей — четыре) старшину и судью, который управляет именем целого общества. Все чеченское племя, исключая часть плоскостных чеченцев, у которых Гюльденштедт еще встретил княжеское правление, управлялось, по его словам, выборными старшинами, которых было по одному на каждое общество. Другой путешественник конца XVIII столетия, Клапрот, подтверждая слова Гюльденштедта, указывает на то, что старшины обществ известны лишь плоскостным ингушам, где одна фамилия иногда преобладает над другими, и равенство нарушается; но в горах этого не было, и каждая фамилия имела своего старейшину, но без начальнической власти; красноречие и доверие к нему были единственными атрибутами этой власти[72].

Броневский говорит, что несколько селений во главе наибольшего селения составляли независимое общество и выбирали одного старшину и судью, который, будучи избираем из богатейших

родов, и по причине частого повторения выборов из тех же семейств, обыкновенно присваивал себе старшинские права наследственно, от отца к сыну, исполняя в одно и то же время и жреческое званье.

Здесь, как и у цитированных выше других авторов, говорится, конечно, об общественных старшинах, которые могли и не иметь ничего общего с родовыми; они, по всей вероятности, имели нравственный авторитет, и к ним народ обращался за советом и содействием в делах военных, судебных и религиозных. Сам Броневский говорит, что чеченцы своих добрых старшин не слушают и разбойничают[73]. А.Ст... говорит, что чеченцы выбирают предводителей из семейств славных издревле[74].

Родовые же старшины не были всенародными и едва ли они были выборными. Подтверждение сказанному мы находим у ингуша Ч.Ахриева. По его словам, в горах, где ингуши жили отдельными самостоятельными родственными обществами, республиками, состоящими из 100–150 душ обоего пола, каждый аул, или общество, управлялся старшими членами семей; лишь при большой общей опасности все аулы соединялись под управлением старших всех аулов.

Титул «молодца» давался лучшим[75]. Такую республиканскую организацию имели ингушские общество и роды в горах; наследственную же передачу старшинства на плоскости нужно считать или результатом случайного падения выбора на членов одной фамилии или насилием сильных фамилий над слабыми, неизвестными горцам, или, наконец, тут имеются в виду покровительствующие роды, которые, защищая пришедшие под их защиту слабые роды, всегда и давали сами старшин; во всяком случае эти общенародные старшины были чужды чистому, неразложившемуся родовому строю чеченского племени в горах. Допуская как позднейшее явление факт существования у плоскостных чеченцев и ингушей и общенародных старшин-судей, решавших сообща дела между различными родами, живущими в одном обществе, дававших им адаты, предводительствовавших на войне и т.д., я, тем не менее, думаю, что это старшинство не могло иметь характера княжеской власти, а давалось людям, выдающимся по своим достоинствам, и признавалось чисто-нравственною властью; поэтому, говоря о выборном и наследственном характере этой власти, вышепоименованные авторы, по всей вероятности, смешали ее с властью родовых старшин, и последних могли принять за каких-то

народных князей, так как старшины сильных родов всегда вели внешние переговоры и сношения с русскими; принять за выборных правителей народа этих родовых начальников, представлявших от своего имени целые общества, было поверхностному наблюдателю, каковыми были все путешественники по Кавказу до его покорения, весьма нетрудно. В противном случае пришлось бы в Чечне еще в XVIII ст. допустить существование организованного единовластного управления старшинами целыми обществами, наподобие административным порядкам царского периода, чего не знал не только быт чеченцев и ингушей, но и ни один народ, живущий родовым строем; таковых начальников не было в Чечне даже в период усиления там общественной политической жизни; Шамиль, имам Чечни и Дагестана, искусственно ввел у чеченцев наибов, впервые познакомивших народ с понятием о власти и управлении.

Н.Дубровин говорит, что старший в роде у чеченцев был начальником, судьею и первосвященником[76]; он был посредником и, вместе с тем, судьею в ссорах и тяжбах, происходивших между родственниками его тохума (рода)[77].

Фрейтаг[78], у которого заимствовали сведения и Дубровин, и Берже и другие, говорит: «Общего правления у чеченцев до призвания ими Шамиля никакого не было. Единство, дотоле замечавшееся иногда в их действиях, происходило естественно и случайно от одинаковости выгод, места жительства и обычаев, но не было следствием какого-либо устроенного порядка. Каждый тохум, каждая деревня управлялась отдельно, не вмешиваясь в дела соседей. Старший в роде выбирался обыкновенно, чтобы быть посредником или судьею в ссорах родственников; в больших деревнях, где жило обыкновенно несколько тохумов, каждый выбирал своего старика, и ссоры разбирались уже всеми стариками вместе. Впрочем, круг их действия был очень ограничен и власть почти ничтожна. Кто желал, приходил к ним судиться; но кто хотел отыскивать лично свое право, преследовал сам врага, минуя стариков; наконец, решения их были не обязательны; в большей части случаев исполнение их зависело от доброй воли тяжущихся. Суд стариков, лишенный всяких принудительных средств, однако же был постоянно уважаем чеченцами и сохранился до самого водворения Шамиля.

Важные дела, касавшиеся до целой деревни, решались на мирских сходах, на которые сбегались все жители»[79]. Приведенными

словами опровергается мнение, будто у чеченцев были народные начальники, и проливается свет на вопрос о родовых старшинах.

Самый авторитетный из писателей, чеченец Лаудаев[80], подтверждает, что чеченцы никогда не терпели у себя никакой власти и не выбирали предводителей; выборных старшин аулов, администраторов, не было в Чечне вовсе; если и выбирали такого старшину по причине беспорядков в ауле, то его слушала обыкновенно только его фамилия. Другое дело — старший в роде; такой старейшина был у всякого тохума и пользовался большим уважением. Он решал домашние несогласия и споры; он был и отцом фамилии, и наставником, и начальником. В случае возникновения спора между двумя фамилиями, старшие обоих родов совещались между собою, уславливались и улаживали дело; их слушались; никто им не противоречил. С размножением народа суд старших в роде был недостаточен; и тогда стали сходиться и совещаться старики всех соседних фамилий целого общества; в дальнейшем возник суд медиаторов, более или менее постоянный; впоследствии он превратился в узаконенный царским правительством горский словесный суд.— Эта характеристика роли родовых старшин в общем — верная, хотя и не полная. Вертепов[81], повторяя слова Дубровина, несколько изменяет их смысл и дает неверное понятие о родовых старшинах у ингушей. По его мнению Галгаевское общество выделяется от всех прочих чеченских обществ строго выборным началом правления. У них не было потомственной передачи власти от одного лица к другому, как это имело место у кистин и джераховцев, и право суда и расправы принадлежало не старшим в роде, как у остальных чеченцев, а выборным представителям, которые избирались из среды самых выдающихся по уму и богатству лиц. Но без согласия старейших членов общества, которым принадлежало право «вето», судьи не могли произнести окончательного приговора; права судей и обыкновенных галгайцев — одинаковы, только кровная плата за убийство первых была больше.

Вертепов говорит об общенародных судьях галгайцев и неверно отрицает существование их и у других чеченцев; он не признает и существования родовых старшин у одних только галгайцев. Нечего и доказывать ошибочность этого взгляда, противоречащего родовым порядкам, имевшим место одинаково у всего чеченского племени. Родовые старейшины у всех чеченцев (и ингушей) были одинаково старшими по летам или выдающимися личными достоинствами, а не выборные.

Все спрошенные мною ингуши и чеченцы подтверждали это в одно слово. Выборные судьи, составляющие третейский суд, каковыми нужно считать и галгаевских судей, встречались, как нам известно, и в Чечне. О наследственной передаче судебно-административной власти ни у чеченцев, ни у ингушей и речи не может быть, так как такой власти и не выработалось у них и, как учит сравнительная история учреждений, не может быть ни у одного народа, живущего родовыми порядками; наследственная власть возникает лишь в период зарождения политической организации, объединения враждующих друг с другом родов под одною судебно-административною властью выбираемого всеми родами правителя или князя, как, например, Акушинский кадий и Кайтагский уцмий на Кавказе.

Правда, что у чеченцев и ингушей старейшинство нередко переходило от отца к сыну (обыкновенно — старшему), но и это не обязательно. Казбык говорит, что главой рода обыкновенно бывал старший по летам, но не выборный, а фактически ставший таковым; у него родичи спрашивали совета в делах брачных, кровных, судебных и т.п. Он в согласии с родовым сходом, состоявшим из дворовых старшин, изгонял, например, родича, убившего своего родственника, из своей среды, запретив всем родственникам встречаться и иметь с ним какое бы то ни было дело; это изгнание, впрочем, не могло простираться до лишения родича фамильного имени и права на долю в дворовом имуществе. Родовой начальник примирял ссорившихся родственников, разбирал дела, возникшие между дворами одного и того же рода; отец, желая женить сына, непременно спрашивал мнение и главы рода; он сносился с другими родами при делах кровных, при уплате за кровь (виры) и долгов; он же был судьей в среде рода; на нем лежали и обязанности жреца в культе предков. Если старший летами не обладал качествами, необходимыми для столь разносторонних обязанностей главы рода, то есть — умом, энергией, твердым характером, деятельностью, мужеством, знанием обычаев и т.п., то, хотя к нему и обращались, ради почета, чтобы его не обидеть, но на самом деле родичи поступали по совету умнейшего, опытнейшего, лучшего в роде, не обращая внимания на его молодость. Такой выдающийся молодой человек фактически, а не по избранию, делался настоящим главою рода. В прежнее время, на памяти стариков, когда родичи жили вместе в родовых башнях, каждый род имел своего старейшину, который играл большую роль в жизни рода; теперь

же, когда роды рассеялись по разным аулам, роль его часто сводится к нулю. Глава рода несет нравственную ответственность за все поступки родичей в самом роде и вне его; они все должны слушаться его как блюстителя фамильной чести; ослушание его воли бывало редко, и на подобного человека все однофамильцы производили давление и заставляли его следовать совету старшего; если, несмотря на все их старания, родич не хотел исполнить совета родового начальника, то все родственники считали его «несчастным человеком», обиженным богами, неразумным, и при встрече с ним нередко отворачивались или обходили его. Боязнь вооружить непослушанием главе рода и прочих родственников производило сильное давление на всякого родича, и он большею частью безропотно следовал его совету. Ни одно сколько-нибудь важное, серьезное дело не обходилось без совета главы рода; все знали, что лучше главы ни один человек не разрешит дела, и невольно его высокий авторитет и опытность заставляли каждого обращаться к нему не только в делах, имеющих значение для всего рода, затрагивающих косвенно интересы всех, но и в личных, частных делах. Даже и теперь, на плоскости, родовой старейшина является ходатаем за своих родственников и перед судом, и перед обществом. И теперь еще он за всех родственников думает, хлопочет, беспокоится. Замечательно то, что в Чечне главенство в роде старшего является самым устойчивым элементом родового быта. В то время, когда теперь почти нет общей родовой земельной собственности (с точки зрения чеченцев), за исключением пастбищ и леса, и когда нераздельно живут лишь родные братья и то лишь иногда, когда имущественный коммунизм, экономическое начало и религиозное разрушились,— кровное начало, выражающееся в солидарности родичей в делах кровных и судебных, с особенной силою проявляется в неизменности авторитета родового начальника.

Что главенство в роде у чеченцев и ингушей не наследственно, видно из того, что малолетний сын главы не становится главою по смерти отца; женщина также не может стать во главе рода; главой бывает умнейший, к которому в силу необходимости, по нужде, все родичи обращаются за советом, будь он старший сын бывшего главы, брат его или дядя.

В серьезных случаях сам родовой начальник совещался со старшими из родственников; при надобности он мог совещаться и с чужими сведущими людьми.

Минимум дел, в которых и теперь еще непременно должен принять участие и родовой начальник, можно определить как дела, в которых затронуты или материальные интересы всех родственников или их честь, доброе имя. Такова уплата калыма за родственника, таковы и кровные платежи, которые при несостоятельности родича всецело падают на родственников, так как весь род несет нравственную ответственность за проступки своих членов. Такая солидарность родичей, или, лучше сказать, такая общая ответственность их, в прежнее время не раз удерживала человека от легкомысленного убийства в вспыльчивости, так как, с одной стороны, его упрекали и не давали ему покоя его собственные родственники за то, что он ввел их в расходы, а с другой — его ждала неминуемая месть со стороны родственников убитого им чужеродца, и он не знал покоя ни дома, ни вне его. По словам стариков, когда убийство стало (после 1860-х годов) наказываться по русским законам, и прежнего давления родичей более не стало, то горячие натуры ингушей, освобожденные от этой узды, сдерживавшей их, стали проявлять себя в более частых убийствах.

Так как власть родового начальника имела лишь нравственный характер, то, конечно, не может быть и речи об особых правах, присущих только ему, и привилегиях, сравнительно с прочими родичами.

Родичи были свободны от произвола родового начальника; они очень часто поступали и вопреки его мнению: он ничего не мог себе позволить такого, на что бы не имел права всякий равноправный с ним родич; не мог он, конечно, и бесконтрольно распоряжаться родовым имуществом, если оно было нераздельное. Вообще родичи, подчиняясь нравственному авторитету главы, вольны были не слушать его. В награду за все свои хлопоты он пользовался только особым уважением со стороны однофамильцев и у чужеродцев; ему всегда оказывали почет; и на пирах, и на похоронах, и на суде,— всюду ему принадлежало почетное место; все уступали ему дорогу; сидевшие вставали при его появлении. Формула «primus inter pares» (первый между равными) вполне применима к чеченскому родовому старшине.

Думаю, что все сказанное выше достаточно убедительно говорит и за то мнение, что род у чеченцев носит вполне республиканский характер, а не характер единодержавия, в нем все порядки держатся на нравственном начале, а не на власти, на кровном, а не на договорном, артельном или соседском; здесь нет места правам

в строго юридическом смысле этого слова, а все делается по доброй воле родственников; нет, собственно говоря, и «родового совета» как учреждения с определенной компетенцией и составом, но все взрослые родственники одинаково заинтересованы в делах рода и участвуют так или иначе в их решении; молчаливое одобрение родичей решает дело, касающееся целого рода.

Право «вето» в общеродовых делах принадлежит всякому взрослому, совершеннолетнему (с 15 лет) в роде; настойчивое «вето» одного или немногих может остановить продажу неотчуждаемого родового имущества. Решение дел, поэтому, было не по большинству голосов, а единогласное.

Женщина в роде. Интересное соответствие замечается в положении родовых старейшин и старших в роде женщин. Жена старшего в роде по возрасту пользуется как старуха почтенных лет большим почетом и уважением со стороны прочих женщин и даже молодых мужчин, но в женских делах (подобно тому, как это бывает у мужчин), как например, в свадьбах и похоронах, распоряжается более понимающая и деловая женщина, хотя сравнительно и молодая. Честь и уважение одинаково оказывают и старшей и фактической рапорядительнице: дают им дорогу, стоят в их присутствии (женщины и молодежь), всячески услуживают им, исполняют их просьбы и поручения; они дают молодежи нравоучения, советы и т.д.

Таким образом, мы видим, что положение старшего в роде у чеченцев и ингушей во всем почти однохарактерно с таковым у других кавказских народностей — осетин, дагестанских горцев и др.[82]

Я раньше уже упоминал и теперь повторю, что братства, или тайпы, не имели одного общего начальника, и дела их решались советом всех начальников родов, входивших в состав данного братства.

Профессор М.Ковалевский выяснил, что у осетин рядом с родовым старейшиной существуют еще дворовые или семейные старшины, положение последних во всем почти однохарактерно с положением первого. У чеченцев и ингушей также существуют дворовые старейшины. Такой глава двора обыкновенно заведует всеми делами двора в отношениях к родственным дворам и к целому братству и даже к чужеродцам, поскольку дела эти касаются не целого рода, а только одного двора; дела, касающиеся не только двора, но и целого рода, разрешаются им совместно с другими дворовыми старейшинами и с ведома общего родового начальника.

И в кровных, и в тяжебных делах, и при браке и разводе членов двора — дворовый старейшина решает дело сам совместно с «семейным советом», состоящим из взрослых мужчин двора; где нужно он обращается за советом и поддержкой к другим дворам и к главе рода, а где действует и сам один, при молчаливом одобрении главы рода и всех родственников. Отличие его от родового начальника состоит в том, что он стоит во главе более тесного круга родственных лиц, и ему приходится входить в детали, в частную обыденную жизнь членов большой семьи; кроме того, так как в большинстве случаев земля в горах оказывается разделенной раз и навсегда подворно, то, сверх всего этого семейный старейшина является еще хозяином-блюстителем общей дворовой собственности, каковая роль главе рода не принадлежала почти нигде, если не считать его надзора за сохранностью пастбищ и леса. Все полевые работы выполняются под его непосредственным руководством; он следит за тем, чтобы все работали, не ленились; бранит их за небрежное отношение к общему хозяйству, устанавливает известный порядок в житье-бытье в доме и вне его; разумеется, все это делает он с одобрения и с согласия совершеннолетних мужчин двора — обыкновенно сыновей его или братьев.

Особых единоличных прав он также не имеет. Попытке его самовластно распорядиться дворовым имуществом всякий имеет право противопоставить требование раздела: сообща родичи могут даже принудить его отказаться от главенства или выделить их из двора. Дарить кому бы то ни было дворовое имущество, отчуждать или приобретать его он не имеет права без согласия взрослых членов двора. Отчуждение родовой земельной собственности чужеродцам не допускается вовсе; двор за это отвечает перед целым родом, которому принадлежит и право родового выкупа. Отчуждение дворовой собственности или даже той части ее, которая принадлежит на праве владения выделившемуся члену двора, могло быть, по словам стариков, лишь временное: продавалась земля с тем условием, чтобы покупающий продал ее обратно прежнему хозяину при первой возможности со стороны последнего заплатить ему долг; срок для выкупа бывает определенный и неопределенный; если хозяин просрочит и не выкупит земли, то заимодавец мог оставить ее за собою навсегда; но это обыкновенно на практике никогда не делалось, так как в подобных случаях происходили кровопролития; поэтому, даже дети могли выкупить имущество, проданное отцом. Очевидно, мы здесь имеем дело с борьбой об-

щинно-родового начала с индивидуализацией родовых имуществ,— переходную ступень к частной собственности. Тут нет собственно говоря настоящей продажи, а скорее — это отдача имущества в залог, в обеспечение долга. Замечательно то, что чеченцы и ингуши никак еще не хотят фактически признать права залогопринимателя оставить за собою просроченный, невыкупленный залог — настолько еще сильны старые, родовые традиции обычая. Но кроме общеродовых или дворовых участков были до последнего времени у чеченцев и ингушей участки, принадлежащие на праве частной собственности малым семьям; они приобретались или путем расчистки неудобной земли от камней, или путем вырубки леса или, наконец, покупки у других; подобные участки определенное лицо могло и продавать и менять; меняли, например, дом, усадьбу, землю, покосное место, чтобы поближе поселиться с родственниками, когда, например, один из родственников по неимению для него помещения в доме и возле него, принужден был поселиться вдали от родных. Это обстоятельство содействовало, между прочим, происходившему не раз в Чечне вторичному соединению в большую семью разделившихся членов ее; делалось это обыкновенно при сознании невыгоды раздельной жизни, когда после разделов благосостояние отдельных семей рушилось и они не могли справиться с работами и бедствовали в отдельности.

Нечего говорить о том, что на дворовую собственность все прочие родственные дворы имели право выкупа и предпочтительной покупки; это право сказывалось между прочим в том, что по смерти всех членов двора остальные дворы являлись их прямыми наследниками; границы земель отдельных родов были отделены межевыми знаками, считавшимися священными, и чужеродец не смел их переступить; в пределах этих знаков земля считалась принадлежащей данному роду по праву первой заимки и была разделена в горах подворно, а на плоскости, где земли было много,— любой член рода обрабатывал столько, сколько хотел, и вся земля считалась в общем владении у целого рода.

Семейная община была более тесной группой, более солидарной, не только в хозяйственном, но и в других отношениях: общность имущества имела последствием и ближайшее участие двора в свадебных и кровных платежах членов его; он же прежде других родичей мстил за убитого члена своего, уплачивал долги его; ближайшими соприсяжниками и поручителями обвиняемого также были однодворцы; словом, круговая порука проявляется в дворо-

вой общине сильнее, нежели в родовой; здесь мы замечаем большую интенсивность связей; двор носит более семейный, родственный характер нежели целый род, который призван осуществлять уже функции, лежащие за пределами тесной семьи; большая семья, будучи более сплоченной единицей, пережила род и сохранилась у многих народов и в период государственности.

Не нужно также представлять при имени чеченского рода непременно множество дворов однофамильцев, живущих близко друг к другу; могло быть и так, что все родичи жили в одном дворе — это зависит от численности рода; иногда он состоял из одного двора; даже большой род вследствие смерти своих членов нередко обращался в незначительный двор. Весь род Тенкиевых (у ингушей), о которых я упоминал выше, живет и теперь еще в одном дворе в селении Койрахе, Мецхальского общества; будучи сперва не более, как простым двором Койрхоевых, он размножился и сам принял новую фамилию и стал вяром, т.е. родом; а прежний род Койрхоевых превратился в братство (тайпу). Старшим над 20-ю мужчинами двора Тенкиевых сперва был основатель его Тенк; после него — сын его Парча; а после последнего — старший из 4-х его сыновей — Темрко. Здесь поневоле совпадают функции родового старейшины с таковыми семейного в одном лице; а бывший родовой начальник стал уже главою братства. Дворовый старейшина называется у чеченцев «ценда» и соответствует русскому «большаку», славянскому «домачину»; «большуха», «домачица» — называется «ценана» и обыкновенно она же — и жена домачина. Ценана здесь является уже не только распорядительницей в торжественных случаях в жизни рода, в свадьбе, похоронах, религиозных празднествах и жертвоприношениях, но и непосредственной хозяйкой, в руках которой находится ближайшее заведование кухней, кладовыми и всем вообще домашним хозяйством; ей помогают в доме все женщины. Большухой, кроме жены большака, бывает мать его, вдова покойного главы. У Тенкиевых ценаной была еще в 1891 году жена Темирко — Губи. «Она хорошая женщина, умная, работящая; и по сейчас она жива»,— говорил мне старик Казбык.

Нравственное влияние большухи на весь двор, хотя она и не пользуется никакими имущественными правами, весьма велико. По словам Казбыка, весь двор Тенкиевых в 20 семей держался на умной, хорошей, работящей большухе Губи; не будь ее, столько людей ни за что бы не могли ужиться так долго вместе и нераздельно; непременно бы они перессорились и разделились. Губи

приготовляет в общей кухне пищу для всего двора, заведует всем домашним хозяйством; она в доме — полная распорядительница всего; она же одевала и обувала всех; конечно, все это делалось при содействии молодых женщин двора.

Таким образом, несмотря на внешнее бесправное положение свое, женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов. Нередко у нее родичи спрашивают совета и по общенародным вопросам, а по семейным — в особенности. Всякий мужчина по праву выше нее, всякий может не обращать на нее внимания, и все-таки она умеет заставить всех их слушаться ее, делать все, что она захочет, что она считает лучшим.

Таким образом, родовой быт таил в себе зародыши современного уже формального уравнения женщины с мужчиной. Энгельс (с. 64) говорит, что в родовом строе все члены равны и свободны, не исключая и женщин; для рабов нет еще места. Такое общество порождает мужчин с чувством собственного достоинства, прямодушных, сильных характером и храбрых варваров in de huri[83].

Я упоминал также о Местоевых, живших в одном дворе в числе 40 человек. Рейнегс, путешественник XVIII века, встречал у чеченцев дворы с 40–50 человеками. Штедер[84], путешествовавший по Кавказу, указывает у карабулаков семейные общины в 70 мужчин, но, по всей вероятности, они состояли из нескольких дворов и образовывали целый род.

Отношения прочих членов двора к ценде — равноправное; отношения между собою у них — братские; все они имели одинаковое право голоса в имущественных и личных делах двора; отчуждение, приобретение имущества и т.п. совершается с общего согласия всех взрослых мужчин двора.

Разложение рода. Разложение рода у чеченцев и ингушей, как я старался показать, происходило под влиянием перемены условий их экономической, политической и общественной жизни. Родовой культ и кровное начало, постепенно ослабевавшие под влиянием перемен, происшедших в политическом и экономическом быте чеченцев и ингушей, окончательно парализованы той переменой в мировоззрении, которая произошла в народе под влиянием ислама: общие экономические интересы исчезли и перестали вовсе поддерживать цельность рода после расселения родичей по разным аулам и возникновения на месте родовой — сельской, территориальной общины; начало индивидуализма, или стремление освободиться из-под опеки и стать самостоятельными, присущее

каждой семье, при отсутствии экономической и политической необходимости в совместной жизни, привело к ссорам между разными семьями, входившими в состав рода, и выделению этих семей; к этому разлагающему род началу присоединилось или, скорее, ему предшествовало другое — переход от самообороны — защиты родичей из рода в руки государства — к суду и администрации; экзогамические начала или брачные запреты, среди членов рода также разбились о мусульманство, разрешающее браки между родственниками с 4-й степени родства. С исчезновением или сильным ослаблением всех устоев рода, конечно, сам род должен был разрушиться. Уцелели из родовой организации лишь самые дурные стороны ее — кровная месть, разорительная для рода круговая ответственность родичей при уплате кровных пеней (вир) и наследие патриархального быта — разорительный и вредный в нравственном отношении и свойственный всем народам в патриархальный период — калым. Калым, ошибочно приписываемый авторами статей в местной печати влиянию ислама, совершенно чуждое ему понятие.

Уцелели также различные суеверия вместо богатого и цельного культа предков. Кое-где в горах возносятся до небес и немые свидетели былого величия родов — родовые башни. Непосредственными же наследницами родов являются большие семьи или семейные общины, еще многочисленные в горах. Самое же крупное зло, с которым тщетно борются теперь суд и администрация — кровная месть с ослаблением родовой организации не только не ослабела, но даже, по свидетельству сторожилов-туземцев,— в последнее время усилилась. Не находит ли этот обломок старины при новых условиях жизни новую почву для своего развития? В период процветания родов было труднее решиться на убийство, нежели теперь, т.к. кроме смерти, ожидающей убийцу со стороны рода убитого, страсти людские сильно охлаждались огромным родовым выкупом за убитого, ложившимся тяжелым бременем на весь род убийцы (130 коров, 3 лошади, 1 бык и проч.). Следует вообще внимательно изучить этот практический вопрос, имеющий серьезное современное значение. Одно несомненно, что чем энергичнее администрация и суд будут карать убийц, тем будет меньше поводов для мести; если же, как часто случается, убийца остается ненаказанным и гуляет на воле, в голове озлобленных родственников убитого поневоле возрождаются старые родовые традиции, и они прибегают для удовлетворения оскорбленного чувства

к самоуправству; несомненно также, что одним из лучших способов борьбы с преступлениями является коренное изменение мировоззрения горцев путем их просвещения. Последнее могучее оружие одно только и способно уничтожить и калым,— этот источник многих убийств и несчастий целых родов, униженного положения женщины у туземцев и ухудшения экономического их положения. Таким образом, школа — общая и профессиональная, изменив мировоззрение горца и еще больше приобщив его к полезному мирному труду, избавит народ от многих несчастий, поднимет его культурный и социальный строй, умиротворит его, и сделает полезным членом нашего Отечества.

Что же касается перехода родовой общины в сельскую, наблюдаемого ныне в плоскостной Чечне и у назрановских ингушей, то такое явление можно лишь приветствовать как явление естественное. Рядом с нею уживается и, вероятно, еще долго просуществует ближайшая наследница рода — семейная община. Еще долго останутся, конечно, жить те своеобразные институты обычного — семейного и наследственного права, в особенности и гражданского, и уголовного права вообще, которые возникли на почве родового быта, этого источника и многих других оригинальных сторон жизни чеченцев и ингушей. Для надлежащего уразумения этого богатого наследия родовой организации, для уяснения вообще особенностей современного быта чеченцев и других более общих целей науки права — уяснения и понимания генезиса современного права,— знакомство с организацией рода, с этим корнем обычного права чеченцев и ингушей,— представляется безусловно необходимым.

Что касается общественно-социального значения родового строя в жизни всего племени, то у Н.Семенова[85] мы находим следующую характеристику родового быта. Фамилия или родовой союз это орден, в котором каждый член, без клятв и договоров беззаветно служит интересам целого, не задумываясь жертвовать для них в случае надобности всеми личными интересами. Чеченец, не имеющий фамилии, считает себя ничтожеством, но и имеющий фамилию чеченец считает себя жалким и беспомощным вне фамилии; внутри ее он в крепости, имеющей сотни часовых, тысячи ружей, многочисленный и дружный гарнизон; сознание силы и крепости делают его самоуверенным, гордым, своевольным и дерзким до нахальства. Это было прежде, существует и теперь, несмотря на то, что каждая фамилия разбита между сотнями аулов и десятком обществ. Аул и общество — это случайная ассоциация для целей

экономических; общество — собрание сильных ассоциаций, имевшее прежде кроме экономических и политические цели в отношении соседних обществ и народов; но общественный организм, с которым чеченец должен сообразовать не только поступки свои, но и побуждения, это — фамилия, род, к которому он принадлежит. Все качества чеченца, обычай кровной мести, гостеприимство, похищение невест и другие объясняются принадлежностью чеченцев к родовым союзам. Защита и помощь однофамильцу и неуважение к личности и имуществу чежеродца характеризовали родовые союзы. Чем сильнее была фамилия, тем она больше кичилась перед другими и тем легче обижала слабых. Но народ не давал господствовать ни одной фамилии; соревнование фамилий в связи с пламенной любовью чеченцев к личной свободе и борьбой с соседями и Россией — создали в Чечне настоящую народную демократию, сплотив чеченцев в один народ.

Однако, прибавлю от себя,— чеченцы, разбитые на множество родов и обществ, интересы коих часто сталкиваются, успели благодаря внешней опасности, сплотиться в один могущественный политический организм, боровшийся более ста лет за свободу свою с царской Россией. Хотя по образованию народ этот отстал от некоторых соседей, например, осетин, но у него имеются такие качества, каких нет у соседей, как например, политическая организация и племенное единство и солидарность в общенародных делах.

История научила чеченцев политической и общественной дисциплине. Мало того, что народ выработал общие адаты, регулирующие взаимные отношения частных лиц, фамилий и обществ, но чеченцы как народ являются цельным организмом, реагирующим на все явления, затрагивающие его части. Все вопросы, выдающиеся из круга частных интересов, затрагивающие жизнь обществ или целого народа, разрешаются всегда на сходах старших, и решения старших признаются обязательными для всех членов той или другой общественной группы или целого народа.

Личности с сепаративными наклонностями в Чечне — выродки из народа; вообще же чеченцы остаются в подчинении у народной воли, выражаемой решениями старших. Таким образом, чеченцы представляют из себя богатую почву для насаждения начал свободы личности и самоуправления на истинно демократической почве при конституционном режиме, так как любовь к свободе, равенство всех и привычка к общественно-политической организации на выборном начале — являются основными чертами этого народа.

Что более всего нужно для правильного развития чеченцев и вообще горцев — это окончание их поземельного устройства и образование, тогда свобода и самоуправление дадут расцвет самобытной яркой культуре на Кавказе.

Интересы отдельных родов часто бывали противоположными; но фамильный эгоизм сталкивался с общенародными интересами и уступал последним. Адат (обычай) и шариат, позднее и закон русский — урегулировали взаимно сталкивающиеся интересы отдельных лиц и фамилий, а внешняя опасность и общие экономические и общественные интересы создали даже общенародную солидарность; отдельные союзы-роды объединялись в один могучий социально-политический демократический союз. Н.Яковлев констатирует интересный факт, что необходимость общей борьбы за ингушскую землю принудила ингушей в некоторых исключительных случаях объединяться, забывать на время свои родовые раздоры и вести общую борьбу с иноплеменными врагами[86].

Подробности семейного, брачного и наследственного, вещного, договорного и уголовного права вообще не могут иметь места в общем очерке родового быта. Этим объясняется и то, что здесь слабо разработан вопрос об имущественных отношениях родичей и о характере пользования землей в горах и на плоскости; мало сказано и о дележах и почти ничего о сельской общине, возникшей в плоскостной Чечне из родовой, отчасти под воздействием русских.

Все это может составить предмет особого исследования; но общее знакомство с родовой организацией, с солидарностью лиц, входящих в род, с началами экономическим, кровным и религиозным, составлявшими основу его, должно предшествовать такому детальному исследованию обычного права чеченцев и ингушей, которое носит печать родовой организации, из нее выросло и ею освящается. Семейное и наследственное право в особенности отражают на себе влияние родового быта.

Выводы

Заканчивая настоящий раздел, я сделаю несколько выводов из всего сказанного о родовом быте чеченцев.

Чеченские роды называются тайпами и вярами или тухумами.

Слово тайпа означает преимущественно братство, заключающее в себе несколько родственных или неродственных родов (вя-

ров). Роды эти — экзогамические и агнатические; родство по женской линии считается ниже родства по мужской линии; когнатический, материнский род давно перестал существовать в Чечне; от него не осталось почти никаких следов.

Культ предков первоначально играл огромную роль как начало, объединяющее роды, и обуславливающее чистоту крови родичей и множество институтов обычного права, каковы — кровная месть, наследование мужчин и исключение женщин и т.д.; общие родовые котлы, общие усыпальницы (каши), почитание родоначальника — были освящены этим культом. В последнее время религиозное начало как связь однофамильцев потеряло всякое значение; и родовая солидарность держится теперь на кровном начале и на общности интересов родственников. Это кровное начало оказалось прочнее религиозного и пережило последнее. Взгляды Фюстель-де-Куланжа, поддержанные и М.Ковалевским, на родовой культ как на силу, вызвавшую к жизни самый род, семью, отцовскую власть и множество институтов обычного права, должны считаться преувеличением роли религиозного начала в жизни первобытного общества: оно скорее, как говорит Г.Мэн[87], освятило, подкрепило многие институты права.

Факты возникновения, разложения и вторичного соединения разложившихся родов, а также образование искусственных братств посредством соединения нескольких совершенно отдельных родов ради интересов самообороны,— все это показывает, что еще более глубокой причиной, нежели религиозное начало и даже кровное родство, вызвавшей и, главное, поддерживавшей совместную жизнь иногда сотен и тысяч родичей, были интересы самообороны и интересы экономические; последнее начало выражалось в общей родовой (на плоскости) или дворовой (в горах) собственности и в совместной работе членов такой крупной хозяйственной единицы. Существование искусственных родовых союзов среди чеченцев и ингушей и естественный переход родовой общины в сельскую в плоскостной Чечне — невозможно иначе объяснить, как существованием в родовой организации и этого могучего начала интереса. Поскольку интерес общий вызывал сотрудничество родичей, постольку род должно считать союзом экономическим. Трудовое начало, в тесном смысле слова, являлось одним из связующих начал рода, однако больше в организации отдельных частей его — больших семей, нежели целого рода.

Между чеченскими родами были и кровные, чистые, происшедшие от одной семьи, и фиктивные, считавшие себя кровными, но на самом деле искусственно образовавшиеся.

В настоящее время, при выселении чеченцев на плоскость, и образовании ими больших аулов, заселенных сотнями семейств различного происхождения, при невозможности, следовательно, совместной жизни родичей; при воздействии ислама, борющегося с многими институтами обычного права, а также при ломке прежнего строя жизни в новых условиях с начала русского управления — родовая организация в Чечне все больше стала рушиться и делиться на отдельные семьи; уже теперь на плоскости ее сменила сельская, соседская община, и такие институты, как родовой старейшина, наследование родом имущества родичей, разные платежи и т.п. почти не имеют фактической почвы, не существуют вовсе; самые экзогамические запреты в пределах рода нарушаются довольно часто. Н.Яковлев констатирует, что ингуши все больше переходят к родству чисто семейному[88]. В горах о родовых связях помнят лучше, нежели на плоскости. Переход от родового быта к большим семьям в плоскостной Чечне можно уже теперь считать завершившимся; но и большие семьи в сельских общинах и при подворных наделах находят для себя выгоднее делиться на малые семьи. В горах процесс разложения родового быта идет еще не так скоро, хотя частые выселения дворов на плоскость нарушают цельность и совместное существование рода.

Кровная месть, сильная до наших дней, является почти единственным всюду в Чечне еще крепким институтом родового быта и круговой поруки, связывающей членов рода. Чеченцы все же так свыклись с родовой жизнью, что и теперь еще интересы однофамильцев ставятся выше интересов соседей, общинников. И теперь, как сообщает Максимов[89], идеи родовой жизни весьма сильны у чеченцев. Ни продолжительная борьба с этими идеями народных обычаев, ни полувековое давление на них установленных русскими и чуждых им порядков до сих пор не поколебали их существенным образом; умалился только круг влияния этих идей, изменилась форма внешнего проявления их, но сущность осталась та же до сих пор. И теперь убийство члена Бенойской фамилии, случившееся на берегах Аргуна, заставляет Бенойца, живущего на Ярык-Су (50–60 верст), хвататься за ружье и бежать или скакать к месту убийства, чтобы отомстить убийце. Несмотря на то, что каждая фамилия в Чечне разбита на сотни аулов, чеченец смотрит на

аул как на случайную ассоциацию и в голове носит идею единства, солидарности со старинной своей родовой организацией; и в самом деле, он находит защиту не в ауле, заселенном чужеродцами, а от родственников, живущих за десятки верст от него.

Когда исчезнет кровная месть, то распадется и последнее связующее начало чеченских родов. Но это наступит не раньше того, как хорошо организованный политический надзор, народная школа, теперь совершенно отсутствующая, улучшенные суды и вообще обеспечение землею и достатком всех чеченцев уменьшат воровства, разбоев, убийств, поднимут нравственный и умственный уровень чеченцев на несколько ступеней выше настоящего. Теперь же невежество, бедность и отсутствие безопасности личности и имущества много способствуют сохранению родовой солидарности, проявляющейся и в кровной мести.

Существовавший при царизме суд по адату, отправляемый в горских словесных судах, признавая многие институты обычного права — порождение родового быта — и в том числе институт соприсяжничества родственников, служит, после кровной мести, единственною поддержкою отживающего свой век родового быта чеченцев. На место родовой общины на готовой почве стала развиваться сельская община[90]. Упрочению и развитию ее большой помехой является отсутствие межевания земель в Чечне, проистекавшая отсюда неопределенность в правах аульных обществ на земли и неуверенность чеченцев в том, что землю, которую они обрабатывают сегодня, не отберут в казну или не отдадут казакам — так они привыкли к этой мысли в период бурной прошлой исторической жизни, когда ни они не признавали прав соседей, ни русские не отличались мягкостью, сдержанностью и заботливостью по отношению к ним[91*].

РАЗДЕЛ II

Материалы по обычному праву ингушей

Предисловие

Печатаемые материалы по обычному праву ингушей собраны мною в поездках в горную Ингушию: 1) летом 1891 г. в сел. Бейни Мецхальского общества, со слов стариков и старшины селения Эски Местоева, в виде ответов на 11 отделов «Программы для собирания сведений об юридических обычаях», изд. Моск. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии 1887 г., и 2) летом 1892 г., при командировке отделением этнографии Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, как его члена-корреспондента, со слов столетнего старика-ингуша Казбыка Казиевича Хабиева-Буржаева, жителя селения Эрзи, Мецхальского общества, и старика — бывшего жреца «Мятцели» 60-летнего Ганыжа Абиевича Келигова-Фалханова, жителя сел. Фалхан, того же Мецхальского общества.

Ответы на вопросы записывались по «Программе для собирания народных юридических обычаев» Русского Геогр. Общ., изд. в 1889 г., по гражданскому праву и судопроизводству, и о преступлении и наказании по Программе общества любителей естествознания, изд. в 1891 г., а также по самостоятельным расспросам.

Переводчиком в последний раз у меня был Амрал Кастоев из Ачалука... Думаю, что публикация самих материалов, как бы фотографирующих явления народного быта, бывшего в 90-е годы XIX века, имеет ценность для научной разработки обычного права ингушей и для науки о первобытном праве вообще и этнографии ингушей в особенности.

Часть I. Ответы на 11 отделов «Программы для собирания сведений об юридических обычаях» Императорского общества Л.Е.А и Э. М., 1887.

Материал собран Б.Далгатом со слов стариков-ингушей в июле 1891 г. в селении Бейни Мецхальского о-ва 3-го уч. Сунженского отдела Терской области,

I. Общие замечания

1. Юридические обычаи записаны в ингушском сел. Бейни Мецхальского. общества, 3-го участка Сунженского отдела Терской области в июле 1891 г.

2. Жители этой местности ингуши.

3. Сел. Бейни находится в 28 верстах от г. Владикавказа.

4. Большинство населения занимается земледелием и скотоводством; ремесел почти нет, кроме выделки сукна и бурок.

5. На отхожие промыслы жители вовсе не ходят. Ездят в город продавать продукты молочные и к осетинам, чеченцам, плоскостным ингушам, кабардинцам — в гости.

6. Ингуши все мусульмане, со времен Шамиля; в их быту много осталось и языческого; описание языческих праздников ингушей — в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (статьи Чаха Ахриева). Ныне празднуется (и то слабо) лишь один общенародный праздник «Мятцели»[1*] на Столовой горе (раньше справлялись еще два праздника).

Песен, прославляющих героев, у ингушей мало, их больше у чеченцев; в большом ходу — басни и сказки.

Нартовские песни ингушей мною были изданы особо (в «Этнографическом обозрении» за 1901 г.)[2*].

К области народного творчества относятся и молитвы языческим богам. Хотя одна из таких молитв и напечатана в моем очерке «Первобытная религия чеченцев и ингушей» («Терский сборник», 1893 г., вып. 3), но там не удалось напечатать текст по-ингушски. Считаю чрезвычайно важным для ингушской народной устной словесности сохранить эту молитву, напечатав ее по-ингушски[3*]. Она записана мною 1/IX–1891 г. со слов жителя сел. Бейни Мецхальского об-ва Ганыжа Абиевича Келигова-Фалханова, 60-летнего старика. Он был в течение 8 лет жрецом (chejn sæg), и лишь

пять лет, как он оставил эту обязанность; он был избран жрецом тремя обществами, владеющими горой Мятты (Столовою) — Бейни, Фалхан и Мецхал; значок жреческий «chu» принадлежит этим трем обществам; на древке наверху копье и 5 продолговатых медных колокольчиков, с большими отверстиями и висячими языками; кто их сделал, неизвестно.

Значок обязательно белый, называется «chu» и «Мятцели-байрак». В день праздника Мятцели на горе Мятты каждое лето в последний воскресный день с появлением луны, в июле, в месяц «Мятцели-бут» — эти три общества справляли празднество в честь «Мятцели», и жрец произносил при жертвоприношении эту молитву.

Молитва, произносимая при жертвоприношении, записанная в 1892 г. со слов жреца Мятцели — Ганыжа Абиевича Келигова-Фалханова.

«Ja vezæn dälæ, xiŋ dikæ lie txon; dälæ ännæ xiŋ che jäqqa, dälæ xo xoaxævä, dallæ duqæ bijza, naxa oamæl täjnæ, a xinnæ äli, loam xinnæ xani xæjgæ qijkičæ caræx qhoabæl xinnæčæ tærræ dikæ txonæ lie!

Dälæ, xašæ märšæ væxijtæ txiŋ, da däghæl vaxijtæ txiŋ. Xašæ däŋ æ che chænæ joagæjie txiŋ, güi färel ottæde txiŋ, che chænæ joagæjergjoæš xäši däŋ thexie chænnæ loattijtæ txiŋ. Chiennæ lestærgdolæ, jurtæthæ xuvžæš dolæ xarc goamæ hæmæ pxo, dälæ, tuoxæ cunnæ, xäšk, Seli, tuoxæ cunnæ, xæjŋ turæx xæjŋ tuopa ešædijjæ, iz čæq daqqæ txoŋ.

Dææræx doxæš derqdolæ, mælæræx sim bergbolæ, däqhæzæ xašæ čuva mæ xilijtæ txoŋ, niškæ valæ mæ xilijtæ txoŋ!

Xoŋ dälæ, läš dæ txo, xiŋ yætta thexæræ yææ dæ txo, xiŋ žinæ thexæræ čuxi(?) dæ txo. Thæ kæræ ghirti qieræ mæ die txo, thieræ kæræræ tuvlæluš äsæl mæ ditæ txo, xamsel xietæ bieræš nanæs sænnæ qabæ txo, duqæ viezæ voy das sænnæ xastæ txo; xarc dännær bæqh daqqæ txoŋ, bæqh dær mettæ loattædie txoŋ. Væjŋ vezæn dälæ, xo mexkæ qoabær diebæ die txiŋ, xo mexkæ dijnær xuvqhæ die txiŋ, xo moxk xešæ (?!) lie txoŋ; vuodæčæ niqh toabie txiŋ, yečæ mott dätte bie txoŋ.

Dälæ, ännæ, xiŋ che jäqqa, xuogæ xoastæluš, bexa kad kæræ läca, bersta ustghæ khošthæ (?) läca xæjnæ iræ tieqhæš volæš xæjŋ iræz dolčæ sæga dennæ dikæ lie txoŋ; somæ ust xæliškæ ottæbä, somæčæ istæræ khejčæ muyex khejŋ nič xoarčæbä xæjnæ xovš dikæ diexæš volæš xæjŋ iræz dolæš volčæ sæga dennæčox tærræ dikæ txonæ æ da.

Ust ustghe j ezær bie æ lie txoŋ, ezær qabæ æ lie txoŋ, qabærg bolæš buvrg bolæš æ voye j, vošæ liste j chænæ j loattæbie txoŋ; alæ xanzær äle, dalæ ešæš mæ ditælæx txo, linnæ khordædir soŋ äle buqh bierzæbijjæ byaghær mæ xæžælæx txoŋ.

Dä dæggæræ hi (fu), dajtælæx txiŋ, hinæ dæggæræ joačæn i jieqæn i nissæ loattæjielæx txoŋ; sigælæræ čæxkæ qejkæ sigælæræ xam (xoam) lielæx txoŋ, mättæ xänæ vössa lättæræ bierkæt lielæx txoŋ, hoaræ(?) šærræ märšæ æxijtæ txo.

Došoŋ Mätselæ, xæjŋ dikæ lielæx txoŋ, lolæræ Bejnæ Selæ, xiŋ dikæ lielæx txoŋ, dälæ jux Tušol, xiŋ dikæ lielæx txoŋ, sæ mile doallæčæ hæmæn däxkæ æ (?) däcæ æ (?) xogæ dæ joax, dälæ jux Tušol, xiŋ daxkæx i xiŋ däcæx i sov i kot i daxæ txo, kæstæčæ kuogæ ghojjæ, šäræčæ bætælijæ (?) dägæ dhojjæ dälægæræ diexæ txoŋ, dälæ jux Tušol, vežærgæ ghojjæ chunæškæræ æ diexæ txoŋ. «Joaqqæš che jær siŋ, luš dikæ dær siŋ, sogæ xæžæ dikæ bær nax» oalčæ dalejjæ chuvvojjæ, biezælæx oaxæ toxæ kortæ, biezæš ijce bielæš bajtælæx txiŋ vieqhæm, væj vezæn dälæ!»

Перевод:

«О всемогущий Боже! Хорошего дай нам; произнося слово “Боже”, твое имя, Боже, Тебя поминая, Богом любимые, людьми уважаемые плоскостные князья, горные ханы когда к тебе обратились с мольбой, как Ты наградил их, награди и нас.

Гостя к нам благополучно приведи, хозяину дай счастливо пожить, гостю и хозяину огонь дай чистый разводить (не потуши); дай Бог, чтобы блюдо было, а блюдо чтобы полно было; и в потомстве дай им, хозяину и гостю, наследников, которые будут иметь чистый огонь и полное блюдо. В дом что входит, а на село садится,— беда иль несчастье или будь он злой дух,— пуля Божия ударь в него, головешка Сели, ударь своей шашкой и своим ружьем истреби и удали от нас.

Кто из пищи сделает яд, а из напитка кто сделает горечь нам, злому гостю, злому без счастья гостю дай, Бог, не войти и не выйти из нашего дома. Мы, Боже, Твои рабы, Твоей коровы мы телки, Твоих овец мы барашки (ягнята); чересчур нападая, не пугай нас и, далеко уходя, не покидай нас. Содержи нас, как обожаемое дитя мать (содержит), как отец любимого сына, приласкай нас. Что у нас вышло на прямом пути, то поставь на путь истинный, а что у нас стоит на пути истинном — дай стоять долго, о Боже наш! С того, что мы будем держать,— скотину, баранту, дай нам приплод;

а с того, что мы посеем,— дай нам урожай; и дай нам подольше потоптать это место (где живем). Кто пойдет на дорогу, дай ему благополучного пути, а кто останется дома, его место сделай масляным (зажиточным). Сказав "Бог", произнося Твое имя, прося у Тебя и одной рукой держа пьяный бокал, а другой за шею барана, кто умело просит у Тебя и что даешь такому счастливому человеку, то дай и нам. Толстого быка впереди поставив, на белый рог толстого быка белую материю обвязав, выпрашивающему человеку как даешь счастье, так дай и нам. Быков и баранов тысячи держать и резать дай нам, Боже! Таких, которые будут держать и резать, брата и сына, дай нам густо (много) и чисто (хороших). Сколько умеем просим, а сколько желаешь, дай нам; сказав, что "не умели вы просить", не убавь нам своей милости; и сказав, что "прося много, вы надоели мне", косо не гляди на нас (не гневайся); как хозяин делает, дай нам хлеба, а как хлеб желает, дождик и солнце посылай нам. Прогремев по небу, дай нам из неба знать (что будет дождь), а на землю масляно ниспустив (дождь), дай нам берекет (благодать); ежегодно дай нам проводить это время в счастии и здоровьи. Золотой Мятцель, свою благодать дай нам; сосед Бейн-сели, и ты свою благодать; у всех, кто дышит на земле, плод, говорят, зависит (во власти) от тебя; плодов побольше и погуще дай нам. Быстрым шагом иди, умной речью проси, к Отцу (Богу) или у Бога проси, к братьям иди,— у chu[4]* проси, Божий лик Тушол[5]*, Бог, который говорит: "произносящим мое имя и просящим у Меня благодать Я даю, людям добро Я даю" и chu милостиво пусть примут нашу молитву (поклонение). "Милостиво прими и, улыбаясь, возврати нашу жертву, о всесильный Боже!"»

II. Родовой союз

1. Прежде (на памяти стариков) родственники жили вместе; теперь, если в родовой башне становится тесно жить, то родственники уходят и строят дома себе поблизости; но и до сих пор у них родственники подчиняются главе-старшему (не выборному). Глава несет нравственную ответственность за поступки родственников; они все должны слушаться его как блюстителя чести всей фамилии.

Каждая фамилия имеет фамильное прозвище по имени предка, особенно плодовитого; случается чаще так: живут несколько братьев, и вот один из них особенно счастлив — имеет большое потомство; его потомство тогда оставляет общую родовую фами-

лию и называется по имени этого плодовитого ближайшего предка (иногда даже при его жизни).

Так старинная фамилия покидается потомками. У ингушей теперь существуют фамилии по имени предка от 4-го до 15 колена. Фамилию меняют обыкновенно сами родственники еще при жизни того, чье имя дает начало новому фамильному прозвищу; это делают они для отличия себя от других однофамильцев — дальних родственников и однофамильцев не-родственников, так как прежде однофамильцев вообще бывало много (мнение стариков). Мне говорили, что теперь, в последнее время (10–20 лет) не было ни одного случая изменения фамилии. Старая фамилия все же сохраняется.

2. Селений, населенных только однофамильцами-родственниками, много: в сел. Койрах живут 9 дворов Эсмурзиевых; в сел. Моруч — 6 дворов одних Ярыжевых; в сел. Хамышк — 10 дворов Патиевых и т.д.; все селения Мецхальского общества (более 20) произошли от жителей сел. Фалхан, почему они более или менее родственны.

У всех этих фамилий есть старшие; но дела родовые ведет не всегда старший летами, и иногда старшинство по возрасту не совпадает с действительным старшинством в роде. Обыкновенно по всем делам рода (о браках, убийствах), женитьбе родственников,— где спрашивают мнения и согласия на брак старшего, старший за всех думает, беспокоится; он и перед обществом и перед судом — ходатай для членов рода; имущество теперь раздельно у родичей; иногда еще братья имеют нераздельную землю. Но до сих пор еще общим достоянием рода остаются лес и выгонные места для скота.

3. Родичи все именуются по имени родоначальника, но, как было выше сказано, не всегда он бывает первоначальным, так как у ингушей принято менять фамилию (см. 2).

4. Есть селения, в состав которых входят несколько родов; есть и исключительно с одним родом; однако, все эти роды, как происшедшие от общих предков, живших в сел. Фалхан, считают себя (и между собой) более или менее отдаленными родственниками (так в Мецхальском обществе; про другие общества можно сказать то же самое, но я предоставляю ознакомление с их бытом другим лицам, ближе стоящим к ним).

5. Прежде все жили в одной башне — родовой и теперь все аулы,— они все небольшие, дворов по 10–20,— состоят из башен; вновь выстроенных сакель немного сравнительно; некоторые

башни имеют 12–15 саж. в вышину; между прочим, в некоторых аулах остались еще башни Дударовых, выселившихся на памяти у стариков (?) из Мецхальского общества на Военно-Грузинскую дорогу, около Реданта и Балты, и считающихся осетинами (значит, прежде осетины жили с ингушами? Или, может быть, Дударовы были ингушами и потом обосетинились?).

В башнях (башни в несколько этажей: в нижнем — скот, а в верхнем — молодежь вооруженная, всегда охраняющая башню от врагов) — женатые жили за деревянными (плетневыми) перегородками; теперь при женитьбе строят сакли отдельно и по возможности ближе к родовой башне; если близко нет места, то строятся подальше, иногда даже в другом ауле, а чаще (в последнее время) выселяются на плоскость в Назрановское общество или на Длинную долину, по течению Терека, против Балты, куда переселяются почти из всех горных обществ.

6. В каждом доме есть «тарам» (домовой) по числу женатых; рассказывают, что в родовой башне жили 4 брата с женами и детьми; у них было у каждой семьи по 1 тараму; все они, 4 тарама, жили в этой башне; когда же братья выселились из башни, то и их тарамы ушли к ним в новое жилище — каждый к своему хозяину; иногда в родовой башне сходятся все тарамы и совещаются: высказывают свое довольство относительно всего хорошего, сделанного родичами, и осуждают за дурные дела; тарам — добрый дух, но за дурные дела он наказывает смертью скот, детей и пр. (злой дух «джиндж» — или «шайтан» — не есть уже родовой, он обитает всюду и общий с шайтаном других мусульман).

7. Теперь почти каждая семья имеет все свое, но главенство в роде старшего неизменно.

8. Права и обязанности старшего таковы: его слушают, уважают, но имущество — раздельное, кроме леса и пастбищ. Родственники платят калым за члена рода при его несостоятельности; за кровь все родственники платят коровами семье убитого при несостоятельности члена рода; ближайшие родственники платили по 8 коров, далее по 7 и т.д. до 1 коровы, и даже самые отдаленные платили по 1 козленку (полная же кровная плата — 130 коров, см. Леонтович, «Адаты», т. II, стр. 148 п. 2).

Этим все родичи избавлялись от мести (но не убийца). Сам убийца платил 12 коров «похоронных» («хелюм»), если его не убивали в течение 1-го года; но потом, спустя год, его могли убить,— поэтому вся плата, в сущности,— вознаграждение за уби-

того, но не искупление и избавление от мести. Мстить должны все ближайшие родственники; они должны даже всюду искать случая убить убийцу. Убийцу бранили все родственники, упрекали за то, что он, убивши человека, нажил кровников, а, главное, ввел в большие расходы всех родственников; эта круговая порука и давление, оказываемое родом, сдерживали горячую натуру ингуша от убийства и уменьшали число кровных убийств; теперь, по исчезновении этой круговой поруки и наказании убийцы правительством, число убийств возрастает (это мнение стариков надо проверить еще по статистическим данным).

9. Главой рода бывает умнейший родственник (фактически), хотя старший в роде пользуется внешним почетом. Умнейший в роде становится фактическим главою не по избранию, а потому, что все в нем нуждаются и обращаются к нему за советом.

10. Женщина не может быть во главе рода.

11. Малолетний тоже не может быть главой рода, так как главенство в роде не наследственное, а по старшинству и личным достоинствам.

12. Главари рода не пользуются преимуществом жениться на близких родственницах; адат всем возбраняет жениться на родственницах (однофамильцах).

13. Права главы рода таковы: с ним все совещаются; ничего важного без его совета и согласия не совершают; никто не может быть непослушным ему и самонадеянным, зная, что глава лучше знает, как поступить в важных обстоятельствах (фактически ему послушны, хотя и могут не слушаться, и это бывает частенько); кроме того, за непослушание совету главы рода все родственники упрекают; он рискует вооружить против себя родню; вообще все старшие в роде влияют на младших, сдерживают их от дурных поступков.

14. Старейший может совещаться о деле родичей и с своими и чужими сведущими людьми.

15. Глава рода и никто другой не может брать женщин на ночь.

16. По адату на суд является и сам виновный и старший с прочими родственниками, так как дела членов рода касаются всех их.

17. Иногда отец дает согласие на брак сына, или сам ему выбирает невесту, иногда старший выбирает, чаще же спрашивают у него лишь мнение и согласие.

18. Невеста должна привезти подарок — шубу, черкеску и башлык; его дарят одному из родственников мужа, кому хотят, иногда он попадается главе, а чаще — более обиженному судьбой старику

(бедному, бездетному и пр.); специально и непременно главарю — при свадьбе подарков не дарят.

19. Жена старшего по возрасту пользуется со стороны прочих женщин и молодых мужчин как старуха большим почетом и уважением; в женских делах (свадьба, похороны и пр.) распоряжается более понимающая и деловая женщина в фамилии; в домашних делах все женщины самостоятельны; и старшей и распоряжающейся в делах (фактически) оказывают честь: дают дорогу, стоят при них, услуживают и т.д.

20. Женщина ни лично, ни имущественно не пользуется самостоятельностью; она во всем подчиняется мужу; жена слушает и советы и приказания близких родственников мужа (старших в особенности); иначе — позор для нее. В отсутствие мужа жена его безусловно слушается даже тестя или шурина и других.

21. Общей родовой казны нет.

22. Убийцу брата или родственника все презирают; избегают с ним говорить; он погибший, пропащий, несчастный человек, по мнению народа.

23. Весь род несет нравственную ответственность за проступки члена рода; она выражается в уплате за голову, т.е. «головничестве» (плата за голову, под «вирой» я разумею плату властям за убийство — чего у ингушей не было), калыма — при несостоятельности члена рода (а это дело обыкновенное).

24. Кровная месть и до сих пор в разгаре. Месть нередко кончается и миром. Мстят целые роды.

25. При несостоятельности должника ему помогают все родственники.

26. От подозреваемого в воровстве требуется присяга; обвиняемый (подозреваемый) с корзиной на спине, наполненной разным хламом, каковы веник, лопатка и пр., и с собакой, привязанной к шее, идет к могиле своего родственника с своими родственниками вместе с подозревающими и 3 раза обходит могилу; при этом потерпевший говорит: пусть эта собака грызет покойника, если ты (или твой родственник) украл у меня то-то и то-то, и при этом они убивают собаку выстрелом из пистолета; после такой церемонии подозрение снимается.

Поселение или стоянка, до мест которой прослежены следы вора, ответственны теперь по распоряжению администрации; эта мера на плоскости вызвала массу злоупотреблений со стороны казаков; многие казаки убивали украденное животное и, отрубив пе-

редние ноги, делали следы до места поселений ингушей, и этим ответственность переносили с себя на ингушей, тем более, что эта мера на них не распространяется.

27. Семья, скрывшая вора, или должна выдать вора или отвечать за убытки (заплатить стоимость украденного); укрыватель кровника, если он его не хочет выдать пострадавшим, должен дать родственникам убитого 12 «покровительствующих» коров («мери керва — акер», т.е. врага спасших — см. «Адаты» Леонтовича, II, 149, п. 4), и тогда снимают осаду с дома скрывателя убийцы, и кровники расходятся по домам. Эти 12 коров скрываемый обязан возвратить скрывавшему его хозяину дома.

28. Наблюдения производились нами, как мы отмечали в предисловии, только в Мецхальском обществе горной Ингушии.

Но из бесед с жителями других районов нагорных и плоскостных, а также на основании литературных данных мы с определенностью можем сказать, что гостеприимство развито у ингушей повсюду и не в меньшей степени, чем у соседних горских народов — осетин, чеченцев, дагестанцев и др. Гостеприимство у ингуша найдет всякий странник, кто бы он ни был, найдет и убежище от врагов. Гостеприимство развито сильно; все лучшее подается гостю; сеют редьку, лук или что другое — и ингуш говорит: «это пригодится для гостя», и так во всем.

Однако, наряду с этим у них имеет место воровство (особенно на плоскости; в горах же воровство значительно меньше развито). По историческим данным, до водворения русского владычества в Кавказском крае оно не наблюдалось в заметной степени и стало возрастать в эпоху Кавказской войны и после нее в связи с крайним малоземельем и обнищанием. Но, как мы видим из сообщаемых нами материалов, воровство считалось по адату большим преступлением и строго наказывалось.

Что касается характера ингушей, то из главных черт его мы отмечаем добродушие, общительность и вместе с этим вспыльчивость[2*].

29. Гостю оказывают всевозможные услуги; у хозяина (особенно прежде) он может взять себе, что угодно (оружие, одежду, лошадь); он, конечно, и сам нравственно обязуется принять к себе и хозяина, своего кунака, если тот приедет к нему, и вообще услужить ему.

30. Слабая фамилия часто приходила под защиту сильной; кто-либо приходил и резал быка у башни сильного рода в присутствии

народа и просил принять его в род; с этих пор он принимает новую фамилию (приютившего рода) и пользуется защитой ее. Теперь этого не случается.

31. Договора между вступающим в род и последним нет; вступающие получают только право пользоваться общественной землей, где живет новый род, загоном, лесом, покосным местом, а частная собственность (пахотная земля и пр.) у него отдельно, своя; обряд вступления: режет быка и просит принять.

32. Из рода не исключают ни в каком случае. Новые родовые союзы образовались (хотя редко, не часто, это бывало), когда один из предков бывал особенно плодовит; делалось это для отличия его потомства от других линий и от однофамильцев неродственников; при этом старая родовая фамилия все же не покидалась, не забывалась; хотя чаще назывались (особенно в обыденной жизни для большего удобства) родичи по новой фамилии, но назывались и по старой родовой фамилии.

Выделение из рода семьи происходит от тесноты в семье или ссоры (см. 2).

36. При совместной жизни родичей в одной башне недвижимое имущество — нераздельно, общее; при выделении члена рода и часть земли ему отделяется; но личная и родственная связь сохраняется с родом, хотя выделившаяся семья от главы рода уже менее зависит, в особенности в делах личных, менее касающихся всего рода.

37. У рода общее имущество составляют и теперь — сенокосное (вероятно, пастбищное) место, пахотное, и вообще вся недвижимость; при выделении же семьи (брата) ее доля пахотной земли выделяется.

III. О сословиях

Предание гласит, что некогда жители всех горных обществ собрались и совещались, не принять ли им приехавшего в это время к ним князя из Дагестана и не избрать ли его себе в князья, чтобы он правил всеми ингушами; почти все решили было избрать себе князя; в это время явился почтенный старик из Мецхальского общества с седой бородой, с посохом в руке, подпоясанный широким поясом из ослиной шкуры и с висевшими на нем ослиными ушами и обратился к народу со словами: «О, братья! Посмотрите на меня и скажите, идет ли мне этот пояс с ослиными ушами или

нет?» — «Нет, не идет!» — отвечали все, смеясь. «Так знайте же, что, как этот пояс, так точно не пойдет нам, ингушам, привыкшим жить вольно, свободно и самостоятельно, князь; не привыкли мы угождать и повиноваться воле одного человека!» — «Правда твоя!» — закричали все и отказались от своего намерения. Вообще ингуши и чеченцы не терпят сословности и любят равноправие. Тем не менее, некогда в плоскостной Чечне успели поселиться кумыкские князья и в некоторых местах подчинить себе чеченцев, и теперь считаются чеченскими князьями.

IV. Признаки бывшего родового устройства

10. Есть аулы, заселенные одними родственниками и называемые по имени основателя[3].

16. 17. Невесту чаще берут из другого селения, т.к. в одном селении обыкновенно все состоят в родстве, хотя часто носят разные фамилии; смешение крови адатом возбраняется.

18. 19. По адату между родственниками (вернее, однофамильцами) не может быть брака.

20. Теперь шариат разрешает брак, начиная с двоюродных, но адат берет верх, и таковых браков вовсе не бывает среди ингушей.

21. Общие родовые имущества есть и теперь еще, но редко; чаще пахотные участки делятся.

V. Союз родственный

3. Словом «родство» в собственном смысле ингуши выражают только понятие о кровной связи. Принятые в фамилию чужие не считаются родственниками в полном смысле, они только находятся под покровительством их и пользуются пастбищем, лесом, выгоном — наравне с ними; брак между принявшими и принятыми в род возможен; принятые могут вовсе не участвовать в платежах принявшего их рода.

17. Из родственников ближе всех — брат, потом — дядя, племянник, двоюродный брат и т.д.

18. 1-я родственная степень — отец, 2-я — братья и т.д. (см. 17). Колена считаются по числу рождений по прямой линии.

24. 25. У ингушей есть родство по крови, свойству и по присяге (присяжное). Но свойственники, хотя считаются родственниками, не несут родовой ответственности; присяжный брат также ответ-

ствен по своей воле, т.е. может и отказаться от участия в расходах по делу его присяжного брата.

26. Единокровные братья считаются ближе единоутробных.

27. Родственники со стороны отца считаются ближе, нежели со стороны матери.

28. Пасынок и падчерица не считаются родными отчима и мачехи; чаще всего их оставляют у себя родственники их отца; пустить с матерью к чужому мужчине их — позор для их родственников.

32. У ингушей нет вовсе имянных жен («номулус» — у осетин и кабардинцев); старшей женой по возрасту и почету считается старуха-жена; остальные жены (при многоженстве) равны с ней, но должны оказывать ей уважение; ингуши чаще имеют по одной жене, реже по 2 жены; если они (2 жены) ссорятся, то муж берет еще третью жену, «чтобы поставить ее поперек между ними», говорят ингуши, и таким образом иногда действительно устанавливается дома мир; самое большое бывает 4 жены. Иногда неспособный муж подряд берет несколько жен, думая, что в отсутствии детей виноваты жены, а не сам он; это несчастье большое, по мнению ингушей.

Каждая жена имеет по отдельной комнате; кушанья готовят в общей кухне; этим заведует, главным образом, старшая, как более опытная и знающая дело. Муж живет у любимой жены; старики говорят, что многоженство (от 2 до 4) было и до введения среди ингушей мусульманства. Старшая по возрасту жена особыми правами не пользуется, также и дети от нее; она пользуется лишь большим почетом.

43. Дети, рожденные вне брака, считаются законными, если мать будет виновником признана женою; если виновник не хочет принять ее в жены и признать ребенка своим, то аульные женщины дают клятву в том, что он — виновник этого и он обязан ее принять после этого; дети от жениха и невесты тоже узакониваются; на это последнее народ смотрит очень строго.

44. 45. Незаконнорожденные дети находятся в презрении у всех; они растут у матери; они бывают в том случае, если мать их публично не смогла уличить кого-либо в виновности в их рождении; незаконнорожденные могут жениться, но за них идет бедная только девушка, из бедной, последней фамилии; незаконнорожденные считаются братьями или сестрами ради отличия от других; все избегают с ними иметь какие бы то ни было дела.

46. Дети незаконнорожденные приобретают значение родных детей только через усыновление путем последующего брака. Уличенного виновника родственники родившей заставляют жениться на ней; но случается и так, что он не хочет жениться, т.е. взять ее к себе, а отдает калым (105 р. или 18 коров, с возвратом 4-х из них, т.е. 14 коров) и кормление ребенку, или берет к себе ребенка. Отдав калым, виновник становится мужем; если он ее не берет к себе, то это равносильно разводу. Таким образом, дети усыновляются.

47. Если отца не уличат, то ребенок остается без фамилии и считается «сыном» матери (говорят ее имя).

49. Жениться на холопке (купленной рабыне, ибо у самих ингушей не было рабов) нельзя было вовсе; дети считались незаконными; рабов покупали на стороне.

52. Духовное, кровное родство и свойство ясно различаются, если под духовным родством разуметь присяжное братство, так как кумовства у ингушей как у магометан нет.

61. Имя ребенку давали родственники его (это было и прежде, и теперь так делается; но теперь чаще дает имя мулла — из Корана); обряд дачи имени таков: через три дня после родов в их доме резали барана; родственники собирались и бросали несколько альчиков*: чей раньше станет, тот и дает имя ребенку.

62. Кормилица считалась близкой, но не родственницей; браки между молочными братьями и сестрами допускались по адату; но теперь запрещены Кораном.

65. Бабка тоже почитается; ей дарят рубаху или платок родители ребенка или сам он, когда вырастет; она ребенку шьет рубашку. Особенным уважением все же бабка не пользуется.

73. У ингушей бывают «присяжные братья», они между собой считаются родственниками, и семьи их тоже считаются близкими друг другу. Такое братание и установление родства бывает в трех случаях: 1) двое молодых людей братаются просто по дружбе; 2) после открытия кражи вор с повинной и платой за украденное идет к тем, у кого он украл что-либо, и их семьи считаются с этих пор родственными друг другу; 3) если кровнику удается тайком пробраться к матери убитого и пососать у ней грудь (обыкновенно это делается ночью), то вся фамилия роднится с другой фамилией. Посестрие бывает только до замужества; для этого девушки меняются платьями и вообще одеждой.

---

* Альчик — игорная (говяжья либо баранья) надкопытная кость (бабка).

75. Братанье у ингушей довольно редко; посестрие встречается еще реже.

76. При братании совершают следующий обряд: в чашку молока, водки или пива один из молодых людей, более желающий побрататься, бросает серебряную монету, пьет из чаши сначала сам и дает пить другому; чашка переходит от одного к другому несколько раз, пока не опорожнится; потом монету берет один или другой или дают постороннему лицу.

77. «Присяжные» братья сейчас же меняются папахами или черкесками, оружием и т.п.

79. Побратавшиеся считаются родными; делают они друг за друга различные дела; однако за смерть одного мстит другой,— это дело однофамильцев.

80. Братанье ни для кого не бывает обязательным.

81. Посестрие бывает между девушками до замужества.

84. Братание и посестрие сопровождаются угощением у того, в доме коего совершается обряд мены подарков, т.е. обряд установления родства.

85. Братание между лицами разного пола, или скорее установление родства между членами двух фамилий, бывает только в том случае, когда мирятся кровники (или с вором?): тут и девушки, и старые и молодые делаются родными.

87. Братство, установленное родителями, не переходит к их детям; оно — лишь пожизненный союз; но родство, установленное миром после воровства (?) или убийства, переходит и наследственно.

88. Усыновить можно только детей, рожденных от него самого вне брака, путем брака же.

89. Подкидышей к чужим людям не бывает, а бывает, что мать, родивши ребенка, подкидывает его к его отцу (?).

145. Аталычества у ингушей нет вовсе.

157. Место шафера у ингушей занимает девушка.

159. Приятель, у которого до поры до времени (3 дня) новобрачный прячется, не считается его родственником.

160. Из свойственников[1*] ближе всех отец и мать жены (реже тесть и теща).

161. Взаимные родственные отношения выражаются у ингушей в общности имущества (особенно прежде), общности интересов и вследствие этого во взаимной солидарности, взаимопомощи, круговой поруке (при женитьбе, кровных делах и пр.), в признании

общего главы рода, в уважении к старшему, в радушном приеме родственников и вообще в родовой организации.

162. Родственников (кроме братьев и родителей) и посторонних мужчин женский пол стыдится одинаково.

164. Девушки и женщины одной фамилии стесняются говорить со своими старшими и вообще при них и между собой говорят тихо или молчат; засватанные девушки еще более избегают разговора с своими стариками и старухами, а с родными жениха — избегают говорить вовсе; молодая жена несколько лет избегает и встречи с старшими в роде мужа; муж тоже не только не говорит, но даже и не видится с тещей своей. Жених тоже не видится со стариками из рода невесты. И вообще девушки и женщины избегают (отворачиваются, становятся спиною при встрече, особенно с почетными людьми или чужестранцами) разговора и встречи с чужими, особенно гостями.

165. Сын перед отцом не садится, вовсе — при других людях; младшие перед старшими тоже; но по приглашению могут присесть в стороне, если нет при них близких родственников,— старших или почетных стариков и гостей, а собралась просто толпа жителей. Женщины и девушки при мужчинах также не имеют права сесть; при встрече с совершеннолетним на дороге женщины встают, даже если едут на арбе, пока не скажут им «спасибо, садитесь».

166. Мать вообще дома у себя сидит, обедает ли сын или муж.

167. Мужчины обедают отдельно от женщин и раньше их.

168. Жена обедает после мужа в стороне.

169. На пирах и празднествах сидят по старшинству, старших вводят в саклю, угощают лучше других и раньше других.

171. По своему положению отец считается ближе всех к своим детям; но мать, как мать, все же ближе к сердцу детей; после родителей самыми близкими считаются братья и сестры; причем брат ближе, нежели сестра.

172. Самым почетным из всех родственников считается старший в роде.

174. На характер отношений между родственниками экономическое положение заметно не влияет, хотя, конечно, на самом деле бедные всегда зависят от богатых; все же бедный пользуется почти одинаковым почетом с богатым, хотя перед последним все более предупредительны. Богатые родственники помогают бедным.

176. Брак между однофамильцами адатом безусловно воспрещается; между свойственниками допускается.

177. Это запрещение — дело адата.

178. Дети от родственников, по убеждениям народа, выходят слабыми; кроме того, брак с родственниками считается позором.

182. Степень родства ингуши определяют сами.

183. Иногда обычай нарушается и бывает брак между отдаленными родственниками путем лишь похищения.

184. До введения мусульманства строже относились к браку между родственниками; хотя и теперь адат берет верх над шариатом, но все же к этому относятся не так строго.

186. Свойство не препятствует заключению брака.

Нельзя жениться только близким из семьи мужа и жены до смерти жены; когда жена умрет, то вдовцу можно жениться на сестре умершей жены своей, чтобы за детьми лучше смотрела (мнение народа), ибо другая мачеха плохо бы к ним относилась; его брат не может жениться на девушке из семьи, откуда его жена; братья жены также не могут взять из семьи ее мужа, а из семьи других более отдаленных родственников — могут.

187. Брак двух родных братьев на двух родных сестрах адатом не допускается.

193. Брак молочного брата с молочной сестрой дозволен.

194. Родство безусловно препятствует вступлению в брак, а свойство в известной степени.

195. Ради детей, оставшихся от брата, брат может жениться на жене брата (прежде это бывало чаще, нежели теперь); но женитьба родного дяди на племяннице не допускается.

VI. Древние формы брака и следы их

1. Свобода полового общения вне брака вовсе не допускается.

2. Преданий о существовании такой свободы нет.

6. О сборище, где бы происходило свободное половое общение парней и девиц, тоже нет никаких указаний.

10. Посиделок (досвиток) у ингушей не бывает; бывает, что девушки без парней собираются у подруги для работы и сидят до утра, особенно зимою.

17. 19. Ни обычая посещать девушек на ночь среди парней, ни случаев не бывает; девушка всегда с матерью, и в их жилище ни один парень не вправе вступить ногою, разве лишь хороший знакомый, и то при родителях девушки.

33. 34. Обычая проституирования женщины для получения права выйти замуж нет и не было (нет преданий).

Рожавшие девушки не только скорее не находят мужа, но, наоборот, порядочный человек не женится на них.

36. Случаев супружеского сожития брата с сестрой, отца с дочерью — неизвестно.

37. В свадебных обрядах нет указания на то, что отец молодого есть хозяин его жены; он в доме считается старшим, ему повинуется и только.

38. Случаев сожительства снохи со свекром не бывает.

50. Не бывало, чтобы муж для получения детей от своей бездетной жены отдавал бы ее кому бы то ни было.

51. На вдове часто у ингушей женится брат ее мужа, ради детей брата и ради удержания родства со свойственниками, если это желательно и почему-либо выгодно, полезно.

52. Брат умершего не обязан взять вдову; это считается не очень хорошим делом; допускается это по адату ради детей. При этом ей дается 1/2 калыма при браке, а не целый калым.

54. Первый сын от брака с вдовой умершего брата не считается сыном умершего брата.

55. Сын, прижитый вдовой, не считается сыном покойного.

58. Обычая класть гостя на ночь в одну постель с женою, дочерью или с родственницей хозяина не было и нет теперь.

60. Обычая — ложиться спать женщине у порога кунацкой нет.

71. Сожительства одной женщины с несколькими мужчинами одновременно, как с мужьями (а не в виде разврата), нет.

72. У ингушей многоженство было до введения мусульманства, есть оно и теперь. Обыкновенно, в большинстве случаев, ингуши имеют по одной жене; реже по 2, еще реже по 3 и 4 жены. Многоженству мешают развиваться и ссоры, разлады в семье, и дороговизна их содержать. Неодобрительного же в многоженстве, по мнению ингушей, нет ничего.

73. Многоженство, главным образом, и распространено в богатых (состоятельных) семьях.

74. Особыми правами сравнительно с прочими одна какая-либо жена не пользуется; той, которую муж больше любит, лучше и живется (больше ласки, больше удовольствий); старая из них пользуется уважением, как и все старухи, со стороны молодых жен.

78. Похищение невест[1*] среди ингушей практикуется довольно редко; оно бывает в крайнем случае, когда девушка очень нравится парню, и ее не хотят за него отдать, или сама отказывается выйти за него.

79. При похищении иногда похищаемая сговаривается с похитителями тайком сама или через третье лицо.

80. Похищение не есть вовсе формальный способ заключения браков, а составляет действительное насилие,— похищение в собственном смысле, совершаемое чаще всего против воли родителей.

81. Иногда похищение бывает и с ведома родителей, если они хотят выдать ее замуж, а она упорствует; но это вовсе не потому, что родители считали нечестным выдать дочь своими руками.

82. Невеста никакой вещи при похищении не дает жениху как залог; и подруга ее при этом не сопровождает.

83. Обряда прихода родителей похищенной для отвода ее домой не существует. Если похищенная не хочет остаться (будучи насильно похищена) у похитителя, то всегда почти уходит; ее родители принимают все меры для того, чтобы отнять свою дочь от похитителя, хотя бы она прожила с ним и некоторое время. Похищение производится чаще всего для того, чтобы не заплатить самому калыма, так как в таких случаях, видя, что похититель не в состоянии заплатить, платят за него все родственники в складчину; похищают еще и когда даже калым заплачен, если только невесту не дают ее родители вовсе или все откладывают день свадьбы; в этом случае похищение практикуется для ускорения брака; похищают еще девушку, которую не хотят выдать вовсе.

84. Похищение девушки против ее воли случается; в этом случае рассчитывают на то, что она после похищения и потери невинности не захочет уходить и останется у похитителя женою. Брак с похищенной считается заключенным, если похищенная останется у похитителя, и мир состоится, и калым уплатят.

85. 86. Для примирения с родителями после похищения посылают стариков к ним; они их уговаривают, призывают к себе (к похитителю) и, получив согласие, угощают их; тут же жених дает им калым, и по окончании всего этого — играют свадьбу по обыкновению.

87. Похищают девушек довольно часто (насчитывают 30–40 случаев ежегодно между всеми ингушами) и чаще с их согласия.

88. Побудительными причинами для таких похищений являются (т.е. с согласия невесты) — несостоятельность жениха и неимение чем заплатить калым, так как при похищении за него заплатят родственники; если родители ее не хотят выдать, а она желает; похищение против воли девушки при согласии родителей бывает особенно, чтобы скорее выдать ее; похищение практикуется, если

кто хочет отбить чужую невесту, хотя это может кончиться смертью похитителя или настоящего жениха (это последнее вообще очень рискованно, и редко кто на это отважится; это делается, если рассчитывают на трусость настоящего жениха).

89. Похищение у ингушей в ходу, и односельчане вовсе не осудят похитителя, если нет для этого другого повода.

90. Родителям уведенной против их воли платят обычно больший против обыкновенного калым, по их назначению; если похититель не в состоянии выплатить всего, то его родственники доплачивают.

92. Между обыкновенным браком и браком по похищению существенной разницы нет; только во втором случае многие обряды по необходимости опускаются: 1-я половина обрядов, приход за невестой и увод ее девушками — целиком опускается.

93. Плату калыма в последнее время можно назвать покупкой невесты в том же смысле, как в Европе отдача приданого есть покупка жениха; в том и другом случае (калым и приданое) деньги отдаются не родителям, а в собственность молодых брачующихся. Когда платили калым скотом, то часть оставалась в пользу родителей.

94. У ингушей плата невесте (у татар калым) состояла из 18 коров: первые 9 коров, отдаваемые сперва (раньше), называются «ехым», т.е. угощение; а вторые 9 коров называются «урду»; в последнее время, лет 12 тому назад, по определению русской администрации, разрешается платить в калым, вместо коров, 105 рублей, называемых также «урду».

98. Чаще невесту берут из другого аула, ибо в том же ауле чаще все родственники; при этом жителям того аула никакой платы не полагается.

100. Калым для всех возрастов одинаковой величины.

101. Обычая выслуживать невесту, работая у ее родителей вместо калыма, нет (ибо калым не родителям дается, а дается ей).

102. Для вдовы дается только 1/2 калыма.

103. Калым уплачивают при несостоятельности жениха его родственники.

104. 105. Калым уплачивается и сразу, и посрочно,— кто как в состоянии (коровами платили 2 раза по 9 штук в течение 1–2 лет). Калым всецело принадлежит невесте, а не ее родителям; иногда на приданое идет весь калым, иногда только часть калыма, а иногда даже больше идет на приданое, чем калым (я был сам свидетелем,

как одна любящая мать приготовила приданое на 210 р., прибавив к 105 р. калыма еще и от себя столько же, т.е. 105 р.).

106. Оставшаяся часть калыма остается на хранении у родителей (но фактически не на хранении, а у них безотчетно).

VII. Современный брак и свадьба

1. 2. Брак считается необходимым для всякого порядочного человека потому, что каждому желательно иметь потомство, как для продления своего рода, так и для его увеличения, усиления, что крайне важно и до сих пор для ингуша при существовании кровной мести и вообще родовой солидарности; желательно вступить в брак и даже необходимо и потому еще, что мужчина без женщины не в состоянии удовлетворить все свои потребности: она хозяйка дома, исполняет домашние работы, все приготовит, позаботится о муже.

3. Случаи, что ингуши долго не женятся, весьма редки, но бывают. Это случается вследствие долгих поисков невесты из желания найти получше, а также при сознаваемой половой импотенции.

4. Над холостым ингуши смеются, называя его «жирным вдовцом», т.е. беззаботным, ничем не беспокоющимся.

7. Жить невенчанными нельзя; народ не терпит этого.

9. Иметь открыто любовниц тоже невозможно; общество восстает против такого нарушения нравственности.

12. Девушки остаются безбрачными, обыкновенно, тоже вследствие откладывания брака в ожидании найти лучшего жениха; природные недостатки (калека, уродливость, безобразие) также служат причиною откладывания брака или даже совершенного безбрачия девушек. Девушки с дурным поведением (это случается, хотя весьма редко, когда девушка — сирота и потому не боится кинжала родственников и дает себе больше свободы), если не дурны собою, то всегда находят жениха, соответствующего ей, т.е. тоже дурного, из неблагородной семьи или дурного по своим личным качествам, которому упреки других нипочем, которого совесть и имя не пострадают от брака с падшей.

13. Материальное благосостояние почти не оказывает никакого влияния на брак; отсутствие выдающихся богачей и большая или меньшая равноправность в общественной и экономической жизни ингушей, по всей вероятности, были причиною такого почти незаметного влияния на выбор невесты или жениха богатства или бедности брачующихся. Зато ингуш обращает большое внимание на благородство родителей и фамилии и на хозяйственные способ-

ности самой девушки; не остается, конечно, без должного внимания и красота девушки, которую ингуш старательно выглядывает на свадьбе или на других пирушках, торжествах, празднествах, на которых парни и девушки разных аулов и могут встретиться.

14. С девушкой, успевшей родить до замужества, чаще всего вступает в брак сам виновник; но если все попытки ее родителей не увенчались успехом, и не удалось доказать, уличить виновника, то такая девушка или вовсе никем не берется или берет ее человек тоже дурной, неуважаемый, не боящийся за свое доброе имя.

15. Девушек, носящих мужское платье и занимающихся только мужскими работами (полумужичие), в Мецхальском обществе не встречается. Но в Назрановском обществе, состоящем из выселившихся на плоскость ингушей, есть две девушки, которые одеваются в мужской костюм и живут при родителях и не выходят замуж под предлогом нежелания разлуки с родителями (но жители подозревают у них неспособность, импотенцию, к брачной жизни). Но это единичный случай, а не обыкновенное явление.

16. Случается, что девушка обрекает себя на безбрачие, просто не хочет выходить замуж; но родители никогда их не удерживают от вступления в брак.

18. Девушку, которая не хочет выйти замуж, родители уговаривают выйти, но при ее нежелании держат ее у себя, как дочь, кормят, одевают.

21. Присоединения к погребальному обряду еще свадебного для умерших вне брака не бывает.

22. По убеждению ингушей (поверье), всякий человек непременно женится на той, имя которой записано у него судьбой на третий день его рождения.

24. Предоставление самого выбора невесты судьбе нет.

28. Девушки по адату должны выходить замуж не ранее 18 лет; это делается для того, чтобы девушка выучилась самостоятельно вести хозяйство; выдать дочь до 18 лет, т.е. до ознакомления со всем хозяйством, могут только родители по своей глупости (мнение ингушей), т.к. они тем окажут плохую услугу ей лично и ее будущему мужу.

Молодой человек может жениться не ранее 17 лет; раньше может жениться (ему извинительно) только сирота, одинокий, о котором некому позаботиться, некому одеть его, а, главное, приготовить пищу (одежду-то другие сошьют); можно рано жениться и младшему брату на вдове брата по их личному согласию и согла-

сию родственников. Тем не менее, при последнем даже браке необходимым условием является половая зрелость, а потому брак вообще физически возможен не ранее 14–15 лет.

29. Все стараются по возможности раньше жениться; это необходимо в видах полноты семейной жизни, и, конечно, ускорению брака способствует и невозможность иными путями удовлетворить половые потребности, благодаря строгости нравов у ингушей.

30. Побудительными причинами к заключению ранних браков служат и желание иметь работницу, и половые потребности. По моему мнению, возраст 17–18 лет, в который вступают ингуши в брак, нельзя назвать ранним, если принять во внимание, что ингуша не удерживают от брака ни учение, ни отлучка из родины, ни что-либо другое: раз он вырос, возмужал, отчего же ему и не жениться, когда это нужно для него, и когда к тому нет никаких препятствий; напротив, было бы удивительным, если бы ингуш, при таких условиях жизни, женился позже 17–18 лет; раннему браку могут помешать только личные обстоятельства; бытовые же условия этому благоприятствуют.

33. Браки девушек бывают не ранее 14–15 лет; но и в таких случаях ее родственники бывают недовольны этим, говоря: «чего глупенькую еще отдали? на что она способна, бедняжка?»

36. Парень и девушка вполне годными к браку считаются с 17–18 лет, во всех отношениях.

38. Сватание родителями детей еще в младенчестве теперь случается реже; прежде чаще; опыт научил ингушей, что это к добру не ведет.

39. Сироту обыкновенно (даже всегда) принимают не чужие люди, а родственники, без которых редко кто бывает; следовательно, немыслимо по адату обречь ее на брак с родственником же, будь он сын или брат или еще дальний — принявшего.

40. Дети обязаны исполнить волю родителей, и если они засватали невесту, то обыкновенно дети повинуются; но уже сами родители теперь отказываются настаивать на исполнении их воли, зная, что дети их могут быть несчастными; засватанные в детстве часто выходили уродливыми — и это удерживает родителей от раннего сватовства.

42. Стараются, чтобы невеста была моложе жениха, потому что женский пол у ингушей раньше старится.

43. Никакие особые соображения не удерживают от брака в свое время.

44. Не случается также, чтобы удерживали девушку от замужества до тех пор, пока она не пробудет известное число лет работницей в доме родителей.

48. Жениться можно во всяком возрасте, начиная с периода половой зрелости. До 55 лет мужчина из хорошей фамилии может жениться на молодой девушке; но за дурного человека или из фамилии, не пользующейся особенным уважением, молодая девушка, особенно из хорошего дома, редко согласится выйти за такого пожилого или старого мужчину.

49. В прежние времена невесту чаще всего выбирали родители; теперь чаще сам сын находит себе ее.

50. Браки бывают и без согласия родителей.

51. И теперь, хотя редко, сватают в малолетстве.

52. При решении выбора невесты сыну отец имеет большой голос, решающий; его согласие обязательно

53. Обычая давать залог друг другу при предварительном согласии жениха и невесты не существует.

56. Хотя согласие молодых теперь требуется адатом, но все же родители и родственники продолжают оказывать на них нравственное давление и, нередко, успевают убедить их вступить в брак с тем или другим избранным ими человеком.

57. Согласия на брак и теперь спрашивают у отца и всех других родственников во главе со старшим в роде; это в особенности делается и исполняется воля родственников, если молодой человек благоразумен и знает, что родственники как более опытные действительно желают ему добра; пренебречь их умным советом нелегко; неприятно и возбуждать в них недовольство. Несмотря на все это, если молодой человек захочет, то может жениться против воли и родителей, и родственников; но это случается редко.

58. На брак непременно требуется согласие, если не всего рода, то, по крайней мере, ближайшего родственника, старшего по возрасту (отца, деда или, при их неимении,— старшего брата).

60. По принуждению родителей браков не бывает, но бывают по убеждению родителей.

62. Родительское влияние в последнее время ослабевает, главным образом, вследствие сознания народом вредных последствий насильственных браков; этому способствовали и русские власти, которым всегда можно жаловаться на насилие, принуждение со стороны родителей (это особенно важно для лиц женского пола, которых принуждение более касается); не без влияния остается,

конечно, и постепенное ослабление родовой организации среди ингушей; да и сами родители с постепенным подъемом умственного развития и с расширением кругозора приходят к заключению, что принудительные браки могут сделать детей несчастными.

63. Случаи принуждения к вступлению в брак со стороны общины неизвестны, но можно назвать почти принуждением то нравственное давление со стороны общества, одноаульцев, оказываемое на виновника рождения ребенка от незамужней, которое заставляет его жениться на ней, если он хочет сохранить в среде своих свою добрую славу.

65. Молодежь останавливает свадебный поезд, чтобы потанцевать, в особенности, когда проходит через другое селение; останавливает и старуха-родственница в самом ауле, где живет жених; она приносит навстречу поезду араку, пиво и за это потом невеста ей присылает подарок; поезд, обыкновенно, при проходе через аул сам останавливается, делая тем самым честь и жителям аула и желая показать себя, свое искусство, наряды.

66. Деревня не принуждает родителей выдать удерживаемую ими дочь.

67. При справе бедной невесты помогают родственники, хотя отдаленные, но не община.

68. Сироту выдают замуж и по собственному желанию, но она должна спросить согласия у родственников (брата, дяди).

69. Браки против воли родителей бывают (похищение).

70. Когда родители не соглашаются, то похищают невесту.

71. 72. 73. 74. За увоз девушки, кроме обычных при браке 18 коров калыма (или теперь 105 р.), платилось еще 3 коровы по 30 р. каждая, называемые «барч». За увоз чужой невесты платилось 90 коров жениху, и, несмотря на это, едва удается помириться с обиженной стороной жениха и родителей невесты (если родители виновны в увозе невесты, то и они платят жениху 40 коров). Теперь почти прекратились случаи увоза чужой невесты. Отказы жениху после сватовства тоже бывают редки, потому что по уплате калыма она уже считается принадлежащей жениху, и отказ ведет к весьма невыгодным последствиям и неприятностям. Теперь увезший дочь без согласия родителей, кроме 105 р., платит за хорошую лошадь с седлом; если родители не хотят оставить увезенную дочь, то через администрацию могут ее отнять.

За увоз или вообще добровольный уход дочери родители ее не лишают наследства. Они ее могут возвратить обратно, но по обычаю считается лучше помириться и оставить увезенную.

75. Спрашивать согласия на брак у хозяев, у властей не нужно.

76. 77. 78. Вступают в брак по старшинству, чтобы не обидеть старших; если младшему нужно или хочется раньше вступить в брак, то он вступает, испросив предварительно на то согласие старшего брата; если младший полюбил девушку, то всегда ему извиняют старшие и дозволяют жениться. То же правило применяется к девушкам, хотя и не так строго.

79. Браков ингушей с русскими не бывает*.

84. Женщины, занимающиеся приисканием невест (свахи), бывают, но это считают позорным ремеслом.

85. 86. Жених и невеста должны быть здоровы, подходящей фамилии (ибо нравственные достоинства определяются достоинствами целого рода и в частности дома); жених должен быть мужчиной, как следует быть, бравым, способным прокормить свою семью; невеста должна быть хорошей хозяйкой и неглупой, работящей; и на красоту обращается должное внимание.

90. Осмотров жениха и невесты их родственниками не бывает, но они тайком все разузнают касательно невесты и жениха и стараются тайком повидать их, узнать их.

91. На состояние невесты у ингушей мало внимания обращают (оно и понятно: ведь особенно большого приданого за дочерью не дают).

92. Свадьбы играются больше всего весною, и еще чаще осенью, когда вообще и время свободнее, и баранта жирная.

94. Обыкновенный срок между сватовством и выданием от ½ года до 4-х лет; 1½ и 2 года самый обыкновенный срок.

95. Сватают также в свободное от работ время — весною и осенью.

97. Сватовства с невестиной стороны не бывает.

98. 99. 100. Составные части брачного обряда у ингушей следующие: 1) Спрос со стороны жениха родителей невесты о согласии их выдать за него дочь; для этой цели идет или сам отец будущего жениха, или посылают другого близкого родственника, одного из 2–3-х. После предложения отец будущей невесты назначает срок, когда прийти за ответом. 2) В назначенный срок, обыкновенно через 1 месяц, являются за ответом те же лица, и если по-

---

* Информация относится к 1891 году (У.Б.Далгат).

лучают удовлетворительный ответ, т.е. согласие, то являются 3-й раз сватать; при этом по обычаю они приносят залог родителям невесты 10–15 рублей и живого барана; барана режут, устраивают угощение, и с этого времени устанавливается между обеими сторонами родство. После этого в один или два раза уплачивается калым — 18 коров или 105 руб., и с согласия обеих сторон назначается день свадьбы. Обыкновенно калым уплачивали 2 раза, призвав родных девушки: сначала 9 и во второй раз тоже 9 коров; но из вторых 9 коров 4 коровы возвращаются невестиной стороной назад: 1 дарится матери жениха и называется «коровой свахи», и 3 коровы — самому жениху, называемые «барч», т.е. учкур, т.е. шнурок для завязывания азиатских штанов (как бы за то, что он развяжет учкур штанов невесты — мнение старика). 3) Приблизительно через ½ года по уплате калыма приезжают девушки на арбе в сопровождении молодежи и стариков от жениха за невестой; при их вступлении (по дороге они играют и танцуют, кое-где останавливаясь) в аул с игрой на гармони — им навстречу выходят девушки из аула невесты; потом идут в комнату невесты (одни девушки); их там угощают; присутствующих тоже угощают. Затем, пока невеста приготовляется, все девушки танцуют на дворе. 4) В это самое время старики оценивают одежду невесты и вещи, данные в приданое (сундуки с вещами, принадлежности постели, подушки, несколько войлоков, одеяла и непременно большой медный кувшин для воды, таз и малый кувшин); при этом невеста прячется в соседней комнате, сняв хорошую одежду, тоже для оценки старикам; старики, обыкновенно, оценивают не скупо, даже всегда немного выше стоимости; затем старики уходят; невеста вновь наряжается в хорошее платье, а вещи ее нагружаются на лошадей. Когда все уже готово, девушки прекращают танцы и направляются за невестой. Ее выводят, и при выходе раздается два выстрела в крышу дома у самого выхода: один выстрел — со стороны родных жениха (парень стреляет), а другой — со стороны родных невесты, которые стоят при выходе у порога дверей; кто раньше успеет выстрелить, родственник того значит и будет держать верх, преобладать муж над женой или жена над мужем. Девушки с невестой при выходе начинают петь песни. (Теперь не принято петь песни; лет 30 уже их не поют; помнят их только старухи и то только некоторые; мне, к сожалению, не удалось в 1891 г. записать всех песен, потому что не нашлось во всем ауле старухи, знающей все свадебные песни.) Приведу здесь одну из

многих песен, певшихся перед выводом невесты из родительского дома, записанную на родном языке по моей просьбе покойным К.Долгиевым (артиллерийским офицером, убитым во Владикавказе в 1917 г.) и им же переведенную на русский язык, и скажу предварительно, что все эти песни носят один и тот же характер: обе стороны (девушки и парни) друг над другом надсмехаются, бранят одни других[1*], хваля каждый свою сторону. Некоторые из свадебных песен-перебранок неприличны для печати, похабны, вульгарны и грубы. Однако не все песни такого рода, в чем мы и убедились, когда записывали свадебный ингушский обряд.

Так, в доме родителей невесты девушки, встречая гостей (свадебный поезд) поют*:

«Едут, едут, говорили, конские всадники,
А они, оказывается, ослиные всадники.
Сняв кожемыж (седло на осле), погоните их в колючки;
Поев колючки, переночуют они».
«Едут, едут, говорили, красные сапожки (т. е.красные девушки),
А они, оказывается, свиные лапти.
Не стряхнув, не почистив, повесьте их на гвоздь;
Перержавеет гвоздь и, может быть, они упадут».

«Князья едут, говорят, а приготовленное питье
Оказалось этим свиньям похлебкой (пищей);
Уздени едут, говорят; приготовленное же кушанье
Оказалось этим ослам пищей».

Замеж, т.е. свадебный поезд, присланный женихом, поет:

«Выходи-ка, наш сокол-хозяин, на двор!
Полон двор, гости приехали к тебе.
Выходи-ка, наша хозяюшка, на крылечко,
Полон двор, князья прибыли к тебе!»

«С полной чашей иди, наш хозяин;
Кто просит чашу, тот уж не гость.
Полный стол (кушаньев) поставь, наша хозяюшка;
Кто просит кушать, тот уж не гость».

---

* Оригинал песенного текста записи К.Долгиева, к сожалению, утерян. Сохранился только этот перевод, весьма близкий к оригиналу.

Когда невесту выводят, ее родственницы дают ей следующее наставление:

«Не посмотрев вперед, не перешагни,
Не взглянув назад, слова не произноси;
Как в темной сапетке (т.е. в ульи), сладок мед,
Сладко живи с своим ясным соколом».

Домашние невесты обращаются к «замеж» с следующими словами:

«В нашем медном доме выросшая голубка,
В вашей плетеной сакле как она проживет?
Нашей молочной кашей вскормленная голубка,
Как ваш сухой чурек пережует бедняжка?»

Замеж, т.е. поезд жениха, отвечает:

«Если она вскормлена молочной кашей,
То корову дойную выводите вы ей;
Если она выросла в вашем медном доме,
То полную арбу меди привезите вы ей».

Хозяева желают выезжающим гостям дурного:

«Из нашего аула выехать вам счастливо,
А когда выедете, то пусть у вас старший умрет;
На похороны старшего чтобы младшего продали,
А на похороны младшего чтобы козла продали!»

«Вашего замежа (поезда) старшего с длинным воротом
шубу
Чтобы вы на высоком дубе увидели (т.е. чтобы он повесился).
Вашего замежа младшего длиннополую черкеску
Чтобы вы увидели плавающей, как на море корабль
(т.е. чтоб он утонул)»[2*].

Песня, которую поют подруги при выводе невесты из родительского дома:

«Как солнце, оставляя землю, уходит, так и ты уходишь, оставляя своих подруг.

Не осмотрев (дорогу) впереди, не ступай ногою; не оглянувшись назад, не произноси слова.

Если ты это сделаешь, то люди скажут, что ты сидела на сломанной скамейке; ночевала ты в ставшей (заброшенной) мельнице (это плохо рекомендует человека).

Про дом, в котором ходил твой князь-отец, не заставляй говорить, что туда забежала голодная волчица (т.е. веди себя в доме жениха хорошо, чтобы не бранили дома твоих родителей).

Про дом отца-князя твоего, где на медном полу играла его хозяйка (мать твоя), не заставляй говорить, что красная chælæ (сатана) в этом доме сделала беспорядок.

Когда ты будешь приближаться к аулу, к тебе выйдут навстречу твои снохи (жены братьев жениха); нахлобучивши платки с темени на лицо, выйдут они навстречу тебе; они перекинут полы юбок (платья), потянув сзади наперед (т.е. для приличия закрывая спереди); из-под мышки они будут кидать вшей на дорогу (т.е. насмехаться). Судьбу снох прими к сердцу (т.е. все это прими к сердцу, и ты будешь такою, как они).

В дымной, скривившейся (покосившейся) землянке как станут тебя удерживать всячески, ты так сделай, чтобы сказали, что бесследно зверь исчез (т.е. уходи тайком от мужа и вернись к нам).

Сделай так, чтобы муж твой смотрел вслед за тобою, как сокол, сидя на чинаре (т.е. смотрел, ища, куда она скрылась), и как запутавшийся в глуши лесной медведь (который не может вырваться из колючек и бьется), оставив мужа, так же биться у себя, беги к родителям, как свет к луне.

Как в день битвы не выпускают из рук мажар (ружье), так отец твой не выдаст тебя из своего дома.

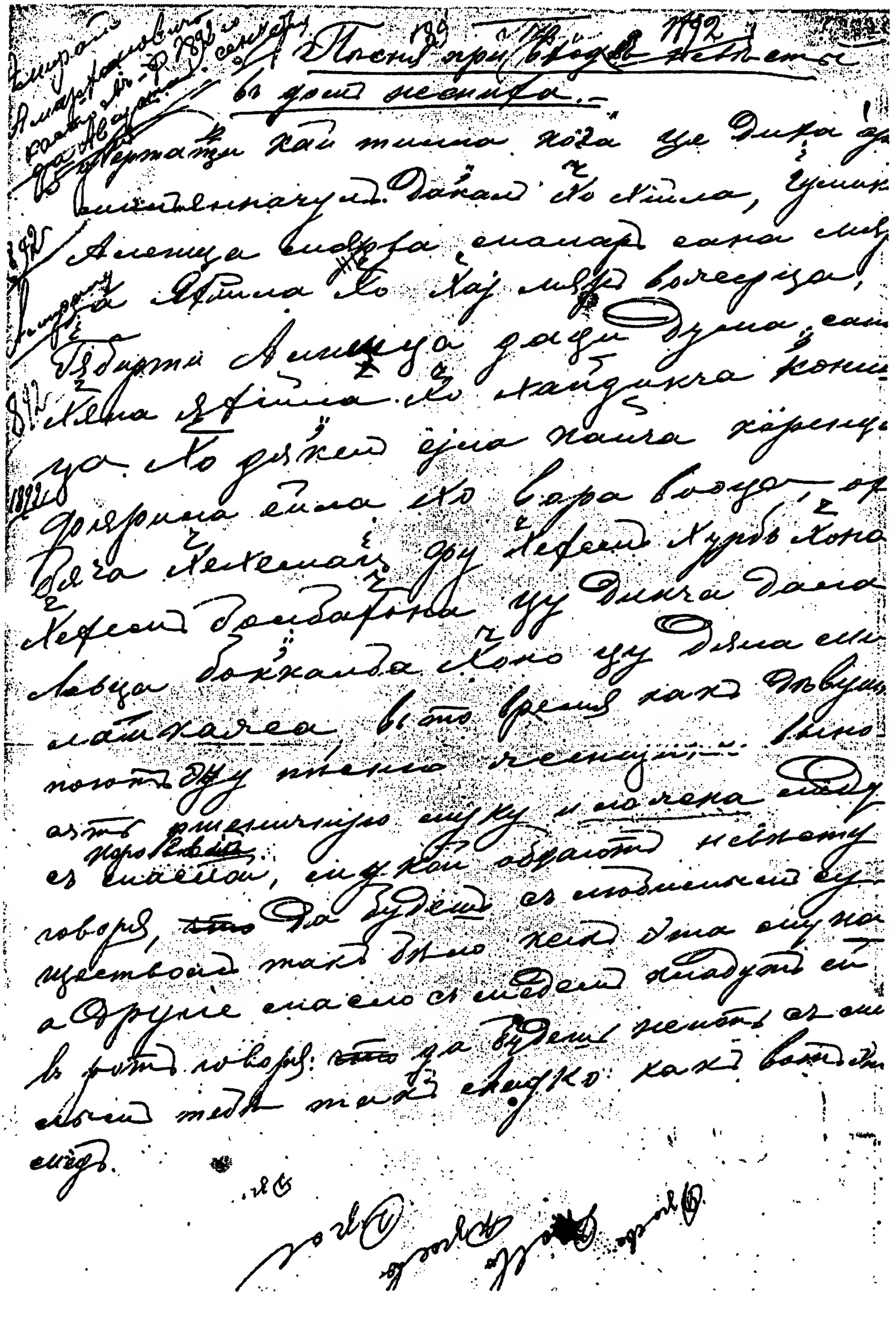
С золотой насечкой ружье xæži-istammul, как ручного сокола, положит на окно твой князь (elá) — батюшка; в ножнах совриных (из sovræ) (шагреневых) с черным острием булат (кинжал) туго затянут твои уздени-братья на своих узденских талиях»*.

Песня при входе невесты в дом жениха

При входе невесты в дом жениха девушки встречают ее следующей песней (см. автограф):

---

* К сожалению, текст и этой песни, записанный Б.К.Далгатом на ингушском языке, был утерян при публикации «Материалов по обычному праву ингушей» в 1929 г. в г. Владикавказе.



Автограф песни при входе невесты в дом жениха. Песня записана Б.К.Далгатом на ингушском языке с помощью алфавита П.К.Услара. Ее запись и перевод на русский язык относятся к 1892 году (конец августа, 5 сентября), когда собиратель находился в экспедиции в Нагорной Ингушетии.

Перевод:

«На голову белое надевши, ноги красно обувши, из всех вышедших (так замуж) ты будь счастливее всех.

Как для кумыцких князей медовый напиток, так сладко живи с своими деверями; как для кабардинских князей овечий курдюк, так жирно живи со своими снохами.

Ты будь счастлива для своего сокола, да будешь счастлива семью сыновьями.

Высказанное нами пожелание наставлением явится для тебя; настоящее наставление даст тебе наш хороший Бог; а благ пожелают тебе божии малайки (ангелы)».

Когда замеж (свадебный поезд) уходил, то девушка замежа говорит:

«Угостили нас так (плохо), и давали нам такие (плохие) блюда,— что мы не могли наполовину насытиться;

Когда мы станем уезжать из селения, пусть у них умрет старший в селении voqqaex, тамада — лучший из стариков; а когда мы выедем из селения, то пусть у них умрет лучший молодой!»

Девушка из дома невесты на это отвечает:

«Не умеющая благодарить (неблагодарная) за хлеб-соль — такая-то (имярек)! Покрашенное красной краской сукно пусть надевает она по любимому брату (убитому); покрашенную черной краской рубаху пусть наденет она по старику отцу (умершему)!»

Когда невесту водили за руку с закрытым лицом вокруг очага (очаг — огонь и цепь под очагом — были священны; цепь играла большую роль в кровных делах: убийцу, схватившегося за цепь,— прощали), в доме ее родителей девушки приговаривали (раньше водили мужчины, а позже — девушки):

«Желаем ей счастья, детей; чтобы все ее любили — муж, свекровь и другие».— При этом призывали помощь святых Мятцели, Сели и прочих.

По окончании этой церемонии обведения невесты вокруг священного очага, кто-либо из мужчин хватал ее и на плечах выносил из комнаты, ибо, если при выходе из родительского дома она кос-

нется пола ногами, то часто будет ходить к нему (что нежелательно); взявший ее человек роднился с нею.

Если не было очага, то посредине комнаты разводили огонь. То же самое делали и пели и в доме жениха.

Совершенно иной характер имеют не обрядовые, свадебные, полные насмешек, переругиваний и пожеланий песни, а песни хвалебные и любовные девушек и парней. Вообще, надо сказать, в последнее время (говорится о 1892 г.) девушки перестали петь песни и восхвалять мужчин в них. Прежде эти песни играли большую роль для молодежи; они шли на подвиги, чтобы их расхваливали в песнях.

Приведу здесь несколько таких песен как образцы давнишней народной поэзии, записанные со слов стариков. Они, конечно, не имеют прямого отношения к свадебным обычаям, но весьма характерны для творчества ингушей и хочется их сохранить.

1. Песня девушки

Как лесной голубь воспевает Сеска-Солсу (нарта), так хочу я поговорить о тебе.

Будь ты милым Богу!

По шагу узнаю я твоего серого коня;

По размаху (руки) узнаю твои широкие плечи.

Аллаха салам твоим широким плечам;

Божье здоровье твоей круглой голове!

На неуке (неприученном коне) в темную ночь, боясь, как бы не услышали люди удара плети,

Ручкой плети погоняющей коня;

В темную ночь ничего не разбирая и ничего не видя, ручной плети, отыскивающей дорогу;

Бросая в волны Терека коня и промочив одежду, пред рассветом приносишь мокрую одежду к своей милой, а к утру, посушивши, тебе передает ее твоя милая.

Рассказы, сказываемые тебе другими, кроме твоей милой, для тебя все равно, что пустой ветер в открытых степях;

Рассказы, сказываемые тебе другими, кроме твоей милой, все равно для тебя, что дождь, падающий в открытой степи.

Твоя милая принесет тебе араки первого пригона (крепкую).

Когда к тебе будет она идти навстречу, будет надевать еврейский шелковый платок из любви к тебе; с гордостью будет надевать она до глаз свой гурмалай (пестрый шелковый платок).

Руками рубашки прикрывая стакан, а концом шелкового (еврейского) платка прикрывая бутылку, она придет к тебе навстречу.

В глубоких (высоких) медных котлах пламенем огня превратив в сердце сатаны вываренную араку, дам я тебе по 3 бокала сряду, с пожеланиями «да будешь ходить здоровым», потому что есть у тебя много иноплеменных кунаков, и сердце у тебя чересчур (огонь) мужественное (высокое); оттого, что есть у тебя в селении милая, и сердце твое гордое.

Иноплеменные кунаки — слава твоего сердца, сельская милая твоя — гордость твоего сердца.

Произносящий твое имя пусть не забывает его; в ауле почетный глава пусть не теряет почета.

На твоем белом лице — черное курпе,

Пониже курпе — живые глаза;

Как свеча в мечети, сверкающий глазами ночью в степи, сверкай на счастье, на здоровье.

Как окруживший солнце солнечный круг, так — окружившее сердце твое круглое тело;

Твоим туловищем двигающие твои богатырские руки пусть переломанными не сложат с телом, пока ты хочешь жить.

Твои подвижные очи пусть не сомкнутся, пожелтевши, пока не надоест тебе жить.

Божье здоровье твоему статному стану, салам-маршол пусть будет твоему милому разговору!

2. Песня юноши про возлюбленную

Как пред весною питающийся тиной Терека шумливый гусь, так, наверное, шумишь ты с матерью своею, чтобы приблизиться к милому своему.

Не имея возможности соединиться с милым, как бы ты не получила страдания тела и скрытую лихорадку.

Сказав, что у него много меди, не выходи за какого-нибудь моша (перепела, самую трусливую птицу); не выходи за него также, говоря, что у него много скота.

Если случившимся пожаром истребится медь и чумою скот, тогда узнаешь, сколько у него есть мужества (у моша).

Чем с перепелом спать в мягкой постели, лучше с соколом валяться в шалаше.

Чем выйти за перепела, который будет одевать тебя в белый, как снег, шелк, лучше выходи за сокола, который будет одевать тебя в красный ситец.

Сколько тепла от заходящего солнца, столько света от второй половины луны, сколько пользы будет от вас, девиц, после первой поры жизни (молодости).

Подходящий к твоей круглой голове платок достанет тебе ясный сокол.

Для стана твоего атласный бешмет достанет тебе ясный сокол.

3. Песня юноши

Как сделанный мастером лук,— твои черные брови;

Как поставленные часовым мастером,— твои пламенные очи;

Бровями двигая, веками моргая, опустив вниз глаза, плачешь ты и по тонкому носу слезы льешь;

Подобно тому, как солнце туман, платком ты лицо прикрываешь (стыдясь других);

С носа слезы падают на кисейную рубашку; с рубашки капли слез падают на чувяки;

По нашивке (галуну) чувяк тонким пальцем ты водишь;

Как в сильный мороз с треском образуется лед, так, сердце сдерживая, на душу принимаешь ты горе (не высказываешь).

К любимому не имея возможности добраться по бедности своей, как после дождя с ветки падает роса, так плачет, наверно, девушка из бедного дома.

4. Песня девушки и юноши

«Ты что, сын вдовы, так возгордился, как будто кабардинское узденство ты получил, или как будто княжеское достоинство ты получил?

Не уздень-ли кабардинский — твои пламенные глаза?

Не княжеское ли достоинство — твоя любовь? Не княжеское ли житье — ночевать с тобою одну ночь?

Ой, вдовий сын, как молодой конь бывает впереди табуна, так и я думала, выходя вперед (навстречу) к твоей матери, хотела поплакать по тебе, когда (если) с тобой случится несчастье, как плакала бы твоя родная сестра; но я не знала, что у тебя на сердце такие темные мысли».

5. Ответная песня юноши

Пусть меня Бог среди ровесников придавит, если я хотел оскорбить тебя; но только хотел избавить тебя от перепела (труса); пускай мне свалиться в готовую постель (умереть), пусть меня убьет ружье без замка, пусть порежет меня шашка без острия.

6. Ответ поет девушка

Как человек без палки идет в тот двор, где не держат собаки, так смело приходи на мою белую грудь;

Как на дуплистой чинаре шероховатый трут, на белой грудке — трепетные сиски (имею),

Как коза с полным выменем спешит в прохладное место, так спеши поиграть на моей груди,

Как сытый козленок играет (прыгает) по кустам, так своими пальцами

поиграй моими грудями (грудками).

Как сладок хлеб с медом, так сладко проводи время на моих устах;

Пусть на небе не будет без света звезды,

Пусть на земле не будет канавы без воды, пусть мать не родит без самолюбия молодца.

Продолжение описания свадьбы

С песнями аульные девушки провожают свою подругу-невесту и за аулом покидают ее, передав ее в руки пришедших девушек.

Свадебный поезд, проходя через аулы, останавливается на ½ часа времени потанцевать, показать себя. Его встречают при входе во двор женихова дома мужчины с выстрелами, а девушки и женщины — с песнями иного содержания, нежели при уводе невесты в ее доме. Этих песен в 1891 г. ни одна старуха в ауле Фуртоуг, где по моей просьбе расспрашивал Касим Долгиев, не могла вспомнить, но этот пробел в 1892 г. мне удалось восполнить, к счастью, и одна эта песня приведена нами. В них выражается пожелание невесте детей и всякого благополучия и счастья. При этом жених и даже мать жениха прячутся. При входе в дом одна из участниц-женщин обмазывает губки молодой медом с маслом и посыпает на голову муку,— чтобы она была для своего мужа

сладкой, как мед, и чтобы в доме у них всегда были хлеб-соль. Молодежь загораживает ей вход во двор, пока она не даст им подарка (кисет, деньги на табак и пр.). Молодую все еще с покрывалом на лице вводят в большую комнату. С этих пор теща может ее видеть и свекровь, но не говорить с ней ни слова. Пребывание в комнате с покрывалом на лице в течение 3-х дней, пока продолжается свадьба, является для невесты настоящим мучением; ей считается стыдом выходить во двор, и она, несчастная, должна не есть ничего и не пить в течение целого дня, чтобы не выходить для естественных отправлений; она целый день крепится и лишь ночью может выйти на двор.

Свадьба (танцы с пиршеством, крики, шум, выстрелы ежеминутно) продолжается 3-е суток. Родственники жениха все помогают и в устройстве пиршества, дорого стоящего для одного человека; угощают приезжих из других аулов и односельчан своих. Жених и невеста в свадебном торжестве вовсе не участвуют; жених прячется у соседа-товарища и только на третью ночь видится с женой, тайком пробравшись. (Это ингуши объясняют тем, что неловко молодому человеку и девушке, которые вскоре должны приступить к нарушению невинности, показываться народу.) Молодежь подкарауливает и подслушивает у окон и дверей. Перед его приходом, на 3-ю ночь свадьбы, парни собираются в брачной комнате (в ней еще нет невесты) и до полуночи танцуют, едят, пируют; перед приходом невесты в эту комнату они требуют «исполнить обычай», т.е. угостить их, и по удовлетворении их требования очищают комнату; затем входит невеста и за ней тайком — жених.

Иногда сватовство тянется несколько лет (3–4 года и больше). Родственники дарят жениху по одному, по два рубля или по барану. Невеста дарит шубу, черкеску — старшему в доме (или фамилии); но он может отказаться в пользу более нуждающегося в их роде; дарит также чевяки, вышивки — молодым людям, кому более подобает, кто победнее, обиженному судьбой.

101. До сватовства, как было мною указано выше, устраиваются семейные советы. Обыкновенно, извещают всех родственников о желании засватать такую-то девушку, и узнают, не имеет ли кто-либо что-нибудь против этого сближения с такой-то семьей. Если слышатся неблагоприятные ответы, то не сватают. Такое же совещание устраивают и родители девушки прежде, чем дать согласие на брак их дочери.

102. Смотрин не бывает.

103. Брачный договор считается заключенным после 3-го свадебного акта, т.е. после отдачи сватающими залога и одновременно — зарезания приведенного ими барана и угощения со стороны родителей невесты: с этого момента устанавливается между сторонами родство.

104. Не бывало, чтобы невеста до брака забеременела.

106. Брачующийся получает право разделить ложе со своей избранной на 3-ю ночь прихода ее в его дом.

113. Невеста требует от жениха калыма по обычаю, который и идет на покупку вещей для нее и части подарков.

114. Родственники жениха делают подарки ему (по 1–2 р. или по барану), а родственники невесты — ей; взаимных дарений между свойственниками не бывает.

115. Жених не делает подарков никому из свойственников.

119. Часть свадьбы играется у невесты (часа 2–3) перед ее уводом и, конечно,— на счет ее родителей; а главная свадьба, в течение 3-х дней, играется на счет родителей жениха в его доме; при этом сторона невесты на этой свадьбе даже и не присутствует, как не бывает на свадьбе у невесты и родственников жениха.

121. При женитьбе на вдове иногда уславливаются взять ее с детьми; но чаще без детей, потому что родные их оставляют у себя как членов рода, которых не подобает отдавать чужим людям.

122. При выходе замуж невесты в другую деревню — никаких выводных денег с жениха не берут.

123. Пребрачные условия бывают по адату всегда словесные (да и не было прежде и письменности).

125. На случай неисполнения пребрачного уговора, после 3-го свадебного акта, происходит по адату ссора между обеими сторонами, доходящими до резни, убийства, драки; после всего этого заключенное родство прекращается, и брак уже в силу этого становится невозможным; если отказ был со стороны невесты, то после ссоры им остается возвратить жениху весь калым (если он был уплачен) и сверх того лошадь в 100 руб. Сама ссора являлась настоящей войной: родственники жениха шли вооруженные к дому невесты, окружали его со всех сторон, требуя отдачи засватанной дочери; ломали плетень около дома, разводили огонь и располагались у дома засадой. Жених сам резал в их дворе быка своего, разводил огонь, жег плетень. Посредники — все соседи — уговаривают обе стороны помириться, но редко им удается это; вся эта

история, перепалка, часто кончается смертью кого-либо, убийствами. В случае отказа со стороны жениха почему-то все проходит мирно, не бывает войны.

126. В обеспечение состоявшегося соглашения о свадьбе женихова сторона дает залог в 10–15 рублей и 1 барана.

127. Отказаться от брака для невесты после соблюдения 3-го акта обрядов считается позором, если нет на то извинительной причины. Однако, жених может отказаться; его будут, конечно, все упрекать, но не очень; ему даже возвращают уплаченный им калым.

128. Отказ со стороны невесты извиняется при ее болезни.

130. Отказ от вступления в брак влечет невыгодные последствия для стороны невесты, но жених не отвечает ничем; он только прекращает сношения с родными невесты.

138. Распоряжается на свадьбе родственник жениха, более ловкий; но сами родители его (жениха) бездействуют.

140. Распорядителей может быть несколько (число точно не определено); права и обязанности их — предупреждать и останавливать ссоры, драки, наблюдать за тем, чтобы все было хорошо, чтобы гости были довольны и свадьба — веселой.

141. Никаких знаков отличия у них не бывает.

142. Их обязанности оканчиваются по окончании свадьбы.

143. Брат невесты и его родные не участвуют в свадьбе.

144. Родственник жениха накануне свадьбы разъезжает по своему аулу и соседним аулам и приглашает жителей на свадьбу.

151. Обряда кормить жениха и невесту одной ложкой нет.

152. Соблюдаемые при отправлении молодых в брачную комнату обряды уже описаны (пир молодежи в комнате); на 3-ю ночь свадьбы скрывавший жениха родственник его или товарищ режет для свадебных гостей барана (ему самому невеста дарит хороший башлык); гости поедят и расходятся. Девушки в брачной комнате стелют по уходе молодежи постель; две из них остаются в ней (комнате) с молодой до прихода жениха и с приходом его уходят.

Жених рано утром, когда только что начинает рассветать, уходит из дому и целый день опять сидит у своего товарища; так продолжается несколько дней; особенно стыдливые не приходят к невесте даже целую неделю. Молодая дней через 5–15 в сопровождении девушек идет за водой с гармоникой; у воды происходят угощения и танцы; с этого дня молодая начинает работать и понемногу привыкать к новой супружеской жизни.

153. Перед приходом жениха в брачную комнату — все девушки уходят, кроме 2-х, остающихся, чтобы молодая не оставалась одна.

155. В комнате жена сидит, приведенная подругами, а муж приходит с товарищем, пробираясь тайком. Молодежь подслушивает и подсматривает молодых; теперь этот обычай как не совсем нравственный оставляют.

157. 158. 159. В случае нецеломудренности невесты, жених без всякого шума отправляет жену к ее родителям и просит их принять меры к розыску виновника, чтобы убить его; его ищут обе стороны; это кровная обида и оскорбление, позор и для самого жениха и для родителей невесты; замечательно, что жених считается более оскорбленным виновником; родителей невесты он не обвиняет особенно, продолжает с ними говорить, хотя и натянуто (как раз наоборот бывает в этом случае в Дагестане, Даргинском округе).

160. Нецеломудренную невесту отсылают без всяких обрядов.

161. Побоям она не подвергается; но она унижена; ее ни один порядочный человек не возьмет.

163. Никаких знаков для возвещении о нецеломудрии тоже нет.

172. Если молодая оказалась целомудренной, то она остается; обрядов нет.

173. Если молодой окажется неспособным, все-таки жена не уходит от него; но теперь начальство, по освидетельствовании его доктором, разлучает по неспособности его.

175. Молодого заговаривают, завязавши узел во время 3-го акта (при установлении родства). От такой болезни лечат травами.

177. В первые три дня свадьбы по адату запрещается сожительство молодых; при народе, когда все пируют, собравшись с разных сторон, считается неудобным идти к жене по такому делу.

178. С течением времени обряды упрощаются.

VIII. Развод; расход

1. Случаи формального развода среди ингушей бывают.

2. По своему одному желанию, при простом даже недовольстве женою, муж может по шариату развестись; тем не менее, по простой прихоти редко кто дает развод: всегда бывает причиною развода крупное недовольство. Против воли мужа жена никоим образом не может добиться формального развода.

3. При разводе прежде разведенная жена не могла взять своего

приданого, но теперь ей муж обязан по адату возвратить принесенное ею. Раньше, лет 30–40 назад, муж давал жене только одну «разводную» корову (собственно — «простительную»).

4. Народ не одобряет развода, считает это несчастьем для человека и всегда старается уговорить не разводиться.

5. При разлучении супругов прежде без особых обрядов, в присутствии 2-х свидетелей, муж отпускал жену; теперь в ходу среди ингушей мусульманский троекратный развод (талак) в присутствии муллы.

9. Случаи фактического разлучения супругов также бывают: жена живет или с детьми, а муж отдельно, или у своих родителей; иногда всю жизнь супруги живут в разлучении.

10. Разлучение бывает, когда жена не нравится мужу, злая и т.п., но все же ни сам муж не думает окончательно разводиться, ни она того не требует; так и живут неопределенно.

12. В случае неспособности мужа к брачному сожительству в прежнее время все-таки жена не могла уйти от мужа, а теперь, по жалобе начальству, ей дается развод.

13. Прежде в этих случаях супруга не свидетельствовали, но теперь в городе врач его свидетельствует.

16. Случаи добровольной раздельной жизни супругов бывают, когда жена не хочет жить у мужа, но по закону не может получить развод без согласия мужа, то она ему начинает надоедать, ссориться, и тот или дает ей развод, или удаляет ее к родителям или в другой дом, не разводясь с ней окончательно. Она иногда сама мирится с такой жизнью; муж тоже забывает о ней, имея возможность жениться на другой, и так живут врозь до поры до времени (до возвращения, развода или смерти).

18. Муж может вовсе не кормить такую жену, живущую врозь с ним, но иногда кормит, но без условий.

19. Актов и условий относительно раздельной жизни не бывает.

20. После развода прежде приданое оставалось у мужа, а теперь возвращается жене.

23. Дети после развода остаются при отце (по адату и шариату); но малолетних с согласия отца мать берет к себе, получая на них определенное содержание.

24. В случае рождения ребенка вскоре после развода, так что он по времени рождения принадлежит прежнему мужу, отец его может взять, как своего сына, но по обычаю его оставляют у матери, пока не вырастет.

IX. Вторичный брак

1. По воззрениям народа, в брак можно вступать сколько угодно раз.

2. Во 2-м браке нет ничего предосудительного.

6. Дети вдовы редко удерживают ее от брака, потому что они не мешают ей выйти замуж, оставаясь у своих родственников по отцу (по адату). Но, конечно, мать, любившая мужа и детей, иногда ради них обрекает себя на безбрачие.

7. Вдова чаще всего именно и вступает в новый брак, чтобы найти кормильца, заступника, а вдовец,— чтобы добыть жену, хозяйку и иногда воспитательницу для малолетних.

10. После смерти супруга вновь можно вступить в брак жене не ранее 2–3 лет траура; по окончании срока перед браком вдовы делалась пирушка, варилось пиво, арака; устраивались скачки, резали быка, и вообще с этих пор траур снимался, вдова освобождалась; она могла выйти замуж; ее брал, обыкновенно, родственник умершего мужа; теперь срок выхода замуж для вдовы определяется по шариату.

11. Пока она в трауре, вдова должна жить в доме мужа. Если у нее есть дети, то она может всю жизнь оставаться с ними в их доме; даже если она бездетна и то по желанию может жить в доме мужа, если его родные порядочные люди. Наследники мужа должны содержать, защищать вдову, если с их согласия вдова осталась жить у них и по истечении срока траура.

12. При выходе девицы замуж — свадьба торжественная, а при выходе вдовы — менее торжественная; но существенной разницы между ними нет.

X. Отношения между супругами

а) Личные

1. Мужской пол считается выше женского.

2. Женщины всюду и везде должны оказывать почтение мужчинам. Женщина не садится при мужчине, уступает дорогу, отворачивается при встрече, скромно говорит с ним и т.д.

3. Жена во всем должна подчиняться мужу.

4. Если жена развратна, то муж имеет право убить ее; но родственники ее протестуют против этого. По адату такую жену должно

прогнать, а с виновника полагается обиженному мужу «барч» (3 лошади по 30 рублей каждая), и все-таки он редко может избегнуть пули или кинжала обиженного мужа. Если мою невесту взял (похитил) другой, то он платит за то мне 90 коров, а отец ее мне же еще 40 коров, и я едва успокаиваюсь; некоторые не удовольствуются таким имущественным наказанием и еще мстят убийством.

5. Жену за дурное дело можно бить ради исправительной цели, но не на улице — публично, а дома у себя.

Если муж застает жену в полюбовной связи, то прелюбодея убивает на месте, а ей отрезывает кончик носа (мягкую часть) и отпускает домой к отцу.

7. На самом деле не все жены послушны мужьям; фактически народ упрекает мужа за дурное обращение с женой, за незаслуженные побои и развод по прихоти; такие нравственные требования общества составляют противовес возможному злоупотреблению правом развода со стороны мужей.

8. Хуже всего бывает жене, если муж и другие (мать его) родственники не возлюбили ее и притесняют ее, придираются к ней; или если вся тяжесть хозяйства лежит на ней одной.

12. Иногда, хотя очень редко, случается, что жены командуют над мужьями, но это делается тайком от других жителей; иначе вся семья потеряет уважение общества и лишится почета, что невыгодно и для самой жены (и мужа).

14. Жена не должна учить мужа, а должна слушаться его.

15. Супруги в глаза называют друг друга по имени, а при других и при взрослых детях словами «эй!», «слышишь?» и т.п., а заочно: «отец детей», «муж», «он», «она», «мать детей».

17. Жена в замужестве сохраняет фамилию по отцу; но обыкновенно ее зовут уже не по фамилии, а по отчеству.

20. Муж может требовать ушедшую жену обратно, а жена мужа не может.

21. Муж сам может задержать жену в случае самовольной отлучки.

22. Если даже муж обижает жену, то старики по его требованию ему возвращают ее (уговаривают родителей ее), если только дело не доходит до безобразий, и если ей довольно сносно живется у мужа, хоть и плоховато.

23. Родители не обязаны вознаграждать мужа, приняв жену, ушедшую от него, за прогульные дни.

26. Жена, оставившая мужа, ничего ему не обязана уплачивать.

28. По адату муж может выгнать жену из дома своего и не содержать, но по шариату или обязан развестись или содержать.

29. Муж собственною властью может удалить жену из дома.

30. Жена не может требовать, чтобы муж непременно с нею жил; ее требование, хотя бы оно и было, ничем не гарантировано к исполнению. Если муж не позволяет жене жить у себя дома и в то же время не дает ей развода, то она и ее родственники имеют право требовать развода.

31. Если жен несколько, то развод случается чаще или легче, нежели при одной жене.

32. Если муж приказывает противозаконное по воззрениям народа, то жена вправе не исполнить приказания; во всем остальном она должна его слушаться.

33. За непослушание муж наказывает жену, гонит ее от себя прочь; ее уговаривают родные жить покорно.

34. Советы жены муж принимает во внимание, но сам имеет решающий голос и может действовать прямо наоборот.

35. Муж должен печься о жене; если он не исполняет своего долга, то родные его и старики увещевают его.

36. Если жена ушла по воле мужа, она все же не получает содержания (впрочем, по шариату может требовать содержания или развода); только детям полагается содержание.

37. Работы, лежащие на муже, следующие: он должен пахать, косить и исполнять прочие полевые работы; жена должна дома хозяйничать, молоть кукурузу, жать хлеб, рубить дрова, доить коров, бить масло, шить на всю семью, воду таскать, печь хлеб, готовить; дрова рубят и муж, и жена.

38. Мужу стыдно идти по улице с женщиной, доить коров, по воду ходить, шить, готовить и т.п.

39. За проступки жены отвечает муж; ее дела ведет он.

40. Даже за убийство, совершенное женою, наказывается муж; женщина у ингушей неприкосновенна и наказанию не подлежит.

41. Случаи нарушения супружеской верности очень редки. Случаи эти более возможны при раздельной жизни, народ к этому относится очень строго, что и сдерживает от этого.

43. Мужчина свободен в половых делах; лишь бы жена не баловалась и была честна,— это главное.

44. Неверную жену муж бьет и прогоняет к родным.

47. Муж должен убить прелюбодея, любовника жены.

48. За неверность муж жену сам прогоняет.

51. Мужа, который понапрасну увечит жену, все упрекают.

52. Старшие в фамилии увещевают младших не бить жен.

53. Истязания жен редки; но по глупости мужа все же бывают.

54. Убийство мужем жены, хотя и редко, но случается; но обратного не случалось; убивают неосторожным ударом палки в раздражении или кинжалом за неверность жены.

56. Жена, и бедная и богатая безразлично, подчиняется мужу.

57. Принятых зятьев не бывает.

58. Одни жены безропотно подчиняются своей участи, а другие убегают к родителям и жалуются окружному кадию (теперь), чтобы он решил по шариату.

59. В ссору мужа и жены (драку) вмешиваются старшие; отец, дядя — даже бьют мужа за его глупые ссоры.

60. Большею частью дела мужа и жены разбираются родственниками с обеих сторон (теперь разбирает и окружной кадий).

62. Жены хорошие терпеливо переносят много обид от мужа, чтобы народ не знал о «ссоре», чтобы не позорить дом; от жалобы отчасти удерживает и безрезультатность и возможность в будущем еще худшего.

64. Кадий наказывает мужа по шариату; прежде родные требовали или развода или мира.

68. При примирении муж обязуется не бить жену ни за что.

70. Жена не может ударить мужа.

71. Жалобы на мужа от общества не приносятся.

74. Жалоб мужей на жесткое обращение жен не бывает.

75. Мужья сами наказывают жен, но не жалуются на них.

79. Шариат, с одной стороны, русская администрация — с другой, были причиною изменения в отношениях супругов; теперь не так легко убить жену,— как бывало прежде; за это сошлют теперь, а прежде иногда сходило. В частной, интимной жизни, конечно, заметных изменений в отношениях супругов не произошло, но ныне поставлен предел произволу и указан путь к более гуманному обращению, ибо личность жены стала более неприкосновенной.

б) Имущественные

1. Раньше все женино имущество принадлежало мужу, а теперь по шариату приданое составляет ее собственность; ей принадлежат и подарки мужа. Считается, однако, до сих пор лучшим до

развода не отделять своего добра и считать его нераздельным общим имуществом.

7. Приданое бывает иногда меньше калыма, иногда больше. Приданое образуют сундуки, одеяла, матрацы, войлоки, подушки, посуда (медная с кувшином для воды, заказываемым заранее дагестанцу), черкеска, шуба, башлык (для подарков), одежда и пр., вообще все принадлежности горского хозяйства.

8. При выдаче калыма состояние жениха не принимается во внимание; калым для всех одинаковый; кто богат — сам его платит, а кто беден — с помощью родственников.

10. Более всего о приданом заботится мать, которая, конечно, больше всех любит дочь свою; родственники и от себя ей дарят для составления приданого разные вещи.

11. Приданое всегда состоит из движимого имущества.

12. Оно выдается без всяких условий; все поступают по адату, а следовательно исключительных условий не может быть.

14. Приданое отправляется впереди свадебного поезда; оно раньше оставалось после развода у мужа, а теперь возвращается.

16. Приданое поступает в общую собственность: муж им распоряжается, но при разводе обязан вернуть стоимость или приданое.

17. Муж распоряжается приданым без условий.

19. Скот, деньги и земля не даются в приданое.

21. По смерти жены приданое оставалось мужу, а теперь оно делится по шариату между наследниками.

22. Жених не делает невесте никаких подарков.

23. Подарки до свадьбы со стороны родственников остаются отдельною принадлежностью мужа или жены, смотря кто получил.

24. Все, что нажито женой,— собственность мужа.

27. Принадлежности костюма и туалета и прежде, и теперь составляли неприкосновенную собственность жены; но по ее смерти и это оставалось у мужа; теперь делится по шариату между родственниками.

29. Жена может для гостей резать скотину, продать недорогие вещи; может даже дарить скотину родным мужа, но не своим родным.

31. Жена шьет одежду всем; прежде вся одежда бывала из сукна (и даже белье), и приготовлялась женой на весь дом.

32. За оскорбление жены муж сам мстит обидчику.

33. Жена не ответственна по обязательствам мужа.

34. На более или менее крупные сделки, учиняемые женой, непременно требуется согласие мужа.

35. Муж обязан отвечать по жениным обязательствам.

36. Муж ведет дела жены без всякой доверенности, и жена может вести его дела (у кадия); прежде все дела разбирали родственники и почетные старики, приглашенные в качестве третейских судей, а теперь дела разбираются и в судах (окружных, мировых и горских), и у кадия (по шариату), и у администрации.

37. Теперь жена может унести добро свое, прежде не могла.

38. Между супругами никаких имущественных сделок не совершается.

40. Жена делает завещание своего добра (только теперь, конечно, ибо прежде ее добро оставалось мужу) и устно, и письменно.

XI. Отношения родителей и детей

а) Личные

1. Иметь детей считается большим счастьем, а неимение — несчастьем и наказанием Божиим; женщины в годичный праздник «Мятцели», совершающийся на Столовой горе ежегодно, просят с молитвою детей у этого святого «Мятцели».

2. Бесплодие объясняется природой; но временная неспособность мужа объясняется заговариванием (если кто во время отдачи залога, 3-го акта сватовства, завяжет узел); муж может прогнать жену бесплодную; и жена может по шариату и по жалобе начальству уйти от неспособного мужа; прежде не могла.

3. Жены идут на места святых (капища) во время празднеств, будучи уверены, что святые (Мятцели, Тушол и др.) не оставят их просьбы без последствий.

5. За неимением детей муж не предоставляет жену другому.

6. Плодоизгнание практикуется очень редко; для этого нет специальных женщин; чаще всего оно является не умышленным делом, а по причине тяжелой работы.

7. Мальчик как мужчина и продолжатель рода, считается более желательным, нежели девочка.

8. К невесте, когда она приходит в дом жениха, приводят маленького мальчика, и она его сажает к себе на колени, выражая тем самым желание иметь мальчика.

9. Мальчик явится наследником, хранителем всего отцовского добра, его имени, защитником семьи; он ценнее, дороже девочки.

10. Дети рождаются чаще всего в феврале и конце зимы и весною, ибо свадьбы и сношения с женой больше — весной и осенью.

11. Посты как время воздержания от плотских помыслов, конечно, влияют на рождение детей.

12. При рождении сына поздравляют родителей — супругов; и по адату и по шариату (хакикат) через 3 дня по рождении режут барана, собирают девушек для танцев; имя также дают на 3-й день рождения, причем собирались родные и бросали альчики — чей первый станет, тот и давал имя (теперь дает мулла); для девочки никакого торжества не устраивается.

13. Когда ребенок уже смеется, через несколько месяцев, только тогда отец берет его на руки.

14. Прежде считалось неловким спрашивать родителей о детях; теперь можно спрашивать (но только не о здоровье малолетних).

Ласкать своих детей, брать их на руки при других неприлично.

15. Совершеннолетние дети уже не повинуются матери (напротив, она их слушается), но отцу должны повиноваться до самой смерти.

16. 17. По адату даже за убийство сына отец не отвечает ни перед кем; конечно, он этим мог вооружить против себя родню и общество.

19. Отец волен в своих детях.

20. Незаконнорожденных детей обыкновенно мать старается удушить и похоронить тайком, чтобы никто не знал о том; это делается, если она не надеется выйти за виновника.

21. За убийство детей упрекают и отца, и мать. По убеждениям народа, на матери, убившей ребенка (и на всяком, делающем дурное),— преступление оставляет следы: — она портится лицом, становится безобразной; она и не в почете. Убить законного сына — большое преступление. И отец, убивший дитя свое,— потерянный человек перед Богом, обществом и родом.

22. За убийство детей и родных юридической ответственности нет; но зато это — больший позор и срам, нежели убийство постороннего.

23. О продаже детей или отдаче в заклад неизвестно ничего.

25. Отец может принуждать детей к браку и отдавать внаймы и убить их; он волен во всем.

26. По адату отец не мог лишить сына наследства, а по шариату имеет право.

27. Выгнать сына без его доли имущества из дому нельзя; в противном случае он может порезаться с отцом и с братьями, что нежелательно, и все стараются предотвратить это.

29. Сын до самой смерти слушается отца.

30. Случаев проституции дочери по настоянию родителей не бывает.

31. Жена (по адату) всецело переходит во власть мужа, родители ее не властны; однако, за убийство ее мужем они мстят.

32. Дочь-вдова подчиняется родительской власти наравне с дочерью-девушкой.

33. Отец распоряжается более сыновьями, а мать дочерьми; отец — взрослыми, а мать — малолетними.

34. Родители обязаны кормить, учить всему, женить детей.

35. При воспитании меры бывают строгие.

36. Достижения совершеннолетия не празднуют.

37. На грубое обращение родителей дети не могут жаловаться.

39. За детей вступаются их родственники.

40. Дети должны повиноваться (отцу) и кормить родителей в старости их.

41. На детей возлагается обязанность честно похоронить и поминать родителей (особенно на сына).

42. О времени, когда бы выбрасывали дети стариков-родителей, неспособных к работе,— не помнят.

44. Не было примера, чтобы дети не заботились о старых родителях.

45. Самым тяжелым убийством считается убийство отца и матери, менее тяжкое — убийство братьев и сестер; убить не чужого человека, хотя тоже тяжело, но легче, чем родного.

46. В случае непослушания детей или отказа в даче содержания родителям, на помощь является вся фамилия,— она принуждает детей исполнить свой долг.

47. Родители могут непослушных детей наказывать рукой, реже бить палкой; снимают иногда верхнюю одежду с детей на известный срок в наказание.

49. Иногда родители проклинают детей.

50. Но отречения от детей не бывает.

52. Суда у ингушей, кроме третейского, прежде не было; теперь жалуются на сыновей или своим почетным родственникам старшим, или старшине аула, который может их в наказание посадить на некоторое время.

53. Случаев исключения из общества за неповиновение родителям по приговору — не бывает.

56. Родители живут у того сына, который с ними лучше обращается.

58. С пасынком обращаются вообще хуже, нежели с родным сыном; хороший отчим, правда, его жалеет, но он у него все же живет не как сын родной; дети (пасынки) с хорошей мачехой иногда лучше обращаются, чем с родною матерью своею.

59. С течением времени родительская власть слабеет под влиянием шариата и более еще от воздействия русского начальства и законов (судов).

б) Имущественные

1. Только выделившиеся дети имеют имущество, отдельное от родителей.

2. И самый заработок сына остается родителям, пока сын не выделился.

4. Случаев отнятия отцом у сына завещанного ему дедом имущества не было.

8. Пока имущество нераздельно, ни отец и никто не может распоряжаться этим родовым имуществом без общего на то согласия всех родственников.

9. Выделенным имуществом сына отец уже не распоряжается.

10. Родители отвечают за убытки, причиненные детьми.

11. Отец ответствен и за убытки, причиненные его совершеннолетними детьми, если имущество нераздельное.

12. Отец обязан уплачивать долги неотделенных детей.

13. Случаев займа, купли-продажи между неотделенными сыновьями и отцом не может быть.

14. После беспотомственно умерших детей наследуют им их родители.

15. Подать у ингушей платят с «дыма» (5 человек образуют дым) по 1 рублю (на плоскости по 3 р.) в год; если дети выделены от отца, то и они участвуют с ним в уплате подати.

18. Неотделенные дети, не имея ничего своего, и не могут быть ответственными в долгах их отца.

20. Разделенные сыновья могут отказаться от уплаты долга отца, но обыкновенно они помогают отцу уплатить долг.

21. Мать не имеет права заключать крупных сделок без согласия мужа или, если его нет, родителей, а потому не может и задолжать.

Часть II. Ответы на «Программу для собирания народных юридических обычаев» Императорского Русского Географического общества. С.-Петербург, 1889 г.

I. Гражданское Право

1. Род, семья и наследство

6. Судьба соединяет человека с определенной женой.

Умирает человек холостым — по божьей воле; такие молодые люди взяты Богом и пойдут в рай. Жениться считается хорошим делом, ибо благодаря браку сохраняется род его, не прекращается,— остаются дети; гибель фамилии означает, что этот родоначальник становится хуже, падает, «худеет», опускается. Кроме того, дети будут совершать поминки, давать подаяния, и этим на том свете умерший будет питаться.

Не жениться считается несчастьем,— такие случаи редки. В сел. Кескем есть девушка в мужском костюме; когда она сидела, к ней явился дух (видение) и сказал, чтобы она была мужчиной, а он будет женщиной; она ходит с распущенными волосами; проводит время в обществе мужчин; зовут ее Бози Хачмиева. Она хорошо играет на балалайке. Один мужчина — Эса Арсашакович Мезиев в сел. Хашчееве ходит тоже с длинными волосами; он не женится и говорит, что кругом него караульщики и не пускают его жениться. Его считают знающимся с крещеными джинами. Во имя Бога если подать что-либо ему, он не примет. Он был очень религиозным; он тоже играл на балалайке. Эбрик Эгиева тоже была как мужчина; не выходила замуж, хотя была просватана. Она была «кома-цома» (гермафродит).

7. И хозяйственные расходы играют роль при браке, наряду с желанием иметь потомство.

При выборе невесты обращается внимание на род (благородство рода); но больше всего обращалось внимание на ее хозяйственные способности (рукоделие, работы); сильные фамилии брали жен от равных же. Слабые фамилии называются пеха karta jixi beха пах (жившие около плетня сильных); они считались прежде ниже высших, сильных фамилий. Старики из сильной фамилии 2-ю или 3-ю жену, когда они обессиливали, брали из слабой фамилии, «чтобы она укладывала их спать». За покровительство слабые фа-

милии несли работы сильным; это делалось не по обязанности, а как услуга, и не постоянно, а иногда, когда их собирали, угощали и отправляли на работу.

К покровителю Гайти Мальсагову в дом от покровительствуемых проведены были веревки, и когда бывало у них воровство, они тянули за веревку и звали на помощь к себе.

Они работали ему безвозмездно; но зато он их защищал от воров и похищенное в набегах на них возвращал.

В женихе ценились: хорошая фамилия, состоятельность, хорошее: оружие, хорошая лошадь.

16. Жену, оказавшуюся недевственной, муж прогоняет, говоря: «ты пришла с телом матери (женщиной), а не со своим». Плохой держал ее. Но если она признавалась мужу, кто ее испортил, и если это было сделано насильно, то ее муж оставляет, а виновника убивает.

Теперь нравственность, благодаря мусульманству, выше прежнего; тогда боялись только мести, а теперь и религия удерживает.

Прежде можно было жениться на мачехе, а теперь нет; женились и на снохах; но браки между родственниками тогда были реже, строже, нежели теперь; при женитьбе кого-либо все родственники несли подарки ему; самый отдаленный все же нес колечко из польского серебра.

21. Приданое справляют только на полученный калым, и кое-что родители давали.

22. По смерти жены вещи из приданого оставались мужу. Если умирал муж, то жена должна была выйти за кого-либо из родственников мужа— братьев (левират); если отец ее хотел выдать ее за другого, то должен был братьям мужа уплатить корову и 1 барана (10+1 руб.), если приданое было сделано на весь калым, а в противном случае и часть калыма, оставшегося у него по справлении приданого.

2–3 жены бывали у богатых и влиятельных лиц, для увеличения потомства; это считалось хорошим делом.

Жениться на 2-х сестрах разом нельзя; но по смерти одной — можно на другой; это хорошее дело, ради лучшего ухода за детьми и сохранения родства.

25. Убивать жену даже за измену было нельзя; или муж отрезал ей кончик носа и пускал ее и убивал любовника; или, если этого она не позволяла, отпускал, взяв по 3 лошади с родителей ее и с прелюбодея за бесчестье. Продавать жену нельзя было.

Бить можно жену, и никто за это не бранил мужа. Она убегала к родственникам, он опять приводил ее и т.д.; если муж не захочет, она не могла развестись (для этого она притворялась одержимой духами); но она могла найти человека храброго, который решился бы увезти и жениться на ней; похитителя или убивали, или требовали 50 коров за неверность от ее отца и 70 от похитителя. Случалось, что все 120 коров платил увезший и становился зятем.

Если муж заставал жену на месте преступления, то убивал обоих, хотя за это мстят ей и его родные.

Хорошие люди, родные ее, не скажут ничего за убийство такой жены.

Если жена мужа застанет с женщиной, то с виновницей она ссорится и охладевает к мужу, но открыто объявить об измене мужа другим она не может, боясь мужа.

38. Незаконнорожденных бывало мало. Мать указывала виновника ее ребенка; если тот признавал, то — его ребенок, а если нет, то ему ничего; если девица родила, то происходили из-за этого убийства.

Чаще всего она сама убивала своего ребенка. Если вдова, желая остаться в доме мужа и не имея детей, зазовет к себе родственника мужа и приживет ребенка, то это похвально; тот может и жениться на ней и не жениться, но ребенка признает своим. Старик отрицает, чтобы у ингушей оставались в живых незаконнорожденные.

Свадьба. Прежде на свадьбе играли на балалайке и скрипке, били в ладоши; не было зурны, гармоники. Пир был богаче; даже в одном селении и то свадебный поезд ночевал в доме невесты, чтобы пировать.

Перед выводом из родительского дома невесту водил за руку раза 3 самостоятельный зажиточный человек вокруг очага (зажиточный, чтобы он помогал ей), который бывал посредине комнаты, а подруги пели «Далай» и приговаривали (что,— старик не помнит). Тот же человек вводил ее и в дом жениха.

Женщины в доме невесты перебранивались в песнях с мужчинами из поезда жениха. Одна женщина говорит Ханки Хосиеву, мужчине: «Ханки Хасиев, не только твоя жена спит с чужим мужчиною, но и бедный Орык, зная, что его жена с чужим, и то ведь терпит и сидит с тобою».

Орык обижается, привскакивает, бранится с этой женщиной, спрашивает, откуда она знает; толпа смеется, видя, как он выходит из себя.

Прежде сам жених ездил за невестой, а теперь этого нет.

При выводе невесты, если жениха успевали поймать, то колотили; а если он успевал сесть на лошадь и ускакать, то мальчишки бросали каменья в него.

Он тоже ночевал у соседа невесты, и ему носили особое блюдо, наз. «блюдо зятя» (нейци-шу).

Жених ехал впереди или сзади невесты,— отдельно. Он скрывался и на 3-ю ночь ходил к невесте, живя у своего друга; друг его угощал; товарищи шли и с песней и стрельбой водили его к невесте; все расходились, а друг один караулил его дом.

Правильного бракосочетания не было. Жених посылал людей правдивых, стариков, спросить, согласны ли дать девушку; при согласии давали задаток, кто 20 баранов, кто лошадь, кто быка, кто заряд с пулей. После этого назначался срок, чтобы отец невесты с родственниками пришли в дом жениха; резали 2-х баранов и угощали; на другой день давали часть калыма (скотину); это называлось «jixim xel» (угощение сватовства); затем вторично их приглашали на «urdo xel» (угощение при получении калыма), и тогда резали 3 баранов, варили 2 котла араки, варили пиво и приглашали всех сельчан невесты, кто пожелает, и отдавали весь калым (18 коров), с зачетом взятого при первом угощении. Если отец невесты отказывался от этого угощения, то получал от отца жениха одного быка. Отец невесты справлял невесте все необходимое на 9 коров, а 9 коров оставлял себе. При взятии невесты отец жениха посылал скотину (2–3 барана) и араки на пирушку для угощения свадебного поезда. Подруги одевали невесту, плакали. Невеста вовсе не танцует. Ее никто из аула не сопровождает; посторонняя молодежь ходила на свадьбу; невеста делает подарки — чевяки, ноговицы и т.п. родственникам жениха.

50. *Опека.* Если умирал отец, то опека была у матери, когда она не выходила замуж; если же выходила за другого, то опекун — брат покойника.

51. Брат покойника берет все его наследство к себе, мешает со своим; сирот воспитывает, как своих, со своими детьми; когда они вырастут, то опекаемые получают все, что им оставил отец. Если опекун злоупотребляет, то братья матери детей заступаются через медиаторов.

Если нет дядей по отцу и других родственников по отцу, то опека переходит к дяде по матери, но ни в каком случае к отчиму.

56. За больными и расточителями наблюдают их родственники.

59. *Семейные выделы и разделы.* Выдел сыновей не обязателен; но если сыновья были нехорошие, не ладили с отцом, то выделяли их, как после женитьбы, так и до женитьбы. При выделе сыну дается одна сакля. Если дети требовали выдела и если отец рассердится, то себе брал равную долю с сыновьями; если же дележ был добровольный, мирный, то отец себе оставлял только оружие, собственное его, свою лошадь, корову и быка и землю в размере одного загона для посева (кукурузы и пр.) — ½ дес.; остальное делилось между сыновьями. Причинами разделов бывали: чересчур большое семейство, притом выделявшиеся женаты; когда не ладили сыновья; или когда 1 сын ленился, его отделяли, и он поневоле работал. Нераздельно в одном доме жили (и живут) даже внуки и правнуки; еще в прошлом году жили нераздельно 20 человек Тенкиевых. В общей кухне готовили старшие из женщин, в общем котле; мужчины жили особо, а женщины особо. Жили они в сел. Койрах, Мецхальского общества.

Род (вяр). Старшим у них был Тенк, а после Тенка сын его Парча, а после него (у него было 4 сына) старший сын Темирко. Они образовали особый «вяр» тайпы Корхоевых. Старшей женщиной была жена Темирко — Губи; она хорошая женщина; и сейчас она жива; благодаря ей, они все жили вместе. Она первоначально приготовляла всем пищу, заведовала домашним хозяйством, была в доме во всем распорядительницей. Местоевы жили в числе 40 человек на плоскости в сел. Бурсуковском. Отец — Муса, у него было 5 сыновей; у тех еще дети.

Бывали случаи, что разделившиеся родственники вновь соединяются, надеясь, что бедному члену сообща работать будет легче, будет обеспечение. Родовые участки делятся поровну между членами семьи, а благоприобретенные остаются у приобретшего; девушки при разделах ничего не получают; но по замужестве сын ее получал одну лошадь «jesi behi barč» (для племянника подарок); когда сестра умрет, то братья обязаны ее хоронить, это наз. «dezen merчi» (из отцовского дома саван), на 20 р. материи купить; когда умрет зять их, то они обязаны купить на похороны быка (в 20 р.); это наз. «nejцi merчi», т.е. саван зятя.

62. При дележе бросают жребий,— и при дележе дома и земли (из уважения старшему брату уступают иногда комнату главы дома).

64. На дележи народ смотрит неодобрительно; большое счастье, если они живут в согласии; если они ссорятся, то «скорее

нужно разделить»; только недоброжелатели удерживают не ладящих от дележа, пока все не перессорятся.

65. Родовая башня и большие родовые котлы (можно сварить 2–3 быка) остаются в общем владении у каждого «вяра» (у вяра своя башня и котел).

66. Разделы постоянно производят почетные старики, знающие адаты.

67. Если сын требует выдела (даже холостой), то отец даже при нежелании выделяет его; если отец не давал ничего сыну, то происходили убийства отца, сына, брата.

74. Отобрать надел сына отец не может. Если выдела требует 1 сын, то делят все на равные доли; ему его долю отдают, а прочие доли остаются нераздельными.

Жеребьи — из палочек; делает каждый свои метки, кладет в папаху, и посторонний вынимает; у кого выйдет первый, тот берет любую часть, и т.д.

Если отец захочет, то берет свою равную часть. По его смерти ее делят между неотделившимися сыновьями; если в похоронах его примут участие и отделившиеся, то и они получают долю от доли отца.

75. Если отец довольствуется при разделе ½ дес. земли и оружия, то его должны кормить сыновья по очереди.

Если дом мал и сакель не хватает всем сыновьям, то всё оценивают, и за свои доли получают скотом или деньгами (чаще дом остается отцу и старшему сыну).

76. Дом, пока отец жив, находится в его распоряжении (непременно 1 сакля); только отцу делается уважение и дается сакля; а другие сакли делятся по жребию.

77. *Наследство.* Сыновья по смерти отца получают равные доли. Дочери ничего не получают; мать получает корову; она живет у лучшего сына. Сестер братья должны содержать при матери; а если и мать умрет, то они переходят к лучшему брату; он на свой счет и содержит их; их содержать не тяжело, ибо они работой приносят пользу брату, помимо того сукнами и прочим они достают себе средства к жизни.

78. Если умерли отец и мать, и остались дочери, то наследство переходит к ближнему родственнику по отцу; и дочери переходят под его покровительство; если нет ближних родственников (дядя, двоюродный брат), то дочери делят имущество между собой.

По смерти жены ее добро переходит к мужу; если мать и отец умрут, то и ее добро переходит к сыновьям; но если сыновья хорошие люди, то принадлежности женского костюма отдают сестрам.

82. Если нет мужского потомства, ближайшее право на наследство имеет дядя по отцу (брат умершего); если он не желает принять дочерей под свое покровительство, то их берет со всем имуществом брат матери (дядя по матери); вообще, если принимает их под покровительство фамильный брат («taipa was»), то они не имеют права идти к другим. Если нет наследников, то наследство переходит к родственникам (дяде, племяннику, братьям и т.д.); ближайший родственник в таком случае исключает дальнейших.

86. *Завещание.* Лишить доли наследства сына нельзя, раз он принимает участие в похоронах; если не принимает, то из доли отца такой отделившийся сын ничего не получает. Лишить одного и завещать другому нельзя. Если сыновья не разделились, то хоронят отца на общий счет. Умирая, отец просит, чтобы они похоронили его, как им заблагорассудится, и как имущество позволит, так, чтобы другие не смеялись над его похоронами.

2. Владение и собственность

Пастбищные места были общими; не делились. Горою Мятты (Столовая) владеют три селения: Бейни, Фалхан, Мецхал. Это место могут продать (сдать в аренду) только все 3 селения с общего согласия.

Таргим, Эги и Хамки имеют общий выгон Тержти (terzti), отобранный войной у Пхей (пшавы-хевсуры, христиане, Тионетского уезда); они же брали дань с Цори и Хули, ибо были сильнее.

100. Знаки собственности бывали на скотине: отрезали концы уха; вырезали клин. Других знаков не было; на лошадях тавро не было.

102. Разграничение земель (тайп).

Границы земель проводили, поставив камни, называемые «ардырж», на расстоянии 1/2–1 версты; так отделяют земли одной тайпы от другой; при этом выносят из «zu» (святилища): значки, флаги, и выговаривают: «кто сдвинет камни эти, тот пусть будет проклят; пусть беда его преследует со всем потомством; пусть всегда беда его преследует». Эти камни берутся от «zu»; камни

эти священны и неприкосновенны. Кто ставил камни, тот божился: «Божусь высшим богом и высокоуважаемым "zu" божусь, что я ставлю эти ардырж на своей земле» При дележе в горах, где нельзя мерить, там мерят на глазомер; поэтому одному доставалось мало, другому много; потому-то кидали жребий, говоря: «кто обижает жребий, того и Бог обидит». И мать иногда достается по жребию одному из сыновей. На этих границах (при разделах) тоже становятся ардырж, но камни простые без выноса значков.

Камни из «zu» берут так. Обе спорящие стороны (представители тайпы) кидают жребий, кому из них принести камни от «zu», и кому поставить на границе; случается, что другая сторона отказывается принять камни от первой, и тогда первая бросает их и кидается на вторую с оружием,— происходит свалка.

Меры. Меры прежние: сукна, материи мерили локтем; землю мерили палкой, колом неопределенной длины; обхват (nhагыт) был обыкновенной мерой (теперь сажень). Весов и мер веса вовсе не было; продавали поштучно. Меры сыпучих были: 1) самая большая «модзыл», немного больше меры (20 модзыл = 24 меры); 2) «герд» — 2 герда составляли 1 модзыл; 3) «sah» = 5 пригоршней (около 10 в одном модзыле).

108. *Находка.*

Находку присваивали. Находку нашедшие делят пополам. Хозяин мог назначить подозреваемому в находке вещи присягу на «zu», что кто-либо не нашел его вещи (если тот сбыл); тот боялся и возвращал.

Присяга с собакою.

Один совершает преступление, а другой подозревает его и просит первого очистить себя присягой от «zu» и от могил покойников. Для этого обвиняемый должен найти собаку; эту собаку держит на могиле жена обвиняемого; обвинитель произносит речь, обращаясь к жене подозреваемого (ибо жена должна знать, что сделал муж): — «Если ты, зная, кто совершил убийство или воровство, скрываешь, то пусть эта собака будет в пищу твоим покойникам» и убивал собаку. Затем, убив собаку, кровью ее обрызгивают рубашку женщины.

Присяга у кладбища.

Собаку эту убивают, не доходя кладбища, на дороге (она осквернит «zu» и кладбище, а потому ее не водят туда). Женщину после убиения собаки отпускали домой. Хотя редко, но после этого

участники воровства доказывали, что в воровстве участвовал и подозреваемый. Сама жена редко доказывала. Затем они направлялись на кладбище. Подозреваемого водили 3 раза вокруг могилы его отца или родственника и приговаривали: «если ты украл, то пусть все твои предки стоят под моими предками, и чтобы и ты стоял подо мной (подчинялся); а если ты невиновен, то пусть тебя Бог оправдает (простит)». На «zu» ходили присягать с 5 присяжниками со стороны подозреваемого раньше убиения собаки. Подозревающий говорит: «Если ты украл, то пусть Бог и святой “zu” тебя накажут»,— тот отвечал, что он клянется, что не украл; присягнувшие подтверждали это. Родственники убеждали лучше сознаться, обещаясь помочь. Затем, смотря по важности дела, медиаторы судили.

Суд медиаторов (хелäхój — определяющие, решающие). Суд медиаторов был единственный суд в древности. Судьи были строги. Собирались они около «zu», в ограде его (не в самом «zu»). Затем они принимали присягу (божились высшим Богом и «zu»), что будут судить по совести; не будут держать сторону чью-либо, будь они родственники или чужие; и не из корыстных целей; или, боясь мести кого-либо; что они постановят то, что следует по адату предков и по своему уму, дарованному Богом. Из того места, где произносилась эта присяга, все люди (пастухи и др.) уходили, угоняли стадо, из боязни, как бы присяга не оказалась ложною и как бы доля греха присягающего не пала и на них. Число судей зависит от важности дела, от 2 до 5 человек. Они выбирались из лиц, известных в обществе знанием дела; они назывались всегда «общественными судьями» (mexke xela xoj). Выбирали их обе стороны поровну. Если их было избрано 4, то 5-го приглашали сами четыре медиатора. Этот 5-й заставляет присягать как 4-х медиаторов, так и стороны.

Присяга у «zu» судьям.

Стороны присягали, что они поступят по решению медиаторов. Они говорили: «Клянусь высшим Богом и почитаемым “zu”, что вы сделаете тяжелого, мы возьмем на спину; что вы сделаете легкого, то возьмем в руки; останемся довольны решением вашим, как бы вы ни решили». Стороны присягали сейчас же за медиаторами перед разбором дела.

Если в число судей оказывались выбранными родственники, то противная сторона могла устранить их (отвод); если сторона была во вражде с судьей, то могла отвести его.

Вознаграждения судьям не было; это почетная должность; было лишь угощение их выигравшей стороны. 5-й медиатор был председателем, распоряжался на суде. Он всегда мог засвидетельствовать, что присяга была принята и все формальности соблюдены (при надобности). Если он находил, что судьи судят неправильно, то мог переменить судей; он не носит особенного звания. До произнесения приговора ему 4-е судьи докладывали, и он говорил, что это дело решено правильно, угодно Богу, и к выгоде всего общества, или неправильно.

Суд не мог быть в день Тушол, «zu», Мятцель и в другие торжественные дни; все были заняты в это время питьем араки, пировали.

Решение дела в «zu».

В «zu» решали дело, когда этого просили обе стороны и дела важные, щекотливые, которые никак нельзя было кончить.

Обыкновенные дела решались под открытым небом (и зимой) при этом был караульщик, чтобы никого не допустить подслушивать. Суды были негласные. Если бывали чересчур большие холода, то ходили в другие селения и там судили в необитаемом доме, назначив срок.

Решение при важных делах тянулось иногда до 2-х суток, только ночью отдыхали. Дела решали по адату (народ не знает, кем установлены адаты, и они неизменны).

Свидетели были редки, из боязни мести; и родственники допускались в свидетели, но подвергались предварительной присяге. Они присягали вместе с присяжниками. Свидетель присягал, что говорит правду; и присягавшие подтверждали, что свидетель говорит правду (они говорят со слов свидетеля, веря ему).

Соприсяжники называются duxoj (ду — присяга). Соприсяжников выбирает присягающий из всех безразлично (а теперь 9 родственников и 9 чужих).

При проведении границ земель, для подтверждения, что такой-то отводит свой участок, было 18 присягавших; при кровных делах тоже 18; могли быть родственники и неродственники. При кражах было 5 присягавших (представляла обвиняемая сторона) родственников и неродственников без различия; одиноких, бездомных, принявших когда-либо ложную присягу не допускали (воры допускались, ибо тогда было сильное воровство, конечно, на стороне; они въезжали в аул, возвращаясь с набега, со стрельбою) ни в свидетели, ни в присяжники; таких свидетелей могли и

отводить. По взаимному согласию, решение обходилось и без присяги. Давали и поголовную присягу, и один подозреваемый присягал (без присяжников); если он принимал присягу, то оправдывался (с. 373–380).

Свидетелей допрашивают все судьи, говоря: «смотри, не греши; чего не знаешь, не говори; ты своим показанием поселяешь вражду между тяжущимися».

Жители не допускались в суд при решении дела; присягавшие и свидетели присутствовали только при допросе, затем удалялись. Разобрав дело, судьи объявляли решение всенародно после пирушки (резали баранов, приносили араку), устроенной на счет обеих сторон по очереди.

Недовольному решением судьи говорили: «поведи нас к “zu”, (угости нас); мы должны сесть спиной к “zu” и тогда мы уверим тебя в этом» (в правильности решения). Если он резал баранов, то они ходили вторично к «zu» и присягали в том, что они не держали ничьей стороны и решили дело по совести. Это значит, что решение должно быть утверждено. Стороны должны были обязательно подчиниться решению. До разбора дела судьи с поручителей (число поручителей из родственников при небольших делах по 1, при важных по 2) брали слово, что они заставят стороны исполнить решение; поручители обязывались заменить плохую скотину хорошей, если тот, с кого присуждено, давал плохую. Решение должно быть единогласное; случалось, что судьи перессорятся и разойдутся, и тогда новый состав суда решал дело.

Нежелавший подчиниться решению суда запирался в башне и стрелял в человека или скотину другой стороны. Неподчинение приговору бывало очень редко; сильные только совершали насилие над слабыми, ибо лишь родственники принимали участие; и другие тайпы заставляли исполнить приговор, хотя осторожно, чтобы не столкнуться. Суды были строже теперешних; тысячи случаев бывало что признавались, чтобы не принять ложной присяги.

Перерешить дело после данной присяги «zu», подчиниться решению нельзя было. Если не присягали, то можно было перерешить; «zu» почитали весьма высоко, свято; они боялись, что «zu» и Бог сейчас разорят их за ложную присягу.

Суда родственников не было. Медиаторский суд был единственным. Этот суд существует и теперь, только присягу принимают на Коране. Заочного решения не было.

Ответчика должен вызвать в суд истец.

Отказаться от явки на суд, значит сказать: «я украл, и тебя за человека не считаю». За это его могут убить родственники истца.

Если нет виновника, то заставляют присягать подозреваемого.

Доказчики являются тайком и доказывают истцу о виновнике за вознаграждение, а истец уже дает присягу на суде, что к нему явился доказчик, сказал то-то и он ему заплатил то-то.

Имя доказчика скрывается. Истец дает присягу доказчику, что он его ни за что не откроет.

Слова доказчика давали только ход делу, но на решение судей не имели влияния.

Срок исполнения судебного решения назначался, смотря по важности взыскания; иногда назначали срок взыскания 1 год; известная доля взыскивалась сразу, а остальная часть в течение срока по частям, в рассрочку.

По всем делам стороны являлись на суд сами; но за женщину ходили муж, сын или ближайшие родственники.

При уважительных причинах (старость, дети) могли вести дело через поручителей (dej).

Кто-нибудь говорит, что он ручается за такого-то и уверен, что он не будет иметь претензии за то, что он поручился.

Поличное не приносили в суд; но при уплате обиженному платилось, кроме стоимости, еще и за бесчестие двора «исхо deri» (бык и шелковая материя, 3 арш.). Обвязывают скотине рога, как чалмой; быка гнали впереди после суда.

При подозрении в убийстве, когда подозреваемый уклонялся от обвинения в убийстве, не признавая обвинения, тогда обвинитель требовал от него «кайры», т.е. он должен был отдать в его распоряжение одного человека, сына или брата или ближнего родственника; затем с обеих сторон были собраны родственники для нападения друг на друга. Если обвинитель действительно убежден был в виновности подозреваемого, то он убивал «кайры», а если не был убежден, то отпускал его невредимым.

Если убивали «кайры», и отец кайры не виноват, то он с родственниками нападали тотчас же на другую сторону и происходила резня. Если же отец «кайры» действительно был виновен, то брал труп убитого сына и уходил.

Медиаторский суд и теперь в ходу; народ охотнее обращается к нему; особенно в делах о поранениях (если старшина не составил

протокола раньше). Горским судом ингуши довольны. Вообще же судов не любят.

Мировой суд не будет иметь значения, ибо присяги нет.

Клад. Клад принадлежит тому, кто владеет землею. Нашедшему дается та часть, которую определят медиаторы.

3. Договоры и обязательства

144. Сделка (купля-продажа) считается законченной после рукобития. Других обрядов нет. Узду передавали после рукобития. При продаже должен быть свидетель; если его не было, то говорили: «пусть Мятцели (или другой святой) будет свидетелем».

145. Договор действителен даже при несовершеннолетии стороны; из-за этого происходили семейные ссоры и разделы, ибо отец бывал против таких самовольных детей.

Если было всем известно, что продавец полоумный, то продажа недействительна.

146. Никогда в горах не случалось покупки целым обществом (тайпой) у другого общества. На плоскости, с приходом русских, это делается по общественным приговорам.

150. Поручитель (ötta-da-ga) давал слово, что уговор будет выполнен, даже обещал заплатить сам.

151. Когда нанимали работника, то все ему хозяин вперед уплачивал; если часть не доплатил, и работник умрет, то оставшаяся часть считалась кровной платой и отдавалась родственникам его; если работник болел, то он это число дней дорабатывал; если он уходил до срока, то возвращал все недоработанное.

Задатки давались только невестам, когда их сватали, и это называлось «карл-оцым» (при других договорах этого не было). Это не считалось в счет калыма; один заряд пороху и пуля заменяли его. Если отец после задатка отдавал дочь другому, то с отца и увезшего взыскивалось по 45 коров.

157. Неисполнение договора не влекло никаких последствий; когда состоится рукобитие и сказано «покупка наша нерушима», и если впоследствии кто-либо будет давать ему больше, то между ними происходит спор и присяга, что не говорил слова «ненарушимо»; если хозяин примет присягу, то может продать другому.

160. Отец семейства может подарить (до раздела с сыновьями, и если не родовая собственность) кому угодно и движимость, и

недвижимость (землю). У целой тайпы бывало 2 горных загона общих, связывающих пашни (цыха діта) — братство однофамильцев; и эти загоны нельзя отчуждать. У «вяра» общее имущество составляет котел; все недвижимое имущество «вяр» делил между своими членами раз навсегда, по числу сыновей, образующих «вяр» и родившихся от родоначальника «вяра».

Только «вяры», выселившиеся на плоскость, оставили свои земли в горах, и они нераздельны, находятся в общем достоянии. Имение родовое делится по числу вяров; а вяры уже делят между своими членами (если живут в горах на этой земле). Из общего имущества дарить ничего нельзя.

Торжественные дарения со стороны родственников происходят: когда человек умрет и когда человек женится; когда уплачивает кровную плату, за поранение и при прочей плате. Нельзя дарить жену.

165. Перебиванье вещи у покупателя обычаем допускается, но это иногда доводило дело до кинжала.

На запрос цены не обижаются; всякий хотел сбыть товар дороже. Если же кто-нибудь продавал скотину порченную, то привлекали его к присяге, что он продал вещь не порченную. Барышника, торговца, если он не приносит пользы (честной торговлей) обществу, не любят.

166. Продажа имущества с целью, чтобы его кормили до смерти, не случалась.

168. Купля-продажа — устная, при 1 свидетеле.

170. Договор купли-продажи считается действительным с момента рукобития.

172. Задаток при покупке не принято давать.

174. Обман, умолчание о недостатках, ведут к присяге; иначе должен взять вещь назад.

175. Хозяин вещи может безвозмездно взять свою вещь у лица, которому другой продал; потом уже купившее лицо может требовать вознаграждение у продавшего ему вещь.

176. *Выкуп родовой.* Бывали случаи, что за известную плату продавалось родовое имение (доля, доставшаяся лицу), с условием, когда у него будут деньги, чтобы приобретатель вернул ему обратно. Даже дети его имели право выкупить это родовое имущество. Срок для выкупа бывает определенный и неопределенный; если просрочит, то могут оставить, но во избежание кровопролитий всегда возвращается.

177. Мена сенокосных и пашенных участков и домов случается часто (из желания поселиться около родных).

178. Аренда земли бывает; мельницы, скотину для работы — тоже нанимают; наем домов бывает только со стороны пришлого люда — армян, тавлинцев и пр. Землю арендуют только на условиях дачи хозяину ½; если плохое место, то хозяину ⅓ часть. За наем комнаты платят 3–5 рублей (дороже с дровами). Платят по соглашению обоюдному — в начале найма или в конце.

При найме работника, который мог «из Датыха соль привезти», платили 12 рублей (теперь 80 р. в год или 12 овец); кроме того, одну черкеску, одни шаровары из сукна азиатского и одно сукно (носили прежде вместо бурки). Женщина работала только поденно; ей давали за день кожу бычачью на одни чевяки или 1 герд хлебного зерна (ржи); мужчина поденщик то же самое получал. Хороший косарь и хорошая жница ценятся наравне.

186. Быка давали в ссуду за 20 к. в сутки (лошади не работали прежде); теперь пара быков стоит 1 р. 20 к. в день. В горах плуга не было; была соха; за железный наконечник платили 40 к.

189. В поклажу, на сохранение, вещи оставляют у знакомого, но ничего не платят за это.

191. Займы совершаются у ростовщиков за 5 коп. с рубля в месяц (60% в год). Взаймы дают хлеб с условием возврата хлеба того же качества, но на ½ меры больше. Долги уплачивают часто работой, хлебом. Займы бывают срочные и бессрочные, первые чаще.

192. Ростовщик (jola axштelnax — дающий на проценты деньги) чаще берет залог в обеспечение долга; но продажа залога по просрочке не случается из боязни ссоры. При займе поручительство (ötten-da) обязательно.

193. Без процентов тоже дают взаймы.

Проценты иногда получаются вперед. Считается вообще грехом брать проценты; и прежде и теперь.

199. Редко бывает, что забирают вещь в обеспечение займа; из-за займа бывают убийства.

200. Срок найма был максимум 1 год; если работнику нравилось, то он оставался и дольше.

201. Рабочий считался членом семейства, обедал, ел вместе с хозяевами.

203. Личный наем обязателен только для договорившихся; не обязателен для потомства.

204. Подрядов прежде не было; теперь есть подряды, перевозки, доставка сена, работы и пр.

209. Хозяину мельницы платили по 3 пригоршни и 1 полупригоршни муки с вьюка ишака за помол. Мельника прежде не нанимали; теперь нанимают. Жнецов нанимают теперь с уплатой ⅓ части за жатву, молотьбу и уборку хлеба; прежде не было много хлеба, и нанимать жнецов не приходилось: помогали родственники.

210. Пастуха нанимало целое селение вместе, сколько бы тайп там ни было. Нанимали пастуха весною до осетинского праздника *ђорыг-баj* (джорых-бай); с каждой головы ему платили по sah зерна; (без различия скотины); а если пропадала скотина, то пастух платил по ее стоимости.

Платят пастуху спустя месяц после его найма; он начинал тогда собирать свои cahi.

Наем происходил так: пастух приходил к кому-нибудь и заявлял, что он хочет наняться на работу; тот во всеуслышание звал собраться к нему во двор dct[для найма пастуха; собирались и нанимали при 4-х поручителях: 2 со стороны пастуха и 2 со стороны жителей; при невыполнении условия поручители должны исполнить сами. Эти поручители называются *«hulteш»* (ультеш).

215. Пахали прежде на 2-х быках; возили на ишаках.

217. Артелей не было и нет.

Сход. Сход общества прежде можно было созвать или заинтересованному или почетному лицу за другого; собирали сход в делах кровных, о поранениях, об увозе чужой невесты и т.п.[1*]

II. О преступлении

2. Преступлением считается: убийство, поранение, засада, нападение дневное и ночное, ограбление, поджоги, подрезывание жил у скотины, изувечение скота и лошадей, как то: острижение хвоста и гривы, отрезание верхней губы и т.п., обман, воровство, конокрадство, мужеложство, скотоложство, растление, присвоение чужого имущества и т.д.

Наказания же по этим делам полагались натуральные, имущественные.

Преступление называется «злым делом» (*wuhama lilo sag* — человек, занимающийся нехорошим делом).

3. Грех наз. «qa»; грешное дело наз. *«qadan hamazic»*. Грехи: принятие ложной присяги; богохульство и т.п. Сумасшедшие, пьяные и малолетние тоже могут совершить преступление, но им не мстят, снисходят; отвечают за них их родственники.

Ham (*ham) — было прежде (теперь уже нет) религиозное преступление.

4. Похищение жены считается тяжелее убийства отца, сына; это потому, что оно встречается очень редко, а убийства часто встречаются. Если похитят жену, то весь род должен умереть и отомстить.

Изнасилование тоже — самое тяжкое преступление; влечет месть; убийство — слабее.

Различаются кражи с «разрушением» и без этого. За 1-е берется лишнее — бык и кусок белой материи, за оскорбление двора — «карта котам».

За убийство отца сын ничего не платит, не отвечает; но общество его не принимает, сторонится. Пословица — могчу дау — сильный и могучий человек убивает и своего отца (и на отца рука поднимается).

6. Общество упрекает за отцеубийство; за святотатство; за убийство и ограбление хозяином гостя,— это называется не убить, а *«haша тіша болхбыр»* — гостя завести, обнадежить гостя и, уверив, убить.

При споре общества с другим, говорят — «у вас было убийство гостя, а у нас нет». У ингушей — это тяжкое преступление редко, в Чечне чаще.

Покушение считается преступлением, но не важным; за выстрел — платят лошадь; теперь несут барана и идут мириться.

Укрыватели убийц и воров тоже платят известную плату.

Подговорщики платят тоже; им и мстят.

Доказчики пользуются самой низкой репутацией, их и людьми не считают; всякий старается при удобном случае убить доказчика, как всеобщего врага, могущего завтра и на другого доказать. Молодежь пьет и говорит: «Дай Бог нам 2 раза не умереть» (т.е. быть доказчиком, ибо доказать — значит умереть раз, унизиться).

7. Кроме уплаты коров, баранов и пр., других наказаний нет по адату.

Воров пытали на костре, чтобы они выдали товарищей.

Преступления мужчин и женщин — безразличны.

8. Наказание называется теперь наказанием; кровная плата называется: «*helьm» — часть в 12 коров, или 310 р.; вся кровная плата называется *«nha»* — 130 коров.

9. Наказанному поможет родня его, но не общество. Ссылка и проч. часто исправляют преступников.

Самое сильное наказание — кровная плата; легчайшее — баран или кувшин араки (50 к.) при ссоре виновный ставит для мира; они берут в руки и говорят: «Ради Бога и Магомета при этих стариках я прощаю тебе то, что ты говорил». Тот тоже говорит, и приговаривают: «пусть тебя Бог простит».

10. Есть колдуны, которые говорят такие заговоры, что они даже превращаются в кошек и ходят.

11. Мирятся часто; и по всем преступлениям. При большом преступлении (несколько убийств), где трудно разобрать, кто прав, кто виноват, начальство само просит покончить миром во избежание дальнейших преступлений. Общество приглашает не только всех ингушей, чеченцев, но и влиятельных осетин, кабардинцев и др., и примиряют их как-нибудь.

Кровную плату 12 коров платят до примирения (это гарантия в том, что и примирение будет, если они взяты); затем дают и остальных коров до 130. Делают угощение; братаются, положивши серебряные рубли в молоко; но все эти деньги (рублей 30) берут родственники убитого; убийца сосет грудь жены или матери убитого или жены его брата и пр.

Мстят часто, всегда до примирения. После примирения они делаются родственниками и не мстят.

III. О наказании

1. За отцеубийство сын ничем не ответствует; только всякий от него убегает, говоря, что он убил отца своего, поэтому он ни перед каким преступлением не остановится.

2. Родственника, убившего своего родственника, остальные родственники изгоняли из своей среды.

3. Родственники не имеют права силой удалить его, но предлагают ему удалиться добровольно; но если на это он не согласится, все остальные родственники проявляют к нему вражду и никто не встречается с ним.

4. Родственники, которые были уличены в воровстве у своих родственников, не подвергались изгнанию, но только остальные

родственники принуждали уличенного во что бы то ни стало примириться с потерпевшим родственником.

7. Жена, нарушившая супружескую верность, подвергалась изгнанию с отрезанием носа; если же муж не успеет отрубить носа, то с родственников жены взыскивалось в пользу мужа 3 лошади. Эти 3 лошади называются «3 барч», одна в 6 коров, одна в 8 коров и одна в 10 коров; и с нарушителя взыскивается то же самое.

8. Жена, нарушившая супружескую верность, ни за какие деньги не могла оставаться в доме мужа.

9. На виновного в изнасиловании и в покушении на это налагается взыскание тоже «3 барч», т.е., как сказано выше в 7 п., 3 лошади.

10. За убийство налагается кровная плата, а за поранение обычное примирение, но с уплатой за оскорбление.

11. Переход из одной веры в другую карается всеобщею ненавистью; говорят: «он изменил веру, и поэтому он изменит во всем и всякому». За кощунство и святотатство — то же самое.

12. Оскорблением могилы считается порушение памятника, снятие с покойника савана и т.п.

13. За оскорбление могилы с виновных взыскивается 10 коров, и «усть-дяри», т.е. кусок шелковой материи.

14. Колдовство считается самым гнусным и худым делом.

15. За ложную присягу наказания не было, но всякий избегал встречи с ним, говоря, что он ложно-присягавший.

17. За отсечение руки и ноги взыскивается 30 коров; за отсечение носа и уха и выкалывание глаз 50 коров; причем если отсечена правая рука, нога, ухо и глаз, сверх этой платы взыскивалась еще лошадь.

18. За отсечение пальцев на руках и ногах — 30 коров; за вышиб зуба — корова и овца; за повреждение губ и бровей — один котел араки и баран на угощение при примирении.

19. Плата за раны соображается, смотря по величине раны и в какой части тела нанесены раны; измерение ран производит доктор, который и лечит рану.

20. За оскорбление гостя посторонним лицом взыскивается от 10 до 12 коров и «усть-дяри», т.е. бык и кусок шелковой материи, и это получал сам гость.

21. За вторжение в чужой дом без разрешения хозяина, если он перешел столбы в комнате (в саклях бывали столбы для поддержания мостков), взыскивается от 10 до 12 коров и усть-дяры.

22. За прикосновение к телу или платью замужней женщины взыскивается 3 барчь, т.е. три лошади в 6–8–10 коров каждая, а девушки — один барчь, т.е. 1 лошадь в 10 коров.

23. При словесных обидах, нанесенных при свидетелях и носящих характер обвинения, почетные старики стараются во что бы то ни стало примирить обидчика с обиженным; при неудаче примирить иногда дело кончается кровопролитием.

24. За простой увоз девушки взыскивается обыкновенный калым в 18 коров и, кроме того, за обиду — лошадь, несколько баранов и 3 р. на араку для угощения.

За похищение чужой жены взыскивается в пользу мужа с похитителя и с отца его по 50 коров.

За растление взыскивается 3 барч (3 лошади в 6–8–10 коров каждая).

25. За скотоложство взыскивались в пользу хозяина 5 рублей.

26. За кражу коня взыскивались 30 коров и конь; за быка — сам бык и еще 3 быка; за корову корова и 3 коровы; за кочкар — кочкар и 15 овец; за овцу — овца и 7 овец, за пчел — улей и 7 ульев.

27. За воровство у чужеродца или у своего родича ответственность одинаковая.

[На этом пункте «Материалов» Б.К.Далгата завершается систематика репрезентативных текстов, непосредственно соотносимых с указанной Программой. Раздел I «О преступлениях» представляет совокупность вопросов, исходящих не только из «Программы Русского географического общества» 1889 г. (глава II — Уголовное право, глава III — Судопроизводство), но содержание и отдельных пунктов (32. «О преступлениях», 33. «О наказаниях») Юридической программы 1887 г. Интеррогативный перечень составлен, кроме того, на основе методики и осмысления живого этнографического материала, которым располагал лично Б.К.Далгат].

Записано со слов Ахмед-Хаджи Бачикова и Газбыка Газиевича Хабиева. Первый старик — хаджи. Компетентность источника весьма высокая и не вызывает сомнений*.

---

* Это пояснение Б.К.Далгата ко всему записанному им материалу, сделанное в конце его рукописи на с. 136.

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1*] Бершадский С.А. родился в 1850 г. в г. Брянске. Преподаватель Императорского С.-Петербургского Университета, где читал лекции по истории философии права. Экстраординарный профессор по кафедре энциклопедии права и истории философии права, магистр государственного права. В 1883 г. защитил диссертацию «Литовские евреи, история их юридического и общественного быта» (См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета 1869–1894. Том первый А.— Л. СПб., 1896. С. 48–49).

[2*] Дювернуа Н.Л. родился в Москве в 1836 г. В 1881 г. приглашен в С.-Петербургский Университет на кафедру гражданского права. Известные его работы — «Значение римского права для русских юристов», Ярославль, 1872, «Из курса лекций по русскому гражданскому праву». СПб., 1889. В СПб. Университете в 1891–1893 гг. являлся преподавателем римского права (см.: Биографический словарь... С. 241).

[3*] Здесь цитировано из след. источника: Сэр Генри Сомнер Мэн. Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права. М., 1884. С. 180.

[4*] Здесь цитировано из след. источника: Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 52.

[5*] Понятия «генетическая социология» или «история развития общественных форм», которыми оперирует Б.Далгат в своем исследовании, введены М.М.Ковалевским в связи с его этнографическими изысканиями, освещением вопросов о начальной стадии и эволюции развития человеческих обществ. В труде М.М.Ковалевского «Социология». СПб., 1910. Т. 1. С. 3 ученый на вопрос: «что такое социология?» отвечает: «Родоначальник ее Конт, считал социологию наукой о порядке и прогрессе человеческих обществ». Известно, что в построении социологической системы М.Ковалевского на него, помимо основателя позитивной философии О.Конта, оказывали влияние и другие приверженцы эволюционизма, такие как Г.Спенсер, Г.Мэн и Морган.

[6] См. об этом: Анучин Д. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. М., 1889. Кн. I. С. 25–28.

[7] Ковалевский М.М. Первобытное право. М., 1886. С. 89.

[8] Леонтович У.И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. С. 92.

[9] Там же. С. 91.

[10] Научная экспедиция во главе с проф. Н.Ф.Яковлевым в 1927 г., по газетным сведениям, собрала большой этнографический и лингвисти-

---

* Здесь и далее цифры со звездочкой — примечания составителя. Его же — информация, заключенная в квадратные скобки. Цифры без звездочек относятся к примечаниям автора книги.

ческий материал о чеченцах. А научная экспедиция Ингушского научно-исследовательского Института краеведения во главе с командированным Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения при ЦИК СССР профессором И.Бороздиным приступила к всестороннему изучению Ингушетии.

Плодом этих исследований является целый ряд ценных научных работ об Ингушетии и ингушах, напечатанных в «Известиях Ингушского научно-исследовательского Института Краеведения», т. 1, перечень коих я даю в конце списка литературы.

11* «Программа для собирания сведений об юридических обычаях» издана Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1887. Эта программа составлена секретарем Отдела этнографии при вышеназванном обществе М.Н.Харузиным. Основанием для этой программы были материалы от Е.И.Якушкина, проф. М.М.Ковалевского, К.А.Шапошникова, М.Н.Харузина, Н.Н.Харузина, И.С.Ефименко, А.И.Кистяковской и др.

В 1876 г. при Отделе этнографии указанного общества была организована особая Комиссия, которая признала наиболее целесообразным программный способ для собирания юридических, этнографических сведений и явлений народной жизни. Вместо того, чтобы собирателю «придумывать наводящие вопросы», порою чреватые недостаточной достоверностью, необъективностью и даже субъективизмом, программный способ был основан на лучших традициях русской академической науки. В значительной степени он обеспечивал системную научную информацию в области этнографии и этнологии.

Взяв программный способ на вооружение, Б.Далгат при этом исключал выбор и оценку обозреваемого им материала в духе какого-либо принудительного схематизирования. Более того, он применял программную рубрикацию (или маркировку) к этно-историческим особенностям изучаемого им народа.

12* Из биографии Газбыка Газиевича Хабиева-Буржаева (из материалов архива Б.К.Далгата):

«Газбык Газиевич Хабиев родился в 1762 г. в селении Арзи Мецхальского общества. Он женился в сорок лет. До этого с ним произошел такой случай: однажды он отправился с матерью в ущелье Kur'uroẖь. В этом месте, где разделяются два ущелья, он увидел шайку чеченских абреков, более ста человек, предводительствуемых цоринскими жителями — Гуда и Зауром Амиевыми-Цороевыми. Газбык понял, что партия эта направляется во Владикавказ, чтобы совершить набег на русский гарнизон. Газбык тотчас же вернулся домой и дал знать обо всем старшему селения Арзи-Актолу Машитову, который предупредил русских о готовящемся нападении. Владикавказский гарнизон вовремя приготовился к встрече и дал достойный отпор абрекам, которые ушли ни с чем, потеряв нескольких человек.

После женитьбы Газбык участвовал в походах на стороне русских. Он был при покорении харпегинцев в то время, когда у них было отобрано

"большое ружье"*, которое заряжалось двадцатью зарядами и било на расстоянии двенадцати-тринадцати верст. Командовал этим походом Золоторев, чин которого Газбык не помнит. После этого он был еще в походах при покорении Галгая, Хулахой, Цори, Ловги, Микре, Ялхаре, Мулке, Мозкем, Земсе. Газбык был и в походах при покорении русскими Чечни и Дагестана. Он был награжден двумя медалями. Одна серебряная медаль "За покорение 1857–8–9", вторая светло-бронзовая "За храбрость 1854–5–6". После окончания Кавказской войны Газбык больше не воевал. Он имел двенадцать детей обоего пола, из которых восемь человек умерли и остались два сына и две дочери. После смерти жены Газбык доживает с ними свой век. Старик еще бодр. Я сам был очевидцем, как он недавно погнался за бежавшей лошадью и при этом бежал шибче другого, молодого человека». Запись произведена 27 сентября 1892 г. во время пребывания Б.К.Далгата в экспедиции в Нагорную Ингушетию. Рукописный текст подписан А.Кастоевым. Рядом с подписью рисунки чернилами двух медалей Буржаева.

13* Помимо указанной программы, Б.К.Далгат дополнительно пользуется в своей собирательской и исследовательской деятельности и «Программой для собирания юридических обычаев», изданной Комиссией собирания народных юридических обычаев, состоящей при Отделении этнографии Императорского русского географического Общества, в С.-Петербурге, 1889 г. Целевой функцией данной программы тоже оставался системный интеррогативный метод. В сохранившемся у нас рабочем экземпляре этой программы Б.К.Далгат сосредоточился на содержании ее некоторых пунктов, отмеченных им крестиками карандашом, либо выделенных на полях ключевым словом.

Так в главе I «Гражданское право» Б.К.Далгатом отмечены следующие пункты:

п. 6. Какие существуют в народе понятия о *брачном союзе*?..

п. 7. Имеются ли в виду при заключении браков одни хозяйственные соображения или личные качества брачующихся?..

п. 8. В каких степенях родства и свойства браки воспрещаются народною совестью? Чем руководствуются в этих случаях для определения дозволительности или греховности брака? Какую роль тут играет духовное родство: кумовство, братанье (побратимство), а также усыновление?..

п. 22. Какова участь приданого по смерти жены? Поступает ли оно в собственность мужа и детей?..

п. 25. Какова власть мужа над женой: может ли он требовать только полного повиновения и работы, или имеет право живота и смерти, может ли он бить и увечить жену?.. Что делают жены в случае дурного обращения с ними мужей: уходят ли от них или безропотно подчиняются такой доле?

---

* «Большим ружьем» горцы назвали пушку (Впервые «Биография Газбыка Газиевича Хабиева-Буржаева» была опубликована мною в книге: Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. С. 451.)

п. 32. Каковы обязанности родителей к детям (кормить, одевать и вообще содержать, учить страху Божию и пр.)... Может ли отец выгнать сына из дому, а сын — произвольно оставить отчий дом? Не сохранилось ли в народе преданий об обычае убивать детей, продавать, отдавать в заклад, и об обычае в старину убивать престарелых родителей? [последние два абзаца отмечены галочками на полях программы].

п. 38. Каково положение незаконнорожденных по отношению к родителям? Чье прозванье носят незаконнорожденные — отца, матери, или крестного отца, или приемного отца?..

п. 50 выделен Б.К.Далгатом на полях словом «опека», а п. 57 — словом «разделы». К «разделам» отмечены крестиками пункты: 59, 60, 61, 62, 63, 64 и далее п. 68 — получают ли при дележах женщины какую-либо часть имущества из общего достояния дома или уносят с собой только свою корабью или приданое?.. п. 69 — какие члены семьи при разделах получают одинаковые паи своего отца и какие уменьшенные? Сирота-племянник получает ли пай своего отца или какой другой?.. п. 70 касается права при дележе зятьев-влизеней, свойственников, приемышей, живших в доме. П. 71 о праве «отделившихся или вышедших из семьи» членов «хотя бы самых близких степеней... п. 72 касается «зависимости от воли отца выделов и отделов» при самовольном выходе, «отходе» из семьи какого-либо члена, а в п. 73 — «Оскорбительные поступки сыновей дают ли отцу право лишить их выдела... без выдачи пая из общего семейного достояния». П. 74.— «Если жив дед, то может ли отец выделить сына?». Помимо отмеченных крестиками названных пунктов, Б.К.Далгат применительно к пунктам 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 помимо крестиков делает выноску на полях словом «Наследство», выноской на полях — «Завещания», крестиками еще отмечаются пункты 88, 89. Содержание пунктов 123, 124, 125, 126 определено записью Б.К.Далгата на полях: «Общее владение», а пункт 127 выделен на полях отметкой «Общинное владение».

В разделе III — «Договоры и обязательства» главы I — «Гражданское право» крестиками отмечены пункты: 144, 145, 149, 150–153, 157, касающиеся вопросов «заключения различных договоров». А здесь речь идет о следующем: о «полноправности», здоровье умственном лица, заключающего договоры о «соблюдении каких-либо особых обычаев, когда договор заключает само общество или земельная община», о присутствии и числе свидетелей, удостоверяющих сделку; о роли поручительства и поручителя. Приводятся поговорки: «порука-мука», «кто поручится, тот и поучится», «тот печался, кто ручался»; пункт 152 касается принудительного залога, в виде задержания или невыдачи какого-либо предмета должнику... (например, задержание скота при потравах) или в виде насильственного отобрания вещи (например, снятие одежды).

В числе многих других программных пунктов, помеченных Б.К.Далгатом, характерно и его внимание к п. 201 и 202. Здесь идет речь о «личных отношениях крестьян-хозяев к рабочим. Считается ли работник-батрак, долго живущий в крестьянской семье, членом ее или нет?.. Впра-

ве ли хозяин подвергать рабочих взысканиям... и какие существуют меры защиты против произвола хозяев?.. Не превращаются ли условия о личном найме в кабалу для нанявшегося?»

[14] Далгат Б.К. Страничка Северо-Кавказского богатырского эпоса. Ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 // Э. О. М., 1901. Кн. 1.

Надо подчеркнуть, что Б.К.Далгат, проявляя пристальное внимание к академическим программам для собирания сведений об юридических обычаях, не только собирал их в условиях реальной жизни и быта отдельных кавказских народов, но исследовал, научно-теоретически осмысливая обычное право даргинцев, ингушей, чеченцев и др. Говоря о научно-аналитической результативности использования Б.К.Далгатом обозначенных нами программ в его труде, важно высказать и некоторые другие соображения. В программах по собиранию юридических обычаев, главным образом 1887 и 1889 года издания, имеют место общие вопросы в области изучаемой проблемы. К тому же Б.К.Далгат в процессе собирательской деятельности работал не с одним, а с несколькими выдающимися, по его словам, сказителями (гг. Хабиевым, Буржаевым, Ахмедом-Хаджи Бачиковым и др.). В результате чего в работе Б.К.Далгата иногда встречаются повторения в обозреваемом им материале. Однако это обстоятельство, на наш взгляд, не отрицательный, а положительный фактор. Он служит объективным подтверждением достоверности этнологических данных, о которых идет речь в исследовании Б.К.Далгата.

РАЗДЕЛ I

Глава I

[1] Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия академика И.А.Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809. С. 86.

[2] Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. II. С. 151 и след.

[3] Klaproth J. Vojyage au mont Caucase et en georgie, 1807 an, von J.Klaproth. Paris, 1823. Vol. II. C. 351 и след.

[4] Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, vol. 2. Paris: Klaproth, 1829. C. 122.

[5*] О единстве чеченского и ингушского языков и родственном происхождении их см. статьи М.Немировского и З.Мальсагова в II и III вып. Известий Ингушского н.-исслед. института краеведения: «К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков» М.Немировского и «К вопросу о классных элементах в нахском языке» З.Мальсагова. Он еще в статье «Культурная работа в Чечне и Ингушетии

в связи с унификацией алфавитов», 1928 г. называет ингушско-чеченский язык «нахским», т.е. «народный», т.к. и ингуши, и чеченцы называют себя «нахами» и «вайнахами» («народ», «наш народ»).

А.Авторханов на стр. 7 книги «К основным вопросам истории Чечни», 1930 г. говорит: «Сами чеченцы называют себя нохчи (nochtcshij), которое, вероятно, происходит от слова "нох" — народ, а чеченцами их назвали русские, как полагают, по имени Чечен-аула в XV веке».

На стр. 5 Нахские народы — чеченцы, ингуши и цов-тушины, различающиеся между собой по наречию и говору, в сущности составляют один народ.

[6] ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 99.

[7] ТС. Владикавказ. 1891. Вып. I. Отд. II. «Хроника чеченского восстания 1877 г. С. 7. [Восстание началось в Восточной Ичкерии Чечни в 1877. Его возглавил Алибек хаджи Алданов, крестьянин из Веденского Округа. Алибек хаджи вместе со своими сподвижниками потерпели поражение 22 апреля возле аула Майртуп в битве с царскими войсками. Многие из восставших вместе с Алибеком хаджи военным судом в Грозном были приговорены к смертной казни.]»

Максимов Е. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // ТС. 1893. Вып. III. Отд. I. С. 31.

[8] Довольно подробный географический очерк Чечни см. у Е.Максимова в указ. соч. и у Г.Вертепова. Ингуши. Историко-статистический очерк // ТС. Владикавказ, 1892. Вып II. И еще, в ныне устаревшем соч. Берже А. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. Первая же научная география страны вышла у А.К.Вильямса. Географический очерк ингушей. Владикавказ, 1928.

[9] Кавказский календарь на 1888 г. XLIII. Тифлис, 1887. Приложение. С. 7.

[10] Судя по преданиям и указаниям исследователей тушин, пограничные с последними чеченцы (и ингуши) также приняли много грузинских слов в свой язык.

Это оттого, что самое население этого общества — смешанного происхождения от ингушей и живших там осетин, а также вследствие близкого их соседства с осетинами.

[11] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. § 1.

[12] Подробнее — см. в интересном исследовании: Немировский М.Я. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Вып. I. С. 299; Потто А.В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1886. Т. II. Ч. 1. С. 65. Также: Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 129. У Ник.Яковлева приведена легенда о происхождении ингушей, чеченцев и ортшхоев (карабулаков) от 3-х братьев Га (отсюда Галгай), (Нахчуо и Арштхо) — Яковлев Н.Ф. Ингуши. М.; Л., 1925. С. 41.

[13] Поттоиния Кавказская война. Т. II. Вып. 1. С. 65 (Также: Берже. Указ. соч. С. 129).

[14] Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 140; Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Т. IV. 1700–1712. С. 119, 2207, 1708, 30 сентября.

[15] Карамзин Н.М. История государства Российского в IX–XII томах. (Переиздание). Калуга, 1993. Т. X, гл. 1.

[16] Попко И.Д. Терские казаки стародавних времен. Гребенское войско. СПб., 1880. Вып. I. С. 42–44.

[17] Максимов Е. Терское казачье войско // ТС. Владикавказ, 1890. Вып. I. С.10 и след.

[18] Бутков П.А. Материалы новой истории Кавказа с 1722 по 1803. СПб., 1869. Ч. I–III. Ч. 1. С. 21, 23.

[19] ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 267.

[20] Максимов Е. Чеченцы // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. С. 24.

[21] Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 50.

[22] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 58.

[23] Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. IV. С. 87.

[24] Бутков П.А. Ч. I. С. 302.

[25] Бутков П.А. Ч. II. С. 134.

[26] Бутков П.А. Ч. I. С. 300.

[27] Бутков П.А. Ч. I. С. 303; Грабовский Н.Ф. Ингуши // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX.

[28] Акты Кавказской Археографической Комиссии. СПб., Т. IV. С. 904, по Мартиросиану. С. 47.

[29] Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I. С. 515, 266, 268, 269 и след.

[30] Там же. Ч. I. С. 439, 266.

[31] Там же. Ч. II. С. 165.

[32] Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 83; Потоцкий. Указ. соч. Т. I. С. 396.

[33] Бутков П.А. Указ. соч. Ч. II. С. 111.

[34] Вертепов Г. Указ. соч. Т.С. 1892. Вып. II неправильно относит это время распада чеченского племени на враждебных друг другу чеченцев и ингушей к началу распространения в Чечне Газавата Ших Абдуллою в 1830 г.

Авторханов А. на стр. 8 книги «К основным вопросам истории Чечни» 1930 г., когда говорит о начале летоисчисления мусульманства в Чечне, отмечает, что существуют различные мнения. Умар Алиев в «Карахалке» и доцент Яндаров Х.Э. в «Истории чеченской письменности» полагают, что в Дагестане и Чечне ислам окончательно стабилизировался не ранее начала XVII века. Если это указание, считает Б.К.Далгат, правильно в отношении Чечни, то в отношении Дагестана арабско-дагестанские историки указывают значительно более раннюю эпоху распространения ислама. Исламизация Дагестана закончилась примерно в эпоху шейха Абу Муслима в половине XI века.

[Шейх Абу Муслим был один из ученых арабского происхождения. В связи с арабскими завоевателями Дагестана — «потомков Дядей Пророка», стал имамом Хунзаха. О нем см., например,— Извлечения из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафии // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. С. 21; М.Тагир из Караха. Три имама // СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 54–192].

[35] Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I. С. 258.

[36] Там же. С. 259, 299.

[37] Там же. Ч. II. С. 54, 63.

[38] Авторханов А. Указ. соч. С. 10–13.

[39*] Шейх Мансур Ушурма из аула Алды. 1760–1794 гг. Шейх Мансур возглавил национально-освободительное восстание горцев против царского самодержавия в 1785–1791 гг. Об этом см.: Бенигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. (Священная война Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Общая редакция проф. Гаджиева В.Г. Махачкала, 1994; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988. С. 453–455.

[40] Шерипов Заурбек. Шейх «Мансур». Краткий историко-биографический очерк // О тех, кого называли абреками. Грозный, 1925.

[41*] Бей-Булат Таймиев (Таймазов) жил в конце XVIII — первой трети XIX века. Известен как участник набегов на Терскую кордонную линию. В 1825 г. возглавил восстание в Чечне против России. Он имел контакты с представителями иранского шаха и турецкого султана в период русско-турецкой войны 1827–1829 гг. В 1829 г. он встречался и с Е.П.Ермоловым. А.С.Пушкин в своем очерке «Путешествие в Арзрум» пишет: «Славный Бей-Булат, гроза Кавказа, прибыл в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений... Они обедали у графа Паскевича» (Пушкин А.С. Полное собр. соч. в десяти томах. Т. VI. Художественная проза. М.; Л., 1949. С. 696). Таймиев один из героев чеченских героико-исторических песен «ИЛЛИ». См.: Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. (К десятилетию Советской Чечни). 1930. С. 13–15; Нунуев С.-Х. Нахи, священная история. Ярославль, 1998. С. 332; Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 65.

[42*] Кази-Мулла (Гази Магомед). Первый имам Дагестана. Его политический и религиозный руководитель. Гази Магомед родился в начале 90-х гг. XVIII столетия. Мусульманское образование (изучение шариата) получил у шейха Сайида Джемал аль Дина, затем у шейха Мухаммеда аль Яраги. Он активно внедрял шариат всем народам Дагестана. В 1830 г. Гази Магомед объявил России газават. Он убит в 1832 г. во время штурма бароном Г.В.Розеном аула Гимры. О Гази Магомеде см.: Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 2; Гаммер М. Указ. соч. С. 83.

[43] Акты Археографической комиссии на Кавказе. СПб., 1867. Т. VIII. С. 681. Документ 58-й; по Мартиросиану указ. соч. С. 48.

[44*] Шамхал — это титул феодального правителя. Впервые титулом шамхал был награжден в половине VIII века арабским полководцем Абу-Муслимом правитель Гумука (Кумуха). По свидетельству арабского писателя Масуди, гумики были одни из первых дагестанских племен, принявших магометанство в половине VIII века. Тогда арабский полководец Абу-Муслим построил в 777 г. по Р.Х. в Гумуке мечеть. Кази Кумух служил местопребыванием шамхалов до конца XVI века. После этого шамхалы, от которых совершенно отложились казикумухцы, начали жить в Тарках или в Бойнаке, где Шамхальство Тарковское и утвердилось. См.: Материалы для истории Дагестана. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 5, 6 и др. Также: Извлечения из истории Дагестана, составл. Мухаммедом-Рафи // ССКГ. 1871. Вып. V. С. 17 и др.

[45] Лаудаев У. Указ. соч. // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 55; Берже А.П. Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 137. См. также: Максимов Е. Указ. соч. // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. II. С. 27.

[46] «Вы нас наставляете в законе, который вы приняли во время вашего рабства. Мы его не хотим вовсе. Уходите прочь из нашей земли и не смейте возвращаться в нее никогда». Потоцкий. Т. 2. С. 127.

[47] См. мой труд: Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III [Рекомпозиция — Далгат Б.К. «Первобытная религия чеченцев и ингушей». М.: Наука, 2004. Гл. I. С. 44].

[48] Кавказ. 1855. № 70.

[49] Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах. Из записок П.И.Головинского // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 241.

[50] Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис. Вып. VI. С. 9.

[51] Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 134–135.

[52] Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) // ССКГ. Тифлис. Вып. IV.

[53] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. С. 369–373.

[54] Головинский П.И. Указ. соч. С. 242.

[55] Максимов Е. Чеченцы // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. 2. С. 22.

[56] Берже А.П. Указ. соч. С. 125; Головинский П.И. Указ. соч. С. 243.

[57] Максимов Е. Указ. соч. С. 22.

[58] Берже А.П. Указ. соч. С. 135.

[59] Ахриев Ч. Ингуши: (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. I.

[60] Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928–1929 гг. // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1930. Вып. II–III. С. 398 и след.

[61] См. также: Берже А.П. Указ. соч. С. 133.

[62] Там же. С. 129.

[63] Потто А.В. Кавказская война. СПб., 1886. Т. II. Вып. 1. С. 65; также: Берже А.П. Указ. соч. С. 129.

[64] Бутков П.А. Указ. соч. Ч. II. С. 165.

[65] Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа... СПб., 1809. IV. С. 83; Потоцкий [Potocki. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Vol. I. P. 396. Paris: Klaproth, 1829].

[66] Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах. Из записок П.И.Головинского // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 245; Вертепов Г.А. Ингуши. Историко-статистический очерк // ТС. Владикавказ, 1892. С. 81.

[67] Бутков П.А. Указ. соч. Ч. I. С. 515, 266 и след.

[68] Русские силою оружия покорили акинцев и разрушили у них все башни.

[69] Малявкин. Караногайцы // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. С. 141.

[70] Максимов Е. Чеченцы // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. С. 39; Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. 1. С. 111.

[71] Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского края. Тула, 1891. С. 163 и след.

[72] Максимов Е. Указ. соч. Вып. III. С. 52–55. [Б.Далгат, используя в своем труде «Родовой быт чеченцев и ингушей» статистические данные об экономическом быте чеченцев (о сельской общине и др. историко-географические материалы), считал очерк Максимова «превосходным». (Указ. рукопись. С. 40). Естественно, что указанные в «очерке» Е.Максимова статистические сведения, относящиеся к XIX веку, в дальнейшем подверглись некоторому изменению].

[73*] Проблема воровства и т.п. в Терской области занимала и тревожила представителей общественности и интеллигенции на Северном Кавказе еще в начале XX века. Одним из свидетельств этому служит и приведенный в «Приложении» данной книги документ, сохранившийся в архиве Б.К.Далгата. Документ этот «Протокол заседания Владикавказской городской Думы» от 19 января 1911 г.

[74*] Как уже говорилось, Б.К.Далгату в 1892 году в Нагорной Ингушетии удалось собрать и записать обычаи ингушей. Фиксация обычноправового материала осуществлялась Б.Далгатом путем личных наблюдений и опросов стариков-ингушей, с одной стороны, и с другой — на основе имеющихся на руках двух академических программ. А именно: «Программы для собирания сведений об юридических обычаях», изд. Московским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1887 г. и «Программы для собирания народных юридических обычаев» Русского Географического Общества, изд. в 1889 г.

«Материалы по обычному праву ингушей», собранные Б.Далгатом в 1892 г., были опубликованы в 1929 году в г. Владикавказе в ИИНИИК, к сожалению, не полно и с допущенными ошибками принципиального характера. Учитывая историческую, этнографическую и др. ценность собранного материала, имея в своем архиве хорошо сохранившиеся подлинные записи собирателя, мы сочли целесообразным полностью и без каких-либо ошибок и искажений включить их в публикуемый нами труд Б.К.Далгата о родовом быте чеченцев и ингушей, поместив эти «Материалы» во вторую часть данной монографии («Исследования и

материалы»), тем более, что сами по себе они являлись одной из базовых научных основ его исследования о родовом быте изучаемого им этноса.

Глава II

[1] Мэн Г.С. Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права. М., 1884. С. 148. Перевод под ред. М.Ковалевского.

[2] Там же. С. 209.

[3] Там же. С. 211.

[4] Ковалевский М. Первобытное право. М., 1886. Род. Вып. 1. С. 13.

[5] Там же. С. 20–31.

[6] Там же. С. 33.

[7] Ковалевский М. Там же; Мэн Г. Указ. соч. С. 187.

[8] Ковалевский М. Указ. соч. Род. С. 42 и след.

[9] Там же. С. 85.

[10] Там же. С. 86; Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 51 и т. 2. С. 149.

[11] Ковалевский М. Указ. соч. Род. С. 85; Он же: Закон и обычай. Т. 1. С. 45–50.

[12] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 45. Т. II. С. 150.

[13] Ковалевский М. Указ. соч. Род. С. 86, 87.

[14] Ковалевский М. Указ. соч. Род. С. 89; Он же: Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 150.

[15*] Б.Далгат в 1929–1930 годы, продолжая работать над своим трудом (названным теперь «Родовой быт чеченцев и ингушей»), дополняет его некоторыми материалами. Так, в разделе «теория рода» им называются и произведения К.Маркса — «К критике политической экономии», Ф.Энгельса — «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», с сочинением У.Гросса «Форма семьи и форма хозяйства» (М., 1898). Между прочим, Далгатом называется и труд М.А.Рейснера — Право наше право. Чужое право (Л., 1952). Данный автор был широко известен в 1930-е годы в области марксистского правоведения и различных форм права в их исторической последовательности. Цитируя или суммируя отдельные выдержки из книги Рейснера, Б.Далгат интерпретирует их, дополняет своими суждениями; например, весьма положительными теоретическими высказываниями о работе Ф.Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.

[16] Кушнер П. (Кнышев). Очерк развития общественных форм. М., 1927. С. 147.

[17] Маркс К. К критике политической экономии. М., 1922. С. 25–26.

[18] Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905. С. 185.

[19] Рейснер М. Указ. соч. С. 63. [О «Первобытном коммунизме» см. у Энгельса Ф.: Анти-Дюринг. М., 1925. С. 77–84].

[20] Рейснер М. Указ. соч. С. 61, 62. [Рейснер в своем примечании на стр. 62, особо оговаривает, что из труда Гросса У. Форма семьи и форма хозяйства. М., 1898 г. им использованы следующие страницы: 32–33, 48–49, 78–79, 89–90, 115, 119, 120–121, 122, 174–176, 189, 194–195, 198, 200, 205–215, 221–222, 265, 273–277, 281–287, 293–294].

[21] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1922.

Глава III

[1] Гюльденштедт И.А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа: из путешествия академика И.А.Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809. С. 77, 83, 87; Георги У.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Т. II. С. 58.

[2] Потоцкий — Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Vol. 2. Paris: Klaproth, 1825. Т. II. С. 126.

[3] Klaproth J. Voyage au mont Caucase et en Georgie. 1807. an., von J.Klaproth. Paris, 1823. Т. I. С. 399.

[4] Там же. С. 406.

[5] Мы уже знаем, что сами аулы в горах получают название основавших их родов.

[6] Кавказ. 1855. № 70.

[7] Pauly S. Peuples du Caucase. 23 // ЖМНП. 1881, ноябрь. С. 39–50; Ковалевский М. Закон и обычай... Т. II. С. 150.

[8] Слово «тайпа» встречается для обозначения рода и у некоторых лезгинских племен, населяющих Дагестан (напр. у даргинцев). Но и там оно вытеснено тюркским словом «тохум».

[9] Леонтович У.И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Севера и Востока Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. С. 79 и 86 (Фрейтаг).

[10] Там же. С. 79.

[11] Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах: Из записок П.И.Головинского // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 267.

[12] Там же. С. 262. Предание записано в 1874 г.

[13] Там же. С. 255. Предание записано в 1871 г.

[14] Берже А.П. Указ. соч. С. 134.

[15*] См.: Далгат Б. Превобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 101.

[16] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 455.

[17] Вертепов Г. Ингуши: Историко-статистический очерк // ТС. Владикавказ, 1892. Вып. II. С. 85.

[18] Ипполитов А.П. Заметки об Аргунском округе // ТВ. Владикавказ, 1868. № 3 и № 5.

[19] Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23. № 9 и № 10. С. 43.

[20] Под «обществами», по всей вероятности, здесь разумеются тайпы, или родовые союзы.

[21] Пантеон. 1855. № 9 и № 10.

[22] Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. 1930. С. 7.

[23] Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 14, 15 и след.; 50.

[24] Klaproth (Клапрот), loco cit., t. I. C. 400.

[25] Грабовский Н.Ф. Ингуши: (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 41.

[26] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 11–20.

[27] Авторханов А. К вопросу изучения тайп, тухумов и классовой борьбы в чеченской деревне // Революция и горцы (Ростов н/Д). 1931. С. 24–30.

[28] Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Л.; М.: Гос. изд., 1925. С. 484.

[29] Станишевский В. Путешествие по Чечне // Кавказ. 1873. № 54, 56.

[30] Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. I.

[31] Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. I.

[32] Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1892. Вып. I. С. 95.

[33] Миллер В.Ф. Терская область: Археологические экскурсии Всев. Миллера // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Императорского Московского Археологического общества, снаряженной на высочайшие дарованные средства. М., 1888. Вып. I. С. 7 и след.; С. 36–40.

[34] Шеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИНИИК. Владикавказ, 1928. Вып. I.

[35] Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушевского округа в 1865 г. // ТВ. Владикавказ, 1868. № 21–26.

[36] См.: Вертепов Г. Ингуши // ТС. 1892. Вып. II. Статья Вертепова составлена по спискам населенных мест 1889 г.

[37] Максимов Евг. Чеченцы // ТС. 1893. Вып. III. Книга 2-я. С. 82.

[38] См.: Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. I. С. 10.

[39] В Ингушетии эти подразделения называются также и «неками» (näqhie).

[40] Этот аул в 1855 г. имел 14 дворов с населением около 80–100 человек.

[41] По Яковлеву — потомки Мальсага насчитывают более 200 дворов; таковы по численности и Плиевы, Оскановы, Бузуртановы, Дыдыговы, Дудуровы, Хукориловы и др.— См.: Яковлев Н.Ф. Ингуши. С. 43.

[42] Харузин Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 70.

[43] Харузин Н. Там же. С. 68, 69; Леонтович У. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Севера и Востока Кавказа. Одесса,

1883. Вып. II. С. 119, 121, 123, 148; Грабовский Н. Ингуши. Вып. IX. С. 72; Он же. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 18.

[44] Подробнее об этом, а также о способах примирения кровников см. в моей книге «Первобытная религия чеченцев и ингушей» [В расширенном переиздании труда: «Наука», 2004. С. 103, 104 и др.].

[45] Яковлев Н.Ф. Ингуши. М.; Л., 1925. С. 49.

[46] Там же. С. 114.

[47] Максимов Е. Чеченцы // ТС. Владикавказ, 1893. Вып. III. С. 40, 41, 58, 59.

[48] Вертепов Г. Ингуши. Историко-статистический очерк // ТС. Владикавказ, 1892. Вып. II. С. 109–110.

[49] Там же.

[50] Максимов Е. Указ. соч. С. 48 и след.

[51] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 53.

[52] Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь. Тифлис, 1859. С. 96; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. II. С. 73.

[53] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 140.

[54] Там же. С. 4.

[55] Там же. С. 72.

[56] Там же. С. 4, 5.

[57] Там же. С. 73.

[58] Ковалевский М. Указ. соч. Т. I. С. 63. Т. II. С. 145.

[59] Ковалевский М. Указ. соч. Т. II. С. 154–158.

[60] Кушнер П.Н. (псевдоним Кнышев). Очерк развития общественных форм. М., 1927. С. 145–146.

[61] Яковлев Н.Ф. Ингуши. С. 43–44.

[62] Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 71.

[63] Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. I. С. 314.

[64] Грабовский Н.Ф. Ингуши: (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 41.

[65] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 63.

[66] Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. I. С. 311.

[67] Ковалевский М. Указ. соч. С. 300.

[68] См. цитированное соч. Ковалевского М.

[69] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 67.

[70] То же. Т. II. С. 15.

[71] Там же. С. 77, 82.

[72] (Клапрот) Klaproth J. Voyage au mont Caucase et en Georgie, 1807 an, von J.Klaproth. Paris, 1823. Vol. I. P. 399 и 407.

[73] Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. II. С. 163, 164, 179; Зубов П. Картины Кавказского края... СПб., 1835. Ч. III. С. 151.

[74] Г.Ст... Северный Архив. СПб., 1824. № 20–24. С. 260.

[75] Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушевского народа с приложением его сказок и преданий // ТВ. Владикавказ, 1872. № 30.

[76] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. С. 369.

[77] Там же. С. 455.

[78] Леонтович У.И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Севера и Востока Кавказа. Одесса, 1883. Т. II. С. 82.

[79] См. также: Берже А. Указ. соч. С. 103; Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. С. 455.

[80] Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 24, 25.

[81] Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1892. Вып. I. С. 86.

[82] Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. С. 152, 183 и др.

[83] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: «Московский рабочий», 1923. С. 64.

[84] Леонтович У.И. Указ. соч. Т. II. С. 273 и след.

[85] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 81, 84, 97, 249 и след.

[86] Яковлев Н. Ингуши. С. 7.

[87] Мэн Г.С. Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права. М., 1884. С. 57. См. также: Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. Глава 2. С. 9–21.

[88] Яковлев Н. Ингуши. С. 108.

[89] Максимов Е. Чеченцы // ТС. Владикавказ. 1893. Вып. III. С. 38.

[90] Желающие познакомиться с организацией сельской общины в Чечне могут обратиться к прекрасному очерку Е.Максимова в ТС за 1893 г., гл. IV и к статье Г.Вертепова «Ингуши» в ТС за 1892 г., гл. III.

[91*] Здесь заканчивается рукописный текст публикуемого труда Б.К.Далгата, созданного в 1893–1894 гг. Впоследствии, в 1929–1933 гг., в числе некоторых дополнений автора к каноническому рукописному тексту, было и следующее: «После Октябрьской Революции, конечно, жизнь чеченцев и ингушей потекла по новому руслу. Пришел конец прежней забитости их; их любовь к свободе получила выход в самоуправлении советов; женщина стала равноправным с мужчиной творцом новой жизни; приходит конец и земельному голоду горцев, с окончанием землеустройства их и выселением их на плоскость, на возвращенные им (в свое время перешедшие к казакам) земли. С землеустройством их параллельно идет и работа по подъему у них культуры; создается впервые в широком применении письменность, открываются школы грамоты, больницы; население кооперируется и освобождается из-под влияния кулака-торговца-частника. И недалек тот день, когда возникшая на равнине семейно-

родовая сельская община сменится товарищеским, коллективным хозяйством; растет и самосознание горца и его экономическое благополучие; и родовая солидарность, фамильная гордость родичей, сознание личного достоинства, умение жертвовать жизнью там, где этого требует благо рода и любовь к свободе чеченцев и ингушей — найдут новую почву для своего расцвета в видоизмененной форме в новых общественных условиях жизни».

РАЗДЕЛ II

Материалы по обычному праву ингушей

Часть I

I. Общие замечания

1* Праздник «Мятцели». Мятцели один из высших богов у ингушей и чеченцев. Он признается обоготворенным предком. Б.К.Далгат в 1891 г. подробно записал празднество в честь Мятцели на горе Мат-Хох (Мятты) (Столовая гора) (См.: Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 140–146).

2* Этнографическое Обозрение за 1901 г. В этом издании Б.К.Далгатом опубликовано исследование: Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса: ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 гг. // ЭО. М., 1901. Кн. 1.

3* Текст молитвы по-ингушски и ее перевод на русский язык с соответствующими комментариями помещены в труде Б.К.Далгата «Первобытная религия чеченцев и ингушей». С. 146–149.

4* Chu (ху) — по словам Б.К.Далгата — это жреческий значок на верху древка, где прикреплены пять продолговатых медных колокольчиков с большими отверстиями и висячими языками. Значок обязательно белый.

5* Божий лик «Тушол. Тушол или Тушоли,— пишет Б.К.Далгат,— это святой или божество, признаваемое всеми чеченцами без исключения; это один из главных ццу (святых), имя которого упоминается и в клятвах, и во всех молитвах» (Первобытная религия чеченцев и ингушей.., с. 131). Тушоли также «является преимущественно богом деторождения или всякого приплода вообще» (Там же. С. 134).

II. Родовой союз

1 Вне пределов этих цифр старики не знают.

2* В автографе Б.К.Далгата на стр. 14–15 (запись 1891 г.) приводится характерный анекдот: «Рассказывают, что шли двое ингушей с базара из Владикавказа домой; оба большие приятели; “если бы Владикавказ дали нам с тобой, то я бы взял себе на правом берегу (лучшая часть), а тебе дал

бы левую часть” — “Ах ты такой сякой! Разве я хуже тебя, ниже тебя, трусливее!?” Кончилось это гибелью их обоих».

[3] По имени основателя называются только на плоскости; в горах же таких аулов мне не могли указать; (но я думаю, что сами жители позабыли, чьим именем называются многие аулы; а на плоскости аулы основаны недавно, почему и помнят.) [Рукопись Б.К.Далгата, с. 18].

V. Союз родственный

[1*] Свойственник (ница) — родня по мужу, по жене. Свойство — родство по женитьбе, по замужеству.

VI. Древние формы брака и следы их

[1*] О похищении невест см. статью: Dalgat Uzdiat B. Brautraub (Mot, K. 1371). C. 754–762; Enzyklopädie des Märehens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Herausgegeben von Kurt Ranke, Göttingen Bond 2 Lieferung ¾. Sonderdruck Walter de Gruyter; Berlin; New York.

VII. Современный брак и свадьба

[1*] Известно, что свадебные обряды у преобладающего числа народов мира имеют отголоски таких древних форм брака, как похищение невест. Это определяет наличие в содержании свадебного обряда в той или иной степени элементов дуальной оппозиции и даже проявления антагонизма между брачующимися сторонами (невесты и жениха). В ходе воспроизведения свадебного обрядового действа подобная оппозиция, как правило, сопутствует ему только в символической форме. Что касается вербального выражения, то антагонистический настрой звучит открытым текстом откровенных перебранок между невестиной и жениховой сторонами. Перебранки могут иметь разнохарактерное, порою весьма острое содержание и лексическое наполнение.

[2*] В «зеленой тетради» с полевыми записями Б.К.Далгата ингушского фольклора и этнографического материала, на стр. 51, на одной из строк и слов — «чтобы он утонул»,— имеется его приписка: «Сюда вставить еще песни». Сами песни в данной тетради не приводятся, но они вписаны отдельно в другой рукописной тетрадке, где на стр. 1 читаем следующее: «К стр. 51. Свадебные песни, записанные мною в 1892 г. (их необходимо сильно профильтровать для печати). Ввиду того, что эти песни, записанные более ста лет тому назад, тоже представляют образцы народного творчества, мы осмеливаемся опубликовать некоторые из них в «Примечаниях» данной книги. [Возможно, само намерение Б.К.Далгата зафиксировать подобные образцы ингушского фольклора было подсказано содержанием некоторых пунктов «Программы для собирания сведений об юридических обычаях Этнографического Отдела МОЛЕАиЭ при Мос-

ковском университете, 1887 г. В программных пунктах № 169 и 162, а также в пояснениях к ним обозначены рекомендации собирателю в том случае, когда невеста окажется нецеломудренной. В пункте № 160 заключен вопрос: «...какие обряды совершаются», а в пункте № 162 — «какие песни поются для того, чтобы ее осрамить?» В «примечании» еще и уточняется: «необходимо записать эти песни во всей их наготе, без малейшего стеснения, не выбрасывая ни одной буквы». Далее следует почти подстрочный перевод песен, весьма близкий к оригиналу].

I. Перебранка девушек со стороны невесты и жениха в доме невесты, когда свадебный поезд жениха прибывает за невестой. Девушка с невестиной стороны говорит девушке со стороны жениха: «Если ты пришла сюда сказать что-либо, чего ты не понимаешь, то лучше бы ты осталась дома, сломавши подметку у полового чл...

Как груша дикая на дороге — принадлежит всем (общедостояние), так и ты — всеобщая игрушка (принадлежность).

Как на груше цветы — столько вшей у тебя на голове. Хочешь молодого себе в любовники,— есть такой-то (имярек), хочешь старика — есть такой-то (имярек).

Если спереди смотреть,— как вареник твой женский орган, а если сзади смотреть,— то как большой пирог, начиненный салом, твой зад.

Кто рядом с тобой стоит, всякому ты скажи: «не хочешь ли», и кто скажет: «хочу», тому не скупись.

Кто станет лицом к тебе, тому показывай, а кто станет рядом с тобой, тому не отказывай.

Как Албеку hаса (палка), так ему покажется (это) любо. Как у горной лисы с красным концом член будет играть по твоим ляжкам (лобызаясь)».

На это девушка с жениховой стороны отвечает:

«Эй ты такая сякая (дрянь), я не пришла с тобой болтать похабщину, а пришла, чтоб увезти голубя для сокола.

Подобно тому, как в декабре месяце (чіллі-бот, наӈі-гону-хоў — морозный месяц) бывает на Тереке, так и на твоем сердце дай Бог, чтобы был холодный лед, и такой крепкий лед, что и ломом нельзя отломать кусочка.

Разве ты одна — любовница с подрезанными волосами на лбу? Как черная свинья ищет толстого лопуха, так и ты ходишь, ища толстый член.

Как на погорелом месте садится журавль, так на конец чл... садилась родившая тебя мать.

До колен выросшие на половом органе волосы очищая от прилипшей грязи (после сношения), сломавшая ногти у десяти пальцев рук — каһба (проститутка)!

В такой глубокой грязи, по которой с седлом (вьюком) идет ишак, пусть валяется производивший тебя на свет отец твой. Около Эльӈі-камня близ Авзі–кургана в той яме, где играли черти (ельбз), пусть медвежьей пляской потанцует родившая тебя мать!»

Девушки со стороны невесты бранят мужчин замежа (свадебного поезда): «Был у него хромой теленок; для привязи телка-сапетка в 3 мозл.

Еще была безногая курица; испугавшись курицы, теленок начал вырываться и опрокинул сапетку; и когда он (такой-то) хотел поднести сапетку, подобно лошади, поевшей тухлого сена, так он начал перд.., если пришел сюда напрасно, то пусть тремя пригоршнями соли будет засыпан его зад!»

Тот (мужчина с жениховой стороны) на это отвечает: «Как на чурбаке — стальное долото, а на долоте — ясеневая колотушка, когда я влез на тебя, так ты запер...

Как шея у хомяка пушистые яйца,
Как мех у куницы хорошо обросший лобок,
Как у жеребца шея дугою, так дугой становившийся член;
Как лук Атагинский (чеченское село) с красным концом член;
Как у дикой кошки с глазами член;
Как концом склоняющаяся к Кабардинским горам Кайри-бер (балка, идущая от Ингуши к Кабарде), так концом склоняющийся к заду твое женское достоинство (широкое)... Когда я натягивал тебя,— ты любила меня, а когда как ставший на молитву мулла нагибается, стал сгибаться мой чл.., тогда ты перестала любить меня.

Да умрет любимый тобою брат!»

Послесловие

От уроженца Дагестана, родившегося во второй половине XIX века в даргинском селении Урахи, получившего образование в Санкт-Петербургском университете и увлеченно занимавшегося изучением «истории развития общественных форм» или «генетической социологией», резонно было ожидать, что основной базой своих исследований он изберет Дагестан. Башир Керимович Далгат, а именно о нем идет речь, действительно является автором таких содержательных научных работ, как «Материалы по обычному праву даргинцев», «Изучение обычного права горцев Кавказа, и в частности Дагестана в условиях советского строительства», «Обычное право и родовой строй народов Дагестана». Однако не только и даже не столько они создали ученому имя[1]. По большому счету, основными трудами Башира Далгата, обеспечившими ему непререкаемый авторитет в научном сообществе, стали работы, посвященные социальной истории, обычному праву, религиозным верованиям и иным явлениям культуры чеченцев и ингушей. Примечательно, что авторы, неосведомленные в биографии ученого, а знающие его только по данным фундаментальным работам, говорят о нем как о чеченце[2]. Может показаться, действительно, кому, как не уроженцу Чечни или Ингушетии так обстоятельно разобраться в общественной и семейной жизни, в религиозных представлениях и практиках жителей этих областей Кавказа. Смог выходец из даргинского селения, выросший во Владикавказе, обучавшийся в Ставропольской гимназии, а затем на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Он является автором «Первобытной религии чеченцев», «Родового быта у чеченцев и ингушей», «Материалов по обычному праву ингушей». Без учета содержащихся в них материалов, а также сопровождающих их комментариев и анализа исследователя уже на протяжении более сотни лет невозможно полноценное освещение и изучение истории и культуры ингушей и чеченцев.

Первые две работы (вторая лишь частично) были опубликованы в 1893 и в 1906 гг., «Материалы по обычному праву ингушей» — в 1929 г. В полном объеме они впервые представлены в данном издании. В них Башир Далгат предстает ученым, придерживающимся определенных научных концепций. О последних ниже. А сейчас об особой ценности этих работ.

Дело в том, что научные концепции совершенствуются и меняются. Такова логика развития научного знания, стремящегося к объективности и всесторонности анализа рассматриваемых явлений и процессов. Что-то от концепций остается в истории науки, одновременно становясь отправной точкой и базой для новых подходов и интерпретаций. Но оригинальный (в этнографии полевой) материал навсегда сохраняет непреходящую ценность. Работы Б.К.Далгата в полной мере насыщены подобным оригинальным материалом. Его он собирал в Ингушетии, а также в Чечне в 1891–1892 гг. Собирал по программам, составленным авторитетными учеными, которые с позиций этнографической (этнологической) науки своего времени смотрели на объект исследований, придерживаясь определенных взглядов на возможности и перспективы его (объекта) изучения (об этом достаточно сказано в предисловии У.Б.Далгат, подготовившей настоящие работы к публикации, и во введении к «Родовому быту» самого Б.Далгата). По этой причине в материалах, собранных Б.Далгатом, очевидна программная заданность (она прослеживается и в его интерпретациях этих материалов, что естественно, так как, по большому счету, его учителями являлись такие корифеи науки своего времени, как М.М.Ковалевский, Н.Н.Харузин и др., под чье влияние трудно было не попасть). Однако отдадим должное «собирателю» данных материалов — человеку чуть старше 20 лет, студенту первых курсов солидного университета, с воодушевлением обратившемуся к изучению «родового устройства», «первобытной религии», «обычного права» народов, вряд ли тогда хорошо ему знакомых, но близких в силу их общей принадлежности к миру истории и культуры горного Кавказа. В кавказоведении того времени аналогов сбора материалов по данным (или схожим) программам не было, равно и позднее не появилось обобщений и интерпретаций подобных тем, что в свое время осуществил Башир Далгат. В этом отношении его работы в подлинном смысле уникальны. Они уникальны еще и потому, что в силу объективных обстоятельств к XX в. наука обладала наименьшим количеством информации по истории и в ши-

роком смысле культуре ингушей и чеченцев по сравнению с другими народами горной зоны Кавказа (ее недостаток в полной мере ощущается и ныне). По этой причине публикуемые в данном издании работы Башира Далгата обладают дополнительной значимостью.

Сам исследователь во введении к «Родовому быту...» определенно и корректно сформулировал поставленные перед собой задачи. Оговорив общие цели науки, в рамках которой он осуществлял изыскания, а именно «генетической социологии» (понятие, введенное М.М.Ковалевским), а ныне мы бы сказали — этнологии или социальной антропологии: «изучение общественных форм (хозяйства, семьи, брака, государства и проч.) в их взаимосвязи развития», т.е. в эволюционном ракурсе и, оперируя сравнительно-историческим методом, Б.Далгат пояснял, что «желал бы только нарисовать картину обычного права чеченцев в ее недавнем прошлом и настоящем виде, не касаясь принципиальных вопросов происхождения и значения тех или других адатов». Такой выбор он делал не столько из опасений перед трудностями решения вопросов и проблем общеисторического характера, сколько из резонных соображений, что «исследование быта известного народа на месте, в местных условиях, должно предшествовать теоретическим обобщениям и сравнениям». Резонное опасение перенесения на оригинальный материал некоторых «теоретических тенденций» вовсе не означало подачи этого материала в виде «простого перечисления обычаев без системы». Анализ, отмечал Б.К.Далгат, здесь необходим, но в разумных пределах, так как именно он является «руководящей нитью» «монографического», т.е. комплексного исследования конкретного народа. Такой подход и был им успешно реализован в публикуемой монографии о родовом устройстве чеченцев и ингушей.

Что понимал под родовым устройством Башир Керимович Далгат? Вслед за Максимом Максимовичем Ковалевским, по сути дела являвшимся для него учителем в осмыслении «эмбриологии» общественных «сфер» и отношений, Далгат рассматривает общества «родовой эпохи» как сложно организованные системы, в которых семейно-родственные структуры и «родовая солидарность» в широком спектре ее проявлений играют особо важную роль (в свою очередь «род», по Ковалевскому и Далгату, это «совокупность родственных друг другу семейств однофамильцев»). Однако в общественных практиках чеченцев и ингушей второй половины

и конца XIX в. «совокупности родственных семейств», которые по определению должна была отличать «родовая солидарность», проследить оказывалось довольно сложно. Сложно уже в плане терминологических разночтений в обозначении таких групп. Б.Далгат заметил: «Названия же “тайпа” и “гаар” или “нека” не означают вообще родственников, а соответствуют известным организациям...» Сложно, потому что между данными «организациями» «существует, в позднейшем их виде, громадная разница», которую «признает и сам народ». Сложно в плане уяснения исторических закономерностей формирования подобных «совокупностей». Необходимо отдать должное Баширу Далгату — ему во многих из этих и в ряде других сложных вопросов удалось вполне успешно разобраться. Он пришел к выводу, что «роды» могли формироваться как за счет разрастания одной семейно-родственной группы, так и путем установления искусственного родства между разными группами. Он отметил, что во многих случаях надо говорить не о кровном родстве как таковом всех членов некой группы, а о «**представлении** (выделено мною.— *Ю.К.*) об общности происхождения от одного родоначальника». Он проследил процессы деления «родовых образований» на «линии», равно как и процессы объединения нескольких таких образований в «братства» («слово тайпа означает преимущественно братство, заключающее в себе несколько родственных или неродственных родов (вяров)»). Он сделал заслуживающие особого внимания наблюдения о судьбе «родовой солидарности» в позднейшее время. С одной стороны, кровная месть оставалась «почти единственным... еще крепким институтом родового быта», и можно было прогнозировать, что как исчезнет «кровная месть, то распадется и последнее связующее начало чеченских родов». С другой стороны, при значительном «русском влиянии» и прочих изменившихся со второй половины XIX в. обстоятельствах жизни местного общества, «связь родичей вместо того, чтобы ослабевать, все более и более усиливается», находя «новые условия для своего существования и развития».

В реальности очень многое оказывалось гораздо сложнее, диалектичнее, нежели могли предсказывать «теоретические тенденции». Башир Далгат эту диалектичность наблюдал лично, анализировал ее, и потому мог аргументированно оспаривать те или иные выводы, в частности такого авторитета, как М.М.Ковалевский.

Следует отметить, что основные заключения и выводы, сделанные Баширом Далгатом, в достаточной мере согласуются с представлениями о «родовом устройстве», о «родовой общине», которые сформировались в значительной части научного сообщества к последним десятилетиям XX в.[3] Хотя вряд ли возможно окончательное познание истории человеческого общества, уже, хотя бы, в силу того, что подходы к ее анализу существенно или принципиально различаются. Впрочем, для науки это естественно и полезно.

Для науки, для осмысления прошлого, а через него и настоящего вредны упрощенные подходы и оценки. Например, такая: «Все члены тайпы вели свое происхождение от общего предка»[4] (напомню, Б.Далгат отмечал, что во многих случаях можно говорить лишь о «представлении об общности происхождения» членов тайпа). Или же полное замалчивание в специальных этнографических изданиях существования тайпов и иных связанных с ними социальных структур[5]. Реалии же таковы, что в чрезвычайно сложные в политическом отношении 1990-е гг. в Чечне принадлежность к тому или иному тайпу оказалась весьма актуальной, и *неотейпизм* стал средством и формой современной мобилизации[6].

В том, что из себя представлял (а, может быть, и представляет ныне) тайп (тейп), ученые стремятся разобраться до настоящего времени. Достигнутые ими в этом деле успехи не очевидны.

В 1960-е гг. появилось специальное исследование чеченского тайпа писателя и историка-этнографа М.А.Мамакаева. Автор пришел к выводу, что уже к XVII в. тайп представлял собой пережиточную форму распавшейся родовой общины[7]. В те же годы на близкую тему была опубликована солидная работа Р.Л.Харадзе, в которой говорилось, что «*тайп/тейпа* по своему типу действительно является родовой организацией, однако за известный нам период ее существования она имела совершенно иной характер... Возможно, формулировка “родоплеменная группа” является наиболее приемлемой для ранней ступени развития *тайпа/тейпа*». И о близком чуть ниже: «Видимо, чечено-ингушский *гара/вьар* является тем термином, который некогда обозначал род... [но] в дальнейшем [он] закрепился за родственной организацией и, наконец, был заменен иноязычным *тайпа/тейпа* в том же значении»[8] (чеч. *тайп/тайпа*, инг. *тейп/тейпа* восходят к араб. *тайфа*, где это слово имеет значения: «группа, круг, сообщество людей»).

Позднее появилась другая (отрицавшая первоначальную кровно-родственную основу данного социального института) интерпретация того, что представлял собой тайп. С.-М.А.Хасиев видит в тайпе общность низких слоев населения — братство, образовавшееся в целях их сплочения в социальной борьбе[9]. Такая точка зрения имеет сторонников[10].

Подобная интерпретация вызывает ассоциации с популярными в 1960-е гг. суждениями ряда ученых, занимавшихся изучением истории и этнографии народов Северного Кавказа, о природе так называемых братств. В.К.Гарданов в адыгских «братствах» нового времени — первоначально, по его утверждению, древнейших фратриях, унаследованных от родового строя — видел «объединения крестьянских масс, преследующих единые политические цели» и построенных с учетом якобы хорошо сохранившихся в народе «родовых представлений» и «традиций родовой солидарности»[11]. В свою очередь А.Х.Магометов также считал возможным интерпретировать осетинские *арвадалта* (объединения представителей нескольких фамилий *мыггаг*) как братства, выступавшие «солидарной, коллективной силой против феодалов»[12]. Можно задаться вопросом: не являлись ли такие гипотезы данью еще недавно главенствовавшей в отечественной исторической науке теории («теоретической тенденции») о ведущей роли классовой борьбы в истории человечества? Впрочем, все, в том числе многое в исторических процессах и явлениях, диалектично, так что природа и судьба тайпа, безусловно, далеко неоднозначна. Однако надо заметить, что исследователи, обращающиеся к данной проблеме, явно недостаточно используют материалы и аргументы научных обоснований, содержащиеся в работах Б.К.Далгата.

Возможно, это связано с тем, что до настоящего времени они были трудно доступны. А то, что без обращения к этим работам и полноценного их использования невозможно сколь-либо успешное решение научных, да и практических задач, не только связанных с Чечней или Ингушетией, но в целом применительно к Северокавказскому региону, более чем очевидно. Это отчетливо понимал и сам Башир Керимович, отмечая, что «изучение форм общественных отношений в прошлом человечества дает опору для решения выдвинутых жизнью задач о наилучших формах отношений в настоящем и будущем».

Сказанное выше преимущественно касается работ, помещенных в первом Разделе настоящего издания и посвященных «родо-

вому устройству» и «быту» чеченцев и ингушей. Второй Раздел книги включает «Материалы по обычному праву ингушей». Об этой работе Б.К.Далгата говорить одновременно сложнее и проще. Автор сам справедливо отметил, что они (собранные им материалы) буквально «фотографируют явления народного быта» конца XIX столетия. А ведь только подобная фиксация и делает сведения достоверными и в итоге позволяет рассчитывать на объективное освещение и такой же научный анализ разнообразных сфер жизни конкретного народа. Название работы на первый взгляд ориентирует читателя на то, что он познакомится только с определенными юридическими практиками и с тем, что с ними связано. На самом же деле читатель знакомится с очень широким спектром разнообразных сторон жизни ингушей в 90-е гг. XIX в. Очевидно, Башир Далгат, хорошо зная горско-кавказскую среду (а не только четко выполняя предписания «Программ для собирания сведений...»), учитывал, что в горской среде *адат* (обычное право) подразумевает не один свод юридических правил и норм и порядок их исполнения, но и регламент бытовой и обрядовой жизни, а также нравственные максимы, принятые в конкретной этнокультурной среде. Поэтому «Материалы по обычному праву» представляют широкий срез жизни ингушского общества в целом. Читатель, наверняка, уже сам убедился в этом и отдал должное автору работы.

В заключение вернусь к тому, с чего начинал, а именно к вопросу, почему именно ингуши и чеченцы оказались в центре внимания ученого. Сам он объяснял это сохранением у данных народов «родовых распорядков... в наиболее полном и чистом, не разрушенном временем, виде». Однако такая посылка верна только в качестве начальной, отправной точки исследовательской работы. В дальнейшем уже не только азарт ученого, но уважение к людям этих областей Кавказа, пришедшее через познание их жизни, заставляли Башира Далгата вновь и вновь обращаться к материалам по этнографии и истории ингушей и чеченцев. Ведь и сам он говорил, что его работы рождены не только любовью к научной истине, но в равной степени и любовью к «горцам». Очень показательны псевдонимы, которые использовал Б.Далгат в ряде своих публикаций — «Беркут», «Горец», «Друг народа»[13]. Он был не только талантливым ученым, он был преисполненным гуманистических убеждений гражданином.

И еще одно. Уважение и любовь Башира Керимовича Далгата к «горцам», к горско-кавказской культуре, к людям, к науке переда-

Дочь Б.К.Далгата — доктор филологических наук,
профессор У.Б.Далгат.
Октябрь 1963 г. Махачкала

лись его дочери — Уздият Башировне Далгат, в такой же степени талантливому ученому, одной из основных научных работ которой стал фундаментальный труд «Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты» (М., 1972). Преемственность если не во всем, то в очень многом очевидная. Настоящая книга подготовлена ее усилиями (вслед за вышедшей три года назад и также подготовленной ею к новому изданию другой работой Башира Далгата «Первобытная религия чеченцев»).

Современная этнологическая наука обязана Баширу Керимовичу Далгату за огромный вклад в изучение культуры горцев Кавказа. Кавказоведение обязано и Уздият Башировне Далгат за продолжение дела отца, за то, что она дает второе рождение его трудам.

Примечания

[1] Из указанных работ только первая была опубликована в труднодоступном издании — «Из истории права народов Дагестана». Материалы и документы / Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1968. Я называю издание труднодоступным, на том основании, что в крупнейших библиотеках Петербурга — в Российской национальной библиотеке (бывш. Публичная библиотека) и в Библиотеке Академии наук — оно отсутствует. Остальные так и остались неопубликованными и хранятся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, а их черновики у дочери ученого — Уздият Башировны Далгат.— *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 3 // Кавказский этнографический сборник. М.; Л., 1962. Вып. 3. С. 215.

[2] См.: *Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. С. 209.

[3] См., напр.: Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Под ред. А.И.Першица и Д.Трайде. М., 1986. С. 121–123.

[4] Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 366.

[5] *Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю.* Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Учебное пособие. Грозный, 1990.

[6] *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001. С. 143.

[7] *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962.

[8] *Харадзе Р.Л.* Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. Очерки этнографии горных ингушей. Тбилиси, 1968. С. 173, 174.

[9] *Хасиев С.-М.А.* Чеченцы // Нунуев С.Х. Нахи и священная история. Ярославль, 1998. С. 417.

[10] *Чеснов Я.В.* Чеченцем быть трудно. Тайпы, их прошлое и роль в настоящем // Независимая газета. 1994. 22 сентября.

[11] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967. С. 253.

[12] *Магометов А.Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С. 143.

[13] *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа. С. 215.

Ю.Ю.Карпов

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты Археографической комиссии на Кавказе. СПб., 1867. Т. I. 1888. Т. XI.

Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // ЭО. М., 1889. Кн. 1.

Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни (к десятилетию Советской Чечни). Изд. «Сердало». 1930.

Авторханов А. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Грозный: «Северный Кавказ», 1931.

Авторханов А. К вопросу изучения тайп, тухумов и классовой борьбы в чеченской деревне // Революция и горец. Книгоизд. Ростов на Дону: «Северный Кавказ», 1931. № 4.

Акимов В. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей, собранные автором во время путешествия по горной Чечне в 1886 // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском Музее. 1888. Вып. III.

Албакова Ф.Ю. Символ в традиционной культуре вайнахов. М., 1998.

Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. Отд. II.

Ахриев Ч. Ингушевские праздники // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. Отд. III.

Ахриев Ч. Ингушские каши // ТВ. Владикавказ, 1871. № 17.

Ахриев Ч. Присяга у ингушей // ТВ. Владикавказ, 1871. № 20–21.

Ахриев Ч. О характере ингушей // ТВ. Владикавказ, 1871. № 30.

Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // ТВ. Владикавказ, 1871. № 31.

Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушевского народа с приложением его сказок и преданий // ТВ. Владикавказ, 1872. № 27–35, 39, 42, 43, 45, 46.

Ахриев Ч. Ингуши: (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. I.

Ахриев Ч. Заметки об ингушах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I.

Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. Отд. II.

Бартоломей И. О так называемых мезджегских языках. Кавказ, 1855. № 70.

Березин И.Н. Ингуши // Русский энциклопедический словарь. Изд. И.Н.Березиным. СПб., 1874. Т. II. Отд. VIII. С. 386.

Березин И.Н. Чеченцы // Русский энциклопедический словарь. Изд. И.Н.Березиным. СПб., 1879. Т. IV. Отд. IV. С. 103–105.

2. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Беннигсен. Народные движения на Кавказе в XVIII в. (Священная война Шейха Мансура (1785–1791 гг.) Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, 1994.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Импер. С.-Петербургского Университета 1869–1894 гг. Т. I. СПб., 1896. Т. II. СПб., 1897.

3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные С.Броневским. М., 1823. Ч. I, II. С. 151–186.

4. Бутков П.А. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. I–III.

Вамбери. Первобытная культура тюрко-татарских народов // Записки Западно-Сибирского Императорского Географического общества. Омск, 1884.

В. В. Абреки и абречество в Терской области // Северный Кавказ. 1883. № 102.

Вейденбаум Е.Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. Тифлис, 1894. Вып. I.

5. Вертепов Г. Ингуши: Историко-статистический очерк // Т. С. Владикавказ, 1892. Вып. II.

Вильямс А.К. Географический очерк ингушей. Владикавказ, 1928.

Виноградов А. Шейх Мансур. М., 1934.

6. Военный сборник. СПб., 1859. Т. IX. № 9.

7. Военный сборник. СПб., 1859. № 10.

8. Военный сборник. СПб., 1862. Т. 23. № 2.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия. М., 1973.

Волкова Н.Г. Народы Кавказа. М., 1993.

Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.

Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. С. 9–21.

Гаммлер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: изд. «Крон-Пресс», 1998.

Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ. Л., 1930, вып. 5, ст. 701.

9. Географический словарь Российского государства А.Щекатова и Максимовича. М., 1801–1808. Ч. III.

Географическо-статистический словарь Российской истории / Сост. П.Семеновым. СПб., 1865. Т. II. С. 336 и 492. 1875. Т. V. С. 698.

10. Гиазарьянц Е.Е. Брак у кавказских горцев // Юридический Вестник: СПб., 1878, июнь–июль.

11. Готлиб-Георги И.Г. Описания всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. II и IV. Перевод с немецкого издания 1776.

Головинский П.И. Чеченцы (округи: Ауховский или Нагорный, Ичкеринский, Аргунский, Чеченский и Ингушский). Происхождение чеченских обществ и их расселение // Т. В. Владикавказ, 1870. № 40–44.

Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах: из записок П.И.Головинского // ССТО. Владикавказ. 1878. Вып. I.

Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушевского округа в 1865 г. // Т. В. Владикавказ, 1868. № 21–26.

Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III.

Грабовский Н.Ф. Ингуши: (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. I.

Гроссе Э. Форма семьи и форма хозяйства. М.: «Книжное дело», 1898.

12. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествий академика И.А.Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. Издано по повелению Императорской Академии наук. СПб., 1809. С. 77, 83, 87 и др.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // Т. С. Владикавказ, 1893. Вып. III, кн. II [сокращенный вариант — У.Д.].

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев. М.: Наука, 2004. [Дополненное издание — У.Д.].

Далгат Б.К. Поездка к Чегемским ледникам центрального Кавказа. Владикавказ, 1896.

Далгат Б.К. Страничка из Северо-кавказского богатырского эпоса: Ингушско-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 г. // Э. О. М., 1901. Кн. I.

Далгат Б.К. Родовой быт чеченцев и ингушей: (отрывки) // Весь Кавказ. Владикавказ. 1905, 1906.

Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Северо-Кавказского краевого НИИ. Владикавказ, 1930.

Далгат Б.К. Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов при Азиатском Музее АН СССР (З. К.В.). Л., 1930. T.V. С. 695.

Далгат Б.К. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Известия Ингушского НИИ. Владикавказ. 1934. Вып. II [сокращенный вариант — У.Д.].

Далгат Б.К. О русско-туземных школах в Терской области (по поводу предложения местного начальства распространить грамотность среди горцев) // Педагогика. М., 2002. № 2.

Далгат Б.К. Рукопись 1887–88 гг.— Обычное право даргинцев (хранится в архиве У.Б.Далгат).

Далгат Б.К. Рукопись 1893–94 гг.— Родовой быт чеченцев и ингушей (хранится в архиве У.Б.Далгат).

Далгат Б.К. Рукопись 1934 г.— Обычное право и родовой быт народов Дагестана (хранится в архиве У.Б.Далгат).

Далгат У.Б. Л.Н.Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960.

Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972.

Далгат У.Б. Вклад ученого в популяризацию древней обрядовой культуры вайнахов (к 130-летию Б.К.Далгата) // Культура Чечни. История и современные проблемы. М.: Наука, 2006. С. 194.

Дзагуров Г.И. Переселение горцев или: Кавказ и соседние с ним страны (Карты. Планы), Тифлис, 1895.

13. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Ч. 1.

Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872.

Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву. СПб., 1889–1894.

Загурский Л.П. Этнологическая классификация Кавказских народов // Кавказский календарь на 1888 г. XLIII. Тифлис, 1887.

Захаров А.А. Древности из Ассинского ущелья // ИЧИНИИ. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе; Грозный, 1934–1935.

Записки Северо-Кавказского горского Научно-исслед. Института. Ростов-на-Дону, 1928. Т. I.

Записки Кавказского Отдела Императорского географического Общества. СПб., 1884. Кн. XII. Вып. I.

Землевладение у чеченцев. «П» // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I.

Зиссерман А.Л. Воспоминание о кистах. Из записок А.Л.Зиссермана // Кавказ. Владикавказ, 1851. № 93–94; № 95–97.

Зиссерман А.Л. Десять лет на Кавказе // Современник. СПб., 1854. Т. XLVII. Отд. V.

Золоторев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

14. Зубов П. Картины Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель: Сочинение Платона Зубова. СПб., 1835. Ч. III–IV.

Иванов И. Чечня // Московитянин. М., 1851. № 19, 20.

Из записок русского, бывшего в плену у чеченцев // Отечественные записки. 1841. Т. XIII.

15. Иваненков Н.С. «Горные чеченцы» — культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Т.С. Владикавказ. 1910. Вып. VII.

Ипполитов А.П. Заметки об Аргунском округе // Т. В. Владикавказ, 1868. № 3, 5.

Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками) // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I.

Казбек. Землевладение у чеченцев // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1–12. СПб., 1892. Т. X. Глава 1 (Иван Грозный и царь Федор Иванович).

Кавказский календарь за 1888 г. XLIII. Тифлис, 1887.

Ковалевский М.М. Первобытное право. М., 1886. Род. Вып. 1. Семья. Вып. 2.

Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 1, 2.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I, II.

Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлсм. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб., 1905.

Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910. Т. I, II.

Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877–1878 г. Зелимхан. СПб., 1912.

Крупнов. Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука,. 1971.

Кушнер П.И. (псев. Кнышев). Очерк развития общественных форм. М., 1927.

Кулишер М. Мифология и этнография // Русская мысль. СПб., 1889. Кн. I.

Кундуков М. Об извращении горской истории // Революционный Восток. 1930. № 8.

Де Кюланж Ф. Древнее общество // Обзор культа, права и учреждений Греции и Рима. СПб., 1867.

Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и межродовое право кавказских горцев) // СККНИИ. Записки. Ростов-на-Дону. Т. I. С. 151–185.

Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI.

Лёббок Д. Начало цивилизации, умственное и общественное состояние дикарей. СПб., 1876.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Л.; М.: Госуд. Изд-во, 1925.

16. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Севера и Востока Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.

Литвинов М. Окраины России. Т. 1. Кавказ. Пособие для изучения военной географии России. СПб., 1883.

Максимов Е. Чеченцы // Т. С. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. 2.

Мальсагов З. Культурная работа в Чечне и Ингушетии в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928.

Малявкин Г. Караногайцы. Т. С. Владикавказ, 1893. Вып. III.

Мандельштам. Опыт объяснения обычаев, созданных под влиянием мифа. СПб., 1882.

Маргграф О. Чеченские селения. Т. В. Владикавказ, 1887. № 47.

Маркс К. К критике политической экономии. М., 1922.

Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. М., 1922.

Марр Н.Я. По этапам развития яфетической теории. М.; Л., 1926.

Мартиросян Г.К. История Ингушетии. Орджоникидзе. 1933.

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Меч С. Кавказ, географический очерк. М., 1884.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881–1887. Ч. I–III.

Миллер В.Ф. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедицией Императорского Московского Археологического общества, снаряженной на Высочайше дарованные средства. М., 1899. Вып. I.

Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. Приложение № 1.— Кавказско-русские параллели // Этнографическое обозрение, кн. X, №3, кн. XI, № 4. М., 1891.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. (Приложение III: Масуди о Кавказе).

Михайловский В.М. Шаманство: сравнительно-этнографические очерки // Известия ИОЛЕАЭ. М., 1892. Вып. I.

Мунчаев Р.М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА. Вып. 100. М., 1965.

Мэн Г.С. Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права. Перевод с англ. А.Аммона и В.Дерюжинского под ред. М.Ковалевского. М., 1884.

Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского края. Тула, 1891.

Нануев С.Х. Нахи и священная история. Ярославль 1998.

Народы России. Этнографические очерки. СПб., 1881. Т. I, II.

Немировский М.Я. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. Владикавказ. 1928.

23. Ошаев Х. «Малхиста» // Революция и горец. Ростов-на-Дону: Изд. «Северный Кавказ», 1930. № 8. С. 58–65.

Ошаев Х. Мюридизм в Чечне // Революция и горец. Ростов-на-Дону: Изд. «Северный Кавказ», № 9–10 (23–24). С. 48.

Пахман С.В. О современном движении в науке права. СПб., 1882.

Первобытное общество. М.: Изд. Всемирной истории, 1932. Т. I, II, III.

Петри Э.Ю. Антропология. Основы антропологии. СПб., 1890. Т. 1.

Петри Э.Ю. Методы и принципы географии. СПб., 1892.

Петухов П.— Из нагорного округа. П.Петухова. Описаны свадебные и другие обычаи чеченцев // Кавказ. 1866. № 53, 65, 86, 95, 97, 98.

Пешель О. Народоведение. СПб., 1890. Вып. IX.

Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. IV. 1700–1712 г. С. 419. 1708 г., 30 сентября. С. 2207.

Попов И.М. Ичкерия: историческо-географический очерк // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Попов И.М. Заметки о Чечне и чеченцах: Исторический очерк // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. I.

Попко И.Д. Терские казаки стародавних времен. Гребенское Войско. СПб., 1880. Вып. I.

Программа для собирания сведений об юридических обычаях. Изд. ИОЛЕАиЭ. М., 1887.

Программа для собирания народных юридических обычаев. Изд. Комиссией собирания народных юридических обычаев, состоящей при Отделении этнографии Императорского русского географического Общества. С.-Петербург, 1889.

Рейнегс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. СПб., 1796 (немецкий язык).

Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л.: Госуд. Изд-во, 1925.

17. Русский инвалид или Военные ведомости. СПб., 1822. № 35.

18. Северный Архи». Журнал истории, статистики и путешествий. СПб.: Изд. О.Булгариным, 1824. № 20–24.

19. Самойлов К. Заметки о Чечне капитана К.Самойлова // Репертуар и Пантеон. СПб., 1855. Т. XXIII. № 9, 10.

20. Селезнев М.А. Руководство к познанию Кавказа. М.Селезнева. СПб., 1847. Кн. I, II.

21. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928–19929 годах // НИНИИК. Владикавказ, 1930. Вып. II и III.

Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1877.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

22. Соколовский В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев В.Соколовского // Ж. Министерства Народного Просвещения, СПб., 1881, ноябрь.

Смычников М. Основные вопросы землеустройства Автономной области Ингушетии. Владикавказ. 1928.

М.Тагир из Караха. Три имама // СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып. 45.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. СПб., 1873. Т. I–II. Перевод с англ. Д.А.Коропчевского.

Тайлор Э.Б. Антропология: (Введение к изучению человека и цивилизации). СПб., 1882. Перевод с англ. Ивина.

Терский сборник на 1891 г. Владикавказ, 1890. Вып. 1.

Терский календарь на 1891 год. Год первый. Владикавказ, 1890.

Терский календарь на 1911 г. Владикавказ, 1910. Вып. 20.

Терский сборник. Литературно-научное приложение к Терскому календарю 1911 г. Владикавказ, 1910. Вып. VII.

Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987.

Тусиков М.Л. Ингушетия. Владикавказ, 1926.

Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. Сочинения барона П.К.Услара. Тифлис, 1881.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей Н.Н.Харузина. // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее. М., 1888, вып. III. Под ред. В.Ф.Миллера.

Хицунов П. Древнейшие христианские памятники на Северном Кавказе // Кавказ. Владикавказ, 1847. № 41.

23. Христианович В.П. Горная Ингушетия. Ростов-на-Дону, 1928.

Чеченский аул. // Калейдоскоп. 1862. № 42.

Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV века). Грозный, 1963.

Шеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИНИИК. Вып. I. Владикавказ, 1928.

Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников // Кавказ. Владикавказ, 1846. № 27–30.

Шерипов Заурбек. Шейх Мансур. Краткий историко-географический очерк // О тех, кого называли абреками. Грозный, 1925 (? 27).

Шерипов Д. Очерк о Чечне. Грозный: Изд. «Сердало», 1929 г.

Шерипов Асланбек Д. Сборник: Статьи и речи. Изд. 3-е. Грозный, 1990.

Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. II.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 2-е изд. М., 1932.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. «Новая Москва». 1925. С. 77–84.

Энциклопедия Государства и права под ред. П.Стучка. М.: 1929–3-. Т. I–II–III.

24. Яковлев Н.Ф. Ингуши. Популярный очерк. М.; Л: Госуд. изд-во. 1925.

Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши // СККГ НИИ. Записки. Ростов-Дон, 1928. Т. I. С. 195–204.

Якушкин Е.Н. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль. 1875–1896. Вып. 1–2.

Bastian A. Vorgeschichte der Ethnologie. Berlin; Dümmler, 1881.

Bastian A. Die Ethnologie und deren Aufgabe... // Verhandlungen des I.Deutschen Geographentages. Berlin, 1882.

25. Bodensteds Fr. Les peoples du Caucase et leur guerre d'independence contre la Russie / Trad. par E.D.Salm-Kyrburg. Paris, 1859.

Gerland G. Anthropologische Beitrage. Magdeburg, 1875. Bd. I.

Dalgat U.B. Brautraub (Mot / K 1371). Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung Herausgegeben vor Kurt Ranke. Göttingen. Band 2 Lieferung ¾ Sonderdruck / Walter de Gruyter. Berlin; New-York.

Dalgat U.B. The heroic epos of the chechens and ingush. Translated from the Russian and keyword index compiled by D.C. Hunt. Russian Edition published by Nauka, 1972 for the A.M.Gorky institute of world literature. July 2005.

Dirr A. Die alte Relegion der Tschetschen // Anthropos, 1908, Bd. III. H. 4.

26. Klaproth J. Voyage au mont Caucase et en Georgie, 1807 an., von J.Klaproth. Paris, 1823. Vol. I.

Letourneau Ch. La Sociologie d'apres l'ethnographie, 2-e edit. Paris, 1884.

Letourneau Ch. L'evolution de Mariage et de la Famille. Paris, 1888.

Post. Bausteine fur eine allgem Rechtsvissenschaft. IB., 1880.

Pauly S. Description ethnographique des peoples de la Russie, par S.de Pauly. Saint Petersburg, 1862.

27. Pauly S. Peuples du Caucase // ЖМНП. 1881, ноябрь.

Potocki J. Histoire primitive des peoples de la Russie avec exposition complette de toutes les notions locales, naturales, et traditionelles' necessaire a l'itelligence du iv livre d'Herodote ets. Saint Petersbourg, 1802.

28. Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase; 2 vol., chap VIII–XVI. Paris: Klaproth, 1829.

Reineggs J. Allgemeine historichtopografisch Beschreibung des Kaukasuss: Saint Petersbourg. 1896. Bd. I, XII, 294 S., 1797. Bd. 2. 432 S.

Ritter K. Europa, ein geographisches historisch-statistiches Gemälde. Frankfurt a.M.: Hermann. 1804. Bd. I. S.VI.

Tylor E.B. Early History of Mankind. London, 1865. Vol. 1–2.

Viollet P. Precis de l'histoire du droit français accompagne de notion de droit comonique et d'indications bibliographique. Paris: Larose et Forcel, 1884. Fasc. 1.

[Важно иметь в виду то обстоятельство, что из номенклатуры библиографии, преимущественно составленной Б.К.Далгатом, нами экстраполированы в особый список заметок автора относительно некоторых названных им произведений. Речь идет об их научных оценках, к которым иногда прибегал исследователь, называя те или иные книги и другие издания в его библиографии. В списке аксиологических заметок система нумерации книг, обозначенная арабскими буквами, соотносится с эквивалентом основной номенклатуры].

*Аксиологические «заметки» Б.К.Далгата к книгам и т.п. из его основной библиографической номенклатуры**

1. «Здесь имеется сырой материал, по важности для истории не имеющий ничего равного себе: собраны все архивные документы со времени возникновения русских городов на Кавказе и до наших дней, имеется много и бытовых черт чеченцев».

2. При составлении монографии автор пользовался соч. Фрейтала («Краткое описание происхождения чеченцев»), М.Я.Ольшевского («Военно-статистическое и топографическое описание Большой и Малой Чечни 1850 г.») и рассказами полковника Белика и Качкалыковского намета Бата. В свое время эта монография имела выдающееся значение, но после того, как профессор Ф.И.Леонтович опубликовал работу Фрейтала и после ряда капитальных статей о чеченцах, напечатанных в сборниках сведений о кавказских горцах и в других сборниках, это сочинение потеряло свое прежнее значение, и для нас интересны лишь немногие данные.

3. Автор сам служил на Кавказе с 1796 по 1804 год (с 1802 по 1804 в Грузии правителем дел при главнокомандующем генерале князе Цицианове) и, кроме собственных наблюдений, пользовался также соч. Гмелина, Гюльденштедта, Палласа, Рейнегса, акад. Сент-Кроа, Эдварда и академическими периодическими изданиями и множеством других источников. Книга — научного характера и, как выражается компетентный кавказовед А.Берже, это — первый обстоятельный труд о Кавказе на русском языке; он не лишен даже современного значения и принадлежит к лучшим источникам при изучении местной этнографии. На стр. 151–186 II

---

* Здесь цифровое обозначение называемых авторов соответствует цифровому обозначению их, выборочно вынесенному нами на поля Библиографии.

части мы находим данные об ингушах, кистах, чеченцах и карабулаках. Книга издана в 1823 г., но составлена еще в 1810 году.

4. Здесь много документальных исторических и отчасти этнографических сведений. Весьма ценный труд.

5. Это самое лучшее исследование экономического быта ингушей.

6. Он содержит интересную статью без указания автора — «Шамиль и Чечня» (С. 120–164); автор пользовался статьями: Бартоломея И.О. «Кавказ», 1855, № 70 и Клингера — «Кавказ», 1856. № 97. Составлена весьма дельно.

7. Интересен «Обзор последних событий на Кавказе. «А.А.-Г.— «Управление Чечни при Шамиле».

8. Здесь — А.Руновский: Кодекс Шамиля (С. 327–386). Статья эта, содержащая 13 низанов или статей Шамиля, интересна в том отношении, что в ней мы имеем данные о реформах, введенных Шамилем в общественной и семейной жизни чеченцев.

9. Словарь заключает сведения о кистах, заимствованные у разных путешественников по Кавказу.

10. Автор пользуется статьями, помещенными в ССКГ, и дает натянутое толкование обычаев, прилагая к ним взгляды Леббока на первобытную семью. М.Ковалевский в своих капитальных исследованиях отверг такой взгляд на семейную организацию кавказских горцев.

11. Вторая часть этого сочинения содержит краткие сведения о кистах, заимствованные у Гюльденштедта, как указывает на это сам автор (с. 46).

12. В этой книге мы находим довольно много ценных сведений о кистах (чеченцах). Она заслуживает внимания как один из наиболее ранних источников.

13. Подробно и всесторонне описан быт чеченцев. Здесь имеется свод данных, появившихся в печати до 1871 г. Противоречивость и неполнота их отразились и в этом сочинении; для знакомого с предшествовавшей литературой оно дает мало интересного; вследствие отсутствия критического отношения к источникам, оно теряет характер научности.

14. Это сочинение также не лишено современного значения, но сведения о чеченцах, изложенные в III ч., стр. 151–180, будучи заимствованы у Броневского, мало прибавляют нового.

15. Здесь: истории чеченцев о заселении гор, родословным преданиям о происхождении знатных родов из Грузии, Сирии — арабов и прочему посвящено шестнадцать страниц.

16. Это сочинение имеет существенное значение для обычного права чеченцев и ингушей.

17. На стр. 138 и далее изложена компилятивная статья «О народах, соседственных Астраханской губернии»; в ней имеются некоторые данные и об ингушах и кистах, но вообще много погрешностей против истины, и ею следует пользоваться осторожно.

18. На стр. 183 и след. мы находим интересную статью одного чиновника, командированного на Кавказ, названную — «Журналом путешест-

вия по землям Донских казаков, к Кавказу и в Астрахань. Г.Ст...» в 1800 г. Много бытовых черт чеченцев записано автором со слов генерала Дельпоццо, кабардинского пристава в Прохладной, взятого в 1793 году чеченцами в плен и пробывшего у них пятнадцать месяцев (С. 189–265).

19. К.Самойлов, прослуживший четыре года в Чечне. Здесь имеются ценные сведения о родовой организации чеченцев.

20. Весьма ценный труд: сведения заимствованы у 70 новых и древних писателей; Т. II, гл. III, стр. 28–55 посвящены и осетинам; но здесь больше данных о религиозных верованиях, нежели по обычному праву.

21. Автор дает много ценных наблюдений, но к его собственным обобщениям следует относиться с большой осторожностью, т.к. они противоречивы, субъектны и часто неверны.

22. Небольшая статья, но важная в том отношении, что в ней впервые изложены взгляды на когнатическое родство, предшествовавшее в жизни кавказских горцев нынешнему, агнатическому, развитые затем М.Ковалевским.

23. Очень интересная статья, характеризующая пережитки родового быта чеченцев, живущих в верховьях р. Аргун (притока его — Мишихи).

24. Популярный очерк по наблюдениям 1919–1921 гг. Прекрасный популярный очерк о быте, роде, семье и кровной мести у ингушей в свете научного анализа.

25. Первое немецкое издание этого соч. вышло в 1848 г. На стр. 236–246 мы находим сведения о мизджегах и кистах, взятые, по всей вероятности, у Клапрота, Потоцкого, Гюльденштедта и др.

26. В т. I, стр. 391–421, описывается быт ингушей по наблюдениям автора во время путешествия по Кавказу, совершенному в 1807–1809 гг., а также по описаниям Гюльденштедта, Палласа, Рейнегса и Потоцкого, на что автор указывает во II т., стр. 421. Сведения сами по себе весьма интересны, но по обычному праву сказано мало.

27. Это сочинение издано Академией наук, имеется верная, но краткая характеристика внешней жизни чеченцев; этнографических, тем более — правовых, данных немного.

28. Во II т., гл. VIII–XVI, описано путешествие, совершенное по Северному Кавказу Потоцким. Много исторических данных о религии, одежде, наружности чеченцев и ингушей, записанных со слов чеченцев и ингушей в Кизляре и Моздоке; есть кое-что и по обычному праву ингушей.

Список сокращений

ААКК	— Акты Археографической комиссии на Кавказе
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское Отделение Русского географического общества
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗКВ	— Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР
ЗСКГНИИ	— Записки Северокавказского горского научно-исследовательского института
ИГПИ	— Известия Горского педагогического института
ИИНИИК	— Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения
ИИОЛЕАЭ	— Известия Императ. Общества любителей естествознания антропологии, этнографии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
СККНИИ	— Северо-Кавказский Краевой научно-исследовательский Институт
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СМПЭ	— Сборник материалов по этнографии
ССК	— Сборник сведений о Кавказе
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
ССТО	— Сборник сведений о Терской области
ТВ	— Терские Ведомости
ТС	— Терский сборник
Э. О.	— Этнографическое обозрение

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Программа юридических обычаев 1887 г.;

Отдельные страницы из рукописей Б.К.Далгата (автографы);

Протокол;

Географическая карта Чечни и Ингушетии (1916 г.)

Оттискъ изъ VIII т.
Трудовъ отдѣла Этнографіи.

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ

ОБЪ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ.

СОСТАВЛЕННАЯ

СЕКРЕТАРЕМЪ ОТДѢЛА ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ

Д. ч. М. Н. Харузинымъ

на основаніи доставленнаго въ Отдѣлъ Этнографіи матеріала гг. д. ч. Е. И. Якушкинымъ, н. ч. профессоромъ М. М. Ковалевскимъ, ч. о. К. А. Шапошниковымъ, д. ч. М. Н. Харузинымъ, ч. о. Н. Н. Харузинымъ, д. ч. П. С. Ефименко, П. А. Матвѣевымъ, П. А. Соколовскимъ, А. И. Кистяковской, И. Я. Лудмеромъ, проф. И. Я. Фойницкимъ и П. М. Дашкевичемъ.

МОСКВА.
Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, домъ Мараевой.
1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Введеніе:

А) Отчетъ секретаря Отдѣла Этнографіи д. ч. М. Харузина о порученномъ ему составленіи программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ.

Б) Предисловіе проф. А. Ф. Кистяковскаго къ третьему изданію „Программы для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“.

1. Общія замѣчанія. 5
2. Родовой союзъ. 6
3. Сословное устройство у инородцевъ. . 10
4. Признаки бывшаго родоваго союза. . 13
5. Союзъ родственный (общія замѣч.; род. кровное, незаконнорожденное, род. молочное свойство, кумовство, усыновленіе, побратимство, аталычество, характеръ родств. отношеній, вліяніе родства на бракъ. . 17
6. Древнія формы брака и слѣды ихъ (обращеніе на игрищахъ и посидѣлкахъ, спохачество, деверство, гостепріимный гетеризмъ и пр., многоженство, кража и покупка невѣсты) 40
7. Современные бракъ и свадьба 55
8. Разводъ, расходъ. 74
9. Вторичный бракъ. 77
10. Отношенія между супругами:
    а) Личныя 79
    б) Имущественныя 90
11. Отношенія родителей и дѣтей:
    а) Личныя 97
    б) Имущественныя. 106
12. Семейная община („большая семья“) . 109
13. Семейные дѣлежи при жизни отца . . 130
14. Распоряженія на случай смерти . . . 135
15. Семейные дѣлежи по смерти отца (матери) и права наслѣдственныя . . 141
16. Опека. 150

1. Общія замѣчанія.

1. Какъ называется мѣстность, въ которой собиратель предполагаетъ записывать юридическіе обычаи (губернія, уѣздъ, волость, названіе селенія)?

2. Каковъ племенной составъ населенія данной мѣстности? Къ какому разряду принадлежатъ крестьяне данной мѣстности (государственные ли они крестьяне или удѣльные или бывшіе крѣпостные, и т. п.)?

3. Каково разстояніе данной мѣстности отъ желѣзной дороги, шоссе, уѣзднаго города, ярмарочныхъ мѣстъ, отъ школы, больницы, волостнаго правленія, камеры мироваго судьи, приходской церкви, призывнаго пункта?

4. Чѣмъ занимается большинство населенія — земледѣліемъ-ли, промыслами-ли, какими именно?

5. Часто-ли ходятъ жители данной мѣстности на отхожіе промыслы; какъ велико время, которое они проводятъ вдали отъ роднаго селенія; въ какія мѣста обыкновенно уходятъ; какого рода отхожими промыслами они занимаются?

6. Есть-ли и какъ многочисленны въ данной мѣстности старообрядцы и др. раскольники; не составляютъ-ли они значительную часть населенія?

Къ какимъ толкамъ принадлежатъ они?

---

2. Родовой союзъ.

Примѣчаніе. Всѣ вопросы этой 2-й главы относятся исключительно къ быту *инородцевъ*.

1. Существуютъ-ли среди населенія данной мѣстности родовые союзы т. е. особенный видъ общежитія родственниковъ (родичей), подчиненныхъ общему главѣ (старшинѣ) рода, обыкновенно ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго предка (родоначальника)?

2. Существуютъ-ли селенія, въ которыхъ живутъ *только* семьи родственныя другъ другу?

3. Называются-ли они именемъ общаго родоначальника?

4. Встрѣчаются-ли селенія въ составъ коихъ входятъ нѣсколько родовъ?

5. Не живутъ-ли въ жилищахъ по нѣсколько семействъ, причемъ каждая вновь образующаяся семья не выдѣляется, но занимаетъ только отдѣльное помѣщеніе въ общемъ жилищѣ, которое поэтому и строится за благовременно на нѣсколько половинокъ или же новымъ семьямъ строютъ особыя хаты вокругъ коренной избы (напр. у вотяковъ)?

6. Сохранились-ли какія либо преданія о духахъ покровителяхъ извѣстныхъ родовъ?

7. Каждая семья не имѣетъ-ли все свое, сохраняя однако главенство старшаго въ родѣ неизмѣнно?

8. Каковы въ такомъ случаѣ права и обязанности главы рода личныя и имущественныя, отношенія къ нему младшихъ родичей и послѣднихъ между собою?

9. Какъ переходитъ главенство въ родѣ — по старшинству-ли возраста, по праву-ли первородства, по завѣщанію-ли умершаго главы или по свободному выбору членовъ рода изъ своей среды и не требуется-ли для главенства надъ родомъ кровной связи выбираемаго съ основателемъ рода?

10. Можетъ-ли во главѣ рода быть женщина? Не остается-ли женщина во главѣ рода только до совершеннолѣтія дѣтей?

11. Можетъ-ли главой рода быть малолѣтній; въ такомъ случаѣ кто управляетъ до его совершеннолѣтія?

12. Нѣтъ-ли обычая, по которому главари рода могутъ жениться и на близкихъ родственницахъ, тогда какъ остальнымъ это уже не дозволяется?

13. Каковы права главы рода по отношенію личности и имуществу отдѣльныхъ членовъ обоего пола?

14. Дѣйствуетъ-ли глава рода единолично или съ совѣта и согласія собранія старѣйшихъ отдѣльныхъ дворовъ?

15. Не имѣетъ-ли глава рода права взять любую женщину на ночь?

16. На судъ является-ли самъ виновный или же только глава рода?

17. Глава рода или отецъ выбираетъ вступающему въ бракъ члену рода невѣсту?

18. Не дарятъ-ли при свадьбѣ особый подарокъ главарю?

19. Не отличается-ли особыми правами и обязанностями жена главы рода и вообще всѣ ли женщины въ родѣ пользуются одинаковыми правами личными и имущественными, всѣ ли исполняютъ одинаковыя обязанности или есть между ними такія, которымъ принадлежитъ старшинство и управленіе прочими?

20. Каково личное и имущественное положеніе женщинъ въ родовомъ союзѣ, и какой вообще характеръ имѣютъ отношенія ихъ къ мущинамъ и обратно?

21. Существуетъ-ли общая казна. Кому поручено завѣдываніе ею?

22. Какъ поступаютъ, если родственникъ убьетъ родственника ближняго (напр. брата), дальняго?

23. Нѣтъ-ли обязательной отвѣтственности всего рода за проступки одного члена родоваго союза. Если есть то за какіе именно проступки (прелюбодѣяніе, убійство и пр.)?

Не существуетъ-ли обязательной помощи всѣми членами рода такому члену рода, который нуждается въ помощи: напр. при уплатѣ

штрафа, при устройствѣ поминокъ и т. д.? (болѣе подробные вопросы см. въ главѣ 34).

24. Существуетъ-ли обычай кровной мести?

25. Кто отвѣтственъ за долги одного изъ родичей: весь ли родъ или только самъ должникъ; если послѣднее, то не помогаютъ-ли родственники члену при уплатѣ долга?

26. Не отвѣтственно-ли то поселеніе или стоянка, до мѣстъ которой прослѣжены слѣды вора?

27. Отвѣтственна-ли та семья, которая скрыла вора?

28. Существуетъ-ли въ данномъ родовомъ союзѣ обычай гостепріимства и пользуются-ли въ немъ правомъ убѣжища лица исключенныя изъ другихъ родовъ и вообще чужеродцы, посторонніе?

29. Какія права этотъ обычай предоставляетъ гостю и не обязывается-ли послѣдній чѣмъ либо предъ пріютившимъ его родомъ?

30. На какихъ основаніяхъ и въ какомъ случаѣ допускается пріемъ чужеродца въ члены родоваго союза?

31. Не заключается-ли при этомъ особаго договора между принимаемымъ и главою рода, въ чемъ состоитъ этотъ договоръ и не сопровождается-ли пріемъ какими либо обрядами?

32. Бываютъ-ли случаи исключенія изъ рода какого либо его члена, часты-ли эти случаи, за какіе проступки родичъ подлежитъ изгнанію?

33. Сохраняется-ли въ такомъ случаѣ какая либо родственная связь между изгнанни-

комъ и изгнавшимъ его родомъ и какими вообще личными и имущественными послѣдствіями сопровождается для родича такое изгнаніе? Какъ называютъ изгнанныхъ?

34. Можетъ-ли изгнанный снова быть принятымъ въ родъ?

35. Какъ образуются новые родовые союзы. Какимъ образомъ, часто-ли, вслѣдствіе какихъ причинъ происходитъ выдѣленіе изъ рода отдѣльныхъ семей и раздѣлъ имущества?

36. Сохраняется-ли въ такомъ случаѣ родственная, личная и имущественная связь между родомъ и выдѣлившейся семьей и остается ли послѣдняя въ какой либо зависимости отъ главы рода?

37. Встрѣчаются-ли въ данной мѣстности участки земли, которые весь родъ считаетъ своей собственностью?

---

3. Сословное устройство у инородцевъ.

1. На какія сословія дѣлилось мѣстное общество?

2. Какое названіе носитъ каждая сословная группа?

3. Какое происхожденіе приписываетъ преданіе каждой изъ сословныхъ группъ?

4. Какія права и обязанности принадлежатъ каждому изъ сословій?

5. Принадлежало-ли право владѣнія рабами и полусвободными всѣмъ или только высшему сословію?

6. Какія повинности натурой должны были отбывать свободныя лица, живущія на княжескихъ земляхъ, по отношенію къ князьямъ?

7. Имѣло-ли лицо свободнаго состоянія право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому?

8. Оставалось-ли въ этомъ случаѣ сакля уходящаго въ собственности владѣльца?

9. Имѣлъ-ли владѣлецъ право прогнать отъ себя лицо свободнаго состоянія, живущее у него на землѣ, въ случаѣ недовольства послѣднимъ?

10. Имѣли-ли лица свободнаго состоянія право покупать у владѣльцевъ землю?

11. Освобождала-ли ихъ такая покупка отъ несенія повинностей?

12. Давалось-ли полусвободнымъ лицамъ право пріобрѣтать землю у своихъ господъ?

13. Освобождались-ли они такой покупкой отъ зависимости?

14. Можетъ-ли принадлежащій къ высшему сословію взять невѣсту изъ низшаго сословія и наоборотъ, или члены каждаго изъ сословій могутъ жениться только на равныхъ себѣ?

15. Въ какія отношенія къ высшему сословію становились лица, рожденныя отъ неравныхъ браковъ членовъ высшаго сословія?

16. Какъ великъ размѣръ калыма, вносимый каждымъ изъ сословій?

17. Имѣетъ-ли владѣлецъ долю въ наслѣдствѣ по смерти членовъ одного изъ зависящихъ отъ него сословій?

18. Имѣлъ-ли господинъ право жизни и смерти надъ своими рабами?

19. Какъ великъ выкупъ, который долженъ былъ быть выплачиваемъ убійцей въ случаѣ убійства себѣ равнаго?

20. Какъ великъ выкупъ, выплачиваемый убійцей при убійствѣ лицъ высшаго или нисшаго чѣмъ убійца сословія, въ случаѣ убійства раба?

21. Въ чью пользу поступалъ выкупъ въ случаѣ убійства лица изъ зависимаго сословія: въ пользу-ли рода убитаго или въ пользу владѣльца?

22. Если въ прежнее время сынъ отъ мянной т. е. отъ второстепенной жены («номулусъ», см. ниже) вступалъ въ бракъ съ рабыней, считались-ли дѣти отъ этого брака принадлежащими къ тому-же сословію какъ и ихъ отецъ или нѣтъ?

23. Принадлежатъ-ли дѣти, рожденныя отъ брака дочери отъ имянной жены съ членомъ какого нибудь сословія, къ сословію отца?

24. Давалось-ли лицамъ нисшаго сословія право родниться посредствомъ браковъ съ лицами высшаго сословія?

25. Дозволялось-ли князю повышать зависимыхъ отъ него лицъ въ то или другое сословіе или переводить ихъ въ болѣе низкое сословіе?

26. Какія наказанія грозили лицамъ зависимыхъ сословій въ случаѣ неисполненія ими обязанностей по отношенію къ князьямъ?

27. Существуетъ-ли обычай, по которому всякое лицо, принадлежащее къ свободному сословію, имѣетъ право выбрать себѣ изъ лицъ высшаго сословія т. ск. нареченнаго воспитанника (емчека), который, не будучи въ дѣйствительности воспитанникомъ даннаго лица, принимаетъ на себя по отношенію къ нему всѣ обязанности воспитанника къ аталыку?

28. Долженъ-ли такой «названный емчекъ» защищать своего нареченнаго воспитателя, давать ему землю, примирять главу своей семьи съ нимъ и т. д.?

29. Какія обязанности принималъ на себя такой названный воспитатель въ отношеніи къ емчеку?

30. Былъ-ли онъ обязанъ давать емчеку извѣстную часть своихъ ежегодныхъ доходовъ, часть получаемаго имъ калыма и по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ опредѣленное число головъ скота?

---

4. Признаки бывшаго родоваго устройства.

1. Если въ данной мѣстности не встрѣчается случаевъ сожительства цѣлымъ родомъ, то не сохранилось-ли по крайней мѣрѣ о немъ какихъ либо преданій?

2. Въ какихъ значеніяхъ употребительны въ данной мѣстности слова: *родъ* и *племя*?

3. Нѣтъ-ли какихъ либо другихъ словъ съ тѣмъ же значеніемъ?

4. Не употребляется-ли слово *родъ* въ данной мѣстности въ различныхъ смыслахъ подобно тому какъ напр. въ Арх. губ. родомъ называютъ иногда собраніе только кровныхъ родственниковъ; въ другихъ случаяхъ—свойственниковъ и состоящихъ въ духовномъ родствѣ; при чемъ понятіе о родѣ съуживается иногда на столько что замѣняется словами: семья и домъ, а въ другихъ случаяхъ имъ обозначаются цѣлыя поколѣнія лицъ, имѣющихъ общаго родоначальника и не считающихъ себя родственниками?

5. Не подразумѣваютъ-ли подъ словомъ *родъ* также породу какъ напр. ясно изъ выраженій: «что родъ, то и племя» или «каковъ родъ таковъ и приплодъ?

6. Не имѣютъ-ли того же значенія что и родъ слова: «прерода» или природа, корень?

7. Употребительно-ли въ разговорномъ языкѣ слово *племя*, *племень*, обозначающее потомство частнаго колѣна; не встрѣчается-ли это выраженіе лишь въ свадебныхъ пѣсняхъ и въ пословицахъ при чемъ стоитъ рядомъ со словомъ родъ?

8. Употребляется-ли въ данной мѣстности слово *родовой* и въ какомъ значеніи?

9. Не замѣняютъ-ли крестьяне это слово выраженіями прародный, коренной (напр. земля

не своя прародная, а досталось изъ другаго рода; коренной домъ)?

10. Нѣтъ-ли отдѣльныхъ поселковъ состоящихъ изъ потомковъ одного общаго предка, и деревень носящихъ имя перваго посельника и основателя рода?

11. Сохраняютъ-ли отдѣльныя семьи и лица свои фамильныя и родовыя прозвища?

12. Много-ли въ данной мѣстности семей съ одинаковыми прозвищами или каждая семья и отдѣльныя лица имѣютъ свои особыя прозвища?

13. Какія прозвища употребительны въ данной мѣстности (желательно имѣть списокъ какъ прозвищъ для цѣлыхъ семействъ такъ и для отдѣльныхъ лицъ — мужчинъ и женщинъ)?

14. Не считается-ли одно и тоже родство при одной и при разныхъ фамиліяхъ — одно ближе, другое дальше?

15. Что именно послужило основаніемъ того или инаго прозвища—происхожденіе-ли, занятія-ли, личныя качества и пр., какъ напр. въ мужскихъ—Захаровъ, Фокинъ, Бочаровъ, Земляковъ, Сычевъ, Перецъ, Соловей; и въ женскихъ — Сычиха, Улитка, Калиниха?

16. Откуда берутъ обыкновенно невѣсту: въ своемъ селеніи или въ чужомъ?

17. Чѣмъ объясняютъ сами крестьяне то или иное обыкновеніе.

18. Не считается-ли грѣховными браки между однофамильцами и между односельчанами въ такихъ деревняхъ, въ которыхъ жители по

преданію происходятъ отъ общаго родоначальника; или же напротивъ: считается дозволительнымъ только такіе браки, а осуждаются браки съ членами другихъ родовъ, фамилій и селеній?

19. Вступаютъ-ли въ бракъ однофамильцы?

20. Нѣтъ-ли различія въ этихъ вопросахъ между обычаями былаго времени и нынѣшними; если да, то что повліяло на измѣненіе обычаевъ?

21. Не имѣется-ли въ данной мѣстности общихъ родовыхъ имуществъ, составляющихъ принадлежность всѣхъ членовъ одного хотя бы и распавшагося на отдѣльныя семьи рода?

22. Какъ при раздѣлѣ семьи распредѣляются свадебныя издержки на лицъ женскаго пола между мужскими членами семьи?

23. Кромѣ господствующихъ фамилій кончающихся на овъ, евъ, инъ встрѣчаются-ли прозвища на скій, *скихъ*, ичъ, *ы́хъ* (напр. Бѣлы́хъ, Черны́хъ и т. п.)?

24. Не извѣстно-ли какъ произошли послѣдняго рода прозвища?

25. Нѣтъ-ли въ данной мѣстности прозвищъ, употребляемыхъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа напр. Дарья Бѣляевыхъ?

25. Въ обычаѣ-ли у крестьянъ называть другъ друга по отчеству: Прохорычъ, Сидорычъ, и т. п. употребляется-ли это какъ доказательство болѣе близкихъ отношеній двухъ лицъ или какъ знакъ почтенія и уваженія?

26. Какія *родовыя* знаки собственности (тамги, клейма, пятна и т. п.) употребительны въ данной мѣстности (рисунки!)?

Примѣчаніе. Подробные вопросы сюда относящіеся см. ниже въ главѣ 18 „Знаки собственности".

---

5. Союзъ родственный.

1. Какими названіями народъ въ данной мѣстности выражаетъ общее понятіе о родственной связи (родство, свойство, сватовство, кумовство, крестовство, родня, родникъ, сродникъ, родъ, прерода, коренъ, племя, колѣно, приколѣнье, присвой и др.). Каково значеніе каждаго изъ такихъ названій?

2. Какія въ настоящее время наиболѣе употребительныя, какія выходятъ изъ употребленія?

3. Выражаетъ-ли народъ словомъ «родство» только понятіе о кровной связи или употребляетъ его и въ болѣе широкомъ смыслѣ—для обозначенія также кумовства и свойства (согласно существующей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поговоркѣ: кумовство и свойство—тоже родство)?

4. Не обозначаютъ-ли словомъ родство и цѣлой группы лицъ, стоящихъ съ кѣмъ либо въ родственной связи (напр. женихово родство)?

5. Называютъ-ли словами: родной, родня, родитель, родникъ, сродникъ, и т. п.—только кровныхъ родственниковъ или также и некро-

вныхъ и свойственниковъ, называя напр. даже зятя родителемъ (Арх. губ.)?

6. Не употребляется-ли слово родъ въ смыслѣ племя?

7. Не употребляется-ли слово племянникъ для обозначенія родственниковъ вообще?

8. Не обозначаютъ-ли словомъ родители умершихъ вообще даже не родственниковъ?

9. Не означаетъ ли слово «сродный» = двоюродный или же сводный?

10. Какія существуютъ въ данной мѣстности дѣленія родства и свойства (напр. родство по крови, по усыновленію, духовное, по молоку; свойство двухродное, трехродное и пр.)?

11. Какія существуютъ дѣленія родни (напр. дальняя, близкая, большая, малая, толстая, родня съ боку припеку и т. п.) при семъ необходимо болѣе точное объясненіе всѣхъ этихъ терминовъ?

12. Какими словами обозначаются виды отдаленнаго и близкаго родства?

13. Не называются-ли родство, простирающееся далѣе 3 колѣна или 6 степени, и лицо, стоящее въ такомъ родствѣ—*природой* (напр. «она намъ была еще природой») или какъ нибудь иначе?

14. Не обозначается-ли *дальное* свойство словомъ присвой или какъ нибудь иначе?

15. Какъ называется потомство и дѣти вообще (напр. отродъ, отплодъ и т. д. откуда безотродный = бездѣтный)?

16. Нѣтъ-ли особыхъ названій для сиротъ?

17. Какими способами народъ опредѣляетъ близость и отдаленность родства и свойства между отдѣльными лицами?

18. Какое понятіе о родственныхъ степеняхъ, линіяхъ и колѣнахъ?

Примѣчаніе. Г. Муловъ описываетъ слѣдующій наглядный способъ исчисленія родства употребленный однимъ крестьяниномъ: старикъ всталъ, положилъ кисти обѣихъ рукъ себѣ на голову и говоритъ: это отецъ—первая степень; затѣмъ положилъ кисти рукъ себѣ на плечи: это родные братья, его сыновья—вторая ступень; потомъ показывая въ одно и то же время противоположными кистями рукъ на локтевые изгибы: это двоюродные братья—четвертая ступень; наконецъ, указывая на изгибы кистей: это троюродные братья—шестая ступень, а дальше показывая на оконечности пальцевъ, седьмая, а тамъ уже будетъ 8-я, тамъ смѣло вѣнчай (Вѣкъ 1862 № 15).

19. Какимъ путемъ исчисляются и опредѣляются эти степени и колѣна?

20. Кѣмъ разбираются степени родства: стариками, свѣдующими людьми или же священниками?

21. Что называетъ народъ родствомъ *названымъ, нарѣченнымъ, богоданнымъ?*

22. Какими еще названіями обозначается въ данной мѣстности это же понятіе?

23. Какія названія употребляются въ данной мѣстности для богоданныхъ родственниковъ (напр. моленій, тысяцкій, сватовецъ — посаженный отецъ; почестные братья—дружки на

свадьбѣ; духовные братья—по исповѣди у одного духовника, и пр.)?

---

24. Ясно-ли различаетъ народъ въ данной мѣстности родство кровное отъ не кровнаго и отъ свойства?

25. Различается-ли кровное родство по мужской и женской линіямъ, какому изъ обоихъ видовъ придается бо́льшее значеніе и какими словами обозначаютъ? Не существуетъ-ли обычая напр. что въ братниномъ поколѣніи не вступаютъ въ бракъ до пятаго колѣна, а со стороны сестры только до четвертаго?

26. Не считаются-ли болѣе близкими между собою единоутробные братья чѣмъ единокровные?

27. Не придается-ли болѣе значенія родственниками со стороны отца чѣмъ со стороны матери, какъ напр. въ Арх. губ. поется: родители *большіе*, что съ батюшковой стороны а *честные* что съ матушкиной стороны?

28. Какія названія существуютъ для лицъ, состоящихъ между собою въ кровномъ родствѣ и свойствѣ (напр. матушка, дядюшка, дѣдина, племянникъ, сестренница, братъ въ первыхъ, братъ въ другихъ, отчимъ, свекоръ, шуринъ, зять, свѣстъ, золовка, своякъ и т. д.) при чемъ желательно имѣть полную родословную таблицу, составленную изъ народныхъ названій въ данной мѣстности?

29. Какія названія употребляются при личномъ обращеніи и какія за глаза?

30. Не обозначаются-ли единокровныя и единоутробныя дѣти особыми мѣстными названіями (напр. приведенныя или сведеныя; нарѣченный батюшка; богоданаго сына; братомъ.)?

31. Почитаются-ли пасынки и падчерицы родными по отношенію къ отчиму или пріобрѣтаютъ положеніе дѣтей послѣдняго только чрезъ усыновленіе?

---

32. Среди *населенія Кавказа*, гдѣ распространено многоженство, при чемъ одна жена считается старшей, а остальныя младшими (—«мулусъ» т. е. имянныя жены), дѣти этихъ послѣднихъ носятъ-ли особыя названія въ отличіе отъ дѣтей главныхъ женъ?

33. Пользуются-ли дѣти отъ имянныхъ женъ тѣми-же правами какъ и дѣти отъ женъ главныхъ? Не находятся-ли первыя въ бо́льшей зависимости отъ отца, чѣмъ вторыя?

34. Платитъ-ли отецъ калымъ въ случаѣ женитьбы сына отъ имянной жены?

35. Получаетъ-ли отецъ калымъ, при выдачѣ замужъ дочери, прижитой отъ имянной жены?

36. Имѣютъ-ли дѣти имянныхъ женъ право наслѣдовать имущество отца, которое послѣдній пріобрѣлъ безъ помощи семейнаго капитала?

37. Имѣютъ-ли дѣти отъ имянной жены право на долю при раздѣлѣ семейнаго имущества?

38. При раздѣлѣ семейнаго имущества поступаютъ-ли въ раздѣлъ и дѣти отъ имянныхъ женъ или всѣ дѣлящіеся владѣютъ ими сообща и послѣ раздѣла?

39. Имѣютъ-ли право сыновья отъ имянныхъ женъ наслѣдовать отцу, если у послѣдяго остались сыновья отъ законной жены?

40. Наслѣдуютъ-ли дѣти мужскаго пола отъ второстепенныхъ женъ отцовское имущество, если главная жена бездѣтна или имѣетъ только дочерей?

---

41. Какія лица признаются незаконнорожденными? Дѣти (православныхъ) рожденные внѣ брака, непривѣнчанныя и не усыновленныя, но *признанныя отцомъ* не называются-ли всѣми по отечеству отъ отца, носятъ его прозвище и пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей?

42. Не считаютъ-ли православные дѣтей старообрядцевъ (когда православнымъ неизвѣстно былъ-ли бракъ между родителями) и дѣтей раскольниковъ, не признающихъ брака — за законныхъ дѣтей, если они таковыми признаются своими родителями?

43. Пользуются-ли всѣми правами родныхъ дѣтей дѣти, рожденныя внѣ брака отъ жениха и невѣсты, отъ вдовы и родственника ея покойнаго мужа, отъ господина и служанки (какъ напр. у нѣкоторыхъ инородцевъ)?

44. Каковъ вообще взглядъ крестьянъ на *незаконнорожденныхъ* дѣтей и какими мѣстными названіями ихъ обозначаютъ?

45. Считаются-ли они родными?

46. Не пріобрѣтаютъ-ли они значеніе родныхъ дѣтей только черезъ усыновленіе или чрезъ вступленіе отца ихъ впослѣдствіи въ бракъ съ ихъ матерью?

47. Чью фамилію носитъ незаконнорожденный — матери, крестнаго или роднаго отца?

48. Существуетъ-ли обычай «привѣнчиванія», по которому женихъ передъ вѣнцомъ изъявляетъ согласіе принять незаконныхъ дѣтей невѣсты послѣ чего священникъ или начетчикъ приписываетъ ихъ къ его семьѣ и они получаютъ право законныхъ родныхъ дѣтей принявшаго?

---

49. У *инородцевъ* считались-ли въ прежнее время незаконными дѣтьми, рожденныя отъ брака свободнаго съ рабыней?

50. Могли-ли дѣти отъ брака свободнаго съ рабыней быть продаваемы своимъ отцомъ, и подлежали-ли они раздѣлу между членами семьи наравнѣ съ прочимъ имуществомъ?

51. Бывали-ли случаи, что владѣлецъ позволялъ постороннимъ лицамъ жить съ своими рабынями съ условіемъ, чтобы дѣти прижитыя отъ такого сожитія считались дѣтьми владѣльца рабынь?

52. Ясно-ли различаетъ народъ *духовное родство* отъ кровнаго и отъ свойства?

53. Не уважается-ли кумовство даже болѣе кровнаго родства?

54. Бываетъ-ли сожительство кума съ кумой? Встрѣчается-ли это какъ обыкновенное явленіе или какъ исключительное и пр ?

Какія относящіеся къ сему прибаутки, побасенки и пр.?

Не почитается-ли народомъ наоборотъ плотская связь между состоящими въ духовномъ родствѣ за спеціально преступную?

55. Какую роль играютъ крестные родители на семейныхъ совѣщаніяхъ?

56. Не имѣютъ-ли духовные родители и родственники особыхъ названій (напр. крестный, божатъ, божинъ, божатка, крестовушко)?

57. Кого обыкновенно выбираютъ крестнымъ отцомъ и матерью?

58. Можетъ-ли приглашаемый въ воспріемники отказаться?

59. Какъ смотритъ народъ на такой отказъ?

60. Берутъ-ли когда либо въ кумовья перваго встрѣчнаго и по какимъ соображеніямъ; нѣтъ-ли касательно этого обычая преданій, повѣрій и пр.?

61. Считается-ли родственникомъ лицо, которое даетъ имя ребенку?

62. Считается-ли родственницей кормилица? запрещается-ли бракъ между молочными братьями и сестрами?

63. Несутъ-ли молочные братья одинъ по отношенію къ другому а также по отношенію къ отцамъ другъ друга обязанность защиты и покровительства?

64. Какими обрядами сопровождается крещеніе ребенка?

65. Каковы въ нихъ роли и обязанности воспріемниковъ?

66. Принимаетъ-ли въ нихъ какое либо участіе повивальная бабка (повитуха) и какое именно?

67. Какъ относится къ ней простой народъ и въ частности члены того семейства, въ которомъ она помогала при рожденіи?

68. Считается-ли родственницей бабка, принявшая ребенка?

69. Не пользуется-ли повитуха иногда особымъ почетомъ и уваженіемъ со стороны той семьи гдѣ она принимала?

70. Не считается-ли она почетною гостью и пр.?

71. Нѣтъ-ли для повивальной бабки особыхъ ласковыхъ названій?

72. Не играетъ-ли повитуха какую роль въ свадебныхъ обрядахъ, не вводятъ-ли напр. она невѣсту къ жениху на смотринахъ (корелы)?

---

73. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *обычай брататься* («побратимство», «посестріе»)?

74. Какія названія употребительны какъ для самаго обычая (братанье, крестованье, крестосованіе), такъ и для лицъ, заключающихъ союзъ братства (крестовый, крестованный братъ, названый братъ)?

75. Насколько распространенъ этотъ обычай въ данной мѣстности?

76. Какими обрядами сопровождается заключеніе союзовъ побратимствъ (смѣшеніе крови, сидѣнія на одной кожѣ, обниманіе другъ друга черезъ саблю и т. п.)?

77. Не обмѣниваются-ли братающіеся крестами, не вручаютъ-ли другъ другу подарковъ?

78. Не считается-ли обязательнымъ для лица, получившаго подарокъ отъ своего побратима при заключеніи съ нимъ братскаго союза, отдарить послѣдняго въ той же мѣрѣ?

79. Считается-ли братанье родствомъ и какія вообще отношенія возникаютъ между побратавшимися?

80. Не признается-ли братанье обязательнымъ для нѣкоторыхъ лицъ (напр. для жениха и невѣстина брата)?

81. Существуетъ-ли обычай посестрія т. е. подобнаго же союза между двумя женщинами?

82. Не сохранилось-ли преданій о существованіи этого обычая въ былое время?

83. Существуетъ-ли обычай кумиться между женщинами въ какой нибудь опредѣленный праздникъ или при совершеніи извѣстныхъ поминокъ?

84. Какими обрядами, какими пѣснями сопровождается этотъ обычай?

85. Заключаютъ-ли между собою союзъ братства лица не одинаковаго пола и рѣзко различнаго возраста?

86. Ясно-ли различаетъ народъ братаніе и посестріе отъ кумовства?

87. Не-бываетъ ли случаевъ и не сохранилось-ли преданій о томъ, чтобы союзъ братства могъ *наслѣдственно* переходить отъ одного потомства въ другое, напр. будучи заключенъ родителями считался бы обязательнымъ и для ихъ дѣтей?

---

88. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *обычай усыновленія?*

89. Какое различіе усматривается въ понятіяхъ крестьянъ объ усыновленныхъ, пріемышахъ, подкидышахъ и питомцахъ?

90. Нѣтъ-ли различія во взглядѣ крестьянъ на питомцевъ воспитательныхъ домовъ и воспитанниковъ принятыхъ отъ частныхъ лицъ?

91. Какими названіями обозначаются лица, вступившія къ кому либо чрезъ пріемъ на воспитаніе и т. д. въ положеніе родителей и дѣтей (напр. пріемышъ, воскормленникъ, пріймакъ, новожиръ, выхованецъ, шпитатка, богоданное дитятко, захребетникъ)?

92. Дѣлается-ли какое либо различіе между пріемышемъ и усыновленнымъ?

93. Какія условія требуются для усыновленія (возрастъ усыновителя, усыновляемаго, извѣстное положеніе въ семьѣ и общинѣ, брачное состояніе)?

94. Можетъ-ли женщина самостоятельно брать пріемышей и усыновлять?

95. Принимаются-ли только дѣти или же и взрослые?

96. Соблюдается-ли какое либо соотвѣтствіе между годами принимателя и принимаемаго?

97. Требуется-ли при усыновленіи согласіе на то сельскаго общества?

98. Необходимо-ли получить согласіе общества на усыновленіе, дабы усыновленный получилъ право на пользованіе мірской землей (X т. 1 ч. 155—161)?

99. Не допускается-ли усыновленіе тогда лишь, когда у усыновителя нѣтъ другихъ дѣтей (почему?)

100. Допускается-ли у инородцевъ усыновленіе, когда у желающаго усыновить имѣются родственники по мужской линіи?

101. Требуется-ли у инородцевъ для усыновленія согласія родственниковъ по мужской линіи?

102. При какихъ обстоятельствахъ и какимъ путемъ совершается усыновленіе?

103. Достаточна-ли простая передача, необходимо-ли присутствіе свидѣтелей?

104. Исполняется-ли при этомъ церковный обрядъ или какіе либо народные обряды?

105. Заключаются-ли при этомъ письменныя условія, гдѣ свидѣтельствуются они (доставить копіи съ нихъ)?

106. Не исполняется-ли надъ усыновляемымъ какихъ либо обрядовыхъ знаковъ сыновняго подчиненія (напр. обрѣзаніе волосъ и т. п.)?

107. Существуетъ-ли обычай отдачи на усыновленіе подкинутаго младенца, когда добровольно его никто не принимаетъ: не кидается-ли напр. въ такихъ случаяхъ на сходѣ между бездѣтными крестьянами жребій, кому принять на воспитаніе подкинутаго (Балахтин. у.) причемъ остальные бездѣтные платятъ принявшему извѣстную сумму на воспитаніе?

108. При усыновленіи происходитъ-ли какое нибудь измѣненіе въ имени усыновляемаго?

109. Не извѣстенъ-ли среди мѣстныхъ крестьянъ (раскольниковъ) обрядъ *перерожденія*, по которому жена принимающаго ложится въ постель и пропускаетъ принимаемаго сквозь свою рубашку, говоря «рожу въ грѣхахъ и страданьяхъ» и проч. (Пошехон. у.; Череповск. у.)?

110. Не извѣстны-ли какія либо иныя символическія дѣйствія при усыновленіи (напр. сосаніе груди жены усыновителя, сосаніе пальца и т. п.)?

111. Если пріемышъ имѣетъ родную семью, то съ поступленіемъ въ другую семью теряетъ-ли онъ право на наслѣдство въ первой?

112. Допускается-ли усыновленный (у инородцевъ) при примиреніи кровниковъ — къ

наслѣдованью имущества, оставшагося послѣ усыновившаго?

113. Если родные родители пріемыша пожелаютъ взять его обратно къ себѣ, обязаны-ли они заплатить за его воспитаніе или за годы, прожитые имъ въ принявшей его семьѣ (сколько именно)?

114. Какія обязанности усыновителя?

115. Каковы обязанности усыновленнаго (почитать усыновителя, содержать его, покоить на старости, поминать его душу и т. д.)?

116. Имѣетъ-ли принятый имущественныя права (какія именно) еще при жизни принявшихъ его (напр. пріемная дочь получаетъ приданое)?

117. Какая его доля при семейномъ раздѣлѣ?

118. Не берется-ли отъ усыновителя роспискн въ томъ, что онъ обязуется дать усыновленному надѣлъ наравнѣ съ родными дѣтьми (доставить копіи)?

119. Удаляя пріемыша, пріемный отецъ обязанъ-ли заплатить ему за работу; если да, то расчитываетъ-ли онъ со дня принятія или же съ того времени, когда онъ можетъ считаться работникомъ по день его ухода; вычитаются-ли при этомъ издержки на воспитаніе?

120. Женатому пріемышу присуждается-ли плата за него и за жену?

121. Прогнанный пріемышъ имѣетъ-ли право требовать нажитое имъ лично имущество?

122. Какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ съ имуществомъ, которое пріемышъ принесъ съ собой въ принявшую его семью?

123. Усыновленный становится-ли послѣ смерти усыновителя полнымъ наслѣдникомъ его имущества?

124. Какого рода споры и иски бываютъ между принятыми въ семью и принимателями, какъ рѣшаютъ ихъ народные суды (копіи)?

Какого рода споры и иски между принятыми и родственниками принимателей?

Не пользуются-ли родственники эти тѣмъ, что *писаный* законъ признаетъ лишь усыновленіе крестьянами по приговору схода, при чемъ усыновляемый не долженъ быть старше 10-ти лѣтъ отъ роду, равно какъ и тѣмъ, что волостнымъ судамъ подсудны лишь иски не свыше 100 р. с. и не подаютъ-ли они (родственники принимателя) на этихъ основаніяхъ рѣшенія волостныхъ судовъ, коль скоро онѣ для нихъ не благопріятны, въ кассаціонную инстанцію или не вчиняютъ-ли они иска прямо въ окружномъ судѣ, который и рѣшаетъ *по закону* дѣло противъ принятаго въ семью *по обычаю?*

Какъ часты такіе случаи въ данной мѣстности?

125. Часты-ли случаи принятія *зятьевъ?*

126. Охотно-ли принимаютъ зятя въ семью?

127. Охотно-ли идутъ въ зятья — пріемыши?

128. Какія причины побуждаютъ принимать въ семью зятьевъ (недостатокъ рабочихъ рукъ, отсутствіе дѣтей мужскаго пола)?

129. Какія причины побуждаютъ идти въ зятья?

130. Заключаются-ли (часто-ли) какія-либо условія («любовное письмо,» «пріемное условіе») при пріемѣ зятьевъ; не обходимъ-ли при этомъ свидѣтель?

131. Если условія эти письменны, то доставить копіи съ нихъ?

132. Записываются-ли они въ книги при волостныхъ правленіяхъ?

133. Содержаніе условій этихъ представляется доброй волѣ хозяина или же опредѣлено обычаемъ; не играетъ-ли въ нихъ главную роль пунктъ о наслѣдованіи?

134. Считаются-ли пріемный зять и невѣстка усыновленными?

135. Чѣмъ вообще они отличаются по понятіямъ крестьянъ отъ прочихъ пріемышей: не называютъ-ли ихъ напр. «родными пріймаками» въ отличіе отъ «выхованьцовъ» (Подольск. губ.) при чемъ послѣдніе могутъ вступать въ бракъ съ членами принявшей ихъ семьи и т. п.?

136. Не считается-ли наоборотъ усыновленный роднѣе зятя, ибо почитаетъ усыновителя за роднаго отца, тогда какъ зять связанъ съ принявшимъ его лишь черезъ свою жену (у донскихъ крестьянъ)?

137. Каковы обязанности принятаго зятя (почитать тестя съ тещей, повиноваться ли, жить при немъ и пр.)?

138. Не случается-ли что тесть отдаетъ еще при своей жизни все имущество зятю пріемышу?

139. Какая кара постигаетъ зятя пріемыша за непочтительность по отношенію къ тестю съ тещей и за самовольный уходъ?

140. Прекращаются-ли отношенія между зятемъ и тестемъ по смерти жены зятя?

141. Обязанъ-ли зять въ случаѣ смерти тестя воспитывать малолѣтнихъ дѣтей тестя?

142. Не раздѣляются-ли послѣднія съ нимъ по достиженіи совершеннолѣтія или послѣ вступленія въ бракъ?

143. Какія права имущественныя зятя пріемыша: получаетъ-ли онъ что нибудь если отдѣляется отъ тестя, проживъ короткій срокъ въ его семьѣ и овдовѣвъ?

144. Какую долю получаетъ онъ по смерти тестя, равную съ прочими наслѣдниками или меньшую; имѣетъ-ли вліяніе на раздѣлъ дома болѣе долгій срокъ жизни и работы на тестя?

---

145. Случается-ли *у инородцевъ (аталычество)*, что отецъ отдаетъ своего сына на воспитаніе въ чужой домъ?

146. Принадлежитъ-ли право отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе чужимъ людямъ только лицамъ высшаго сословія или всѣмъ вообще?

147. Кого выбираютъ въ воспилатели: лицо-ли болѣе низкаго сословія, чѣмъ отецъ воспитанника или лицо равное съ нимъ по положенію?

148. Какіе обряды сопрождаютъ отдачу сына на воспитаніе въ чужія руки?

149. Какъ называется воспитатель и какъ воспитанникъ (напр. воспитатель называется—«аталыкъ», а воспитанникъ «емчекъ»)?

150. До какого возраста воспитанникъ остается въ домѣ воспитателя; какіе обряды соблюдаются при возвращеніи воспитанника въ родительскій домъ?

151. Какое вознагражденіе получаетъ аталыкъ во время пребыванія въ его домѣ воспитанника и по возвращеніи послѣдняго въ родительскій домъ?

152. Дарилась-ли аталыку въ числѣ другихъ вещей земля отъ родителей воспитанника?

153. Позволилось-ли аталыку отчуждать эту землю?

154. Считается-ли воспитатель родственникомъ питомца, въ какихъ степеняхъ соблюдается это родство и до какого колѣна оно продолжается?

155. Существуетъ-ли обычай, по которому воспитатель (аталыкъ) долженъ подъискивать невѣсту своему питомцу?

156. Допускаются-ли аталыки къ участію въ семейныхъ судахъ, разбирающихъ споры между близкими родственниками?

---

157. *Шаферъ, дружко* считается-ли родственникомъ въ степени не допускающей вступленіе въ бракъ напр. съ вдовой того, котораго онъ сопровождалъ къ вѣнцу и т. п.?

158. Считается-ли родственникомъ жениха и его семьи дружко, который передъ выходомъ невѣсты изъ родительской сакли обводитъ ее три раза вокругъ очага?

159. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ принято чтобы новобрачный скрывался нѣкоторое время у своего пріятеля и видѣлся съ женой только тайкомъ, не считается-ли этотъ пріятель родственникомъ новобрачнаго?

---

160. Кто изъ некровныхъ родственниковъ и свойственниковъ пользуется въ народѣ осебеннымъ почетомъ и по какимъ соображеніямъ?

161. Каковъ вообще *характеръ* взаимныхъ родственныхъ *отношеній* въ простомъ народѣ; въ чемъ эти отношенія проявляются въ данной мѣстности (напр. въ *радушномъ пріемѣ*, почетномъ мѣстѣ, непремѣнномъ присутствіи на свадьбахъ и т. п.; въ оказаніи матеріальной помощи въ случаѣ какого либо несчастія, род-

ственной помощи и пр. записываніе въ поминаніе и т. д.)?

162. Не считается-ли стыднымъ предъ тѣмъ или инымъ родственникомъ снимать одежду, обнажать грудь, ноги и пр., распускать косы и т. п. тогда какъ все это допускается въ присутствіи лицъ постороннихъ?

163. Нѣтъ-ли обычая, по которому женщины, работая на поляхъ въ однихъ сорочкахъ въ присутствіи другихъ мущинъ, при появленіи родственника (какого именно?), спѣшатъ надѣть верхнюю одежду?

164. Не существуетъ-ли въ данной мѣстности обычая *избѣгать разговора* съ тѣмъ или другимъ родственникомъ, *не смотрѣть* на него, не произносить его имени?

165. Передъ кѣмъ изъ старшихъ родственниковъ, по обычаю, нельзя сѣсть ранѣе приглашенія?

166. Не принято-ли, чтобы мать вдова оставалась на ногахъ пока обѣдаетъ старшій сынъ?

167. Принято-ли въ данной мѣстности, что бы обѣдали сначала мужчины, а затѣмъ женщины?

168. Обѣдаютъ-ли мужъ и жена одновременно или порознь?

169. Въ какомъ порядкѣ разсаживаются родственники на пирахъ и празднествахъ (напр. на свадьбѣ)?

170. Не рисуется-ли въ преданіяхъ, пѣсняхъ, легендахъ мать, какъ наиболѣе близко стоящая къ сыну (дочери), какъ постоянно заботящаяся о немъ, совѣтующая ему и т. п.?

171. Не находится-ли въ преданіяхъ, пѣсняхъ и пр. намека, что послѣ матери ближайшимъ къ человѣку лицомъ является ни кто иной, какъ сестра или братъ, принимающіе близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ и т. п.?

172. Кто считается самымъ почетнымъ семъ изъ всѣхъ родственниковъ?

173. Какія употребляются поговорки, рисующія родственныя отношенія (напр. зять по дочкѣ помилѣетъ, а сынъ по невѣсткѣ опостылѣетъ; женина родня милѣе своей и пр.)?

174. Не вліяетъ-ли различіе въ экономическомъ положеніи на характеръ отношеній между родственниками?

175. Не способствуетъ-ли бѣдность одного изъ двухъ родственниковъ ихъ взаимному отдаленію, не охладѣваютъ-ли родственныя чувства вмѣстѣ съ обѣдненіемъ?

---

176. Въ какой мѣрѣ народъ считаетъ родство *препятствіемъ* для вступленія *въ бракъ* и какія степени родства онъ считаетъ такими.

177. Составляютъ-ли понятія народа о запрещенности брака въ близкихъ степеняхъ родства произведеніе его собственнаго ума, собственныхъ убѣжденій, или-же онъ только считаетъ необходимымъ подчиняться правиламъ Церкви и законамъ государства?

178. Не распространены-ли среди народа какія нибудь легенды, сказки, разсказы о великихъ несчастіяхъ, происшедшихъ отъ заключенія брака въ близкихъ степеняхъ родства, если такія легенды существуютъ, то записать подробно?

179. Не замѣчается-ли что женскій полъ особенно строгъ при опредѣленія дозволенныхъ для брака степеней?

180. Не считаютъ-ли на оборотъ даже хорошей примѣтою бракъ въ близкомъ родствѣ (напр. говоря въ нѣкоторыхъ случаяхъ: у молодыхъ лучшеовцы поплетутся)?

181. Каковы воззрѣнія на тотъ-же предметъ у мѣстныхъ раскольниковъ?

182. За опредѣленіемъ степени родства крестьяне обращаются-ли къ священникамъ или къ опытнымъ людямъ (какимъ именно) въ своей средѣ?

183. Бываютъ-ли и, если бываютъ, то часто-ли такого рода случаи въ быту крестьянскомъ, чтобы кто либо домогался дозволенія о вступленіи въ бракъ въ болѣе близкихъ, противъ принятаго, степеняхъ родства?

184. Не замѣчается-ли разницы въ этомъ дѣлѣ между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ: не были-ли ранѣе обычаи строже?

185. Считаетъ-ли народъ по собственному міровоззрѣнію препятствіемъ для вступленія въ бракъ свойство или-же онъ только признаетъ въ этомъ случаѣ необходимымъ подчиняться правиламъ церкви и государства?

186. Какія степени свойства служатъ препятствіемъ къ браку?

187. Не расположенъ-ли народъ считать позволительнымъ бракъ двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ и т. п.?

188. Въ какихъ степеняхъ служитъ кумовство препятствіемъ для вступленія въ бракъ?

189. Вступаютъ-ли въ бракъ другъ съ другомъ лица, имѣющія одного крестнаго отца (мать)?

190. Вступаютъ-ли въ бракъ дѣти двухъ побратимовъ (крестовыхъ братьевъ)?

191. Допускается-ли бракъ усыновителя съ усыновленною, усыновленнаго съ дочерью, съ внукой усыновителя и т. д.?

192. Могутъ-ли пріемыши въ крестьянскомъ семействѣ вступать въ бракъ съ принявшими ихъ лицами или съ ихъ дѣтьми?

193. Дозволенъ-ли бракъ молочнаго брата съ молочною сестрой?

194. Нѣтъ-ли въ данной мѣстности обычая вовсе не считать родство и свойство препятствіемъ для вступленія въ бракъ?

195. Не считается-ли напр. дозволительною женитьба на роднаго дяди племянницѣ, на невѣсткѣ или женѣ умершаго брата и т. п. Обычаи эти должны быть подробно описаны и изображены?

196. Не считается-ли (какъ въ сектѣ Ѳедосѣевцевъ) дозволительнымъ «паденіе» даже съ сестрою родною, если нѣтъ средствъ пріобрѣсть ласки сторонней женщины?

---

6. Древнія формы брака и слѣды ихъ.

Примѣчаніе. Ранѣе появленія той формы брака какая господствуетъ у насъ въ настоящее время, существовали иныя. Въ отдаленныя времена допускалась полная свобода общенія половъ внѣ брачнаго союза, была общность женъ и то, что теперь считается развратомъ прежде не только пользовалось всеобщимъ одобреніемъ, но имѣло и религіозное значеніе, соединялясь съ чествованіемъ того или инаго языческаго божества (напр. Ярилы, Купалы и т. п.); дозволялось лицамъ родственнымъ между собой имѣть общую жену; дозволялись браки между лицами родственными другъ другу (то что нынѣ считается кровосмѣшеніемъ); былъ далѣе распространенъ обычай добывать себѣ невѣсту посредствомъ кражи дѣвушки изъ чужаго рода или посредствомъ покупки ея у родичей; наконецъ не смотря на распространеніе въ послѣдствіи христіанства самое церковное вѣнчаніе долгое время не было въ обычаѣ, такъ какъ въ простомъ народѣ распространено было мнѣніе (съ которымъ Церковь долго боролась), что вѣнчаться должны только одни бояре и князья; и еще не въ очень отдаленномъ времени браки безъ вѣнчанія или съ запаздываніемъ вѣнчанія встрѣчались сплошь и рядомъ (такъ напр. у донскихъ казаковъ вплоть до конца прошлаго вѣка вступавшіе въ бракъ довольствовались лишь объявленіемъ передъ сходкой объ избранной ими невѣстѣ), а среди крещеныхъ инородцевъ нашихъ окраинъ (напр. у вотяковъ, а иногда и среди русскихъ напр. въ Сибири) случается и донынѣ, что церковное вѣнчаніе производится долгое время спустя послѣ свадьбы, брачный-же союзъ считается заключеннымъ какъ скоро совершены тѣ или иные обряды на свадебномъ пиршествѣ.

Хотя воззрѣнія на бракъ народа нашихъ дней совсѣмъ иныя чѣмъ въ былыя времена, но остатки

старинныхъ порядковъ доселѣ продолжаютъ существовать въ видѣ обрядовъ или обычаевъ хотя и потерявшихъ уже свое первоначальное значеніе, но все еще соблюдаемыхъ по старинѣ.

Собираніе этихъ то обломковъ былаго и является дѣломъ крайне важнымъ въ научномъ отношеніи. Съ этой цѣлью и предложены нижеслѣдующіе вопросные пункты этой главы.

Собиратель не долженъ ограничиваться только обнаруживаніемъ и сообщеніемъ того или иного древняго обычая: онъ долженъ стараться отмѣчать — *разумѣется тогда лишь когда къ тому есть какая либо возможность* — и самыя *воззрѣнія* народа данной мѣстности на данный обычай (напр. на снохачество, на несоблюденіе дѣвушкой цѣломудрія и т. п.). Дѣло въ томъ, что воззрѣнія эти народомъ мѣняются лишь постепенно, а потому представляютъ много переходовъ отъ полнаго одобренія свободы половаго общенія до полнаго ея осужденія, какъ дѣйствія безнравственнаго и развратнаго. Болѣе подробное знакомство съ этими *переходными взглядами* представляетъ весьма высокій интересъ. Вотъ почему всякое сюда относящееся свѣдѣніе добросовѣстно записанное и провѣренное ,является крайне желательнымъ.

1. Допускается-ли свобода половаго общенія внѣ брака? Если бываетъ, то въ какихъ формахъ: въ видѣ-ли постояннаго сожительства или болѣе или менѣе продолжительнаго или совершенно случайнаго?

2. Если такой свободы нѣтъ, то не сохранилось-ли о существованіи сего нѣкогда преданій въ пѣсняхъ, разсказахъ стариковъ?

3. Не существуетъ-ли въ описываемой мѣстности раскольничей секты, не признающей брака?

4. Какой взглядъ у членовъ этой секты на половыя сношенія, цѣломудріе, рожденіе дѣтей дѣвушками?

5. Что извѣстно въ данной мѣстности о «свальномъ грѣхѣ»?

6. Не существуетъ-ли или не существовало прежде сборища, на которомъ парни и дѣвушки выбираютъ другъ друга, кто съ кѣмъ желаютъ и парами отправившись въ лѣсъ, къ рѣкѣ и т. п. вступаютъ въ половое другъ съ другомъ общеніе?

7. Не бываютъ-ли особыя празднованія, увеселенія, игрища, на которыхъ допускается свободное половое общеніе (напр. въ купальской ночи; наканунѣ Рождества, Троицына дня; на красной горкѣ;) если бываютъ, то когда именно (въ купальской ночи, на красной горкѣ и т. д.)?

8. Что происходитъ на этихъ игрищахъ (описать возможно подробнѣе), какія пѣсни поются въ этихъ случаяхъ?

9. Требуется-ли обычаемъ, что бы эти сборища были лишь въ извѣстныхъ издавна опредѣленныхъ для этого мѣстахъ?

10. Бываютъ-ли въ данной мѣстности посидѣлки, досвитки? Въ какое время года бываютъ онѣ? Гдѣ онѣ собираются? Что происходитъ на нихъ (возможно подробнѣе описать обстановку и все что происходитъ въ этихъ собраніяхъ). Допускается-ли на этихъ собраніяхъ свобода половаго общенія?

11. Собираются-ли дѣвушки на сидѣлки въ опредѣленные дни недѣли?

12. Допускаются-ли на сидѣлки жители другихъ селеній (какъ дѣвушки, такъ и парни)?

13. Нѣтъ-ли какихъ либо пѣсенъ или игръ исключительно имѣющихъ мѣсто на посидѣлкахъ?

Примѣчаніе. Такъ напр. у уральскихъ казаковъ на посидѣлкахъиграютъ „въ кошары“. Ставятъ параллельно другъ другу двѣ скамьи, на одной садятся дѣвушки на другой казаки (замужнихъ и женатыхъ не допускаютъ). Каждый казакъ забравъ полы своего халата опрокидываетъ его на себя, покрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и голову сидящей противъ него дѣвушки. Въ такомъ положеніи все собраніе и остается болѣе или менѣе продолжительное время, при чемъ влюбленныя пары ведутъ бесѣду. (У. В. В. 1866 г.)

14. Какія названія носятъ вечернія собранія молодежи (вечерницы, вечеренки, посидѣлки, досвѣтки, бесѣдки, улицы, пирища и т. п.) и какая разница?

15. Нѣтъ-ли обыкновенія людямъ зажиточнымъ не допускать устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ, изъ опасенія подвергнутъ ихъ вліянію нечистой силы на тотъ годъ, такъ что лишь неимущія вдовы прибытка ради пускаютъ къ себѣ молодежь?

16. Бываютъ-ли на этихъ собраніяхъ замужнія женщины и семейные люди; если нѣтъ, то на какомъ основаніи?

17. Существуетъ-ли обычай молодымъ парнямъ ходить на ночь къ дѣвушкамъ?

18. Если да, то ходятъ-ли они съ вѣдома родителей и старшихъ или нѣтъ?

19. Если нѣтъ *обычая*, то не встрѣчаются-ли *случаи* такихъ посѣщеній и при какихъ именно обстоятельствахъ?

20. Не извѣстенъ-ли въ данной мѣстности обычай, по которому молодые люди обсего пола ночуютъ вмѣстѣ по парно? въ какихъ случаяхъ бываетъ это (на зимнихъ посидѣлкахъ, на пирушкахъ поповоду свадьбы напр. послѣ дѣвичника и т. п.)?

21. Обычно-ли при этомъ половое общеніе или же оно преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ на столько строго, что случается лишь какъ исключеніе?

22. Не сохранился-ли на посидѣлкахъ обрядъ ложиться спать по парно, хотя эти собранія носятъ совершенно цѣломудренный характеръ?

23. Не относятся-ли парни враждебно къ мущинамъ чужихъ деревень, пришедшимъ на вечеринку или же, допуская гостя къ играмъ, бьютъ, если онъ вздумаетъ ночевать съ дѣвушкой?

24. Не вмѣняетъ-ли себѣ дѣвушка въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, при чемъ это ей нисколько не мѣшаетъ быть взятой въ жены совсѣмъ инымъ (Псковск. губ.)?

25. Какъ смотрятъ родители и родственники на подобныя забавы молодежи: одабриваютъ-ли, смотря какъ на дѣло обыкновенное или нѣтъ?

26. Не обнаруживаютъ-ли они свое неудовольствіе тогда лишь, когда оказываются дѣвушки беременными?

27. Не считается-ли наоборотъ предосудительнымъ если дѣвушка остается въ подобныхъ случаяхъ не выбранной парнемъ?

28. Съ котораго года отроду начинаютъ посѣщать эти собранія дѣвушки и съ котораго—парни?

29. Если старшіе относятся враждебно къ половому сближенію въ подобныхъ случаяхъ, то давно-ли въ данной мѣстности замѣчается это враждебное отношеніе?

30. Не старается-ли молодежь въ такомъ случаѣ собираться тайкомъ, строго храня въ секретѣ время и мѣсто собранія?

31. Не постанавливали-ли въ данной мѣстности общественныхъ приговоровъ, запрещающихъ на всегда ночныя собранія молодежи?

32. Не являются-ли въ настоящее время гонителями посидѣлокъ полицейскія власти — урядники и пр.?

33. Не сохранилось-ли преданій объ обычаѣ, по которому каждая женщина должна разъ въ жизни проституировать себя первому желающему и лишь послѣ этого она получаетъ право выходить замужъ?

Примѣчаніе. Въ Саратовской губ. еще не такъ давно существовало слѣдующее обыкновеніе: Дѣвушка выдаваемая за мужъ предварительно представлялась родителями всякому желающему запла-

тить извѣстную сумму (кажется рублей 100). Эта сумма шла на снаряженіе ей приданаго. Изъ этого не дѣлали ни какой тайны и жениху было это извѣстно какъ и всякому иному. Мѣстные землевладѣльцы часто пользовались такими случаями (Отвѣтственность за справедливость сообщаемаго принимаетъ на себя М. Н. Харузинъ).

34. Не находятъ-ли дѣвушки уже рожавшія скорѣе мужа?

35. Нѣтъ-ли обычая брать невѣсту въ домъ жениха на испытаніе и жениться лишь въ томъ случаѣ, если она обѣщается сдѣлаться въ скоромъ времени матерью (вотяки)?

---

36. Не сохранилось-ли какихъ нибудь пѣсенъ или сказаній о супружескомъ сожитіи брата съ сестрой, отца съ дочерью; если да, то не рисуется-ливъ ни хъ ужасъ мужчины, коль скоро онъ узнаетъ въ женщинѣ свою родственницу и т. п.?

---

37. Нѣтъ-ли между свадебными обрядами такихъ, въ коихъ сквозила бы мысль, что отецъ молодаго есть хозяинъ его жены, который и отдаетъ её (жену) сыну добровольно?

Примѣчаніе. Такъ напр. въ Мезенск. у. отецъ молодаго старается поднять фату, которую закрыта молодая, но она не дается, отецъ сулитъ денегъ и нарядовъ, но все безуспѣшно, тогда онъ ей говоритъ: даю тебѣ сына своего; послѣ чего новобрачная снимаетъ фату. Въ Псковск. губ. отецъ молодаго кнутомъ снимаетъ съ новобрачной покрывало и бѣжитъ; его ловятъ родственники и отнявъ

покрывало возвращаютъ ему его, если онъ ихъ угоститъ и т. п.

38. Встрѣчаются-ли случаи *сожительства свекра со снохою* и какъ смотритъ на это народъ?

39. Если встрѣчаются, то какъ исключительные случаи или какъ обычное явленіе?

40. Какія извѣстныя побасенки, прибаутки, разсказы, касающіяся этого общенія? (напр. «сношенка у свекра госпоженка» и пр.)?

41. Не стараются-ли отцы ранѣе женить сыновей, чтобы безпрепятственно жить съ ихъ женами?

42. Если это теперь не дѣлается, то какіе ходятъ въ народѣ разсказы о томъ, что такъ бывало въ прежнее время?

43. Въ данной мѣстности какъ народъ относится къ снохачеству: не одобрительно-ли равнодушно-ли, *не считая грѣхомъ*; или же онъ считаетъ снохачей прямо развратниками. Если народъ считаетъ снохачество преступленіемъ то тяжкимъ или же такимъ, къ которому слѣдуетъ относиться снисходительно?

44. Считаются-ли законными дѣти, прижитыя со снохой, если кровосмѣшеніе будетъ доказано?

45. Какія причины поддерживаютъ снохачество по мнѣнію крестьянъ и по мнѣнію изслѣдователя?

46. Не служатъ-ли одной изъ причинъ снохачества ранніе браки съ женщинами гораздо старше себя, послѣдствіемъ которыхъ является то, что жена становится старухой въ то время,

когда мужъ находится еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ и здоровья?

47. Какъ относятся сыновья къ своимъ отцамъ, ухаживающимъ за ихъ женами?

48. Не вліяетъ-ли снохачество пагубно на взаимныя отношенія членовъ семьи, внося въ семью раздоры и ссоры?

49. Доходятъ-ли до волостнаго суда дѣла о снохачествѣ? Наказываютъ-ли судьи и чѣмъ снохачей?

---

50. Существуетъ-ли обычай, по которому мужъ для полученія дѣтей отъ своей бездѣтной *жены* отдаетъ ее своему *брату*, родственнику или чужому?

51. Существуетъ-ли обычай *(у инородцевъ)*, по которому родственники умершаго принуждаютъ его вдову выдти за мужъ за одного изъ нихъ? выбираетъ-ли сама вдова новаго мужа въ этомъ случаѣ или ее долженъ взять за себя ближайшій родственникъ умершаго? вносится-ли при такомъ бракѣ калымъ?

52. Не обязанъ ли взять вдову *братъ* умершаго?

53. Имѣетъ-ли это мѣсто только въ случаѣ бездѣтной смерти мужа и только до момента рожденія ребенка или и въ иныхъ случаяхъ?

Въ какихъ случаяхъ вдова можетъ отказаться отъ замужества съ родственникомъ покойнаго мужа?

54. Если по обычаямъ населенія въ данной мѣстности (инородцевъ) братъ долженъ взять за себя вдову покойнаго брата своего бездѣтнаго, то не требуется-ли, чтобы первый сынъ этого новаго брака носилъ имя умершаго?

55. Если мужъ умретъ бездѣтнымъ а его вдова, отказавшись выдти замужъ, приживетъ съ кѣмъ либо сына, то не считается-ли онъ сыномъ покойнаго и не является-ли наслѣдникомъ его имущества?

56. Требуется ли согласіе родственниковъ покойнаго на сожительство его вдовы съ постороннимъ лицомъ, съ цѣлью получить сына?

Не считается-ли безнравственной женщиной вдова, которая пожелала бы выйти замужъ за посторонняго помимо родственниковъ мужа?

57. Встрѣчается-ли, что вдова, женивши своего малолѣтняго сына на взрослой дѣвушкѣ, сама вступаетъ въ сожительство со взятымъ ею въ домъ мужчиною, при чемъ рожденныя ею дѣти считаются дѣтьми ея малолѣтняго сына?

---

58. Не было-ли въ старину или не существуетъ-ли теперь обычай класть гостя на ночь въ одну постель съ женою, дочерью или съ родственницей (какой именно) хозяина и если существуетъ, то дозволяется-ли гостю половое съ ней общеніе или же для гостя обязательно сохранить цѣломудріе?

59. Нѣтъ-ли преданій или разсказовъ касательно этого обычая?

60. Не сохранилось-ли обычая ложиться спать какой либо изъ женщинъ у порога той самой горницы гдѣ спитъ гость?

61. Не требуется-ли обычаемъ отъ гостя соблюдать вполнѣ цѣломудріе?

69. Не существуетъ-ли обычая передавать жену другому на время отлучки на промыселъ (какъ напр. у бродячихъ инородцевъ Сибири)?

70. Не существовалъ-ли въ былое время обычай, по которому нанявшій охотника въ рекруты, предоставлялъ послѣднему право на женщинъ своей семьи?

---

71. Не встрѣчается-ли (быть можетъ у инородцевъ) сожительства одной женщины одновременно съ нѣсколькими мущинами, *какъ съ мужьями* (а не въ видѣ разврата)?

---

72. Существуетъ-ли въ данной мѣстности *многоженство* (у инородцевъ)?—По скольку обыкновенно женъ имѣютъ? Не замѣчается-ли, что несмотря на дозволенное многоженство часты случаи женитьбы лишь на одной женѣ: чѣмъ объясняютъ это — дороговизною-ли содержанія многихъ женъ, ссорами-ли между женами,

представленіемъ-ли какъ о дѣйствіи безнравственномъ жить со многими женами?

Не смотрятъ-ли неодобрительно на людей, имѣющихъ много женъ (киргизск. пословица: злой собираетъ палки, глупецъ собираетъ женъ)?

73. Не встрѣчается-ли многоженство у инородцевъ лишь въ богатыхъ семьяхъ?

74. Не пользуется-ли одна изъ женъ особыми правами? въ чемъ состоятъ эти права?

75. Нѣтъ-ли въ описываемой мѣстности среди русскихъ религіозной секты, признающей многоженство? Какія существуютъ въ ней семейныя отношенія?

---

76. Извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи *двоеженства?*

77. Смотрятъ-ли на двоеженство какъ на тяжкій грѣхъ; какая кара постигаетъ виновныхъ, по мнѣнію жителей, на томъ свѣтѣ; какъ относятся къ такимъ случаямъ односельчане и волостной судъ?

---

78. Среди какихъ національностей данной мѣстности распространенъ *обычай похищенія невѣсты?*

79. Похищаемая сговаривается-ли съ похитителями предварительно?

80. Знаютъ-ли о предстоящемъ похищеніи родители или нѣтъ: то есть есть-ли похищеніе только формальный способъ заключенія браковъ, или же похищеніе является дѣйствительнымъ насиліемъ, въ собственномъ смыслѣ похищеніемъ?

81. Не желаютъ-ли родители сами, чтобы кто нибудь укралъ ихъ дочь, считая нечестнымъ дѣломъ выдать ее своими руками (какъ напр. въ Енисейск. краѣ)?

82. Не дается-ли похищаемой невѣстой жениху какая нибудь вещь, какъ залогъ?

Не сопровождаетъ-ли похищаемую одна изъ ея подругъ?

83. Не существуетъ-ли обряда *отводинъ* — прихода родителей похищенной для отвода ея домой?

84. Не существуетъ-ли похищенія дѣвушекъ помимо ихъ воли для вступленія съ ними въ бракъ (у инородцевъ)?

Когда бракъ считается заключеннымъ при такомъ насильственномъ похищеніи — тогда-ли, когда похититель успѣетъ войти въ общеніе съ похищенной (хотя бы это было въ виду преслѣдующихъ его людей — погони) или только тогда, когда похищенная пробудетъ сутки у похитителя или наконецъ только тогда, когда она согласится принять пищу въ жилищѣ похитителя?

85. Какіе способы употребляются для примиренія съ родителями послѣ похищенія?

86. Совершаются-ли потомъ свадебные пиры или нѣтъ?

87. Часто-ли въ вашей мѣстности похищеніе дѣвушекъ съ согласія послѣднихъ съ цѣлью вступить въ законный бракъ?

88. Какія побудительныя причины для такихъ похищеній (несогласіе родителей на бракъ; желаніе избѣжать свадебныхъ расходовъ)?

89. Какъ смотрятъ на это односельчане?

90. Не въ обычаѣ-ли плата родителямъ за увезенную противъ ихъ воли дѣвушку?

91. Не сохранилось-ли похищеніе невѣсты только въ видѣ стариннаго обряда, который соблюдаютъ даже и тогда, когда въ бракъ вступаютъ съ полнаго согласія родителей?

92. Какое различіе между браками «добромъ» т. е. съ предварительнаго и обоюднаго согласія, какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и ихъ родителей и «убѣгомъ» («уводомъ», «увозомъ») силкомъ? Какіе совершаются въ послѣднемъ случаѣ обряды?

---

93. Существуетъ-ли *у инородцевъ* данной мѣстности обычай *покупки невѣсты?*

94. Какъ называется плата, вносимая женихомъ родителямъ невѣсты (калымъ, ирадъ, питке и т. п.)?

95. Мѣняется-ли величина калыма смотря потому, къ какому сословію принадлежитъ женихъ?

96. Какъ великъ калымъ, вносимый княземъ, членомъ высшаго сословія, свободными, полусвободными и рабами?

97. Каковъ размѣръ калыма за главную жену и за второстепенную?

98. Если женихъ беретъ невѣсту изъ другаго аула, приходится-ли ему платить извѣстную сумму въ пользу всѣхъ жителей того аула, изъ котораго берется невѣста?

99. Какъ велика эта сумма и какъ называется эта плата?

100. Нѣтъ-ли разницы въ величинѣ калыма за молодую и за старую, за тощую и толстую?

101. Есть-ли обычай вмѣсто калыма выслуживать невѣсту, поступая въ качествѣ работника къ ея родственникамъ; если да, то на сколько времени?

102. Требуется-ли калымъ при выходѣ замужъ вдовы?

103. Платитъ-ли этотъ выкупъ женихъ или его семья; каковъ размѣръ этой платы; какая разница въразмѣрѣ между былыми годами и нынѣ; платятъ-ли калымъ деньгами или вещами (какими именно)?

104. Не поступаетъ-ли часть калыма на изготовленіе приданаго; выплачивается-ли эта часть родителямъ невѣсты или самой невѣстѣ?

105. Сразу-ли уплачивается калымъ или въ извѣстные сроки?

106. Не дѣлится-ли между братьями калымъ, вносимый за сестру ея женихомъ?

---

7. Современные бракъ и свадьба.

1. Каковы воззрѣнія крестьянъ данной мѣстности на бракъ?

2. Считаютъ-ли вступленіе въ бракъ необходимымъ для каждаго порядочнаго человѣка и почему?

3. Бываютъ-ли (часто-ли) случаи, что крестьянинъ долго не женится? Чѣмъ это обусловливается?

4. Какъ смотритъ народъ на тѣхъ, которые долго остаются холостыми?

5. Нѣтъ-ли относящихся сюда легендъ, сказаній, прибаутокъ и пр.?

6. Нѣтъ-ли повѣрій о томъ, какая судьба ждетъ на томъ свѣтѣ умершихъ въ безбрачіи?

7. Какъ смотритъ народъ на живущихъ невѣнчанными?

8. Считаетъ-ли онъ такое сожительство какъ нѣчто преступное или терпимое и вполнѣ допускаемое?

9. Какъ смотрятъ на лицъ, имѣющихъ наряду съ законной супругой любовницу?

10. При какихъ условіяхъ обыкновенно женатые обзаводятся любовницей (бракъ противъ воли, житье вдали отъ семьи и пр.)?

11. Чѣмъ отличается положеніе наложницы (любовницы) отъ положенія жены: смотрятъ-ли на нее съ презрѣніемъ или нѣтъ; нѣтъ-ли какихъ-либо способовъ посрамленія?

12. По какимъ причинамъ остаются дѣвушки безбрачными (природные недостатки, дурное поведеніе и пр.)?

13. Оказываетъ-ли какое-либо вліяніе при этомъ (и какое именно) матеріальное благосостояніе?

14. Не вступаютъ-ли въ бракъ съ дѣвушкою только тогда, когда у нея есть ребенокъ, или по крайней мѣрѣ не вступаютъ-ли менѣе охотно въ бракъ съ дѣвушкой, которая еще не родила?

15. Не встрѣчаются-ли въ данной мѣстности *полумужичье* — дѣвушки, которыя носятъ мужское платье и занимаются исключительно мужскими работами; пользуются-ли онѣ уваженіемъ, лишь пока носятъ мужское платье и строго соблюдаютъ цѣломудріе?

16. Не обрекаютъ-ли иногда родители своихъ дочерей на безбрачіе, и не обрекаютъ-ли себя на безбрачіе сами дѣвушки?

17. Не вліяетъ-ли близость монастырей, проѣзды монахинь на отреченіе отъ брака дѣвушекъ?

18. Какъ относится семья къ давшей обѣтъ безбрачія: оказываетъ-ли она ей уваженіе, почетъ, какъ замаливающей грѣхи семейства или-же осыпаютъ попреками; чѣмъ объясняется то или иное отношеніе?

19. Получаетъ-ли она содержаніе отъ семьи?

20. Если такая дѣвушка въ концѣ выходитъ замужъ, дастся-ли за ней семьей приданое, тре-

буется-ли отъ жениха кладка (или калымъ у инородцевъ) или нѣтъ?

21. Не присоединяютъ-ли къ погребальному обряду дѣвушки и холостаго мущины еще и свадебный («умирающимъ безъ дружины нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ») при чемъ поютъ пѣсни, раздаютъ дары и т. п. (записать подробно)?

22. Какое значеніе въ дѣлахъ брачныхъ приписывается судьбѣ?

23. Какіе извѣстны разсказы, легенды и пр. относительно того, что всякому заранѣе опредѣлено судьбой на комъ быть женатымъ?

24. Не случается-ли, что и самый выборъ невѣсты предоставляютъ на волю судьбы, напр. записывая на отдѣльные ярлычки имена дѣвушекъ и сватая ту, имя которой вынулось первымъ?

25. Какими способами стараются узнать заранѣе суженнаго, назначеннаго судьбой (гаданія, какія именно и пр.)?

26. Почему въ пѣсняхъ бракъ называется судомъ Божіимъ, каковы взгляды народа по этому предмету?

27. Какому Святому молятся о дарованіи жениха и почему именно ему, а не другому?

28. Въ какомъ возрастѣ обыкновенно вступаютъ въ бракъ?

29. Не склонно-ли населеніе данной мѣстности къ раннимъ бракамъ?

30. Какія побудительныя причины для раннихъ браковъ? (желаніе получить работницу

въ домъ, желаніе отца женихова найти себѣ «утѣшницу» и пр.)?

31. Не приводятся-ли особые доводы за ранніе браки въ родѣ слѣдующаго: «въ *писаніи сказано* — хотя мало лѣтъ, но въ тѣлѣ, то и отдавай замужъ» (донск. обл.)?

32. Не склоняютъ-ли въ этихъ случаяхъ священниковъ къ вѣнчанію ранѣе закономъ положеннаго возраста; не прибѣгаютъ-ли къ скрыванію истинныхъ годовъ?

33. Не случаются-ли (по крайней мѣрѣ у не православныхъ) заключенія браковъ въ самомъ раннемъ возрастѣ (11 — 12 — 14 — 15 лѣтъ) жениха или невѣсты или обоихъ?

34. Не сохранились-ли разсказы о подобныхъ бракахъ, случавшихся въ былое время?

35. Признается-ли волостнымъ судомъ бракъ не достигшихъ законнаго брачнаго возраста супруговъ?

36. Съ котораго года считается парень и дѣвушка вообще годными для брака?

37. Нѣтъ-ли особыхъ названій для лицъ обоего пола, достигшихъ брачнаго возраста?

38. Случается-ли (часто-ли), что родители засватываютъ дѣтей, когда послѣднія находятся еще въ младенчествѣ?

39. Не случается-ли, что, принимая малолѣтнюю сироту на воспитаніе, обрекаютъ ее заранѣе на бракъ съ сыномъ или дочерью принявшаго?

40. Насколько обязательны для дѣтей подобные договоры родителей?

41. Кто несетъ кару и какова она въ случаѣ нарушенія такого договора?

42. Соблюдаютъ-ли соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты?

43. Не существуетъ-ли какихъ нибудь соображеній, заставляющихъ дольше оставаться холостыми?

44. Существуетъ-ли обычай не отдавать дѣвушку зымужъ, пока она не пробудетъ въ своей семьѣ извѣстное число лѣтъ работницей?

45. Не побуждаютъ-ли еще какія нибудь причины и соображенія дольше не выдавать дѣвушекъ замужъ?

46. Не вліяетъ-ли задерживаніе дѣвицъ отъ замужества до поздняго возраста на развитіе между ними распутства (какъ напр. въ Арх. губ.)?

47. Какъ называютъ устарѣвшихъ дѣвушекъ («засидки» и пр.)?

48. *До* какого возраста считается возможнымъ бракъ (для мущины, для женщины)?

49. Самъ-ли женихъ избираетъ себѣ невѣсту или онъ долженъ жениться на той, которую указываютъ ему родители?

50. Не существуетъ-ли обычая вступать въ бракъ исключительно по соглашенію жениха и невѣсты безъ увѣдомленія даже родитетей о состоявшемся соглашеніи?

Примѣчаніе. Такой обычай существуетъ напр. въ одномъ изъ приходовъ Олонецк. губ., гдѣ молодые люди пріѣзжаютъ иногда изъ далека на торжокъ, бывающій у приходской церкви, согла-

шаются здѣсь на бракъ и сейчасъ же вѣнчаются, иногда въ отсутствіи родителей, какъ женіховыхъ, такъ и невѣстиныхъ.

51. Извѣстно-ли въ данной мѣстности случаи заключенія условія родителями о бракѣ своихъ дѣтей во время малолѣтства послѣднихъ или еще ранѣе ихъ рожденія? Часто-ли это бываетъ или бывало въ прежнее время?

52. Не имѣетъ-ли въ этомъ случаѣ голосъ матери больше вѣсу?

53. Если въ обычаѣ предварительное свободное соглашеніе молодыхъ людей вступить другъ съ другомъ въ бракъ, то не даютъ-ли они другъ другу залога (женихъ отбираетъ у невѣсты сережки, платокъ и самъ дарить ёё, какъ напр. въ нѣкоторыхъ селеньяхъ сѣвернаго поморья)?

54. Если вступающій въ бракъ находится въ солдатахъ или на заработкахъ, то всегда-ли и неизмѣнно-ли онъ испрашиваетъ благословеніе родителей на вступленіе въ бракъ?

55. Не бываетъ-ли случаевъ (сколь часты они), что родители сами, не спросясь сына, находящагося на сторонѣ, готовятъ къ его возвращенію невѣсту, съ которой онъ обязанъ вступить въ бракъ безъ прекословій?

56. Спрашиваютъ-ли дѣвушку согласія на вступленіе въ бракъ или-же рѣшаютъ помимо ея?

57. Требуется-ли согласіе лишь отца и матери брачущагося или-же и старшаго семьи (большака)?

58. Требуется-ли согласіе дяди, брата или вообще старшаго родственника, если родителей нѣтъ въ живыхъ?

59. Какое значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ голосъ вотчима, мачихи, крестнаго отца, воспитателя?

60. Бываютъ-ли браки по принужденію родителей жениха и невѣсты?

61. Не оказываютъ-ли подобные браки пагубное вліяніе на семейную жизнь и на матеріальный бытъ?

62. Не замѣчается-ли нынѣ ослабленіе родительскаго вліянія въ брачныхъ дѣлахъ? Если да, то съ какого приблизительно времени стала замѣчаться эта перемѣна; какое объясненіе даютъ этому крестьяне, и какое — самъ изслѣдователь?

63. Не извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи принужденія къ вступленію въ бракъ со стороны общины; если да, то въ какихъ случаяхъ бываетъ это?

64. Требуется-ли согласіе общины на бракъ?

65. Не задерживаетъ-ли деревня свадебный поѣздъ, пока не получитъ угощенія водкой (Звенигор. у.); не бываетъ-ли это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣсту выдаютъ въ другую деревню?

66. Не случается-ли, чтобы деревня оказывала своимъ вмѣшательствомъ воздѣйствія на родителей, кои выказываютъ намѣреніе удерживать долѣе срока дочерей (или сиротъ-родственниковъ, пріемышей) въ дѣвушкахъ?

67. Помогаетъ-ли община (въ какихъ случаяхъ) при справѣ бѣдной невѣсты; бываютъ-ли сборы на бѣдную невѣсту?

68. Можетъ-ли дѣвушка сирота совершенно свободно выбирать себѣ жениха, или она должна имѣть согласіе чье нибудь (чье именно)?

69. Бываютъ-ли браки противъ воли родителей?

70. Въ-какихъ случаяхъ бываютъ они?

71. Какія послѣдствія бываютъ для вступающихъ въ такой бракъ?

72. Пользуются-ли родители предоставленнымъ имъ закономъ правомъ жалобы и требованіемъ наказанія дѣтей?

73. Лишаютъ-ли они дѣтей въ подобныхъ случаяхъ. наслѣдства?

74. Какъ вообще предписываетъ обычай поступать родителямъ по отношенію къ бѣжавшей изъ дому дочери для вступленія въ бракъ, до и послѣ брака?

75. Предписываетъ-ли обычай служащимъ спрашивать позволенія у хозяевъ вступать въ бракъ, работникамъ у мастеровъ, сельчанамъ у властей?

76. Въ какомъ порядкѣ вступаютъ въ бракъ парни и дѣвушки, если ихъ нѣсколько въ семьѣ?

77. Пользуется-ли въ этомъ отношеніи старшій сынъ или старшая дочь передъ остальными какими либо преимуществами?

78. Позволяется-ли младшимъ брату или сестрѣ вступать въ бракъ ранѣе старшихъ?

79. Бываютъ-ли въ данной мѣстности браки русскихъ съ инородцами и съ какими именно?

80. Бываютъ-ли браки между православными и раскольниками?

81. Въ такихъ случаяхъ въ какой вѣрѣ воспитываются дѣти отъ такихъ браковъ?

82. Не пользуются-ли раскольники бракомъ, какъ средствомъ для совращенія православныхъ въ свой толкъ (напр. отправляясь въ болѣе отдаленныя мѣстности за невѣстой и выдавая себя тамъ за православныхъ и богатыхъ, что служитъ приманкой для бѣдныхъ, а потомъ заставляя жену вступить въ ихъ толкъ)?

83. Бываютъ-ли общественныя смотрины на праздникахъ (на какихъ?), куда собираются жители разныхъ мѣстностей для выбора своимъ дѣтямъ невѣстъ?

84. Существуютъ-ли женщины, которыя занимаются пріисканіемъ невѣстъ какъ промысломъ?

85. Какія качества требуются отъ жениха: физическія и нравственныя?

86. Какія качества требуются отъ невѣсты (здоровье, хорошая семья, рачительность и т. д.)?

87. Нѣтъ-ли пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ и пр., которыя высказывали-бы воззрѣнія народа на необходимыя качества невѣсты?

88. Кого называютъ красавцемъ, красавицей?

89. Какъ рисуется красота въ народныхъ пѣсняхъ?

90. Въ обычаѣ-ли подробные осмотры жениха и невѣсты ихъ родственниками; на что при этомъ обращаютъ вниманіе; въ какое время производятъ эти осмотры?

91. Часто-ли случается, что богатые женятся на бѣдной и наоборотъ, или-же принято вступать въ бракъ съ ровней по благосостоянію?

92. Въ какое время года болѣе всего играются свадьбы?

93. Какія причины побуждаютъ заключать браки въ то или иное время года?

94. Какой промежутокъ времени между сватаньемъ и выданьемъ?

95. Въ какое время года чаще всего сватаютъ?

96. Нѣтъ-ли свадебн. обряда ловли убѣгающаго жениха невѣстиными родственниками?

97. Бываютъ-ли случаи сватовства съ невѣстиной стороны?

98. Какія въ данной мѣстности обряды, пѣсни, суевѣрія, символическія дѣйствія, связанныя со свадьбой?

99. Какія составныя части брачнаго обряда въ данной мѣстности (сватанье, смотрины, рукобитье, сговоръ, выданье, отводъ молодой въ домъ жениха, констатированіе совершившагося брачнаго союза, чествованіе цѣломудрія, пиры въ ближайшіе за свадьбой дни и т. п.)?

Примѣчаніе. Слѣдуетъ отмѣчать тѣ обряды, которые символически изображаютъ фактъ присвоенія невѣсты женихомъ, борьбу женихової сто-

роны съ родственниками невѣсты, недружелюбныя отношенія невѣстиной родни къ жениховой и т. д., равно какъ и обычаи и обряды, свидѣтельствующіе о существующей или существовавшей ранѣе куплѣ невѣсты и т. п.

100. Каковы обычаи и обряды при *сватовствѣ у мѣстныхъ инородцевъ?*

Примѣчаніе. Сватовство у нѣкоторыхъ инородцевъ представляется несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ у русскихъ. Оно тянется иногда нѣсколько лѣтъ (вслѣдствіе малолѣтства жениха и невѣсты) и распадается на многіе отдѣльные акты, изъ которыхъ каждый имѣетъ опредѣленныя юридическія послѣдствія. Такъ напр. у Киргизовъ сватовство распалается на слѣд. части: 1) соглашеніе между отцами жениха и невѣсты о сватовствѣ и размѣрѣ калыма. 2) формальное предложеніе чрезъ сватовъ. 3) пріѣздъ отца невѣсты за калымомъ въ аулъ жениха. 4) пріѣздъ жениха въ аулъ невѣсты и тайныя свиданія съ нею.—Каждая изъ этихъ частей сватовства сопровождается особыми обрядами и постепенно увеличиваетъ имущественную отвѣтственность сторонъ въ случаѣ нарушенія обязательства. Самое сватовство имѣетъ здѣсь совершенно иное значеніе, чѣмъ у русскихъ:—имъ устанавливается связь не между женихомъ и невѣстой, а между ихъ семьями, связь не прекращающаяся со смертью жениха и невѣсты: умретъ женихъ—невѣста выходитъ за его родственника; умретъ невѣста—ее замѣняетъ младшая сестра. (Сообщ. Е. И. Якушкинымъ).—Вообще, описывая свадебные обычаи и обряды, собиратель долженъ отмѣчать отличительныя черты обычаевъ инородцевъ данной мѣстности отъ обычаевъ русскихъ, не стѣсняя себя рамками нашей программы, въ которой многія от-

личительныя стороны инородческой свадьбы остались пока не предусмотрѣнными.

101. Предшествуютъ-ли сватовству семейные совѣты? Если да, то описать возможно подробнѣе все что происходитъ на нихъ?

102. Не держатъ-ли подруги невѣсты на смотринахъ ея косу?

103. Когда брачный договоръ считается заключеннымъ: послѣ какого акта (рукобитье, «заручины»), послѣ какихъ обрядовъ («своды» жениха съ невѣстой); послѣдніе записать возможно подробно?

104. Если послѣ этого дѣвушка забеременѣетъ, то не обязанъ-ли виновный взять ребенка къ себѣ, при чемъ послѣдній получаетъ права законнаго?

105. Съ какого времени брачущихся начинаютъ звать «молодымъ» и «молодой»?

106. Съ какого времени брачущійся получаетъ право раздѣлять ложе со своей избранной?

107. Не получаетъ-ли онъ это право до вѣнчанія?

108. Не условливаются-ли нареченные сваты о томъ, сколько невѣста должна получить отъ жениха «вкладу» т. е. денегъ и верхняго платья; кому и на какое употребленіе поступаютъ эти деньги и вещи?

109. Какое названіе носятъ полученныя такимъ образомъ деньги (клажа, кладка, вводъ, вкладъ и пр.)?

110. Получаетъ-ли невѣстинъ отецъ эти деньги до свадьбы и когда именно, затрачи-

ваетъ-ли онъ ихъ всѣ на пиры или отдаетъ часть невѣстѣ на руки?

111. Не предшествуетъ-ли заключенію брачнаго договора торгъ между жениховой и невѣстиной сторонами относительно размѣровъ кладки, расходовъ на угощеніе, подарковъ и проч. издержекъ?

112. Кто является при этомъ главными дѣйствующими лицами (сами-ли брачущіеся или ихъ родители, мущины или женщины)?

113. Не требуетъ-ли просватанная невѣста отъ женихова отца «запросовъ» т. е. извѣстной суммы денегъ на покупку подарковъ для женіховой родни?

114. При заключеніи брака не имѣютъ-ли мѣсто взаимныя даренія между родными невѣсты и родными жениха, какъ въ пользу жениха съ невѣстой, такъ и въ пользу родителей и родственниковъ обоихъ брачущихся?

115. Существуетъ-ли обычай, по которому женихъ обязанъ сдѣлать подарокъ и ближайшему родственнику *матери* невѣсты (напр. ея брату)?

116. Въ обычаѣ-ли соблюдать, чтобы подарокъ жениха всегда былъ цѣннѣе невѣстина подарка?

117. Чье вино при рукобитьѣ?

118. Не играются-ли «сговоры» на счетъ жениха, хотя и въ домѣ невѣстина отца?

119. На чей счетъ играется сама свадьба: только на женіховъ счетъ или и невѣстина сторона участвуетъ въ издержкахъ?

120. Не требуется-ли со стороны отца невѣсты только расходъ на обѣдъ послѣ вѣнца?

121. Не дѣлается-ли особыхъ условій при бракѣ вдовъ (напр. относительно ихъ дѣтей, имущества, уплаты податей за умершаго мужа)?

122. Берутъ-ли съ жениха выводныя деньги, когда невѣста выходитъ замужъ въ другое общество или деревню?

123. Предбрачныя условія словесны-ли или письменны (любопытно подробное сообщеніе)?

124. Не совершаются-ли предъ вступленіемъ въ бракъ рядныя записи — письменныя или словесныя?

125. Обязывается-ли сторона жениха или сторона невѣсты неустойкой на случай неисполненія предбрачнаго уговора?

126. Даются-ли залоги въ обезпеченіе состоявшагося соглашенія о свадьбѣ?

127. Не считается-ли безчестнымъ отказаться отъ брака послѣ того какъ соблюдены извѣстные обряды (напр. послѣ того какъ невѣста повязала сватовъ рушниками, какъ это бываетъ среди малороссовъ)?

128. Въ какихъ случаяхъ дозволяется размолвка (неизлѣчимая болѣзнь, потеря зрѣнія и т. п.)?

129. Какъ смотрятъ на тѣхъ, кто произвольно отказывается отъ заключеннаго брачнаго договора?

130. Отказъ отъ вступленія въ бракъ какія влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія для нарушившаго условія?

131. Предъявляются-ли въ случаѣ отказа отъ вступленія въ бракъ иски о безчестьи, съ чьей стороны и къ какому наказанію присуждаются виновные?

132. Можно-ли искать съ отказавшейся стороны уплаты убытковъ, возвращенія кладки и подарковъ, уплату за расходы (какіе именно)?

133. Не бываютъ-ли иногда браки у православныхъ *безъ* церковнаго вѣнчанія?

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, вслѣдствіе отдаленности мѣста жительства священниковъ, вѣнчаніе происходитъ иногда черезъ годъ или даже два по заключеніи брака, а иногда вовсе не совершается; точно также въ самоѣдской колоніи въ кармакульской губѣ Новой Земли, куда священникъ пріѣзжаетъ изъ Архангельска только разъ въ годъ (запис. лѣтомъ 1881 г.); браки безъ вѣнчанія, хотя и очень рѣдко, встрѣчаются и въ великорусскихъ губерніяхъ.

134. Какому обряду при заключеніи брака народъ больше приписываетъ значенія: обряду-ли церковному т. е. вѣнчанію или свадебному пиру и свадебнымъ обрядамъ («весілью»)?

135. Не встрѣчается-ли случай раздѣльнаго сожительства, *не* какъ мужъ и жена, повѣнчанныхъ пока не сыграется свадьба или наоборотъ вступленіе въ брачное сожительство, когда почему нибудь церковное вѣнчаніе не состоялось и сыграна лишь свадьба?

136. Не замѣчается-ли разница въ этомъ отношеніи между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ?

137. Какъ называютъ главныхъ распорядителей на свадебныхъ пирахъ (сваха, дружко и пр.)?

138. Кого выбираютъ въ распорядители; когда собственно выбираютъихъ?

139. Какъ велико число ихъ?

140. Каковы ихъ права и обязанности?

141. Какіе знаки отличія носятъ они?

142. Когда слагаютъ они свои обязанности?

143. Какую роль въ свадебныхъ обрядахъ играетъ братъ невѣсты?

144. Какъ приглашаютъ гостей на свадьбу?

145. Сопровождаютъ-ли жениха вооруженные поѣзжане, бываетъ-ли притворная схватка съ вооруженными невѣстиными родственниками?

146. Не прячется-ли невѣста при появленіи поѣзда жениха; не сопротивляется-ли она притворно, когда женихъ уводитъ ее изъ родительскаго дома?

147. Платятъ-ли женихъ и его поѣзжане что либо дружкамъ невѣсты за право получить доступъ къ ней?

148. Имѣетъ-ли мѣсто выкупъ головной повязки женихомъ?

149. Не въ обычаѣ-ли возвращаться изъ церкви послѣ вѣнчанія не тою дорогою, которою ѣхали невѣста и женихъ въ церковь?

Какое объясненіе даетъ самъ народъ этому обычаю?

150. Какъ объясняетъ народъ обычай, въ силу котораго женихъ дѣлаетъ невѣстѣ из-

вѣстный подарокъ, захвативъ предварительно въ свои руки ея головную повязку или вѣнокъ?

151. Нѣтъ-ли обряда кормить жениха и невѣсту одной ложкой и т. п.?

152. Какіе обряды соблюдаются при отправленіи молодыхъ въ клѣть?

153. Передъ отводомъ молодыхъ въ комору не отсылаютъ-ли всѣхъ дѣвокъ по домамъ?

154. Зимой или только лѣтомъ брачная постель приготовляется въ нетопленномъ помѣщеніи?

155. Кто сопровождаетъ молодыхъ въ комору, свахи-ли только или дружки, женщины или даже и мущины?

156. Не употребляются-ли какія нибудь уловки для скрытія потери невинности ранѣе свадьбы; если да, то не принимаются-ли какія либо предосторожности, чтобы этому воспрепятствовать?

157. Составляетъ-ли то обстоятельство, что невѣста оказалась нецѣломудренной, предметъ знанія только ближайшихъ родственниковъ или о семъ громогласно возвѣщается во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ гостей, всего сосѣдства, всего міра?

158. Не бываетъ-ли здѣсь какихъ нибудь взаимныхъ попрековъ между принадлежащими къ семьѣ молодаго и къ семьѣ обиженной (записать все до мельчайшихъ подробностей)?

159. Не совершаются-ли какія дѣйствія для того, чтобы осрамить мать, семью молодой, оказавшейся нецѣломудренной?

160. Когда окажется невѣста нецѣломудренной, какіе обряды совершаются?

161. Не подвергается-ли молодая побоямъ со стороны молодаго, отца, матери?

162. Какія пѣсни поются для того, чтобы ее осрамить?

Примѣчаніе. необходимо записать эти пѣсни во всей ихъ наготѣ, безъ малѣйшаго стѣсненія, не выбрасывая ни одной буквы.

163. Какіе знаки и символы выставляются на показъ, чтобы возвѣстить о нецѣломудріи невѣсты?

164. Брачную рубашку разсматриваютъ и изслѣдуютъ только немногіе или-же всѣ свадебные гости?

165. Составляетъ-ли она предметъ публичной принадлежности брака, предметъ общаго любопытства, словомъ такую-же публичную принадлежность, какъ нѣкоторые другіе предметы, фигурирующіе на свадьбѣ?

166. Воздается-ли честь только ей или также отцу и матери и даже цѣлому роду?

167. Какія пѣсни поются для прославленія такой невѣсты. Знаки, символы, которыми возвѣщается о честности невѣсты?

168. Не берутъ-ли какого штрафа съ родителей, если выданная дочь окажется не дѣвушкой?

169. Посрамляютъ-ли такъ-же и свахъ, и родственниковъ неблагополучіемъ невѣсты?

170. Имѣетъ-ли въ этомъ случаѣ новобрачный право собственной расправы. Если да,

то бьетъ-ли онъ только жену или-же и ея мать?

171. Не налагается-ли какое либо церковное наказаніе за несоблюденіе цѣломудрія (напр. три раза ползать вокругъ церкви)?

172. Какіе обряды, если молодая оказалась цѣломудренной?

173. Какъ поступаютъ если молодой окажется на это время неспособнымъ?

174. Не замѣняетъ-ли его кто нибудь?

175. Какіе ходятъ разсказы о случаяхъ порчи молодаго, не дѣлаютъ-ли его злые люди неспособнымъ къ брачному общенію въ этотъ разъ, какимъ средствомъ дѣлаютъ это и какими средствами предотвращаются и излѣчиваются эти пороки?

176. Не въ обычаѣ-ли чтобы молодая не допускала въ сей разъ мужа къ сожительству?

177. Не существуетъ-ли обычая запрещающаго сожительство молодыхъ въ первые три дня послѣ свадьбы? Если да, то на какомъ основаніи?

178. Не замѣчается-ли за послѣднее время стремленія сокращать, упрощать или вовсе не соблюдать нѣкоторые (какіе именно) изъ старинныхъ свадебныхъ обрядовъ?

179. Не являются-ли противниками старинныхъ обыкновеній люди, пришедшіе изъ города, жившіе долго въ столицѣ?

180. Въ какихъ мѣстностяхъ крестьяне менѣе ревнивы къ старинѣ? Каково въ этомъ

отношеніи вліяніе желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ центровъ?

181. Какъ совершается бракъ у раскольниковъ разныхъ сектъ; какіе у нихъ свадебные обычаи и обряды?

---

8. Разводъ, расходъ.

1. Извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи формальныхъ *разводовъ* среди крестьянъ?

2. Какими причинами они были вызваны?

3. Какова судьба имущества и дѣтей въ такихъ случаяхъ?

4. Каково мнѣніе народа о разлученіи супруговъ: пословицы, легенды, разсказы?

5. Какіе обряды соблюдаются при разлученіи супруговъ?

6. Чтобы разлученіе супруговъ имѣло силу необходимы-ли приговоры мірскаго схода или волостнаго суда?

7. Обращаются-ли крестьяне въ волостной судъ съ просьбами о *разводѣ* и какъ относится послѣдній къ такимъ просьбамъ?

8. Не случается-ли, что волостной судъ, отказывая въ разбирательствѣ дѣлъ о *разводѣ* православнымъ, принимаетъ и рѣшаетъ дѣла, когда просители—раскольники?

9. Если не бываетъ разводовъ формальныхъ, то случаются-ли (какъ часто) случаи

фактическаго разлученія супруговъ: — «*расходовъ?*»

10. Каковы къ тому побудительныя причины: дурное-ли обращеніе мужа, распущенность-ли нравовъ и пр?.

11. Не даютъ-ли волостные суды и *безъ согласія мужа* отдѣльнаго вида на жительство женѣ; въ какихъ случаяхъ и часто-ли это бываетъ?

12. Какъ поступаютъ въ случаѣ неспособности мужа къ брачному сожительству: заставляютъ-ли жену оставаться при немъ или-же отпускаютъ ее къ другому; если послѣднее, то сохраняетъ-ли она съ прежнимъ какую-либо связь (такъ что напр. по выздоровленіи онъ могъ-бы потребовать ее къ себѣ), или-же неспособность служитъ поводомъ къ расторженію брака?

13. Подвергаютъ-ли освидѣтельствованію въ этомъ случаѣ супруга; кто именно свидѣтельствуетъ его?

14. Имѣетъ-ли мужъ право при безнравственномъ поведеніи жены отказать ей отъ сожительства и отправить ее къ родителямъ или родственникамъ?

15. При сводныхъ бракахъ — между православными и раскольниками — не случаются-ли часто расходы и какія тому причины?

16. Бываютъ-ли случаи, что супруги соглашаются добровольно вести раздѣльную жизнь?

17. Обязанъ-ли мужъ давать пропитаніе женѣ?

18. Составляются-ли акты, заключающіе въ себѣ условіе между супругами о раздѣльной жизни, въ коихъ мужъ обязуется дать особый видъ на жительство, а жена уплачиваетъ ему извѣстную сумму?

19. Записываются-ли подобные акты въ книги при волостномъ правленіи? Представить примѣры такихъ актовъ.

20. Что дѣлаютъ, при разлученіи супруговъ, съ приданымъ и прочимъ женинымъ добромъ?

21. Въ правѣ-ли въ такихъ случаяхъ жена взять свое добро, даже если не разошлася съ мужемъ миролюбиво а самовольно?

22. Не дается-ли права мужу оставить у себя добро жены лишь въ случаѣ доказаннаго развратнаго поведенія жены?

23 Что бываетъ съ дѣтьми при разлученіи супруговъ? рѣшаютъ-ли ихъ судьбу сами расходящіеся супруги или сосѣди, старики, судъ и т. п.?

24. Въ случаѣ рожденія ребенка, уже послѣ расхода по суду, но по времени рожденія принадлежащаго прежнему супругу (каковъ на это срокъ)—можетъ-ли послѣдній взять этого ребенка къ себѣ?

---

9. Вторичный бракъ.

1. Сколько разъ по *воззрѣніямъ* народнымъ можно вступать въ бракъ?

2. Сочувственно-ли относятся ко второму браку или же считаютъ его предосудительнымъ? Не дѣлается-ли разницы въ этомъ отношеніи смотря потому, былъ-ли бракъ бездѣтенъ или-же остались дѣти?

3. Въ обычаѣ-ли (не было-ли отдѣльныхъ случаевъ) заключенія мужемъ *при жизни жены* (въ случаѣ долговременнаго ея отсутствія или болѣзни) условія съ другой женщиной, по которому ей предоставлялись всѣ права и возлагались на нее всѣ обязанности жены?

4. Не было-ли случая мѣны женами *съ исполненіемъ* при этомъ всѣхъ или нѣкоторыхъ *свадебныхъ обрядовъ* (такой случай былъ по словамъ Е. И. Якушкина въ Тульской губ. въ 1861 г.)?

5. Нѣтъ-ли какихъ повѣрій въ народѣ, удерживающихъ вдовыхъ супруговъ отъ вторичнаго брака (напр. повѣрье о загробной встрѣчѣ супруговъ или объ обмѣнѣ женами на томъ свѣтѣ и пр.)?

6. Не удерживаетъ-ли отъ новаго брака вдову-мать тяжелая участь пасынковъ и падчерицъ, ожидающая ея дѣтей въ семьѣ новаго мужа?

7. Не старается-ли наоборотъ вступить въ новый бракъ вдова, чтобы найти кормильца и

заступника, вдовецъ—чтобы добыть хозяйку и воспитательницу для малолѣтнихъ?

8. Не существуетъ-ли обычая, дозволяющаго только два раза жениться на дѣвушкахъ, а въ третій разъ лишь на вдовѣ?

9. Дозволяетъ-ли обычай схоронившему уже трехъ женъ, но еще сильному, вступать снова въ бракъ?

10. Черезъ сколько времени послѣ смерти супруга можно вступить снова въ бракъ; почему полагается тотъ или иной срокъ между двумя браками (повѣрья)?

11. Не воспрещаетъ-ли обычай вдовѣ отходить отъ свекра до истеченія шести недѣль со смерти мужа?

Примѣчаніе. Если у инородцевъ вдова остается жить въ домѣ своего покойнаго мужа и по истеченіи срока, который она должна была остаться тутъ, то должны-ли наслѣдники содержать ее?

12. Чѣмъ отличается (въ обрядахъ, празднествахъ, пѣсняхъ и пр.) свадьба вдовца или вдовы отъ свадьбы парня и дѣвушки?

---

10. Отношенія между супругами.

а) *личныя.*

Примѣчаніе. Слѣдуетъ различать и рѣзко оттѣнять *воззрѣнія*, коихъ держится на этотъ предметъ населеніе данной мѣстности, и отношенія *въ дѣйствительной жизни.*

1. Считается-ли вообще мужской полъ выше женскаго или нѣтъ?

Какія существуютъ касательно этого пословицы, легенды, побасенки и пр.?

2. Не обязаны-ли женщины оказывать мущинамъ знаки почтенія (какіе именно) при встрѣчахъ на дорогѣ, въ бесѣдахъ, въ торжественныхъ случаяхъ, въ церквахъ и пр.?

3. Какія должны быть отношенія, по понятіямъ народа, между мужемъ и женой, отношенія-ли подчиненія жены мужу или равенство обоихъ?

Какіе разсказы, легенды, пословицы, въ коихъ выражается тотъ или иной взглядъ народа на отношенія *супруговъ* (напр. «не мужъ женой красенъ, а жена мужемъ», «мужъ — яко на главѣ храма крестъ»)?

4. Не живетъ-ли еще въ глубинѣ души народа убѣжденіе, что мужъ — господинъ своей жены, коего власть надъ нею очень велика и обширна; не случается-ли слышать такое выраженіе: жена моя — воля моя учить её посредствомъ побоевъ и истязаній?

Нѣтъ-ли такихъ случаевъ, въ которыхъ народъ признаетъ мужа даже въ правѣ убить жену. — Не сохранилось-ли преданій касательно этого?

5. Если народъ признаетъ, что жена должна находиться въ повиновеніи и послушаніи, то до какихъ предѣловъ власть мужа можетъ простираться?

Имѣетъ-ли по *понятіямъ* народа мужъ дисциплинарную власть надъ женою, т. е. въ правѣ-ли онъ сдѣлать ей выговоръ, нанести ей въ видѣ наказанія удары болѣе или менѣе тяжкіе, не долженъ-ли онъ наказывать жену втихомолку а не на людяхъ, какая разница въ наказаніи?

Въ какихъ другихъ формахъ выражается дисциплинарная власть мужа надъ женою?

6. Нѣтъ-ли пѣсенъ, прибаутокъ, побасенокъ и пр., описывающихъ расправу мужа надъ женой и наоборотъ?

7. Какова разница между *воззрѣніями* крестьянъ данной мѣстности на отношенія супруговъ и отношеніями этими въ *дѣйствительной жизни?* Какія условія вліяютъ на эти различія?

Примѣчаніе. Такъ у Мордвы de jure власть мужа неограничена, но de facto всѣ сосѣди осуждятъ, въ отношеніи нравственномъ, мужа, не умѣющаго ужиться съ женою (Майновъ); у Донск. казаковъ жена, обыкновенно болѣе опытная въ хозяйственныхъ дѣлахъ чѣмъ долго отсутствовавшій мужъ часто получаетъ въ семьѣ значеніе большее

того, которое она должна имѣть по *воззрѣніямъ* народнымъ (Харузинъ).

8. Въ какихъ случаяхъ положеніе жены особенно тягостно (въ большой семьѣ, въ бракѣ противъ своей воли и т. п.)?

Не замѣчается-ли въ этомъ отношеніи разницы между прежнимъ временемъ и нынѣшнимъ; какія причины перемѣны?

9. Не замѣчается-ли, что вернувшіеся домой солдаты грубѣе по отношенію къ женамъ?

10. Не отличаются-ли большей жестокостью мужья, побывавшіе въ отлучкѣ и научившіеся праздновать и пьянствовать?

11. Не замѣчается-ли, что крестьяне, наказанные розгами, становятся впослѣдствіи деспотами по отношенію къ своимъ женамъ?

12. Бываютъ-ли случаи, что жена имѣетъ верхъ надъ мужемъ и какъ смотритъ народъ на такіе случаи (шутки, прибаутки, побасенки и т. п.)?

13. Не существуетъ-ли въ описываемой мѣстности религіозной секты, признающей главенство жены въ семьѣ?

14. Говоритъ-ли народъ, что жена имѣетъ право учить мужа посредствомъ побоевъ?

Нѣтъ-ли пѣсенъ, прибаутокъ, побасенокъ и пр., описывающихъ расправу жены надъ мужемъ?

15. Не составляютъ-ли въ данной мѣстности семьи раскольничьи явленія свѣтлаго сравнительно съ православными?

16. Какъ называютъ супруги другъ друга въ глаза и заочно?

17. Теряетъ-ли жена свое родовое прозвище, принимая прозвище мужа или принявъ послѣднее сохраняетъ и свое родовое?

Не дѣлается-ли послѣднее такимъ образомъ, что къ прежней фамиліи жены прибавляется фамилія мужа со словомъ «по мужу» (Тр. к. по пр. вол. суд. IV, VI)?

18. Не зовутъ-ли женъ сосѣди по имени ихъ мужей напр. Иваниха — жена Ивана, Романиха и т. д.?

19. Не встрѣчалось-ли случаевъ продажи или заклада жены? отдачи на подержаніе, обмѣна? Не сохранилось-ли преданій?

Не заключались-ли при этомъ письменныя условія; не свидѣтельствуются-ли они въ вол. судѣ?

Какъ смотритъ народъ на эти случаи?

20. Имѣетъ-ли мужъ право требовать обратно жену, ушедшую отъ него, и жена мужа, ушедшаго отъ нея?

21. Въ правѣ-ли мужъ, не обращаясь къ суду, принять мѣры къ задержанію жены въ случаѣ ея самовольной отлучки?

22. Во всѣхъ-ли случаяхъ по жалобѣ мужа судъ постановляетъ водворить самовольно ушедшую жену?

23. Не обязаны-ли родители, принявшіе жену, самовольно ушедшую отъ мужа, вознаградить послѣдняго за прогульные дни, если жена ушла въ рабочее время? Не подвергаются-ли они вол. судомъ наказаніямъ?

24. Не постановляетъ-ли судъ, только вод-ворить жену къ мужу черезъ сельскаго старосту, или-же налагаются на нее какія либо наказанія?

25. Не было-ли случаевъ взятія второй жены, по договору съ ней или ея родителями, при жизни первой жены, въ случаѣ ея отсутствія или неспособности къ работѣ?

26. Обязана-ли жена, оставившая мужа, уплачивать ему опредѣленную сумму? Въ какихъ случаяхъ налагается на нее это обязательство?

27. Не обязана-ли жена, оставившая мужа, въ случаѣ, если въ его домѣ нѣтъ взрослой женщины, уплачивать мужу ежегодно опредѣленную сумму на наемъ работницы?

28. Властенъ-ли мужъ выгнать жену изъ своего дома и отказать ей въ содержаніи, или жена имѣетъ *право* жить въ домѣ мужа и получать содержаніе отъ него?

29. Вправѣ-ли мужъ собственною властью удалить жену изъ своего дома, или-же онъ долженъ это сдѣлать съ чьего либо разрѣшенія (суда, общины, стариковъ)?

30. Вправѣ-ли жена требовать, чтобы мужъ не уклонялся отъ совмѣстнаго съ ней жительства; какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ народн. суды?

31. Изъ какихъ семей — большихъ или малыхъ мужья чаще прогоняютъ женъ?

32. Должна-ли жена слушаться мужа во всякомъ случаѣ, даже если мужъ приказываетъ противозаконное, или нѣтъ?

33. Жалуется-ли когда нибудь мужъ на не послушаніе жены и какъ наказываютъ женъ за *неповиновеніе?*

34. Много-ли значенія придаетъ мужъ совѣтамъ жены?

35. Обязанъ-ли мужъ имѣть о женѣ попеченіе и не подвергается-ли онъ за небрежность въ исполненіи этой обязанности какому либо наказанію народн. судами?

Освобождается-ли мужъ отъ обязанности давать женѣ содержаніе въ томъ случаѣ, если она сама, по причинѣ жестокаго съ нею обращенія мужа, не желаетъ съ нимъ болѣе жить; если *не* освобождается, то во всякомъ-ли случаѣ или-же лишь тогда, когда жена остается при дѣтяхъ?

36. Обязанъ-ли мужъ содержать жену во всякомъ случаѣ по пословицѣ «хоть гайтанъ (т. е. крестъ на шеѣ) порви да жену корми», или-же только тогда, когда жена работаетъ въ мужниномъ домѣ?

Примѣчаніе. У Мордвы напр. говорится, что ворота стоятъ на двухъ вереяхъ, а домъ на двухъ головахъ, поэтому не можетъ быть и вопроса, что одинъ изъ супруговъ обязанъ кормить другаго, а ничего недѣлающій супругъ не можетъ жаловаться на другаго, нежелающаго его кормить.

37. Какія работы лежатъ на мужѣ и какія на женѣ?

38. Въ какія дѣла женскія не вмѣшивается мужъ?

39. Обязанъ-ли мужъ наблюдать за поведеніемъ жены, не несетъ-ли онъ отвѣтственности за проступки жены и какова эта отвѣтственность?

40. Не бываетъ-ли случаевъ, что мужа наказываютъ вмѣсто жены за вину послѣдней, когда жена не можетъ быть подвергнута наказанію (напр. въ случаѣ беременности)?

41. Часты-ли случаи нарушенія супружеской вѣрности?—Бываютъ-ли они *обыкновенно* лишь при раздѣльномъ житьѣ супруговъ (напр. во время отсутствія мужа на заработкахъ, службѣ, промыслахъ) или-же и при совмѣстномъ жительствѣ?

Смотритъ-ли снисходительно народъ данной мѣстности на нарушеніе супругами вѣрности или-же строго?

42 Не смотрятъ-ли мужья сквозь пальцы на грѣхи женъ доколѣ онѣ не приносятъ въ домъ незаконнаго ребенка?

43. Одинаковымъ-ли преступленіемъ считается нарушеніе супружеской вѣрности со стороны мужа какъ и со стороны жены?

44. Какъ обычай позволяетъ поступать обиженному супругу въ случаѣ невѣрности другаго?

45. Не выбиваетъ-ли жена окна въ домѣ любовницы своего мужа, чтобы посрамить её?

46. Не отстригаетъ-ли мужъ женѣ косу въ наказаніе за нарушеніе супружеской вѣрности?

47. Подвергается-ли наказанію мужъ, нанесшій побои любовнику своей жены?

48. Подаютъ-ли мужья на невѣрныхъ женъ жалобы или расправляются съ ними сами, руководствуясь правиломъ: изъ избы соръ не выметать?

49. Дѣла о нарушеніи супружеской вѣрности вѣдаетъ-ли мірской сходъ или волостной судъ?

50. Не считается-ли народными судами нарушеніе супружеской вѣрности за преступленіе не важное, не заслуживающее тяжелаго наказанія?

Доставить примѣры рѣшеній судовъ по этому вопросу.

51. Отвѣтственъ-ли мужъ за побои; нанесенные женѣ и въ какихъ случаяхъ?

Какъ смотритъ народъ на мужа, который увѣчитъ жену?

52. Въ «большой» семьѣ можетъ-ли наболь-шой запретить мужу бить жену?

53. Часты-ли въ данной мѣстности истязанія женъ мужьями; какъ на это смотрятъ сосѣди; чѣмъ обыкновенно кончаются эти дѣла?—

Опишите извѣстные вамъ случаи.

Что извѣстно вамъ о случаяхъ убійства жены мужемъ и наоборотъ: изъ ревности, ненависти, мести и пр.?

54. Бываютъ-ли случаи убійства одного супруга другимъ; какъ часты такія преступленія въ данной мѣстности; кто чаще является убій-

цей — мужъ или жена; какіе способы убійства въ этихъ случаяхъ чаще (отравленіе и пр.); какія причины вызываютъ одного супруга покушаться на жизнь другаго;—какія пѣсни сюда относящіяся?—Опишите извѣстные вамъ примѣры.

55. Не бываетъ-ли въ данной мѣстности преступленій, вызываемыхъ неладами между супругами?

Какія въ данной мѣстности относящіяся сюда пѣсни, поговорки, разсказы и пр.?

56. Если мужъ бѣденъ, а жена богата, то какія отношенія устанавливаются между ними?

57. Мужъ принятый въ домъ («зять владзень», «зять пріймакъ») не имѣетъ-ли надъ женой менѣе власти?

Не принимаетъ-ли онъ прозвище того дома, въ который вступаетъ?

58. Какъ поступаютъ жены въ случаяхъ дурнаго обращенія съ ними мужей: подчиняются-ли безропотно своей долѣ или-же уходятъ къ родителямъ, жалуются-ли начальству и т. п.?

59. Во всякую-ли ссору между мужемъ и женой вмѣшиваются постороннія лица («не суди мужа съ женой»; «ночь темная ихъ посудитъ и помиритъ»)?

60. Кто обыкновенно разбираетъ дѣла между мужемъ и женой (старики, мірская сходка, волостной судъ)?

61. Не существуетъ-ли обыкновенія, по которому кто либо изъ сельскихъ властей безъ опредѣленія вол. суда, а прямо по жалобѣ мужа, наказываетъ жену (арестомъ, принудительными работами и пр.)?

62. Часто-ли женщины обращаются съ жалобами на мужей въ волостной судъ или дѣлаютъ это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; почему?

Примѣчаніе. Часто отъ жалобъ удерживаютъ жену: 1) безрезультатность ихъ, ибо наказаніе мужьямъ (тюремное наказаніе, „холодная", тѣлесное наказаніе) не достигаетъ цѣли, ожесточая наоборотъ вернувшагося къ женѣ мужа, мстящаго женѣ за понесенное имъ, 2) то что мѣстные волостные суды всегда почти становятся на сторону мужей, 3) окружные суды обходятся и дорого и хлопотно и т. п.

Любопытно знать насколько все это относится къ данной мѣстности.

63. Приноситъ-ли жена въ волостной судъ жалобы на мужа только въ случаѣ понесенныхъ безъ вины жестокихъ побоевъ или-же и въ другихъ случаяхъ?

64. Какому наказанію подвергаютъ народн. суды мужей за a) жестокое обращеніе, b) побои, c) обиды словами, наносимыя своимъ женамъ?

Наказываютъ-ли его лишь съ согласія жены (Пахманъ), ограничиваясь въ противномъ случаѣ лишь выговоромъ, внушеніемъ и т. п.?

65. Приносятъ-ли жены жалобы на мужей по поводу нетрезвой жизни, разстройства хозяй-

ства и т. п., и подвергается-ли мужъ по такой жалобѣ жены наказанію (какому)?

66. Нѣтъ-ли различія суда по отношенію къ дѣламъ между супругами о побояхъ, отдѣльномъ жительствѣ и пр. — отъ дѣлъ объ имуществѣ?

67. Къ какому наказанію присуждаетъ судъ мужа за побои, всегда-ли или-же только въ случаѣ жестокихъ и нанесенныхъ безъ всякой вины побоевъ?

68. Не заставляютъ-ли мужей давать на судѣ подписку не бить жены?

Представьте нѣсколько копій съ подобныхъ письменныхъ актовъ?

69. Не поручаетъ-ли волостной судъ старостѣ наблюдать, чтобы мужъ не билъ жены?

70. Не властна-ли жена при малолѣтнихъ дѣтяхъ требовать удаленія изъ дома ведущаго дурную жизнь мужа?

71. Бываютъ-ли случаи, что въ судъ приносятся жалобы отъ всего крестьянскаго общества на мужа, обращающагося жестоко съ женой?

Если эти жалобы письменныя, то желательно имѣть копіи съ нихъ.

72. Не передается-ли крестьянскимъ обществомъ женѣ, въ случаѣ дурной жизни мужа, управленіе хозяйствомъ (большина)?

73. Сохраняетъ-ли мужъ какую нибудь власть надъ женою, когда послѣдней передана большина?

74. Бываютъ-ли жалобы мужей на жестокое обращеніе съ ними женъ (Пахманъ, II. 109); какъ наказывается жена; примѣръ?

75. Обращаются-ли (часто-ли) вообще мужья въ судъ съ просьбой о наказаніи жены; въ какихъ случаяхъ; исполняютъ-ли суды желаніе мужей?

76. Въ какихъ случаяхъ волостные суды отсылаютъ дѣла о ссорахъ между супругами къ высшимъ властямъ (какимъ именно)?

77. Часто-ли женщины обращаются за разбирательствомъ дѣла о ссорѣ съ мужемъ къ мировымъ судьямъ?

Каково отношеніе мѣстныхъ мировыхъ судей къ дѣламъ о ссорахъ супруговъ?

78. Не пеняютъ-ли крестьяне на мировыхъ судей за то, что они «избаловали бабъ», становясь на сторону послѣднихъ при разбирательствѣ дѣлъ о ссорахъ супруговъ?

79. Не замѣчается-ли въ настоящее время измѣненія въ отношеніяхъ супруговъ сравнительно съ прежнимъ временемъ (не стала-ли напр. власть мужей слабѣть); съ какихъ поръ (хотя приблизительно) замѣчается подобное измѣненіе?

Какія причины его?

б) *имущественныя.*

1. Имущество супруговъ раздѣльно или общее?

Хозяйка-ли жена своего добра? Какимъ путемъ составляется отдѣльное женино имущество?

2. Какъ называется *предбрачный взносъ* у русскихъ крестьянъ, идущій со стороны жениха (кладка, вывозъ, столов. деньги и т. д.)?

Какъ смотрятъ крестьяне на этотъ взносъ: какъ на уплату за невѣсту — рабочую силу или-же какъ на выкупъ ея коробья (сундукъ, скрыня) и вознагражденіе за свадебные расходы и за наряды невѣсты, дѣлаемые ея семьею?

3. Кто даетъ кладку (самъ женихъ, отецъ его, или старшій въ семьѣ)?

Въ чемъ состоитъ кладка (деньги, шуба, овцы и пр.)?

Каковы размѣры кладки и какую при этомъ играетъ роль матеріальныя средства жениха, личныя качества невѣсты, достоинство самого жениха?

4. Кому дается кладка: отцу-ли невѣсты, старшему-ли (братьямъ)?

5. Какова судьба кладки въ случаѣ смерти того или другаго супруга?

6. Не выводится-ли обычай давать кладку изъ употребленія вслѣдствіе обременительности ея, или не дается-ли она нынѣ въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ?

7. Существуетъ-ли обычай давать при выдачѣ замужъ дочери *приданое* семьей ея?

Какія названія носитъ это приданое?

Какія вещи составляютъ приданое?

8. Не принято-ли за правило давать за невѣстой такое имущество, коего объемъ (большій или меньшій) находился-бы въ соотвѣтствіи съ состояніемъ ея жениха, которое особенно свидѣтельствуется родителями невѣсты?

Не опредѣляется-ли величина даваемаго за невѣстой имущества величиной полученной кладки?

9. Не составлястъ-ли отличное отъ приданаго имущество *надлокъ*, какъ состоящій изъ той доли семейнаго имущества, которая по числу лицъ, между коими оно должно-бы было раздѣлиться по смерти родителей, досталось-бы выдаваемой замужъ дочери?

10. Кто даетъ приданое?

Не составляетъ-ли приданое (коробья, скрини) предметъ особыхъ заботъ матери, которая скопляетъ его понемногу въ теченіе многихъ лѣтъ; не признается-ли за матерью право половину полученнаго ею самою приданаго назначить дочери?

Въ какой мѣрѣ участвуетъ отецъ въ приданомъ?

Участвуютъ-ли въ приданомъ дядя, братья, зятья, свекры, девери и въ какихъ случаяхъ?

11. Всегда-ли приданое состоитъ изъ движимаго имущества и какого именно (скотъ, деньги, хлѣбъ, постели, иконы, коробья съ одеждами и пр.) или еще изъ недвижимаго?

12. Составляетъ-ли приданое предметъ какихъ либо условій при заключеніи брака (по

особому уговору жениховой и невѣстиной стороны о предметѣ и количествѣ) или-же просто передается жениху и его роднымъ?

13. Составляются-ли письменныя условія о приданомъ и въ какихъ случаяхъ (если дается недвижимое)?

Какъ называется такое условіе?

Представить копіи съ такихъ условій.

14. Когда и какъ передается приданое: до свадьбы, послѣ нея, или вмѣстѣ съ невѣстой?

Бываютъ-ли споры и иски о приданомъ между зятемъ и женниной родней?

15. Не задерживаютъ-ли приданое въ семьѣ мужа въ случаяхъ самовольнаго ухода жены?

16. Какое значеніе приданаго въ общей массѣ семейнаго имущества: поступаетъ-ли оно въ общую собственность супруговъ или исключительно жены; имѣетъ-ли право мужъ распоряжаться приданымъ?

Не составляетъ-ли исключительно собственности женниной лишь *платное*, тогда какъ мужъ получаетъ право распоряженія надѣлкомъ?

17. По обычаю въ данной мѣстности нужно-ли для того, чтобы приданое входило въ составъ общаго имущества супруговъ, предварительное условіе или нѣтъ; или-же нужно условіе для того, чтобы приданое *не* входило въ составъ общаго имущества?

18. Если мужъ не въ правѣ распоряжаться приданымъ, то не сохраняется-ли за женою

право потребовать свое приданое обратно и право отчужденія его даже безъ согласія мужа?

19. Если въ приданое даны деньги, кто распоряжается ими?

Если въ приданое данъ скотъ, составляетъ-ли онъ общее имущество или нѣтъ; чей считается приплодъ?

Если въ приданое дана недвижимая собственность (домъ, садъ), кто имъ распоряжается?

20. Бываютъ-ли иски женъ на мужей за растрату приданаго; каковы рѣшенія крестьянскихъ судовъ въ такихъ дѣлахъ?

21. Какова участь приданаго въ случаѣ смерти жены: поступаетъ-ли оно въ собственность мужа и дѣтей, или за неимѣніемъ ихъ въ родъ мужа, или-же въ женинъ родъ; въ послѣднемъ случаѣ отвѣчаетъ-ли мужъ за растраченную часть приданаго и дѣлается-ли въ этомъ отношеніи различіе между платнымъ и надѣлкомъ?

22. Какіе подарки дѣлаетъ женихъ невѣстѣ; въ какое время свадебныхъ празднествъ и при какихъ обрядахъ имѣютъ мѣсто эти подарки; въ полное-ли распоряженіе невѣсты поступаютъ подобные подарки?

Нѣтъ-ли обычая выкупать у дѣвушки ея вѣнокъ, косу, повязку, и какъ велика сумма даваемая при этомъ женихомъ?

Не въ обычаѣ-ли дарить невѣсту въ случаѣ, если она оказалась цѣломудренной?

23. Вещи, полученныя молодыми во время свадебныхъ пировъ въ видѣ даровъ отъ гостей, поступаютъ-ли въ распоряженіе обоихъ или кого нибудь одного изъ нихъ?

24. Нажитое добро трудами обоихъ супруговъ въ совмѣстной жизни считается-ли общей собственностью?

25. Деньги, заработанныя женой по найму, идутъ-ли мужу или остаются у жены?

26. Все нажитое женою по смерти ея остается-ли у мужа или-же идетъ вмѣстѣ съ приданымъ въ родъ покойной?

27. Какое имущество находится въ исключительномъ завѣдываніи жены?

28. Не составляютъ-ли неприкосновенную собственность женщинъ головной уборъ и ожерелье, и не передаются-ли они по наслѣдству отъ бабы къ бабѣ?

29. На какія хозяйственныя произведенія жена имѣетъ полную власть, такъ что можетъ распоряжаться безъ спроса мужа?

30. Существуетъ-ли въ данной мѣстности обычай, по которому доходы съ хозяйственныхъ произведеній поступаютъ въ исключительную собственность жены и вообще женщинъ работницъ?

31. Въ чемъ состоитъ обязанность жены заготовлять одежду для семейства?

32. Когда мужъ предъявляетъ искъ по дѣлу объ оскорбленіи жены, присуждается-ли денежный штрафъ съ оскорбителя въ пользу

мужа или въ пользу мужа съ женой или-же въ пользу одной жены?

33. Отвѣтственна-ли жена по обязательствамъ мужа?

Существуетъ-ли обычай, по которому жена не платитъ по долгамъ мужа лишь въ томъ случаѣ, когда они сдѣланы для пьянства и т. п. а не на семейныя нужды?

34. Требуется-ли согласіе мужа на сдѣлки, учиняемыя женой?

35. Обязанъ-ли мужъ отвѣчать по женинымъ обязательствамъ (долги и пр.)?

36. Допускается-ли веденіе на судѣ жениныхъ дѣлъ мужемъ и мужниныхъ дѣлъ женой безъ особой довѣренности?

37. Во всѣхъ-ли случаяхъ обязанъ мужъ выдать прогнанной изъ дома женѣ ея имущество?

Въ какихъ случаяхъ жена можетъ унести свое добро?

38. Совершаются-ли между супругами какія либо имущественныя сдѣлки (купля-продажа, заемъ, дареніе и пр.)?

39. Имѣетъ-ли какія либо права на имущество своей жены зять влазень?

40. Дѣлаютъ-ли жены письменныя завѣщанія въ пользу своихъ мужей; въ какихъ случаяхъ это бываетъ; какія побудительныя къ тому причины?

Доставьте копіи съ такихъ актовъ.

II. Отношенія родителей и дѣтей.

а) *личныя.*

1. Каковъ взглядъ крестьянъ на дѣтей: служатъ-ли дѣти признакомъ благословенія Божія, а неимѣніе ихъ наказаніемъ?

2. Какъ вообще объясняютъ крестьяне безплодіе; принимается-ли безплодіе жены за явный признакъ невѣрности ея мужу?

Не получаетъ-ли мужъ въ этомъ случаѣ право бросать ее?

3. Употребляются-ли какія-либо медицинскія и суевѣрныя (колдовство, наговоры) средства для прекращенія безплодія?

Какому Святому молятся о дарованіи дѣтей?

4. Можно-ли требовать другую женщину въ случаѣ безплодія жены?

5. Не извѣстны-ли въ данной мѣстности случаи, что-бы за неимѣніемъ дѣтей мужъ предоставлялъ жену сосѣду или пріятелю дабы родился ребенокъ?

Неизвѣстны-ли по крайней мѣрѣ разсказы объ этомъ изъ минувшихъ временъ?

Какъ относилась деревня къ подобнымъ случаямъ?

6. Извѣстно-ли у народа плодоизгнаніе (въ какихъ случаяхъ, изъ какихъ побудительныхъ мотивовъ), или оно совершается только тѣми, которыя зачинаютъ внѣ брака?

Считается-ли плодоизгнаніе преступленіемъ или-же дѣйствіемъ безразличнымъ. Насколько оно распространено среди народа?

Нѣтъ-ли спеціальныхъ личностей, искусство коихъ переходитъ изъ рода въ родъ, которыя занимаются плодоизгнаніемъ?

7. Не считается-ли мальчикъ болѣе желательнымъ чѣмъ дѣвочка?

8. Какія пѣсни, обряды, символическія дѣйствія, въ коихъ выражается желаніе, что-бы рождались дѣти мужскаго пола (напр. сажаніе мальчика на колѣни невѣсты)?

9. Не встрѣчается-ли рожденіе сына съ бо̀льшей радостью, чѣмъ рожденіе дочери и почему?

Не замѣчается-ли вообще разницы въ отношеніи родителей къ сыновьямъ сравнительно съ дочерьми?

Какія сюда относящіяся поговорки, прибаутки, легенды и пр.?

10. Когда въ году замѣчается бо̀льшее количество рожденій?

11. Не оказываетъ-ли въ этомъ отношеніи какого нибудь вліянія посты, какъ время воздержанія отъ плотскихъ помысловъ?

12. Какіе обряды, повѣрья, суевѣрія соединены вообще съ рожденіемъ ребенка?

Нѣтъ-ли преданій о томъ, что въ былое время передъ родами своей жены и мужъ ложился въ постель, подражая страданіямъ беременной?

13. При рожденіи нѣтъ-ли какихъ нибудь особыхъ обрядовъ въ коихъ отецъ силволически показывалъ бы, что готовъ принять новорожденнаго какъ своего ребенка (напр. подниманіе съ полу, сажаніе себѣ на колѣни и пр.)?

14. Имѣетъ-ли право отецъ отречься отъ новорожденнаго, какъ отъ незаконнаго ребенка?

Считается-ли у инородцевъ неприличнымъ спрашивать родителей о ихъ дѣтяхъ (напр. о числѣ ихъ, ихъ здоровьѣ, возрастѣ и т. д.)?

Не считается-ли въ данной мѣстности неприличнымъ, чтобы отецъ ласкалъ своихъ дѣтей въ присутствіи постороннихъ?

15. Каковъ взглядъ народа на власть отца и матери. Есть-ли въ народныхъ понятіяхъ различіе между властью отца и матери въ томъ случаѣ, когда эта власть за смертью отца сосредоточится въ лицѣ одной матери?

16. До какихъ предѣловъ можетъ по понятіямъ народа простираться власть отца надъ дѣтьми?

17. Не осталось-ли въ какихъ нибудь воспоминаніяхъ народа понятія о томъ, что отецъ властенъ въ жизни и смерти своихъ дѣтей, какъ своей плоти: если сохранились какія нибудь легенды, происшествія или вѣрованія, то ихъ записать?

18. Не извѣстны-ли въ данной мѣстности продажи дѣтей символическія?

19. По современнымъ воззрѣніямъ народа волент-ли отецъ въ своихъ дѣтяхъ?

20. Извѣстно-ли у народа хотя по преданіямъ, легендамъ и разсказамъ выбрасываніе дѣтей на произволъ судьбы?

Нѣтъ-ли у народа обычая, въ силу котораго новорожденнаго младенца кладутъ около порога, затѣмъ, чтобы его поднялъ и взялъ на руки отецъ?

Встрѣчается-ли среди народа подкидываніе дѣтей и кѣмъ оно совершается: матерями-ли незаконнородившими или-же и другими женщинами?

21. Какой взглядъ народа на дѣтоубійство вообще?

Равно-ли преступными и наказуемыми считаетъ народъ этотъ видъ убійства со всякимъ инымъ, или-же дѣлаетъ различіе въ томъ-ли смыслѣ, что оно не столь важное, или въ томъ смыслѣ, что оно важнѣе обыкновеннаго?

Какъ народъ смотритъ на убійство незаконнорожденнаго въ моментъ рожденія, дѣвицею въ первый разъ рождающею?

22. Нельзя-ли подмѣтить различія между взглядомъ народа на убійство сына или дочери и взглядомъ закона на этотъ видъ убійства?

Примѣчаніе. По закону убійство сына или дочери считается *болѣе важнымъ чѣмъ простое* убійство (наказаніе: каторжная работа *въ рудникахъ* безъ срока); менѣе тяжкимъ считается убійство матерью *незаконнаго* ребенка *при самомъ рожденіи*,

совершенное *отъ стыда или страха;* (при этомъ— если *не* будетъ доказано что виновная была уже прежде виновна въ томъ же преступленіи, наказаніе смягчается тремя степенями); взглядъ законодателя болѣе мягкій, когда дѣтоубійство этого рода было *не предумышленное,* виновная же въ ономъ женщина особенно если она *незамужняя,* разрѣшилась отъ бремени *въ первый разъ* (лишен. всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.) Ул .о Нак. уг. и испр. ст. 1451). Далѣе: женщина, которая отъ стыда или страха, хотя и не умертвитъ незаконорожденнаго своего младенца, но оставитъ его *безъ помощи* и младенецъ отъ того лишится жизни приговаривается — къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь по четвертой степени 31 ст. Уложенія или къ отдачѣ въ тюрьму на время отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ на основаніи постановленій ст. 77 улож. Если, однакожъ, будетъ доказано, что младенецъ *родился мертвымъ* и мать, волнуемая стыдомъ или страхомъ, только *скрыла его тѣло,* вмѣсто того, чтобы объявить о семъ какъ слѣдовало, то за сіе она подвергается лишь — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ (Ул. о нак. ст. 1460). Послѣдняя часть статьи примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда мать скроетъ тѣло такого ребенка, который хотя и родился живымъ, но умеръ тотчасъ послѣ родовъ (Ул. о нак. изд. Н. С. Таганцевымъ Спб. 1885 г. стр. 510).

23. Не сохранилось-ли преданія о продажѣ дѣтей или отдачѣ ихъ въ закладъ?

24. Нѣтъ-ли такихъ обрядовъ, которые-бы

указывали на существованіе прежде обычая продажи и убійства дѣтей?

25. Имѣетъ-ли отецъ право отдавать дѣтей въ наймы, принуждать къ браку и т. д.?

26. Имѣетъ-ли отецъ по *воззрѣніямъ* народа право лишить сына наслѣдства; бываютъ-ли случаи такого лишенія (опишите вамъ извѣстный примѣръ)?

27. Имѣетъ-ли отецъ по *воззрѣніямъ* народа право непочтительнаго, задорнаго сына выгнать изъ дому, *не давъ ему никакой части* имущества; извѣстны-ли подобные случаи; какъ къ нимъ относятся нар. суды: одобрительно-ли, или заставляютъ отца надѣлить выгнаннаго сына?

28. Не наказываетъ-ли народный судъ сыновей за самовольный уходъ отъ отца, заставляя напр. платить часть повинностей, лежащихъ на отцѣ, долги отцовскіе и т. п.?

29. Отецъ по народнымъ понятіямъ всегда-ли властенъ надъ сыномъ или-же—власть его имѣетъ извѣстный предѣлъ, прекращаясь въ извѣстномъ случаѣ напр. при достиженіи совершеннолѣтія, послѣ отдѣла, занятіи общественной должности?

30. Бываютъ-ли случаи проституціи дочерей по настоянію родителей; чѣмъ они вызываются?

31. Сохраняютъ-ли родители какую либо власть надъ выданной замужъ дочерью?

32. Дочь вдова подчиняется-ли родительской

власти въ одинаковой мѣрѣ съ дочерью-дѣвушкой?

33. Не распоряжается-ли болѣе отецъ сыновьями, а мать дочерьми; отецъ взрослыми, а мать—малолѣтними?

34. Какова обязанность родителей къ дѣтямъ (кормить, содержать, учить страху Божію, женить и пр.)?

35. При воспитаніи дѣтей употребляются-ли мѣры строгости или мягкія средства?

36. Нѣтъ-ли обычая праздновать достиженіе совершеннолѣтія?

Не въ обычаѣ-ли ставить угощеніе старикамъ со стороны парня, являющагося въ первый разъ на сходку?

37. Могутъ-ли дѣти жаловаться на грубое обращеніе родителей (какъ напр. у молоканъ), кому они жалуются, какъ смотритъ народъ на подобныя жалобы, какова кара родителямъ?

38. Не подвергаетъ-ли судъ наказанію родителей за нанесеніе побоевъ дѣтямъ безъ всякихъ съ ихъ стороны причинъ—въ пьяномъ видѣ, или въ случаяхъ, если домашнія смирительныя мѣры носятъ характеръ жестокости?

39. Вступаетъ-ли общество въ защиту угнетаемыхъ родителями дѣтей, заставляя ихъ выдѣлить ихъ; какъ часто такое вмѣшательство?

40. Каковы обязанности дѣтей къ родителямъ (повиноваться, покоить и кормить въ старости)?

41. Возлагается-ли на дѣтей обязанность честно похоронить и поминать родителей?

42. Не сохранилось-ли среди народа преданія о томъ времени, когда выбрасывали на произволъ судьбы стариковъ и старухъ, дожившихъ до потери способности къ работѣ?

Не ходятъ-ли въ устахъ народа легенды, сказанія о выбрасываніи стариковъ?

43. Нѣтъ-ли разсказовъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектахъ и теперь убиваютъ стариковъ и больныхъ?

44. Какъ народъ смотритъ на неблагодарныхъ дѣтей такихъ, которыя, имѣя средства, не оказываютъ престарѣлымъ и нуждающимся родителямъ помощи, не даютъ содержанія и т. п.?

45. Личныя обиды, побои, убійство сколько народъ считаетъ болѣе тяжелыми, когда они совершены надъ родителями?

Записать легенды, исторіи, разсказы, анекдоты, въ которыхъ изображается наказаніе тѣмъ, которые наносили обиды или побои или даже покушались на жизнь родителей?

46. Какъ поступаютъ родители въ случаѣ непослушанія дѣтей или отказа въ дачѣ содержанія?

47. Какія наказанія отецъ и мать могутъ, по понятіямъ народа, употреблять противъ дѣтей и какія чаще всего встрѣчаются?

48. Какую спеціальную силу народъ приписываетъ родительскому благословенію?

Какія бѣдствія угрожаютъ тому, кто лишенъ родительскаго благословенія?

49. Встрѣчается-ли у народа проклятіе дѣтей родителями?

Не сохранилось-ли у народа какихъ нибудь легендъ, разсказовъ, исторій о тяжкихъ послѣдствіяхъ родительскаго проклятія?

50. Неизвѣстны-ли народу формы наказанія дѣтей родителями подъ названіемъ отреченія отъ дѣтей?

51. Въ какихъ случаяхъ употребляется: лишеніе благословенія, проклятіе и отреченіе отъ дѣтей?

52. Помимо домашнихъ исправительныхъ мѣръ, не прибѣгаютъ-ли родители къ помощи вол. суда съ просьбою о наказаніи дѣтей за непочтеніе, неповиновеніе, нерадѣніе къ хозяйству?

Къ какимъ наказаніямъ присуждаетъ судъ (внушеніе, подписки, розги)?

53. Не бывало-ли случаевъ (въ прежнее время быть можетъ) исключенія изъ общества по приговору за неповиновеніе родителямъ?

54. Въ случаѣ если при разборѣ дѣла окажется, что виноваты другъ противъ друга и сынъ и отецъ, то не подвергаются-ли наказанію оба?

55. Когда крестьянскій судъ опредѣляетъ давать содержаніе родителямъ, то какъ велико бываетъ такое, опредѣленное судомъ, содержаніе?

56. Если есть нѣсколько взрослыхъ сыновей, то не обязываютъ-ли каждаго изъ нихъ кормить родителей по очереди?

Не освобождаются-ли отъ этой обязанности сыновья, поступившіе на службу или неполучившіе отъ отца никакого имущества при раздѣлѣ?

57. Не обязуются-ли сыновья выстроить матери особую келью, коль скоро она не можетъ ужиться со своими снохами, ихъ женами?

58. Каковы отношенія между вотчимомъ или мачихою и пасынкомъ: какая разница въ отношеніи къ мачихѣ и къ родному отцу?

59. Не замѣчается-ли, что нынѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, родительская власть слабѣетъ; если да, то съ какого времени приблизительно и при какихъ условіяхъ въ особенности родительская власть становится слабѣе?

б) *имущественныя.*

1. Имѣютъ-ли дѣти свое имущество отдѣльное отъ родителей?

Какимъ способомъ составляется оно (напр. пріобрѣтенное на сторонѣ на заработкахъ, полученное въ даръ, наслѣдованное отъ дѣда, бабки, матери и т. п.)?

2. Выручку за мелкіе заработки въ праздничное или свободное отъ работы время оставляютъ-ли сыновья у себя или-же отдаютъ отцу?

3. Заложенное отцомъ и выкупленное сыномъ имущество не дѣлается-ли собственностью выкупившаго?

4. Имѣетъ-ли отецъ право отнять у сына завѣщанное ему дѣдомъ имущество?

5. Могутъ-ли родители распоряжаться этимъ имуществомъ; если могутъ, то только до совершеннолѣтія или (если мать вдова) до вторичнаго брака?

6. Признаетъ-ли вол. судъ продажу дѣтскаго имущества, учиненную родителями, дѣйствительной?

7. Отвѣтственны-ли родители за растрату дѣтскаго имущества?

8. Имѣетъ-ли вообще отецъ право отчуждать какую либо долю изъ дѣдовскаго (родоваго) имущества; имѣетъ-ли право закладывать его?

9. Не сохраняетъ-ли отецъ право на имущество, которое онъ далъ сыну при выдѣлѣ: можетъ-ли онъ напр. отнять выдѣленное, или-же это право отрицается за отцомъ; каковы рѣшенія вол. суда по этому вопросу?

10. Отвѣчаютъ-ли родители за убытки, причиненные ихъ малолѣтними дѣтьми, отданными въ наемъ?

11. Отвѣтственъ-ли отецъ за убытки, причиненные его совершеннолѣтними дѣтьми, если они живутъ съ нимъ вмѣстѣ?

12. Обязанъ-ли отецъ уплачивать долги неотдѣленныхъ дѣтей?

Бываютъ-ли и въ какихъ случаяхъ отказы родителей платить долги дѣтей; дѣлаются-ли они при свидѣтеляхъ, на сходѣ и пр.?

13. Бываютъ-ли случаи займа, купли-продажи между неотдѣленными сыновьями и отцомъ?

14. Не наслѣдуютъ-ли послѣ безпотомственно умершихъ крестьянъ ихъ родители?

15. Какое участіе принимаютъ дѣти въ уплатѣ податей?

16. Отвѣчаютъ-ли неотдѣленные сыновья при жизни отца за неисправное отбываніе семьей повинностей и податей?

17. Не бываетъ-ли между родителями и отдѣленными сыновьями особыхъ условій относительно отбыванія податей и повинностей и какіе споры и иски возникаютъ изъ такихъ условій?

18. Отвѣтственны-ли неотдѣленныя дѣти въ долгѣ отца?

19. Не обязываетъ-ли народный судъ сына жить вмѣстѣ съ родителями до уплаты семейнаго долга?

20. Нѣтъ-ли случаевъ, когда отвѣтственнымъ въ отцовскомъ долгѣ считался-бы и *отдѣленный* сынъ (напр. если отецъ не въ силахъ болѣе работать?)

21. Долги матери взыскиваются-ли только съ принадлежащаго ей имущества или-же и съ имущества дѣтей ея?

№ 2.

Б. К. Даггатъ.

Студентъ VII семестра
Юридическаго факультета
С. Петерб. Универс.

С. Петербургъ
1893 года.

Б. К. Далгатъ.

Родовой бытъ чеченцевъ,

какъ источникъ ихъ обычнаго права.

Сочиненіе студента Б. К. Далгата, [illegible]

С. Петербургъ.

Марта 5, 1894, С. Петербургъ. 1893 годъ.

Сочинение студента Б.К. Далгата, написанное на основании внимательного изучения различных сочинений, касающихся вопроса о родовом быте, как основе различных юридических институтов, и в частности быта чеченцев, считаю весьма удовлетворительным, так как автор не ограничивается изучением, сравнением и критикой существующих материалов, а также конструкцией фактических данных, сверх того пополнил пробелы материалов своими личными наблюдениями. Поэтому считаю возможным оценить это сочинение, как труд, написанный на основании выдержанных научных приемов и показывающий в авторе не только живой интерес к исследованию, но и умение к самостоятельному труду над источниками, полным баллом 5 (пять).

С. А. Бершадский

Марта 5, 1894 г. С. Петербург.

Весьма удовлетворительно

И. Дювернуа.

10 апр. 95 г.

Расшифровка отзывов,
написанных С.А.Бершадским и И.Дювернуа
в автографе Б.К.Далгата,
представленном на предыдущей странице

Всемъ удовлетворить

10 авг. 95 г.

Оглавление.

стр.

~~Предисловие~~ Введение - - - - - - 4 - 46.

I. Общественная и политическая жизнь чеченцевъ до ихъ присоединения къ России - - - - - - 46 - 159.

а) Исторические справки о чеченцахъ и о занимаемой ими территории - - - - - - - 46 - 82.

в) Предания чеченцевъ и ингушей объ ихъ происхождении, расселении и ихъ прошлой политической жизни - - 82 - 159.

II. Возникновение, организация и распадение рода у чеченцевъ и ингушей - - - - - - - - 160 - 350.

Приложение: список статей и книг о чеченцах.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩЕЕ
при
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Мая 18 дня 1902 г.
№ 84

Адресъ: Москва, Политехническій Музей.

Свидетельство

Этнографический Отдел Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии сим удостоверяет, что предъявитель сего действительно член-сотрудник Общества Карапет Далалян командирован им в Турецкую и Дагестанскую области с этнографическою целью. Этнографический Отдел обращается ко всем учреждениям и должностным лицам с покорнейшей просьбой не отказать г. К. Далаляну в своем просвещенном содействии и вообще способствовать успешному исполнению возложенного на него поручения.

Председатель Отдела Всев. Миллер

1894 г. - 26 - II

Гг. члены Русскаго Антропологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ приглашаются въ засѣданіе, имѣющее быть въ Понедѣльникъ, 28 февраля въ 8 ч. веч въ маломъ залѣ Совѣта Университета (входъ съ набережной).

СООБЩЕНІЯ:

1) *Профессоръ* **Якобій:** *Къ этнографіи черемисъ.*

2) **Г. Б. Далгатъ:** *Происхожденіе, организація и разложеніе агнатическаго рода у чеченцевъ и ингушей.*

3) *Выборы должностныхъ лицъ Общества.*

4) *Текущія дѣла.*

Секретарь **В. Ольдерогге.**

Членскіе взносы принимаются во время засѣданія.

[illegible] 21 февраля 1894 г. Спб. Градоначальникъ [illegible]
Тип. [illegible] Арнгольда, Лит. [illegible]

ИМПЕРАТОРСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
состоящее
при
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Москва, апр. 5 дня 1908 г.

№ 211

Милостивый государь!

Въ последнемъ заседаніи была разсмотрена Этнографическимъ Отделомъ Импер. Общества любителей Ест., Антр. и Этнографіи Ваша работа по этнографіи Кавказа, присланная въ рукописи. Работа найдена весьма обстоятельною и интересною, вследствіе чего Отделъ проситъ Васъ продолжать изследованія, а для поощренія Вашихъ трудовъ посылаетъ Вамъ прилагаемые при семъ тридцать пять рублей.

Председатель Этногр. Отдела.

[illegible] Всев. Миллеръ

Владикавказъ, 12 ноября 1900 года

Уважаемый
Всеволодъ Федоровичъ!

Занимаясь въ 1892 г., въ бытность студентомъ, изученіемъ народнаго быта ингушей, я попутно записалъ народныя сказанія ихъ и теперь привелъ и въ порядокъ. Посылаю ихъ въ Ваше распоряженіе и если Вы ихъ найдете интересными для науки — передайте для напечатанія въ Этнографич. обозрѣніе или другое изданіе Общества, гдѣ я когда-то состоялъ членомъ сотрудникомъ когда тамъ работалъ незабвенный другъ мой Николай Николаевичъ Харузинъ, унесенный такъ преждевременно безжалостной рукой смерти. Если можно, для меня пусть отпечатаютъ нѣсколько десятковъ оттисковъ моей работы. Если нельзя напечатать въ Москвѣ, то прошу возвратить, я напечатаю въ мѣстныхъ изданіяхъ. Надѣюсь, что они не залежатся въ редакціи — это бываетъ грустно для авторовъ. Прошу также разрѣшенія посвятить ихъ Вамъ, т.к. интересъ къ нимъ былъ у меня вызванъ Вашими научными изслѣдованіями. Желалъ бы знать Ваше мнѣніе, насколько интересна моя работа. — Съ глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ Пребываю Покорный Баширъ Керимовичъ Далгатъ.

ПРОТОКОЛЪ.

По порученію Владикавказской Городской Думы избранная ею въ засѣданіи 19 января 1911 года комиссія по вопросу о мѣрахъ къ прекращенію разбоевъ и грабежей въ Терской области въ составѣ: Г. А. Семенова, И. П. Кузнецова, М. М. Далгата, Д. П. Бигаева, Л. Б. Газданова, А. П. Грузиненко и Н. А. Полякова, въ присутствіи секретаря Терскаго областного статистическаго комитета подъесаула Караулова, городского ветеринарнаго врача Беме, гласнаго Думы Ткачева, подъ предсѣдательствомъ гласнаго Думы Г. А. Семенова, при секретарѣ Управы, И. Ф. Серебрениковѣ, въ засѣданіи 20 января 1911 года разсматривала предложенные ей вопросы, причемъ мнѣнія отдѣльныхъ членовъ комиссіи въ общемъ сводились къ слѣдующему.

Предсѣдательствующій Г. А. Семеновъ высказалъ, что, по его мнѣнію, одной изъ самыхъ главныхъ причинъ царящихъ въ Терской области грабежей и разбоевъ является крайне неудовлетворительное экономическое положеніе туземцевъ Терской области вообще и ингушей въ частности. Затѣмъ, имѣетъ большое значеніе безправіе туземцевъ, вслѣдствіе отсутствія правильно организованнаго суда, который долженъ выражаться въ судѣ присяжныхъ, и неудовлетворительности личнаго состава администраціи. Улучшеніе экономическаго положенія туземцевъ должно выражаться въ расширеніи земельныхъ надѣловъ. Это, конечно, мѣры, имѣющія своею цѣлью обезпечить будущее отъ грабежей и разбоевъ. Что же касается мѣръ репрессивныхъ, имѣющихъ своею цѣлью непосредственную реакцію на происходящіе въ данное время грабежи, то г. Семеновъ не нашелъ возможнымъ принять ссылку порочныхъ элементовъ туземнаго населенія, такъ какъ ссылка признана наукой наказаніемъ, недостигающимъ желательныхъ цѣлей, ибо она ставитъ ссыльнаго въ тяжелыя условія, исключающія возможность честнаго труда, и является несправедливостью къ населенію мѣста водворенія ссыльнаго, получающаго насильственнымъ путемъ въ свою среду преступные элементы. Ссылка же цѣлыхъ семействъ является еще большей несправедливостью, такъ какъ за преступника страдаютъ лица, совершенно непричастныя къ преступленію, и, кромѣ того, это противно основному юридическому принципу, что наказаніе должно падать лишь на головы тѣхъ, кто его дѣйствительно заслуживаетъ.

Членъ комиссіи Н. А. Поляковъ замѣтилъ, что производимая при посредствѣ баллотировки эта высылка, конечно, не всегда будетъ справедливой, такъ какъ не всегда поразитъ только виновныхъ или причастныхъ къ дѣлу. Но мы стоимъ передъ фактомъ, что высылка однихъ лишь активныхъ преступниковъ, уличенныхъ въ нападеніи, является недѣйствительной мѣрой. Нападенія обыкновенно совершаются шайками, активными лицами, а затѣмъ является большое число разнаго рода пособниковъ и укрывателей, результатомъ чего является тотъ фактъ, что все награбленное сейчасъ же скрывается и изъ всего большого числа виновныхъ никто не бываетъ открытъ. Напримѣръ, нападаютъ десятки человѣкъ на станцію «Назрань», грабятъ, предварительно сильно обстрѣлявши, нѣсколько вагоновъ товара, нагружаютъ его на полтора десятка аробъ, везутъ къ ближайшимъ селеніямъ и въ результатѣ..... ни одного виновнаго и ни одной штуки изъ награбленнаго не открыто. Укрывательство грабителей и награбленнаго объяс-

няется не только экономической несостоятельностью членовъ грабительской шайки и ихъ укрывателей и пособниковъ, но, главнымъ образомъ, тѣмъ родовымъ бытомъ, который и по настоящее время является почти исключительной формой взаимоотношеній членовъ туземныхъ племенъ, а особенно ингушей и чеченцевъ. Мы не можемъ оставить безъ вниманія мнѣнія туземныхъ представителей, что оставленіе семьи на мѣстѣ ея жительства служитъ одной изъ главныхъ причинъ побѣга съ мѣста ссылки уличеннаго въ грабежахъ ея члена. Лучше всего рекомендовать не ссылку, а переселеніе въ другія части Россіи цѣлыхъ семей тѣхъ изъ туземцевъ, въ составѣ которыхъ будутъ обнаружены грабители.

Членъ комиссіи А. П. Грузиненко заявилъ, что едва-ли причиной грабежей и разбоевъ въ Терской области является исключительное экономическое положеніе туземцевъ, такъ какъ въ центральной Россіи малоземелье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще острѣе, а между тѣмъ русское крестьянство не выдвигаетъ такихъ организованныхъ кадровъ разбойниковъ, которые терроризируютъ Терскую область. Въ доказательство того, что экономическое положеніе ингушскаго населенія вовсе не такъ плохо, какъ его изображаютъ, онъ сообщилъ, что ему, какъ мировому судьѣ, извѣстно, какіе большіе залоги часто представляютъ въ судъ представители туземныхъ племенъ въ видѣ поручительства за разныхъ своихъ родственниковъ. Экономическое положеніе Горной Осетіи едва ли лучше, чѣмъ тѣхъ туземныхъ племенъ, изъ которыхъ выдвигаются разбойничьи шайки, а между тѣмъ разбоевъ и грабежей въ Горной Осетіи не существуетъ. Совѣщаніе туземцевъ въ станицѣ Червленной и сходъ въ Грозномъ доказываютъ, что сами туземцы признаютъ наличность укрывательства родственниками своихъ порочныхъ членовъ, такъ какъ по адату они обязаны до извѣстныхъ предѣловъ давать имъ пріютъ. Кромѣ того, они же указали, что лица, ведущія борьбу съ грабежами и разбоями, совершенно не знакомы съ бытомъ туземныхъ племенъ и съ тѣми условіями, которыя окружаютъ жизнь каждаго туземца, а условія эти и заставляютъ скрывать внутри племени представителей разбойничьихъ шаекъ. Кромѣ того, сами по себѣ хищническіе инстинкты туземныхъ племенъ до извѣстной степени являются прирожденнымъ свойствомъ, что доказывается и условіями развитія и жизни этой части населенія Терской области. Разнаго рода подвиги при нападеніяхъ открытой силой у туземныхъ племенъ всегда окружаются ореоломъ героизма. Воровство же ими совсѣмъ не считается преступленіемъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для прекращенія разбоевъ и грабежей было бы постепенное внѣдреніе въ умы туземцевъ нормальныхъ морально-правовыхъ понятій, что можетъ быть сдѣлано, конечно, только улучшеніемъ ихъ правового положенія, что въ свою очередь немыслимо безъ распространенія на Терскую область суда присяжныхъ, учрежденія земства въ Терской области, улучшенія въ качественномъ отношеніи администраціи, организаціи школъ для туземцевъ и т. п. Въ настоящее время эти туземныя племена совершенно не доросли до понятія о законѣ, и падающія на ихъ головы репрессивныя мѣры объясняютъ не закономъ, карающимъ всякое уклоненіе отъ нормальнаго и признаннаго закономъ уклада жизни, а властью отдѣльныхъ личностей, поставленныхъ надъ ними въ качествѣ разнаго рода начальства.

Предсѣдательствующій Г. А. Семеновъ замѣтилъ, что экономическое положеніе, несомнѣнно, является одной изъ главныхъ причинъ грабежей и разбоевъ, такъ какъ еще статистикой 1905 г. установлено, что 877 семей среди ингушей являются совершенно безземельными. Несомнѣнно, что въ настоящее время цифра эта значительно увеличилась. Принимая во вниманіе, что земля является единственнымъ средствомъ пропитанія у туземцевъ, такъ какъ они почти не занимаются торговлей и ремеслами, и вообще какой-либо

другой трудъ при отсутствіи культурности и даже элементарнаго образованія является для нихъ невозможнымъ, то необходимо признать, что увеличеніе земельныхъ надѣловъ, несомнѣнно, благопріятно отразится на создавшемся положеніи.

Членъ комиссіи М. М. Далгатъ заявилъ, что, при опредѣленіи существующаго количества земли на каждый отдѣльный дворъ, нельзя смѣшивать туземцевъ, живущихъ въ горахъ, съ такими же, живущими на плоскости, такъ какъ плоскостные все таки получили надѣлъ, а горные ничего, но, несомнѣнно, въ грабежахъ участвовали тѣ и другіе въ силу существующихъ между ними родственныхъ связей, дающихъ возможность при ограбленіи на плоскости прятать все ограбленное въ горахъ. Несомнѣнно, огромное вліяніе на понятіе ингушей о правѣ и о законности оказало участіе ихъ въ качествѣ подавителей освободительнаго движенія въ Россіи, куда они приглашались на должности стражниковъ въ помѣщичьи усадьбы и, какъ извѣстно, безназанно совершали разнаго рода насилія надъ населеніемъ центральныхъ губерній. Вернувшись оттуда, они примѣняютъ ту же тактику и здѣсь, и убѣжденіе въ полной возможности и, въ извѣстныхъ случаяхъ, полной безнаказанности насильственныхъ дѣйствій, существовавшія у нихъ раньше, еще болѣе укрѣпилось родомъ ихъ дѣятельности въ Россіи. Не только въ Россіи, но и здѣсь ихъ часто противопоставляли, считая преданнымъ элементомъ, осетинамъ, какъ элементу въ извѣстныхъ отношеніяхъ неблагонадежному, и, обезоруживая осетинъ, снабжали ингушей усовершенствованнымъ оружіемъ. Освободительное движеніе миновало, а результаты воспитанія ингушей въ настоящее время заставляютъ принимать противъ нихъ репрессивныя мѣры. Нужно замѣтить, что мирная часть ингушей сама неоднократно просила помочь ей избавиться отъ порочныхъ элементовъ, но сдѣлать это такъ, чтобы высланные грабители, выданные обществомъ, не могли вернуться обратно и мстить тѣмъ, кто ихъ выдалъ. Ссылая порочныя семьи въ Сибирь, можно надѣяться, что тамъ они не будутъ проявлять свои хищническіе аппетиты, такъ какъ обстановка жизни ихъ въ Сибири будетъ совершенно иная: тамъ уже не будетъ многочисленныхъ родственниковъ, помогающихъ въ грабежахъ и скрывающихъ награбленное, и, живя среди мирнаго населенія, они постепенно отвыкнутъ отъ того способа добыванія средствъ къ жизни, который на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства считается почти нормальнымъ. Слѣдовательно, нечего бояться, что высланные въ Сибирь порочные члены ингушскихъ семей окажутся и тамъ вредными, и оторванность отъ прежнихъ условій жизни, несомнѣнно, окажетъ на нихъ огромное вліяніе. Говорятъ, что по закону нельзя практиковать массовую высылку, а между тѣмъ послѣ завоеванія Кавказа всѣ черкесы, населявшіе Черноморское побережье и Кубанскую область, были высланы въ Турцію.

Присутствующій въ засѣданіи комиссіи гласный Г. А. Ткачевъ также нашелъ, что грабежи и разбои едва ли можно объяснить только экономическимъ положеніемъ туземцевъ, и сами они нерѣдко объясняютъ это явленіе некультурностью и дикостью нравовъ. Кромѣ того, несомнѣнно, большое имѣетъ значеніе неудовлетворительность въ качественномъ отношеніи состава администраціи, что было установлено и Грозненскимъ съѣздомъ. Въ качествѣ же мѣръ къ прекращенію грабежей и разбоевъ онъ выдвинулъ отдѣленіе Терской области отъ Кавказскаго Намѣстничества и распространеніе на нее земства и суда присяжныхъ.

Членъ комиссіи г. Бигаевъ также объяснилъ грабежи и разбои ненормальными условіями, въ которыхъ живутъ туземцы, а не только экономическими причинами. Напримѣръ, въ Горной Осетіи до 63 года было только три конокрада, а теперь и тамъ ихъ имѣется достаточное количество, и это объясняется крайне неудовлетворительнымъ въ качественномъ отношеніи со-

ставомъ администраціи, назначаемой на должности начальниковъ округовъ и участковъ. Раньше назначались на эти должности только лучшіе чиновники, а теперь часто попадаютъ офицеры, исключенные изъ полковъ за неодобрительное поведеніе. Естественно, что появилось взяточничество и подкупность администраціи, а при этихъ условіяхъ нельзя требовать отъ туземцевъ нравственныхъ и правовыхъ понятій, такъ какъ давно сказано, что каковъ попъ, таковъ и приходъ. Сами туземцы неоднократно просили удалять изъ ихъ среды порочныхъ членовъ, но подкупная администрація снова водворяла ихъ оа старое мѣсто и они начинали мстить тѣмъ, кто ихъ выдалъ. Необходимо назначать на административныя должности среди туземцевъ офицеровъ съ образованіемъ не ниже военныхъ училищъ. Кромѣ того, Терская область управляется безъ всякаго участія туземныхъ представителей и поэтому часто, не зная условій жизни туземныхъ племенъ, принимаютъ такія мѣры, которыя доводятъ туземцевъ до озлобленія. Необходимо, чтобы въ составѣ Областного Правленія былъ представитель отъ туземцевъ, который могъ бы освѣщать разнаго рода факты изъ ихъ жизни. Въ качествѣ немедленной мѣры г. Бигаевъ предложилъ кордонно-охранную линію отъ Владикавказа до границъ Осетіи, съ тѣмъ, чтобы какъ нижніе чины, такъ и офицеры этой стражи выбирались самимъ населеніемъ за круговой порукой. На содержаніе этой линіи можно установить особый налогъ какъ съ ингушей, такъ и съ осетинъ. Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе на печальное положеніе горскихъ школъ. Необходимо организовать ихъ съ 5 или 6 лѣтнимъ курсомъ, такъ какъ существующія школы съ трехъ-лѣтнимъ курсомъ не могутъ обучить туземцевъ даже русскому языку. Что касается высылки порочныхъ элементовъ, то онъ не нашелъ эту мѣру раціональной и дѣйствительной, такъ какъ туземцы все равно побояться выдавать главарей разбойничьихъ шаекъ, и мѣра эта со всей тяжестью будетъ падать лишь на третьестепенныхъ исполнителей ихъ воли, а корень зла останется неоткрытымъ.

Членъ комиссіи Л. Б. Газдановъ нашелъ, что никакое явленіе не должно разсматриваться внѣ причинъ, которыя его порождаютъ, а также условій, окружающихъ это явленіе, поэтому, говоря о мѣрахъ противъ грабежей и разбоевъ, необходимо точно установить причины этого явленія, иначе никакія мѣры не будутъ дѣйствительны. Прежде всего нужно выяснить вліяніе экономическаго фактора. Изъ цифръ видно, что плоскостные туземцы лучше обезпечены землею, чѣмъ горные. Между тѣмъ горцы гораздо меньше занимаются грабежами, что особенно замѣтно въ горной Осетіи, Балкаріи. Значитъ, дѣло тутъ не въ одной землѣ. Племена эти совершенно некультурны и не могутъ обрабатывать землю такъ, чтобы получать отъ нея больше дохода. Одного количества земли мало, нужно еще примѣнять къ ней болѣе усовершенствованный способъ обработки и разводить на ней болѣе высокую культуру. Когда русскіе пришли на Кавказъ, они застали культуру туземныхъ племенъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ. Прошло 50 лѣтъ владычества русскихъ на Кавказѣ а уровень культуры туземныхъ племенъ не повысился. Извѣстно, при какомъ чрезвычайномъ минимумѣ питанія можетъ жить туземецъ и не только жить, но и размножаться. Это доказываетъ, что у туземныхъ племенъ имѣется большой запасъ жизненной силы, иначе они вымерли бы при столкновеніи съ высокой культуры русскихъ, какъ вымерли и вымираютъ разнаго рода дикія племена на земномъ шарѣ. Эта жизненная сила является плюсомъ не только для нихъ, но и для русской государственности. Нужно только обратить вниманіе на туземныя племена и создать для нихъ такія условія жизни, которыя обратили бы ихъ въ трудящихся гражданъ, а не въ разбойниковъ и разрушителей культуры. Здѣсь уже говорилось, что единственнымъ источникомъ пропитанія у туземцевъ является земля, а между тѣмъ количество ея со времени пришествія на Кавказъ русскихъ значительно уменьшилось. Са-

ми же племена, какъ было сказано выше, продолжали развиваться и количественно увеличиваться. Появился земельный налогъ. Находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ русскими, туземныя племена всетаки восприняли отъ нихъ кое-какія привычки, свойственныя культурному человѣку. У нихъ появилось стремленіе нѣсколько улучшить свой домашній обиходъ и т. п. Все это удорожило жизнь, а доходы остались все тѣ же, т. е. земля. Кромѣ того, въ способахъ обработки и въ качествѣ земельной культуры туземцы остались также первобытными, какъ они были и до пришествія на Кавказъ русскихъ. Значитъ, одного количества земли мало, а нужно повысить культурность туземцевъ, давъ имъ лучшія средства борьбы за существованіе, а для этого необходимо открывать сельско-хозяйственныя школы, обучающія новымъ способамъ обработки земли для разведенія на ней болѣе высокой сельско-хозяйственной культуры. Необходимы ремесленныя школы, чтобы дать имъ возможность добывать средства къ жизни не только земледѣльческимъ трудомъ. Туземцы, живущіе на плоскости, нѣсколько приспособились къ русской культурѣ. Извѣстно, что часть ихъ занимается торговлей, но и въ торговлѣ, вслѣдствіе отсутствія культуры, они ищутъ легкихъ способовъ наживы. Эта духовная бѣдность туземныхъ племенъ и есть своего рода экономическій факторъ, играющій доминирующую роль. Осетію всетаки нѣсколько воспитывали. Въ этомъ смыслѣ много сдѣлало Общество распространенія православія на Кавказѣ. Кромѣ того, у осетинъ и до пришествія русскихъ была уже нѣкоторая культура, тогда какъ у ингушей и чеченцевъ почти никакой не было. Несомнѣнно, что одной изъ самыхъ важныхъ причинъ грабежей и разбоевъ является разнузданность администраціи, отличающейся подкупностью. Это конечно, исключаетъ всякую возможность открыть преступниковъ. При завоеваніи Кавказа русская администрація, по качествамъ своимъ совершенно отличающаяся отъ настоящей, принесла на Кавказъ русскую культуру и всетаки дѣлала кое-что для развитія этой культуры туземнымъ племенамъ, и въ тѣ времена не было грабежей и разбоевъ. Нужно замѣнить административныхъ чиновъ, хотя это только легко сказать, но сдѣлать не такъ легко при условіяхъ современности.

Членъ комиссіи И. П. Кузнецовъ высказался противъ высылки цѣлыхъ семействъ въ Сибирь и въ отдаленныя мѣста Россіи, такъ какъ это значило бы обрекать ихъ на голодную смерть. Въ качествѣ временной мѣры предлагалось поголовное разоруженіе туземцевъ, но мѣра эта совершенно немыслима, во 1-хъ, потому, что туземцы всегда бы сумѣли спрятать свое хорошее оружіе, а во 2-хъ, при подкупности администраціи, отобранное оружіе все равно было бы продано другимъ. Разнаго рода тяжелыя наказанія за воровство и кражи не въ духѣ культуры, такъ какъ мы должны поднимать туземцевъ до насъ, а не опускаться самимъ до уровня ихъ нравственныхъ и правовыхъ понятій. А если иногда сами туземцы говорятъ о необходимости примѣненія этихъ мѣръ, то очень можетъ случиться, что такое рѣшеніе имъ продиктовано. Самой первой мѣрой была бы отмѣна военно-народнаго управленія туземцами области, такъ какъ именно, съ момента введенія этого управленія, вся Терская область въ культурномъ отношеніи и покатилась внизъ, какъ по наклонной плоскости. При введеніи этой формы управленія надѣялись улучшить положеніе казаковъ, но теперь оказалось, что отъ этого и казаки ничего не выиграли. Кромѣ того, г. Кузнецовъ предложилъ пересмотрѣть мѣры, выработанныя комиссіей 1905 г., и принять тѣ изъ нихъ, которыя будутъ пригодны по условіямъ настоящаго времени, и прибавить къ нимъ то, что будетъ признано полезнымъ. Необходимо возбудить ходатайство объ отдѣльномъ депутатѣ въ Государственную Думу отъ населенія Терской области, иначе говоря, возстановить избирательный законъ 1906 г.

Подъесаулъ Карауловъ высказалъ, что необходимо произвести «нашествіе культуры» на всю Терскую область. Необходимо ввести земство, судъ присяжныхъ, особенно важно ввести для туземцевъ всеобщую воинскую повинность съ тѣмъ, чтобы они отбывали ее на однихъ со всѣми гражданами Россіи основаніяхъ. Никто не станетъ отрицать культурнаго значенія военной службы. Она, несомнѣнно, воспитываетъ въ человѣкѣ дисциплину, пріучаетъ его къ порядку. Кромѣ того, совмѣстная жизнь съ представителями остального населенія Россіи имѣла бы воспитательное значеніе для туземцевъ. При обсужденіи этого вопроса необходимо считаться, что, образовавъ изъ туземцевъ самостоятельные полки, нельзя будетъ достигнуть этого воспитательнаго значенія военной службы, такъ какъ туземцы, служа въ этомъ полку совмѣстно со своими родичами, будутъ находиться въ точно такихъ же условіяхъ жизни, которыя существуютъ у нихъ дома, и, такимъ образомъ, военная служба очень мало окажетъ вліянія на ихъ психологію. Необходимо также отмѣнить военно-народное управленіе и организовать управленіе областью на общеимперскихъ основаніяхъ Въ качествѣ мѣръ чрезвычайныхъ онъ предложилъ высылку преступныхъ элементовъ вмѣстѣ съ семьями, тѣмъ болѣе, что о примѣненіи именно этой мѣры неоднократно ходатайствовали и сами туземцы, посылали даже особую депутацію къ Намѣстнику Кавказскому весной прошлаго года.

Предсѣдательствующій Г. А. Семеновъ замѣтилъ на это, что мы не должны опускаться до уровня понятій, существующихъ у туземцевъ, и поэтому едва-ли можно приводить въ исполненіе предложенныя ими мѣры, такъ какъ они чрезмѣрно жестоки и часто будутъ примѣняться къ лицамъ, совершенно непричастнымъ къ преступленію, тѣмъ болѣе, что подъ понятіемъ семьи у туземцевъ существуетъ институтъ, очень мало имѣющій общаго съ семьей культурныхъ государствъ, такъ какъ взаимоотношенія туземцевъ между собою до сихъ поръ не переросли формы общинно-родового быта. Слѣдовательно, пришлось бы высылать цѣлый родъ, имѣющій можетъ быть десятки, а можетъ быть и сотни членовъ, что совершенно недопустимо. Кромѣ того, по отношенію къ воинской повинности предсѣдательствующій доложитъ комиссіи прокламацію Назрановскому народу, подписанную Главнокомандующимъ Кавказской арміей и Намѣстникомъ Кавказскимъ Генералъ-Фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, въ которой, отъ имени Государя Императора, объявлено, что Правительство русское никогда не будетъ требовать отъ туземцевъ солдатъ и не обратитъ ихъ въ казаковъ. Такъ какъ актомъ этимъ выражена воля Государя, то едва ли можно ходатайствовать о распространеніи на туземцевъ всеобщей воинской повинности, такъ какъ тогда бы пришлось отмѣнить актъ, заключающій въ себѣ обѣщаніе Монарха.

Членъ комиссіи М. М. Далгатъ заявилъ, что слово Государя неоднократно нарушалось на Кавказѣ. Подобные этой грамоты имѣются и у дагестанцевъ о владѣніи ими на правѣ собственности землей, а между тѣмъ земли эти отъ нихъ отобраны и объявлены казенными. Общество туземцевъ не выдаетъ своихъ преступниковъ вслѣдствіе боязни кровной мести, такъ какъ выданныхъ часто возвращаютъ обратно. Кромѣ того, необходимо учредить семинарію съ восточными языками для приготовленія образованныхъ муллъ.

Членъ комиссіи Л. Б. Газдановъ вторично заявилъ, что главной причиной грабежей и разбоевъ является низкая по своимъ качествамъ администрація. Уличенныхъ въ неблаговидныхъ поступкахъ администраторовъ очень рѣдко увольняютъ отъ службы, а обыкновенно переводятъ въ другіе участки, гдѣ они продолжаютъ дѣлать то же самое. Нужно предварительно разсматривать формуляръ чиновниковъ и только потомъ уже назначить ихъ на столь отвѣтственные посты управителей цѣлаго народа, стоящаго притомъ на низкой степени культуры и нуждающагося въ воспитаніи. Нужно, чтобы преступ-

ники никакъ не могли ускользнуть отъ преслѣдованій закона; только тогда слово «законъ» будетъ имѣть должное уваженіе среди туземцевъ. Конечно, этого можно достигнуть только введеніемъ суда присяжныхъ. Всеобщую воинскую повинность также необходимо ввести, такъ какъ на военную службу вступаютъ люди въ возрастѣ отъ 20—25 лѣтъ и, какъ доказано цифрами, возрастъ этотъ критическій, въ теченіи его совершается какъ бы переломъ психологіи человѣка, и цифрами доказано, что количество преступленій всего болѣе совершается именно въ этомъ возрастѣ. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно важно молодыхъ туземцевъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ изъять изъ вліянія обычныхъ условій жизни.

Нѣкоторые члены комиссіи, наоборотъ, настаивали на организаціи изъ туземцевъ отдѣльныхъ полковъ, подобно осетинскому дивизіону, гдѣ бы они отбывали воинскую повинность.

Затѣмъ были доложены мѣры противъ грабежей и разбоевъ, имѣющіяся въ трудахъ комиссіи избранія 1905 года.

Изъ нихъ настоящая комиссія выбрала, частью дополнила, частью и сократила слѣдующія мѣры, которыя имѣетъ честь предложить Собранію Владикавказской Городской Думы.

Принимая во вниманіе: 1) что разбои и грабежи въ Терской области происходятъ вслѣдствіе низкаго экономическаго культурнаго состоянія горцевъ и первобытнаго умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, для поднятія коихъ на должную высоту ровно ничего не дѣлается; 2) что администрація, управляющая горцами, не находится на высотѣ своей задачи, что и служитъ одной изъ главныхъ причинъ усиленнаго развитія грабежей и разбоевъ, комиссія признала, что для искорененія этого ненормальнаго явленія необходимы: а) мѣры культурныя и б) временныя въ видѣ репрессій по отношенію къ преступнымъ элементамъ.

Мѣры культурныя:

1) Надѣлить безземельныхъ и малоземельныхъ горцевъ свободными казенными землями, хотя бы и внѣ предѣловъ Терской области, возвративъ прежде всего въ ихъ пользованіе лѣса и лѣсныя поляны, которыя находились раньше въ ихъ владѣніи во исполненіе Высочайшаго повелѣнія отъ 8 января 1890 г.

2) Ускорить разрѣшеніе вопроса о землеустройствѣ въ нагорной полосѣ въ смыслѣ признанія за отдѣльными лицами и обществами собственническихъ правъ на землю, коими они владѣли до закона 12 іюня 1900 г.

3) Оказать широкую помощь къ устройству дорогъ въ горной полосѣ.

4) Распространить на Терскую область обще-губернскія учрежденія, выдѣливъ ее изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства.

5) Ввести земство въ Терской области.

6) Ввести судъ присяжныхъ и широкую сѣть мировыхъ судей, причемъ уничтожить горскіе и прочіе низшіе суды, дѣйствующіе въ настоящее время въ Терской области.

7) Принять дѣйствительныя мѣры къ улучшенію состава администраціи, назначая на должность чиновъ администраціи лицъ съ образованіемъ не ниже средняго, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и по возможности знающихъ туземные языки, увеличивъ штаты и оклады.

8) Учредить на Сѣверномъ Кавказѣ духовное мусульманское управленіе изъ образованныхъ представителей туземныхъ народностей Терской области. Званіе муллы предоставлять лишь по выдержаніи установленнаго испытанія въ этомъ управленіи, а для подготовленія ученыхъ муллъ учредить духовную мусульманскую семинарію.

9) Учредить учительскую семинарію съ особымъ отдѣленіемъ для приготовленія мѣстныхъ учителей изъ мѣстныхъ инородцевъ.

10) Открыть сѣть народныхъ училищъ съ сельско-хозяйственной и ремесленной программой въ каждомъ изъ туземныхъ селеній на мѣстныя средства съ узаконеннымъ пособіемъ отъ казны и по плану, выработанному Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ для туземныхъ школъ.

11) Дать полную свободу мѣстной печати.

12) Ввести воинскую повинность для всѣхъ туземныхъ племенъ Терской области по образцу осетинскаго дивизіона.

13) Возбудить ходатайство объ отдѣльномъ депутатѣ въ Государственную Думу отъ казачьяго населенія Терской области, какъ это было по избирательному закону 1906 года.

Временныя мѣры.

1) Переселять порочныхъ лицъ всѣхъ національностей, не исключая казаковъ, на свободныя земли съ семьями, считая за семью нераздѣльно живущихъ съ порочнымъ членомъ родственниковъ, причемъ порочными признаются лица, обвиненныя приговоромъ суда въ разбояхъ, грабежахъ, поджогахъ и порчѣ скота (подрѣзываніе жилъ).

При баллотировкѣ этой мѣры члены комиссіи Семеновъ, Кузнецовъ и Бигаевъ остались при особомъ мнѣніи.

2) Предоставить право свободнаго ношенія оружія всѣмъ жителямъ Терской области, дабы каждый изъ нихъ могъ оказать при нападеніи дѣйствительное сопротивленіе.

Особое мнѣніе члена комиссіи А. П. Грузиненко: Въ отношеніи временныхъ мѣръ полагалъ: 1) переселеніе порочныхъ лицъ съ семьями примѣнять въ отношеніи туземцевъ и 2) воспретить всѣмъ, кромѣ должностныхъ лицъ, имѣть и носить оружіе, примѣняя за неисполненіе этого строгія наказанія.

ISBN 978-5-9208-0307-8
9 785920 803078

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН,
Ученым советом Института этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Далгат Б.К.

Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей.
Исследование и материалы 1892–1894 гг.

Корректор — *Е.Н.Сченснович*
Технический редактор — *Т.А.Заика*

Подписано в печать 6.10.2008.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 24,00. Тираж 2000 экз.

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН.
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (495) 690-05-61, 691-23-01.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография “Наука”».
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.
Заказ № 1737